

Собрание пьес. книга 2. Фёдор Сологуб sologubfyodor.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://sologubfyodor.ru/> Приятного чтения!

Собрание пьес. книга 2. Фёдор Сологуб

Война и мир

Картины из романа Л.Н. Толстого, избранные и приспособленные для сцены Федором Сологубом

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Граф Ростов.

Графиня Ростова.

Наташа и Петя, их дети.

Николай.

Вера.

Соня, племянница.

Князь Андрей Болконский.

Княгиня Болконская, его жена.

Князь Николай.

Княжна Марья, его дочь.

Пьер Безухов.

Элен, его жена.

Вельможа.

Жена Вельможи.

Перонская, фрейлина.

Анатолий Курагин.

Граф Ростопчин.

М-ль Жорж.

Марья Дмитриевна.

Шиншин.

Наполеон.

Рапп.

Де Боссе.

Фабвье.

Мюрат, генерал.

Кутузов.

Раевский.

Остерман-Толстой.

Коновницын.

Бенигсен.

Барклай-де-Толли.

Ермолов.

Кайсаров.

Дохтуров.

Шнейдер, адъютант Кутузова.

Толь.

Уваров.

Высокий мастеровой.

Человек в фризовой шинели.

Полицмейстер.

Верещагин.

М-ль Вурьен.

Архитектор.

Платон.

Учитель.

Денисов.

Долохов.

Француз.

Анна Павловна.

Князь Василий.

Князь Ипполит.

Мортемар.

Княгиня Друбецкая.

Аббат Морио.

Карагина.

Борис.

Жюли.

Полковник.

Солдаты, французские и русские.

Народ, слуги, гости.

Картина первая

Июль 1805 года. Гостиная. Анна Павловна Шерер, фрейлина, встречает князя Василия Куракина, первого приехавшего на ее вечер. Анна Павловна, несмотря на свои сорок лет, преисполнена оживления. Князь Василий в придворном шитом мундире, в чулках, башмаках, при звездах, со светлым выражением плоского лица.

Анна Павловна. Ну что, князь, Генуя и Лукка стали не больше, как поместьями фамилии Бонапарте... Нет, я вас предупреждаю, если вы мне не скажете, что у нас война, если вы позволите себе защищать все гадости, все ужасы этого антихриста (право, я верю, что он антихрист), – я вас больше не знаю, вы уже не друг мой, вы уже не мой верный раб, как вы говорите. Ну, здравствуйте, здравствуйте. Я вижу, что я вас пугаю, садитесь и рассказывайте.

Кн. Василий. О... какое жестокое нападение... (Подошел к Анне Павловне, поцеловал ее руку и спокойно уселся на диван. Он говорил с тихими, покровительственными интонациями, тоном, в котором из-за приличия и участия просвечивало равнодушие и даже насмешка.) Прежде всего скажите, как ваше здоровье? Успокойте друга.

Анна Павловна. Как можно быть здоровой, когда нравственно страдаешь? Разве можно оставаться спокойною в наше время, когда есть у человека чувство? Я несколько дней кашляла. Этот несносный грипп... Вы весь вечер у меня, надеюсь?

Кн. Василий. А праздник английского посланника? Мне надо показаться там. Дочь зайдет за мной и повезет меня.

Анна Павловна. Я думала, что нынешний праздник отменен. Признаюсь, все эти праздники и фейерверки становятся несносны.

Кн. Василий. Ежели бы знали, что вы этого хотите, праздник бы отменили.

Анна Павловна. Не мучьте меня. Ну, что же решили по случаю депеши Новосильцева? Вы все знаете?

Кн. Василий (холодным, скучающим тоном). Как вам сказать? Что решили? Решили, что Бонапарте сжег свои корабли и мы тоже, кажется, готовы сжечь наши.

Анна Павловна. Я ничего не понимаю, может быть, но Австрия никогда не хотела и не хочет войны. Она предает нас. Россия одна должна быть спасительницей Европы. Наш Благодетель знает свое высокое призвание и будет верен ему. Вот одно, во что я верю. Нашему доброму и чудному государю предстоит величайшая роль в мире, и он так добродетелен и хорош, что Бог не оставит его, и он исполнит свое призвание задавить гидру революции, которая теперь еще ужаснее в лице этого убийцы и злодея. Мы одни должны искупить кровь праведника... На кого нам надеяться, я вас спрашиваю?... Англия со своим коммерческим духом не поймет и не может понять всю высоту души императора Александра, который ничего не хочет для себя и все хочет для блага мира. И что они обещали? Ничего. И что обещали и того не будет... Пруссия уже объявила, что Бонапарте непобедим и что вся Европа ничего не может против него... Этот пресловутый нейтралитет Пруссии – только западня. Я верю в одного Бога и в высокую судьбу нашего милого императора. Он спасет Европу... (Она вдруг остановилась с улыбкой насмешки над своею горячностью.)

Кн. Василий (улыбаясь). Я думаю, что ежели бы вас послали вместо нашего милого Винценгероде, вы бы взяли приступом согласие прусского короля. Вы так красноречивы. Вы дадите мне чаю?

Анна Павловна. Сейчас. Кстати, нынче у меня два очень интересных человека. Виконт де Мортемар. Он в родстве с Монморанси через Роганов, одна из лучших фамилий Франции. Это один из хороших эмигрантов, из настоящих. И потом аббат Морио. Вы знаете этот глубокий ум? Он был принят государем. Вы знаете?

Кн. Василий. А... Я очень рад буду. Скажите, правда, что императрица-мать желает назначения барона фонке первым секретарем в Вену? Кажется, этот барон довольно незначительная личность. Вы знаете, я бы хотел видеть на этом месте моего сына Ипполита.

Анна Павловна (грустным, сухим тоном). Барон фонке рекомендован императрице-матери ее сестрою. Ее величество изволила оказать барону фонке много внимания. А кстати, о вашей семье, знаете ли, что ваша дочь с тех пор, как выезжает, составляет восторг всего общества? Ее находят прекрасной, как день.

Князь Василий наклоняется в знак уважения и признательности.

(Подвигаясь к князю и ласково улыбаясь ему.) Я часто думаю, как иногда

Собрание пьес. книга 2. Фёдор Сологуб sologubfyodor.ru
несправедливо распределяется счастье жизни. За что вам судьба дала таких двух славных детей, – исключая Анатоля, вашего меньшего, я его не люблю, – таких прелестных детей? А вы, право, менее всех цените их и потому их не стоите. (Улыбнулась своею восторженной улыбкой.)

Кн. Василий. Чего вы хотите? Лаферет сказал бы, что у меня нет шишки родительской любви.

Анна Павловна. Перестаньте шутить. Я хотела серьезно поговорить с вами. Знаете, я недовольна вашим меньшим сыном. Между нами будет сказано (лицо ее приняло грустное выражение), о нем говорили у ее величества и жалеют вас...

Кн. Василий (не отвечал, но она молча, значительно глядя на него, ждала ответа. Он поморщился). Что вы хотите, чтоб я делал? Вы знаете, я сделал для их воспитания все, что может отец, и оба вышли дураки. Ипполит, по крайней мере, покойный дурак, а Анатолий – беспокойный. Вот одно различие.

Анна Павловна (задумчиво поднимая глаза). И зачем рождаются дети у таких людей, как вы? Ежели бы вы не были отец, я бы ни в чем не могла упрекнуть вас.

Кн. Василий. Я ваш верный раб, вам одной могу признаться. Моя дети – обуза моего существования. Это мой крест. Я так себе объясняю. Что вы хотите?

Он помолчал, выражая жестом свою покорность жестокой судьбе. Анна Павловна задумалась.

Анна Павловна. Вы никогда не думали о том, чтобы женить вашего блудного сына Анатоля? Говорят, что старые девицы имеют манию женить. Я еще не чувствую за собой этой слабости, но у меня есть одна девушка, которая очень несчастлива с отцом, наша родственница, княжна Болконская.

Кн. Василий. Нет, вы знаете ли, что этот Анатолий мне стоит 40 000 в год... Что будет через пять лет, если это пойдет так? Вот выгода быть отцом. Она богата, ваша княжна?

Анна Павловна. Отец очень богат и скуп. Он живет в деревне. Знаете, этот известный князь Болконский, отставленный еще при покойном императоре и прозванный прусским королем. Он очень умный человек, но со странностями и тяжелый. Бедняжка так несчастлива... У нее брат, известный князь Андрей, тот, что недавно женился на Лизе Мейнен, адъютант Кутузова. Он будет нынче у меня.

Кн. Василий. Послушайте, chere Annette, устройте мне это дело, и я навсегда ваш... вернейший раб, рап, как пишет мне мой староста донесения: покой-ер-п. Она хорошей фамилии и богата. Все, что мне нужно. (Он свободными и фамильярными грациозными движениями взял руку Анны Павловны, поцеловал ее и, поцеловав, помахал ее рукой, развалившись в креслах и глядя в сторону.)

Анна Павловна. Подождите, я нынче же поговорю с Лизой. И, может быть, это уладится. Я в вашем семействе начну обучаться ремеслу старой девы.

Гостиная Анны Павловны начала понемногу наполняться. Приехала дочь князя Василия, красавица Элен, в белом бальном платье, убранном плющом и мохом, с очень открытыми грудью и спиной. Приехала молодая, маленькая княгиня Болконская. Она приехала с работой в шитом золотом бархатном мешке. Села на диван, около серебряного самовара. Приехал князь Ипполит, сын князя Василия, с Мортемаром, которого он представил; приехал и аббат Морио и многие другие. Анна Павловна приветствует своих гостей различно, сообразно их положению в свете. Виконт Мортемар – милостивый, с мягкими чертами и приемами молодой человек. Князь Ипполит был в темно-зеленом фраке, в панталонах телесного цвета, в чулках и башмаках.

Кн. Болконская (развертывая свой ридикюль). Я захватила работу. Смотрите, Annette, не сыграйте со мной дурной шутки; вы мне писали, что у вас совсем маленький вечер. Видите, как я одета дурно.

Развела руками, чтобы показать свое, в кружевах, серенькое изящное платье, немного ниже грудей опоясанное широкой лентой.

Собрание пьес. книга 2. Фёдор Сологуб sologubfyodor.ru
Анна Павловна. Будьте спокойны, Лиза, вы все будете самая хорошенькая.

Кн. Ипполит. Вы – самая обворожительная женщина в Петербурге.

Кн. Болконская (обращаясь к генералу). Вы знаете, мой муж покидает меня. Идет на смерть. (Князю Василию.) Скажите, зачем эта гадкая война? (Не дожидаясь ответа, обращается к Элен.)

Кн. Василий (тихо Анне Павловне). Что за прелестная особа, эта маленькая княгиня.

Вскоре после маленькой княгини вошел Пьер, толстый, выше обыкновенного роста неуклюжий молодой человек с огромными красными руками, со стриженной головой, в очках, светлых панталонах по тогдашней моде, с высоким жабо и в коричневом фраке. Умный и вместе робкий наблюдательный и естественный взгляд отличал его от всех в этой гостиной.

Анна Павловна. Это очень любезно с вашей стороны, месье Пьер, что вы посетили больную. (Пьер пробурлил что-то непонятное и продолжал отыскивать что-то глазами. Он радостно, весело улыбнулся, кланяясь маленькой княгине, как близкой знакомой.) Вы знаете аббата Морио? Он очень интересный человек...

Пьер. Да, я слышал про его план вечного мира, и это очень интересно, но едва ли возможно...

Анна Павловна. Вы думаете?

Пьер (нагнув голову и расставив большие ноги). Я думаю, что план аббата – совершенная химера. Вечный мир, конечно, возможен, и народы наконец пожелают его, но те средства...

Анна Павловна (улыбаясь). Мы после поговорим.

Анна Павловна, прохаживаясь по гостиной, подходила к замолкнувшему или слишком много говорившему кружку и одним словом или перемещением опять заводила равномерную, приличную разговорную машину. Общество разбилось на три кружка. В одном, более мужском, центром был аббат; в другом, молодом, – княжна Элен и княгиня Болконская. В третьем – Мортемар и Анна Павловна.

Анна Павловна. Какое ужасное злодеяние – убийство несчастного герцога Энгиенского...

Мортемар. Герцог Энгиенский погиб от своего великодушия. Были особенные причины озлобления Бонапарте.

Анна Павловна. Ah, voyons. Расскажите нам это, виконт. (Мортемар поклонился в знак покорности и учтиво улыбнулся. Анна Павловна сделала круг около виконта и пригласила всех слушать его рассказ. Шепнула одному.) Виконт был лично знаком с герцогом. (Другому.) Виконт – прекрасный рассказчик. (Третьему.) Как сейчас виден человек хорошего общества... (Элен, которая сидела поодаль.) Переходите сюда, милая Элен.

Княжна Элен поднялась с той же неизменяющейся улыбкой, с которой она вошла в гостиную. Она прошла между расступившимися мужчинами и прямо, не глядя ни на кого, но всем улыбаясь, подошла к Анне Павловне села перед виконтом.

Мортемар (наклоня с улыбкой голову). Мадам, я, право, опасаюсь за свои способности перед такой публикой.

Элен облокотила свою открытую, полную руку на столик и не нашла нужным что-либо сказать. Во все время рассказа сидела прямо. Перешла и княгиня Волконская от чайного стола.

Кн. Болконская. Подождите, я возьму мою работу. (К князю ипполиту.) О чем вы думаете? Принесите мой ридикюль. (Улыбаясь и говоря со всеми, вдруг произвела перестановку и, усевшись, весело оправилась.) Теперь мне хорошо. Пожалуйста, начинайте.

Собрание пьес. книга 2. Фёдор Сологуб sologubfyodor.ru
Князь Ипполит перенес ей ридикюль и, близко придвинув к ней кресло, сел подле нее.

Кн. Ипполит (торопливо пристроив к глазам свой лорнет). Это не история о привидениях?

Мортемар (пожимая плечами). Вовсе нет.

Кн. Ипполит. Дело в том, что я терпеть не могу историй о привидениях.

Мортемар (с изящной грустью в голосе, оглядывая слушателей). Когда я имел счастье видеть в последний раз печальной памяти герцога Энгиенского, монсиньор в самых лестных выражениях говорил о красоте и гениальности великой Жорж. Кто не знает этой гениальной и прелестной женщины? Я выразил свое удивление, каким образом герцог мог узнать ее, не быв в Париже эти последние годы. Герцог улыбнулся и сказал мне, что Париж не так далек от Мангейма, как это кажется. Я ужаснулся и высказал его высочеству свой страх при мысли о посещении им Парижа. «Монсиньор, – сказал я, – Бог знает, не окружены ли мы здесь изменниками и предателями и не будет ли ваше присутствие в Париже, как бы оно тайно ни было, известно Бонапарте?» Но герцог только улыбнулся на мои слова с этим рыцарством и отважностью, составляющими отличительную черту его фамилии.

Кн. Василий (монотонно, как будто бы диктовал какому-то невидимому писцу). Род Конде – ветка лавра, привитая к дереву Бурбонов, как говорил недавно Питт.

Кн. Ипполит (решительно поворачиваясь на кресле туловищем в одну, а ногами в противоположную сторону, торопливо поймав лорнетку и устремив сквозь нее свои взгляды на родителя). Питт очень хорошо сказал.

Мортемар (обращаясь преимущественно к Элен, которая не спускала с него глаз). Итак, я должен был оставить Этенгейм и узнал уже потом, что герцог, увлеченный своей отвагой, ездил в Париж, делал честь мадемуазель Жорж не только восхищаться ею, но и посещать ее.

Анна Павловна (видимо, напуганная будущим содержанием рассказа, который ей казался слишком вольным в присутствии молодой девушки). Но у него была сердечная привязанность к принцессе Шарлотте Роган Рошфор. Говорили, что он тайно был женат на ней.

Мортемар (тонко улыбаясь). Одна привязанность не мешает другой. Но дело в том, что мадемуазель Жорж прежде своего сближения с герцогом пользовалась сближением с другим человеком. (Помолчал. С улыбкой оглянул слушателей.) Человека этого звали Буонапарте. (Анна Павловна оглянулась спокойно.) И вот, новый султан из тысячи и одной ночи не пренебрегал частенько проводить вечера у самой красивой и самой приятной женщины Франции. И мадемуазель Жорж... (пожав выразительно плечами) должна была превратить необходимость в добродетель. Счастливец Буонапарте приезжал обыкновенно по вечерам, не назначая своих дней.

Кн. Болконская (пожимая полными и гибкими плечиками). Ах, я предвижу, я дрожу.

Кн. Друбецкая. Это ужасно, не правда ли?

Кн. Ипполит (быстро и громко). Жорж в роли Клитемнестры – превосходно...

Мортемар (оглядывая слушателей и оживляясь). В один вечер Клитемнестра эта, прельстив весь театр своею удивительною передачей Расина, возвратилась домой и думала одна отдохнуть от усталости и волнения. Она не ждала султана. (Анна Павловна вздрогнула при слове «султан». Элен опустила глаза и перестала улыбаться.) Как вдруг служанка доложила, что виконт де Рокруа желает видеть великую актрису. Рокруа – так называл себя герцог. Он был принят. (Помолчал несколько секунд, чтобы дать понять, что он не все рассказывает, что знает.) Стол блестел хрусталем, эмалью, серебром и фарфором. Стояли два прибора, время летело незаметно, и наслаждение...

Князь Ипполит произвел странный громкий звук, который одни приняли за кашель, другие за сморканье, мычанье или смех, и стал торопливо ловить упущенный лорнет. Рассказчик удивленно остановился. Анна Павловна испуганно перебила описания наслаждений.

Анна Павловна. Не томите нас, виконт.

Мортемар (улыбнулся). Наслаждение превращало часы в минуты, как вдруг послышался звонок, и испуганная горничная, дрожа, прибежала объяснять, что звонит страшный мамелюк Бонапарта и что ужасный господин его уже стоит у подъезда... Мадемуазель Жорж умоляла герцога спрятаться. Герцог сказал, что он никогда ни перед кем не прятался. Мадемуазель Жорж сказала ему: «Монсieur, ваша шпага принадлежит королю Франции». Герцог спрятался под белье в другой комнате. Наполеону сделалось дурно, – он подвержен обморокам. Тогда герцог вышел из-под белья и увидел перед собой Бонапарте. Враг дома, узурпатор трона, принадлежавшего главе его рода, был тут, перед ним, расprostертый на земле, недвижимый, быть может, умирающий. Герцог Энгиемский достал из кармана флакон горного хрусталя, обделанный в золото, в котором были жизненные капли, подаренные его отцу графом Сен-Жерменом. Капли эти, как известно, имели свойства оживлять мертвого или почти мертвого, но их не надо было давать никому, кроме членов дома Конде. Посторонние лица, отведавшие капель, исцелялись, так же как и Конде, но делались непримиримыми врагами герцогского дома. Доказательством тому служит то, что отец герцога, желая исцелить умирающего коня, дал ему этих капель. Конь ожил, но покусался потом несколько раз погубить седока и раз понес было его во время битвы в лагерь республиканцев. Отец герцога убил любимую лошадь. Несмотря на то, молодой и рыцарский герцог Энгиемский влил несколько капель в рот своего врага Бонапарте, и изверг ожил.

Слушатели. Очаровательно, прелестно...

Дамы слушали рассказ с волнением.

Анна Павловна (оглядываясь вопросительно на маленькую княгиню). Очаровательно...

Кн. Болконская (втыкая иглу в работу, как будто в знак того, что интерес и прелесть рассказа мешают ей продолжать работу). Очаровательно...

Мортемар. «Кто вы?» – спросил Бонапарте. «Родственник служанки», – отвечал герцог. «Ложь», – закричал Бонапарте. «Генерал, я без оружия», – отвечал герцог. «Ваше имя?» – «Я спас вам жизнь», – отвечал герцог. Герцог уехал, а капли подействовали, и Бонапарте почувствовал ненависть к герцогу и с того дня поклялся уничтожить несчастного и великодушного юношу. Через своих клеветников узнав по забытому герцогом платку, на котором был вышит герб дома Конде – красная полоса на поле Франции (лазоревое поле с лилиями), – узнав по платку, кто был его соперник, Бонапарте велел изобрести предлог заговора Пишегрю и Жиржа, схватил в Баденском герцогстве мученика-героя и убил его. Ангел и Демон. И вот каким образом было совершено самое ужасное преступление в истории.

Кн. Андрей (улыбаясь, как будто подсмеиваясь). Убийство герцога было больше чем преступление. Это была ошибка.

Пьер и аббат Морио в стороне разговаривали слишком оживленно и естественно. Это не понравилось Анне Павловне.

Пьер. Вечный мир, – я сочувствую вашей идее, но какие же средства?

Аббат (Пьеру). Средство – европейское равновесие и права человека. Стоит одному могущественному государству, как Россия, прославленному за варварство, стать бескорыстно во главе союза, имеющего целью равновесие Европы, – и она спасет мир...

Пьер. Как же вы найдете такое равновесие?

Но в это время подошла Анна Павловна и строго взглянула на Пьера.

Анна Павловна. Скажите, аббат, хорошо ли вы переносите здешний климат?

Лицо итальянца вдруг изменилось и приняло оскорбительно притворно-сладкое выражение, которое, видимо, было привычно ему в разговоре с женщинами.

Аббат Морио. Я так очарован прелестями ума и образования общества, в особенности женского, в которое я имел счастье быть принят, что не успел еще подумать о

климате.

Не выпуская уже аббата и Пьера, Анна Павловна для удобства наблюдения присоединила их к общему кружку. В это время в гостиную вошел князь Болконский, небольшого роста, весьма красивый молодой человек с определенными и сухими чертами. Все в его фигуре, начиная от усталости скучающего взгляда до тихого мерного шага, представляло самую резкую противоположность с его маленькою, оживленною женой. Ему, видимо, все бывшие в гостинной не только были знакомы, но уж надоели ему так, что и смотреть на них и слушать их ему было очень скучно. Из всех же прискучивших ему лиц лицо его хорошенькой жены, казалось, больше всех ему надоело. С гримасой, портившей его красивое лицо, он отвернулся от нее. Он поцеловал руку Анны Павловны и, шурясь, оглядел все общество.

Анна Павловна. Вы собираетесь на войну, князь?

Кн. Болконский. Генералу Кутузову угодно меня к себе в адъютанты.

Анна Павловна. А Лиза, ваша жена?

Кн. Болконский. Она поедет в деревню.

Анна Павловна. Как вам не грех лишать нас вашей прелестной жены?

Кн. Болконская (тем же кокетливым тоном, каким она обращалась и к посторонним). Андрей, какую историю нам рассказал виконт о мадемуазель Жорж и Бонапарте...

Князь Андрей зажмурился и отвернулся. Пьер, со времени входа князя Андрея в гостиную не спускавший с него радостных дружелюбных глаз, подошел к нему и взял его за руку. Князь Андрей, не оглядываясь, сморщил лицо в гримасу, выражавшую досаду на того, кто трогает его за руку, но, увидав улыбающееся лицо Пьера, улыбнулся неожиданно доброй и приятной улыбкой.

Кн. Болконский. Вот как... И ты в большом свете?

Пьер. Я знал, что вы будете. Я приеду к вам ужинать. Можно?

Кн. Болконский (шутливо). Нет, нельзя. Конечно, об этом не надо и спрашивать.

Анна Павловна и княгиня Болконская тихо разговаривают.

Кн. Болконская. Решено.

Анна Павловна. Я надеюсь на вас, милый друг. Вы напишете к ней и скажете мне, как отец посмотрит на дело.

Поднялся князь Василий с дочерью, и два молодых человека встали, чтобы дать им дорогу.

Кн. Василий (Мортемару, ласково потягивая его за рукав вниз, к стулу, чтоб он не вставал). Вы меня извините, мой милый виконт. Этот несчастный праздник у посланника лишает меня удовольствия еще и еще слушать вас. (Анне Павловне.) Очень мне грустно покидать ваш восхитительный вечер.

Княжна Элен, слегка придерживая складки платья, пошла между стульями, и улыбка сияла еще светлее на ее прекрасном лице. Пьер смотрел почти испуганными, восторженными глазами на нее, когда она проходила мимо него.

Кн. Андрей. Очень хороша.

Пьер. Очень.

Кн. Василий (схватил Пьера за руку и обратился к Анне Павловне). Образуйте мне этого медведя. Вот он месяц живет у меня, и в первый раз я его вижу в свете. Ничто так не нужно молодому человеку, как общество умных женщин.

Анна Павловна (улыбаясь). Охотно, князь, я займусь молодым человеком.

Княгиня Друбецкая торопливо встала и догнала князя Василия. Доброе, исплаканное

Собрание пьес. книга 2. Фёдор Сологуб sologubfyodor.ru
лицо ее выражало только беспокойство и страх.

Кн. Друбецкая. Что же вы мне скажете, князь, о моем Борисе? Я не могу оставаться больше в Петербурге. Скажите, какие известия я могу привезти моему бедному мальчику? Что вам стоит сказать слово государю, и он прямо будет переведен в гвардию.

Кн. Василий (неохотно и почти неучтиво слушал ее и даже выказывал нетерпение. Княгиня Друбецкая ласково и трогательно улыбалась ему и, чтоб он не ушел, взяла его за руку). Поверьте, что я сделаю все, что могу, княгиня, но мне трудно просить государя; я бы советовал вам обратиться к Румянцеву, через князя Голицына: это было бы умнее.

Кн. Друбецкая (испугалась слов князя Василия; когда-то красивое лицо ее выразило озлобление, но это продолжалось только минуту. Она опять улыбнулась, тогда как на глазах ее были слезы, и крепче схватила за руку князя Василия). Послушайте, князь, я никогда не буду просить, никогда не напоминала вам о дружбе моего отца к вам. Но теперь я Богом заклинаю вас: сделайте это для моего сына, и я буду считать вас благодетелем. Нет, вы не сердитесь, а вы обещайте мне. Я просила Голицына, он отказал. Будьте таким же добрым, каким вы были.

Кн. Элен (ожидавшая у двери). Папа, мы опоздаем.

Кн. Василий. Дорогая Анна Михайловна, для меня почти невозможно сделать то, что вы хотите; но чтобы доказать вам, как я люблю вас и чту память покойного отца вашего, которому я много обязан, я сделаю невозможное: сын ваш будет переведен в гвардию; вот вам моя рука. Довольны вы?

Кн. Друбецкая. Милый мой, вы благодетель... Я иного и не ждала от вас, я знала, как вы добры. (Он хотел уйти.) Постойте, два слова. Вы хороши с Михаилом Илларионовичем Кутузовым, рекомендуйте ему Бориса в адъютанты. Тогда бы я была покойна, и тогда бы уж...

Кн. Василий (улыбаясь). Этого не обещаю. Вы не знаете, как осаждают Кутузова с тех пор, как он назначен главнокомандующим. Он мне сам говорил, что все московские барыни сговорились отдать ему всех своих детей в адъютанты.

Кн. Друбецкая. Нет, обещайте, я не пущу вас, милый, благодетель мой...

Кн. Элен. Папа, мы опоздаем.

Кн. Василий. Ну, до свидания, прощайте. Видите?

Кн. Друбецкая. Так завтра вы доложите государю?

Кн. Василий. Непременно, а Кутузову не обещаю.

Кн. Друбецкая (с улыбкой молодой кокетки, которая теперь так не шла к ее истощенному лицу). Нет, обещайте, обещайте, Vasile. (Она, видимо, забыла свои годы и пускала в ход, по привычке, все старинные женские средства. Но как только он вышел, лицо ее опять приняло то же холодное, притворное выражение, которое было на нем прежде.)

Кн. Ипполит (княгине Болконской). Я очень рад, что не поехал к посланнику. Скука. Прекрасный вечер, не правда ли, прекрасный?

Кн. Болконская. Говорят, что бал будет очень хорош. Все красивые женщины общества будут там.

Кн. Ипполит. Не все, потому что вас там не будет. Не все.

Анна Павловна. Но как вы находите всю эту последнюю комедию: народы Генуи и Лукки изъявляют свои желания господину Бонапарте. И господин Бонапарте сидит на троне и исполняет желания народов. О... это восхитительно... Нет, от этого можно с ума сойти. Подумаешь, что весь свет потерял голову.

Кн. Андрей (усмехаясь). «Бог мне дал корону. Беда тому, кто ее тронет». Говорят, он был очень хорош, произносятся эти слова.

Анна Павловна. Надеюсь, что это была, наконец, та капля, которая переполнит стакан. Государи не могут больше терпеть этого человека, который угрожает всему.

Мортемар. Государи? Я не говорю о России... Государи... Но что они сделали для Людовика XVIII, для королевы Елизаветы? Ничего. И поверьте мне, они несут наказание за свою измену делу Бурбонов. Они шлют послов приветствовать похитителя престола.

Кн. Ипполит (повернувшись всем телом к княгине Болконской). Княгиня, прошу вас, дайте мне на минутку вашу иголку – я нарисую вам герб Кон-де. Вот, смотрите, – щит с красными и синими зазубренными полосами – дом Конде.

Мортемар. Ежели еще год останется Бонапарте на престоле Франции, то дела пойдут слишком далеко. Интригой, насилием, изгнаниями, казнями общество, – я разумею хорошее общество, французское, – навсегда будет уничтожено, и тогда... (Пожал плечами, развел руками.)

Анна Павловна. Император Александр объявил, что он предоставит самим французам выбрать образ правления. И я думаю, нет сомнения, что вся нация, освободившись от узурпатора, бросится в руки законного короля.

Кн. Андрей. Это сомнительно. Виконт совершенно справедливо полагает, что дела зашли уже слишком далеко. Я думаю, что трудно будет возвратиться к старому.

Пьер. Сколько я слышал, почти все дворянство уже перешло на сторону Бонапарте.

Мортемар (не глядя на Пьера). Это говорят бонапартисты. Теперь трудно узнать общественное мнение Франции.

Кн. Андрей (с усмешкой). Это сказал Бонапарт. «Я показал им путь славы: они не хотели; я открыл им мои передние – они бросились толпой»... Не знаю, до какой степени имел он право так говорить...

Мортемар. Никакого. После убийства герцога даже самые пристрастные люди перестали в нем видеть героя. Если он и был героем для некоторых людей, то после убийства герцога одним мучеником стало больше на небесах, одним героем меньше на земле.

Пьер. Казнь герцога Энгийенского была государственная необходимость, и я именно вижу величие души в том, что Наполеон не побоялся принять на себя одного ответственность в этом поступке.

Анна Павловна (страшным шепотом). Господи, Боже мой...

Кн. Болконская (улыбаясь и придвигая к себе работу). Вы одобряете убийство?.. Как, месье Пьер, вы видите в убийстве величие души...

Разные голоса. О... Ах...

Кн. Ипполит. Превосходно...

Он принялся бить себя ладонью по коленке. Мортемар пожал плечами. Пьер торжественно смотрел сверх очков на слушателей.

Пьер. Я потому так говорю, что Бурбоны бежали от революции, предоставив народ анархии; а один Наполеон умел понять революцию, победить ее, и потому для общего блага он не мог остановиться перед жизнью одного человека.

Анна Павловна. Не хотите ли перейти к тому столу?

Пьер (не отвечая). Нет, Наполеон велик, потому что он стал выше революции, подавил ее злоупотребления, удержав все хорошее, – и равенство граждан, и свободу слова и печати, – и только потому приобрел власть.

Мортемар. Да ежели бы он, взяв власть, не пользуясь ею для убийства, отдал бы ее законному королю, тогда бы я назвал его великим человеком.

Пьер. Он бы не мог этого сделать. Народ отдал ему власть только затем, чтобы он избавил его от Бурбонов, и потому, что народ видел в нем великого человека. Революция была великое дело.

Анна Павловна. Революция и убийство – великое дело?.. После этого... Да, не хотите ли перейти к тому столу?

Мортемар. Общественный договор...

Пьер. Я не говорю про убийство. Я говорю про идеи.

Мортемар. Да, идеи грабежа и убийства...

Пьер. Это были крайности, разумеется, но не в них все значение, а значение в правах человека, в эмансипации от предрассудков, в равенстве граждан, и все эти идеи Наполеон удержал во всей их силе.

Мортемар (презрительно). Свобода и равенство – все громкие слова, которые уже давно компрометировались. Кто же не любит свободы и равенства? Разве после революции люди стали счастливее? Напротив. Мы хотели свободы, а Бонапарте уничтожил ее.

Анна Павловна. Но, дорогой месье Пьер, как же вы объясните великого человека, который мог казнить герцога, наконец, просто человека, без суда и без вины?

Мортемар. Я бы спросил, как monsieur объясняет 18 брюмера. Разве это не обман? Это шулерство, вовсе непохожее на образ действий великого человека.

Кн. Болконская. А пленные в Африке, которых он убил? Это ужасно... (Пожала плечами.)

Кн. Ипполит. Это проходимец, что бы вы ни говорили.

Кн. Андрей. Как вы хотите, чтобы он всем отвечал вдруг? Притом надо в поступках государственного человека различать поступки частного лица, полководца или императора. Мне так кажется.

Пьер (обрадованный подмогой). Да, да, разумеется.

Кн. Андрей. Нельзя не сознаться, Наполеон, как человек, велик на Арюльском мосту, в госпитале на Яффе, где он чумным подает руку, но... но есть другие поступки, которые трудно оправдать. (Приподнялся, собираясь ехать и подавая знак жене.)

Кн. Ипполит (поднялся и, знаками рук останавливая всех и прося присесть, заговорил). Сегодня мне рассказали прелестный московский анекдот; надо вас им угостить. В Москве есть одна барыня, une dame. И она очень скупа. Ей нужно было иметь два valets de pied за карета. И очень большой ростом. Это было по ее вкусу. И она имела mie femme de chambre, еще большой росту. Она сказала... Она сказала... Да, она сказала: «девушка (a la femme de chambre), надень tioree и поедем за мной, за карета, faire des visites». (Фыркнул, захохотал прежде своих слушателей. Однако многие, в том числе княгиня Друбецкая и Анна Павловна, улыбнулись.) Она поехала. Внезапно сделался сильный ветер. Девушка потеряла шляпа и длинны волоса расчесались... (Сквозь смех.) И весь свет узнал.

Анна Павловна и другие оценили светскую любезность князя Ипполита, так приятно закончившего неприятную и нелюбезную выходку Пьера. Поблагодарив Анну Павловну за ее очаровательный вечер, гости стали расходиться. Пьер вместо шляпы захватил треугольную шляпу с генеральским плюмажем и держал ее, дергая султан.

Генерал. Позвольте, пожалуйста, месье Пьер, вы взяли мою шляпу.

Пьер. Ах, извините.

Анна Павловна (Пьеру). Надеюсь увидеть вас еще, но надеюсь тоже, что вы перемените свои мнения, мой милый месье Пьер.

Пьер поклонился и улыбнулся.

Занавес.

Картина вторая

У Ростовых были именинницы Натальи, мать и меньшая дочь. Графиня Ростова, граф Ростов, Вера и княгиня Друбецкая сидели в гостиной.

Лакей (басом, входя в двери гостиной). Марья Львовна Карагина с дочерью...

Гр. Ростова (нюхая из золотой табакерки). Замучили меня эти визиты. Ну уж ее последнюю приму. Чопорна очень. Проси.

Карагина, высокая, полная, с гордым видом дама, и ее дочь Жюли, круглолицая, улыбающаяся, шумя платьями, вошли в гостиную. Послышались оживленные женские голоса, перебивая один другой и сливаясь с шумом платьев и передвижением стульев. «Дорогая графиня, сколько времени...», «Она была больна, бедное дитя...», «На балу у Разумовских...», «И графиня Апраксина...», «Я была так счастлива...»

Гр. Ростова. Что слышно о болезни графа Безухова?

Карагина. Я очень жалею бедного графа. Здоровье его и так плохо, а теперь это огорчение от сына, это его убьет...

Гр. Ростова. Что такое?

Карагина. Вот нынешнее воспитание... Еще за границей этот молодой человек предоставлен был самому себе, и теперь в Петербурге, говорят, он такие ужасы наделал, что его с полицией выслали оттуда.

Гр. Ростова. Скажите...

Кн. Друбецкая. Он дурно выбирал свои знакомства. Сын князя Василия, Анатолий, он и один Долохов, они, говорят, Бог знает что делали. И оба пострадали. Долохов разжалован в солдаты, а сын Безухова выслан в Москву. Анатолия Курагина – того отец как-то замаял. Но выслали-таки из Петербурга.

Гр. Ростова. Да что, бишь, они сделали?

Карагина. Это совершенные разбойники, особенно Долохов. Он сын Марьи Ивановны Долоховой, такой почтенной дамы, и что же? Можете себе представить: они втроем достали где-то медведя, посадили с собой в карету и повезли к актрисам. Прибежала полиция их унимать. Они поймали квартального и привязали его спина со спиной к медведю, и пустили медведя в Мойку; медведь плавает, а квартальный на нем...

Гр. Ростов (помирая со смеху). Хороша, та шéге, фигура квартального.

Гр. Ростова. Ах, ужас какой... Чему тут смеяться, граф?

Дамы невольно смеялись и сами.

Карагина. Насилу спасли этого несчастного. И это сын графа Кирилла Владимировича Безухова так умно забавляется... А говорили, что так хорошо воспитан и умен. Вот все воспитание заграничное куда довело. Надеюсь, что здесь его никто не примет, несмотря на его богатство. Мне хотели его представить. Я решительно отказалась: у меня дочери.

Гр. Ростова (нагибаясь от девиц, которые тотчас же сделали вид, что не слушают). Отчего вы говорите, что этот молодой человек так богат? Ведь у него только незаконные дети. Кажется... и Пьер незаконный.

Карагина (махнув рукой). У него их двадцать незаконных, я думаю.

Кн. Друбецкая (значительно и тоже полупешотом). Вот в чем дело. Репутация графа Кирилла Владимировича известна... Детям своим он и счет потерял, но этот Пьер любимый был.

Гр. Ростова. Как старик был хорош, еще прошлого года... Красивее мужчины я не видывала.

Кн. Друбецкая. Теперь очень переменился. Так я хотела сказать, по жене прямой наследник всего имения князь Василий, но Пьера отец очень любил, занимался его воспитанием и писал государю.. Так что никто не знает, ежели он умрет – он так плох, что этого ждут каждую минуту, и Лоррен приехал из Петербурга, – кому достанется это огромное состояние, Пьеру или князю Василию. Сорок тысяч душ и миллионы. Я это очень хорошо знаю, потому что мне сам князь Василий говорил. Да и Кирилл Владимирович мне приходится троюродным дядей по матери. Он и крестил Борю.

Карагина. Князь Василий приехал в Москву вчера. Он едет на ревизию, мне говорили.

Кн. Друбецкая. Да, но, между нами, это предлог; он приехал собственно к графу Кириллу Владимировичу, узнав, что он так плох.

Гр. Ростов. Однако, та chère, это славная штука. (К барышням.) Хороша была фигура у квартального, я воображаю. (Представив, как махал руками квартальный, захохотал звучным и басистым смехом.) Так, пожалуйста же, обедать к нам.

В комнату вбежала Наташа, тринадцатилетняя, черноглазая, с большим ртом, некрасивая, но живая девочка, с открытыми плечиками, с тоненькими оголенными руками и маленькими ножками в кружевных панталончиках и открытых башмачках. Очевидно было, она нечаянно, с нерассчитанного бега заскочила так далеко. В дверях в ту же минуту показались Николай Ростов, студент с малиновым воротником, невысокий курчавый молодой человек; на верхней губе его уже показывались черные волосики, и во всем лице выражались стремительность и восторженность; князь Борис Друбецкой, гвардейский офицер, высокий белокурый юноша с правильными и тонкими чертами спокойного, красивого лица; Соня, пятнадцатилетняя девочка, тоненькая, миниатюрная брюнетка, и Петя, толстый румяный мальчик в детской курточке. Граф вскочил и, раскачиваясь, широко расставил руки вокруг бежавшей девочки.

Гр. Ростов (смеясь). А, вот она... Именинница... та chère, именинница...

Гр. Ростова. Милая, на все есть время. (Мужу.) Ты ее балуешь, Елие.

Карагина. Здравствуйте, моя милая, поздравляю вас. (Обращаясь к графине.) Какое прелестное дитя...

Наташа (вывернувшись от отца, подбежала к матери, спрятала лицо в кружевах материной мантильи и засмеялась. Она смеялась чему-то, толкуя отрывисто про куклу). Видите?... Кукла... Мими... Видите...

Не могла больше говорить; ей все смешно казалось. Она упала на мать и расхохоталась так громко и звонко, что все, даже чопорная гостья, против воли рассмеялись.

Гр. Ростова (притворно сердито отталкивая дочь). Ну, поди, поди с своим уродом... (Гостье.) Это моя меньшая.

Наташа, оторвав на минуту лицо от кружевной косынки матери, взглянула на нее снизу сквозь слезы смеха и опять спрятала лицо.

Карагина. Скажите, моя милая, как же вам приходится эта Мими? Дочь, верно?

Наташа ничего не ответила и серьезно посмотрела на гостью. Между тем Борис, Николай, Соня и Петруша, все разместились в гостиной и, видимо, старались удержать в границах приличия оживление и веселость, которыми еще дышала каждая их черта.

Борис (спокойно-шутливо). Эту Мими я знал еще молодою девицей с неиспорченным носом. Она в пять лет на моей памяти состарилась. У нее по всему черепу треснула голова.

Сказав это, он взглянул на Наташу. Наташа отвернулась от него, взглянула на младшего брата, который, зажмурившись, трясся от беззвучного смеха, и, не в силах удержаться, прыгнула и побежала из комнаты так скоро, как только могли нести ее быстрые ножки.

(С улыбкой, к матери.) Вы, кажется, тоже хотели ехать, мама? Карета нужна?

Кн. Друбецкая. Да, поди, поди, вели приготовить.

Борис вышел тихо в двери. Петя побежал за ним.

Гр. Ростов (обращаясь к гостье и указывая на Николая). Да, ma chère. Вот его друг Борис произведен в офицеры, и он из дружбы не хочет отставать от него; бросает и университет, и меня, старика: идет на военную службу, ma chère. А уж ему место в архиве было готово, и все. Вот дружба-то?

Карагина. Да ведь война, говорят, объявлена.

Гр. Ростов. Давно говорят. Опять поговорят, поговорят, да так и оставят. Ma chère, вот дружба-то... Он идет в гусары.

Николай. Совсем не из дружбы. Совсем не дружба, а просто чувствую призвание к военной службе.

Он оглянулся на Соню и на Жюли, – обе смотрели на него с улыбкой одобрения.

Гр. Ростов (пожимая плечами и говоря шуточно о деле, которое, видимо, стоило ему много горя). Нынче обедает у нас Шуберт, полковник Павлоградского гусарского полка. Он был в отпуску здесь и берет его с собой. Что делать?

Николай (поглядывая на барышень). Я уже вам говорил, папенька, что ежели вам не хочется меня отпустить, я останусь. Но я знаю, что я никуда не гожусь, кроме как в военную службу: я не дипломат, не чиновник, не умею скрывать того, что чувствую.

Гр. Ростов. Ну, ну, хорошо... Все горячится. Все Бонапарте всем голову вскружил; все думают, как это он из поручиков попал в императоры. Что ж, дай Бог.

Жюли (Николаю, нежно улыбаясь ему). Как жаль, что вас не было в четверг у Архаровых. Мне скучно было без вас.

Соня страстно-озлобленно взглянула на него и, едва удерживая на глазах слезы, а на губах притворную улыбку, встала и вышла из комнаты. Николай с расстроенным лицом вышел из комнаты отыскивать Соню.

Кн. Друбецкая. Как секреты-то всей этой молодежи шиты белыми нитками... Опасное соседство – двоюродные братцы и сестрицы.

Гр. Ростова. Да, сколько страданий, сколько беспокойств перенесено за то, чтобы теперь за них радоваться... А и теперь, право, больше страха, чем радости. Все боишься, все боишься... Именно тот возраст, в котором так много опасностей и для девочек, и для мальчиков.

Карагина. Все от воспитания зависит.

Гр. Ростова. Да, ваша правда. До сих пор я была, слава Богу, другом своих детей и пользуюсь полным их доверием. Я знаю, что я всегда буду первой confidente моих дочерей и что Николенька, по своему пылкому характеру, ежели будет шалить (мальчику нельзя без этого), то все не так, как эти петербургские господа.

Гр. Ростов. Да, славные, славные ребята. Вот, подите, захотел в гусары... Что вы хотите, ma chère!

Карагина. Какое милое существо ваша меньшая... Порох.

Гр. Ростов. Да, порох... В меня пошла... И какой голос: хоть и моя дочь, а я правду скажу: певица будет, Саломони вторая. Мы взяли итальянца ее учить.

Собрание пьес. книга 2. Фёдор Сологуб sologubfyodor.ru
Карагина. Не рано ли? Говорят, вредно для голоса учиться в эту пору.

Гр. Ростов. О, нет, какой рано... Как же наши матери выходили в двенадцать-тринадцать лет замуж?

Гр. Ростова (тихо улыбаясь, глядя на мать Бориса). Уж она и теперь влюблена в Бориса... Каково? Ну, вот видите, держи я ее строго, запрещай я ей... Бог знает, что бы они делали потихоньку, а теперь я знаю каждое ее слово. Она сама вечером прибежит и все мне расскажет. Может быть, я балую ее, но, право, это, кажется, лучше. Я старшую держала строго.

Вера (улыбаясь). Да, меня совсем иначе воспитывали.

Карагина. Всегда со старшими детьми мудрят, хотят сделать что-нибудь необыкновенное.

Гр. Ростова. Что греха таить, та chère? Графинюшка мудрила с Верой. Ну да что ж, все-таки славная вышла.

Карагина и Жюли встали, зашумели платьями; опять перебивая один другой, послышались оживленные голоса: «Я так рада...», «Здоровье мама...», «И графиня Апраксина...»

Гр. Ростов (проводя гостью). Очень, очень вам благодарен за себя и за своих племянниц, та chère. Смотрите же, приезжайте обедать. Вы меня обидите, та chère. Душевно прошу вас от всего семейства, та chère!

Карагина. Приедем непременно.

Гр. Ростов (проводил гостей. Возвращаясь, остановился в дверях столовой). Ну, ну, Митенька, смотри, чтобы все было хорошо. Главное – сервировка. То-то... (Уходит в столовую.)

Гр. Ростова. Что за манера... Уж сидели, сидели...

Графиня Ростова, княгиня Друбецкая и Вера ушли. Вошла Наташа, быстро бросилась между кадок цветов и спряталась. Из другой двери вошла раскрасневшаяся Соня, сквозь слезы что-то злобно шепчущая. За нею вышел Николай.

Николай (подбегая к ней). Соня... что с тобой? Можно ли это?

Соня (зарыдала). Ничего, ничего, оставьте меня.

Николай. Нет, я знаю что.

Соня. Ну, знаете, и прекрасно, и подите к ней.

Николай (взяв ее за руку). Сооноя... одно слово... Можно ли так мучить себя и меня из-за фантазии? (Соня не вырвала у него руки и перестала плакать. Наташа, не шевелясь и не дыша, блестящими глазами смотрела из своей засады.) Соня... Мне весь мир не нужен. Ты одна для меня все. Я докажу тебе.

Соня. Я не люблю, когда ты так говоришь.

Николай. Ну, не буду, ну прости, Соня...

Он притянул ее к себе и поцеловал. Соня с Николаем вышли из комнаты. Наташа пошла за ними и вызвала к себе Бориса.

Наташа (с значительным и хитрым видом). Борис, подите сюда. Мне нужно сказать вам одну вещь. Сюда, сюда.

Привела его в то место, где она была спрятана. Борис улыбаясь шел за нею.

Борис. Какая же это одна вещь?

Наташа (смутилась, оглянулась вокруг себя и, увидев брошенную на кадке свою куклу, взяла ее на руки). Поцелуйте куклу. (Борис внимательным, ласковым

Собрание пьес. книга 2. Фёдор Сологуб sologubfyodor.ru
взглядом смотрел на ее оживленное лицо и ничего не отвечал.) Не хотите? Ну так подите сюда. (Она глубже пошла в цветы и бросила куклу.) Ближе, ближе... (Она поймала руками офицера за обшлага, и в покрасневшем лице ее видны были торжественность и страх; чуть слышно, исподлобья глядя на него, улыбаясь и чуть не плача от волнения.) А меня хотите поцеловать?

Борис (нагибаясь к ней, еще больше краснея, но ничего не предпринимая и выжидая). Какая вы смешная... (Наташа вдруг вскочила на кадку, так, что стала выше его, обняла его обеими руками, так, что тонкие, голые ручки согнулись выше его шеи, и, откинув движением головы волосы назад, поцеловала его в самые губы. Проскользнула между горшками на другую сторону цветов и, опустив голову, остановилась.) Наташа, вы знаете, что я люблю вас, но...

Наташа. Вы влюблены в меня?

Борис. Да, влюблен, но, пожалуйста, не будем делать того, что сейчас... Еще четыре года... Тогда я буду просить вашей руки.

Наташа (считая по тоненьким пальчикам). Тринадцать, четырнадцать, пятнадцать, шестнадцать... Хорошо... Так кончено? (Улыбка радости и успокоения осветила ее оживленное лицо.)

Борис. Кончено...

Наташа. Навсегда? До самой смерти? (И, взяв его под руку, она со счастливым лицом тихо пошла с ним рядом.)

Начали съезжаться гости к обеду. Пьер неловко сидел посредине гостиной, на первом попавшемся кресле, загородив всем дорогу. Большая часть гостей любопытно смотрела на него.

Гр. Ростова. Вы недавно приехали?

Пьер (оглядываясь). Oui, madame.

Гр. Ростова. Вы не видали моего мужа?

Пьер (улыбаясь некстати). Non, madame.

Гр. Ростова. Вы, кажется, недавно были в Париже? Я думаю, очень интересно.

Пьер. Очень интересно.

Графиня переглянулась с княгиней Друбецкой, та, подсев к нему, начала говорить об его отце.

Кн. Друбецкая. Забудьте, мой друг, в чем были против вас неправы. Вспомните, что это – ваш отец. Я тотчас полюбила вас, как сына.

Гости были все заняты между собой. Слышалось со всех сторон: «Разумовский»... «Это было прелестно»... «Вы так добры»... «Графиня Апраксина»... Графиня встала и пошла в залу. Послышался ее голос из залы: «Марья Дмитриевна». Послышался в ответ грубый женский голос: «Она самая»... Вслед за тем вошла в комнату Марья Дмитриевна. Все барышни, даже дамы, исключая самых старых, встали. Марья Дмитриевна остановилась в дверях и с высоты своего тучного тела, высоко держа свою с седыми буклями пятидесятилетнюю голову, оглядела гостей и, как бы засучиваясь, оправила неторопливо широкие рукава своего платья.

Марья Дмитриевна (громким, густым, подавляющим все другие звуки голосом). Имениннице дорогой с детками. (Графу, целовавшему ее руку.) Ты что, старый греховодник, чай, скучаешь в Москве? Собак гонять негде? Да что, батюшка, делать, вот как эти пташки подрастут... (Она указывала на девиц.) Хочешь, не хочешь, надо женихов искать. (Лаская рукой Наташу, подходившую к ее руке без страха и весело.) Ну что, казак мой? Знаю, что зелье девка, а люблю. (Достала из огромного ридикюля яхонтовые сережки грушками и, отдав их именинно-сиявшей и раздурявшейся Наташе, тотчас же отвернулась от нее и обратилась к Пьеру. Приторно-тихим и тонким голосом.) Э, э... любезный... поди-ка сюда. Поди-ка, любезный. (Грозно засучила рукава еще выше. Пьер подошел, наивно глядя на нее

Собрание пьес. книга 2. Фёдор Сологуб sologubfyodor.ru
через очки.) Подойди, подойди, любезный... Я и отцу-то твоему правду одна
говорила, когда он в случае был, а тебе-то Бог велит. (Помолчала. Все молчали,
ожидая того, что будет, и чувствуя, что было только предисловие.) Хорош, нечего
сказать... хорош мальчик... Отец на одре лежит, а он забавляется, квартального на
медведя верхом сажает. стыдно, батюшка, стыдно... Лучше бы на войну пошел.
(Отвернулась и заговорила с дамами.)

Шиншин. И зачем нас нелегкая несет воевать с Бонапартом? Он уже сбил спесь с
Австрии. Боюсь, не пришел бы теперь наш черед.

Полковник (гусар, плотный, высокий и сангвинический немец). А затем, милостивый
государь... Затем, что император это знает. Желание, единственную и непреходящую
цель государя составляющее, – водворить в Европе на прочных основаниях мир. Вот
зачем, милостивый государь.

Шиншин (морщась и улыбаясь). Знаете пословицу: «Ерема, Ерема, сидел бы ты дома,
точил бы свои веретена». Это нам кстати.

Полковник. Мы должны драться до последней капли крови и умереть за своего
императора, и тогда все будет хорошо. И рассуждать как можно меньше. (Николаю,
который внимательно слушал.) А вы как судите, молодой человек и молодой гусар?

Николай. Совершенно с вами согласен. Я убежден, что русские должны умирать или
побеждать.

Жюли. Прекрасно, прекрасно то, что вы сказали.

Пьер (одобрительно). Вот это славно...

Полковник. Настоящий гусар, молодой человек.

Марья Дмитриевна. О чем вы там шумите? На кого ты горячишься? Верно, думаешь,
что тут французы перед тобой?

Полковник (улыбаясь). Я правду говорю.

Гр. Ростов. Все о войне. Ведь у меня сын идет, Марья Дмитриевна, сын идет.

Марья Дмитриевна. А у меня четыре сына в армии, а я не тужу. На все воля Божья:
и на печи лежать умрешь, и в сраженьи Бог помилует.

Гр. Ростов. Это так.

Марья Дмитриевна (подала руку графу). Ну что ж, к столу, чай, пора?

Впереди пошел граф с Марьей Дмитриевной; потом графиня, которую повел гусарский
полковник. Княгиня Друбецкая с Шиншиным. Другие почетные гости с дамами.
Улыбающаяся Жюли пошла с Николаем к столу. За ними шли еще другие пары, и сзади
всех, по одиночке, – дети, гувернеры и гувернантки. Официанты зашевелились,
стулья загремели, на хорах заиграла музыка.

Занавес.

Картина третья

Столовая в деревенском доме старого князя Николая Болконского. Из-за затворенных
дверей слышались во двадцати раз повторяемые трудные пассажи Дюссексовой сонаты.
Вошел князь Андрей с женой. Седой Тихон, в парике, высунувшись из двери
официантской, шепотом доложил, что князь еще почивает, и торопливо затворил
дверь. Князь Андрей посмотрел на часы.

Кн. Андрей. Через двадцать минут он встанет. Пройдем к княжне Марье.

Маленькая княгиня Болконская потолстела за это время, но глаза и короткая губка
с усиками и улыбкой поднималась так же весело и мило, когда она заговорила.

Кн. Болконская (оглядываясь кругом с тем выражением, с каким говорят похвалы

Собрание пьес. книга 2. Фёдор Сологуб sologubfyodor.ru
хозяину бала). Да это дворец... Пойдем скорее, скорее... (Оглядываясь, улыбалась и Тихону, и мужу, и официанту, провожавшему их.) Это Мари упражняется? Тише, застанем ее врасплох.

Кн. Андрей шел за ней с учтивым и грустным выражением; проходя, Тихону, целовавшему его руку:

– Ты постарел, Тихон.

Из боковой двери выскочила хорошенькая белокурая француженка. Мадемуазель Вурьен казалась обезумевшею от восторга.

М-ль Вурьен. Ах, какая радость для княжны... Наконец-то... Надо ее предупредить.

Кн. Болконская (целуясь с француженкой). Нет, нет, пожалуйста. Вы – мадемуазель Вурьен, я уже знакома с вами по той дружбе, какую имеет к вам моя невестка. Она не ожидает нас?

Они подошли к двери диванной, из которой слышался опять и опять повторяемый пассаж. Князь Андрей остановился и поморщился, как будто ожидая чего-то неприятного. Княжна Марья вышла. Княжна и княгиня, обхватившись руками, крепко прижимались губами к тем местам, на которые попали в первую минуту. Мадемуазель Вурьен стояла около них, прижав руки к сердцу и набожно улыбаясь, очевидно, столько же готовая заплакать, сколько и засмеяться. Князь Андрей пожал плечами и поморщился. Обе женщины отпустили друг друга, потом опять, как будто боясь опоздать, схватили друг друга за руки, стали целовать и отрывать руки, и потом опять стали целовать друг друга в лицо, и совершенно неожиданно для князя Андрея обе заплакали и опять стали целоваться. Мадемуазель Вурьен тоже заплакала. Князю Андрею было, очевидно, неловко. Княгиня и княжна вдруг заговорили и засмеялись.

Кн. Марья. Ах... милая...

Кн. Болконская. Ах... Мари...

Кн. Марья. А я видала во сне.

Кн. Болконская. Так вы нас не ожидали?.. Ах, Мари, вы так похудели.

Кн. Марья. А вы так пополнели.

М-ль Вурьен. Я тотчас узнала княгиню.

Кн. Марья. А я не подозревала... Ах, Андрей, я и не видела тебя.

Кн. Андрей (поцеловался с сестрой). А ты такая же плакса, как всегда была.

Княжна Марья повернулась к брату, и сквозь слезы любовный, теплый и кроткий взгляд ее прекрасных в ту минуту больших, лучистых глаз остановился на лице князя Андрея.

Кн. Болконская. Можете себе представить, Мари, на Спасской горе лошади понесли, и я боялась, что экипаж опрокинется. В моем положении это было бы ужасно. Я так боюсь, так боюсь... Но, слава Богу, все обошлось благополучно. Я все платье свои оставила в Петербурге и здесь буду ходить Бог знает в чем. Андрей совсем переменялся. Он обращается со мной, как с больною или с ребенком. Я не понимаю, решительно не понимаю, отчего мужчины не могут жить без войны. Все его так знают, так ценят. Он очень легко мог бы быть флигель-адъютантом. Китти Одинцова вышла замуж за старика. Есть жених и для вас, Мари, pour tout de bon, но об этом поговорим после.

Кн. Марья (все еще молча смотрела на брата, и в прекрасных глазах ее была любовь и грусть; вздохнув). И ты решительно едешь на войну, André?

Княгиня Болконская вздрогнула.

Кн. Андрей. Даже сегодня.

Кн. Болконская. Он покидает меня здесь, и Бог знает зачем, тогда как он мог бы

Собрание пьес. книга 2. Фёдор Сологуб sologubfyodor.ru
получить повышение. Он так везде принят. Государь очень милостиво говорил с ним.

Кн. Марья (ласковыми глазами указывая на ее живот). Наверное?

Кн. Болконская (вздыхая и меняясь в лице). Да, наверное. Ах... Это очень страшно... (Приблизила свое лицо к лицу золовки и опять заплакала.)

Кн. Андрей (морщась). Ей надо отдохнуть. Не правда ли, Лиза? Сведи ее к себе, а я подожду батюшку. Что он, все то же?

Кн. Марья (радостно). То же, то же самое; не знаю, как на твои глаза.

Кн. Андрей (с чуть заметной улыбкой). И те же часы, и по аллеям прогулки? Станок?

Кн. Марья (радостно). Те же часы и станок, еще математика и мои уроки геометрии.

Княжна Марья, княгиня Болконская и мадемуазель Вурьен уходят. Вошел старый князь Николай в напудренном парике и кафтане, быстро, весело, как будто умышленно своими торопливыми манерами представляя противоположность строгому порядку дома.

Кн. Николай. А, воин... Бонапарта завоевать хочешь? Примись хоть ты за него хорошенько, а то он эдак скоро и нас своими подданными запишет. Здорово...

Выставил щеку. Он находился в хорошем расположении духа. Он радостно, из-под своих густых, нависших бровей, смотрел на сына. Князь Андрей подошел и поцеловал отца в указанное место.

Кн. Андрей (следя оживленными и почтительными глазами за движением каждой черты отцовского лица). Да, приехал к вам, батюшка, и с беременною женой. Как здоровье ваше?

Кн. Николай. Нездоровы, брат, бывают только дураки и развратники, а ты меня знаешь: с утра до вечера занят, воздержан, ну и здоров. Вот сейчас спал. После обеда серебряный сон, а до обеда золотой.

Кн. Андрей (улыбаясь). Слава Богу.

Кн. Николай. Ну, рассказывай, как вас немцы с Бонапартом сражаться по вашей новой науке, стратегией называемой, научили.

Кн. Андрей (с улыбкой). Дайте опомниться, батюшка. Ведь я еще и жену не разместил.

Кн. Николай (хватая сына за руку). Врешь, врешь... Дом для твоей жены готов. Княжна Марья сведет ее, и покажет, и с три короба наболтает. Это их бабье дело. Я ей рад. Сиди, рассказывай. Михельсона армию я понимаю, Толстого тоже... высадка единовременная... южная армия что будет делать? Пруссия, нейтралитет... это я знаю. Австрия что? Швеция что? Как Померанию перейдут?

Кн. Андрей. Да, батюшка, собираются силы. Наша армия в девяносто тысяч должна Пруссию в войну втянуть; сто тысяч наших да двести двадцать тысяч австрийцев должны действовать в Италии и на Рейне; да еще в Неаполь высадится тысяч сто – наших с англичанами. Так что до пятисот тысяч с разных сторон нагрянет на французов...

Кн. Николай (запел фальшивым и старческим голосом). «Мальбруг в поход собрался. Бог весть, вернется ль он».

Кн. Андрей (улыбаясь). Я не говорю, чтоб это был план, который я одобряю. Я вам только рассказал, что есть. Наполеон уже составил план не хуже этого.

Кн. Николай. Ну, новенького ты мне ничего не сказал. «Бог весть, вернется ль он». А тут ко мне князь Василий Курагин приезжал. Министр, как этот болван Алпатыч сказал. Этот министр – мальчишка. Я его определил в коллегии. Сделал мне пропозицию насчет княжны Марьи. Нашел ее по своему вкусу для невестки и сделал пропозицию за своего сына, князя Анатоля. Отказала. За границей воспитывался. Молодец малый... Отца спрашивает: «При чем я числюсь?» (Засмеялся.) Княжна Марья

Собрание пьес. книга 2. Фёдор Сологуб sologubfyodor.ru
ему отказала. (Официанту.) Завтрак давайте.

В столовую вошли княгиня Болконская, княжна Марья, мадемуазель Вурьен и архитектор князя. Дворецкий, с салфеткою в руке, оглядывает сервировку, мигая лакеям. Большие часы пробили два, и тонким голоском отозвались в гостиной другие. Князь Николай из-под висячих, густых бровей оживленными, блестящими, строгими глазами оглядел всех и остановил свой взор на молодой княгине.

Княгиня испытывала чувство страха и почтения, которое возбуждал этот старик во всех приближенных. Он погладил княгиню по голове и потом неловким движением потрепал ее по затылку. Пристально еще взглянул ей в глаза, быстро отошел и сел на свое место.

Кн. Николай. Я рад, я рад. Садитесь, садитесь... Михаил Иванович, садитесь. (Указал невестке место подле себя. Официант отодвинул для нее стул. Князь, оглядывая ее округленную талию.) Го, го... Поторопилась, нехорошо... (Он засмеялся сухо, холодно, неприятно, как он всегда смеялся, одним ртом, а не глазами. Княгиня казалась смущенною.) Ходить надо, ходить как можно больше, как можно больше. Ну, как ваш отец поживает?

Кн. Болконская. Очень хорошо. Он совсем оправился от своей болезни и чувствует себя прекрасно. Он поручил мне передать вам его поклон.

Кн. Николай. Как графиня Апраксина?

Кн. Болконская (все более и более оживляясь). Графиня Апраксина, бедняжка, потеряла своего мужа и выплакала все свои глаза. Очень много говорят о смерти старого графа Безухова. Пьер – наследник всего и признан законным сыном. Он женится на Элен Курагиной.

Кн. Николай (все строже и строже смотрел на нее, вдруг отвернулся от нее и обратился к архитектору). Ну что, Михаила Иванович, Буонапарте-то вашему плохо приходится. Как мне князь Андрей порассказал, какие на него силы собираются. (Указывая сыну на архитектора.) Он у меня тактик великий. Да, уж нет теперь Потемкиных и Суворовых, так и Буонапарте стал велик.

Кн. Андрей. Все кажется хорошим, что было прежде, а разве тот же Суворов не попался в ловушку, которую ему подставил Моро, и не умел из нее выпутаться?

Кн. Николай. Это кто тебе сказал? Кто сказал... Суворов... (Отбросил тарелку, которую живо подхватил Тихон.) Суворов... Подумавши, князь Андрей. Два: Фридрих и Суворов... Моро... Моро был бы в плену, коли бы у Суворова руки свободны были; а у него на руках сидел хофс-кригс-вурст-шнапс-рат. Ему черт не рад. Вот пойдете, эти хофс-кригс-вурст-шнапс-раты узнаете... Суворов с ними не сладил, так уж где ж Михаилу Кутузову сладить? Нет, дружок, вам со своими генералами против Буонапарте не обойтись; надо французов взять, чтобы своя своих не познаша и своя своих побиваша. Немца Палена в Новый Йорк, в Америку, за французом Моро послали. Чудеса... Что, Потемкины, Суворовы, Орловы разве немцы были? Нет, брат, либо там вы все с ума сошли, либо я из ума выжил. Дай вам Бог, а мы посмотрим. Буонапарте у них стал полководец великий... Гм...

Кн. Андрей. Я ничего не говорю, чтобы все распоряжения были хороши, только я не могу понять, как вы можете так судить о Буонапарте. Смейтесь, как хотите, а Буонапарте все-таки великий полководец...

Кн. Николай (архитектору). Михаила Иванович... Я вам говорил, что Буонапарте великий тактик? Вон и он говорит.

Архитектор. Как же, ваше сиятельство.

Кн. Николай (смеясь своим холодным смехом). Буонапарте в рубашке родился. Солдаты у него прекрасные. Да и на первых он на немцев напал. А немцев только ленивый не бил. С тех пор как мир стоит, немцев все били. А они никого. Только друг друга. Он на них свою славу сделал. Ты думаешь, я, старик, не понимаю настоящего положения дел? А мне оно вот где... Я ночи не сплю. Ну, где же этот великий полководец, твой-то, где он показал себя?

Кн. Андрей. Это длинно было бы.

Кн. Николай. Ступай же ты к Буонапарте своему. Мадемуазель Вурьен, вот еще поклонник вашего холопского императора.

М-ль Вурьен. Вы знаете, князь, что я не бонапартистка.

Кн. Николай (пропел фальшиво). «Бог весть, вернется ль он...» (Еще фальшивее засмеялся и вышел из-за стола.)

Княгиня Болконская во все время завтрака молчала и испуганно поглядывала то на княжну Марью, то на свекра. Когда они вышли из-за стола, она взяла за руку золовку и отозвала ее в сторону. Князь Николай, взяв архитектора под руку, вышел. Официанты убрали стол. Ушла и м-ль Вурьен.

Кн. Болконская. Какой умный человек ваш батюшка... Может быть, от этого я и боюсь его.

Кн. Марья. Ах, он так добр. Но вам, Лиза, надо отдохнуть.

Княгиня Болконская уходит. Князь Андрей глядел на огромную золотую раму с изображением генеалогического дерева князей Болконских, висевшую напротив такой же громадной рамы с дурно сделанным (видимо, рукой домашнего живописца) изображением владетельного князя в короне. Князь Андрей покачивал головой и посмеивался.

Кн. Андрей (княжне Марье, подошедшей к нему). Как я узнаю его всего тут... (Княжна Марья с удивлением посмотрела на брата.) У каждого своя ахиллесова пятка. С его огромным умом вдаваться в такое чудачество...

Кн. Марья (робко, после минуты молчания). Андрй, у меня к тебе есть большая просьба.

Кн. Андрей. Что, мой друг?

Кн. Марья (засунув руку в ридикюль и в нем держа что-то, но еще не показывая и робко, умоляющим взглядом глядя на брата). Нет, обещаю тебе, что ты не откажешь. Это тебе не будет стоить никакого труда, и ничего недостойного тебя в этом не будет. Только ты меня утешешь. Обещаю, Андрюша.

Кн. Андрей. Ежели это и стоило бы мне большого труда...

Кн. Марья. Ты что хочешь думай... Я знаю, ты такой же, как и батюшка. Что хочешь думай, но для меня это сделай. Сделай, пожалуйста... Его еще отец моего отца, наш дедушка, носил во всех войнах... Так ты обещаешь мне?

Кн. Андрей. Конечно, в чем дело?

Кн. Марья. Андрй, я тебя благословлю образом, и ты обещаю мне, что никогда его не будешь снимать. Обещаешь?

Кн. Андрей. Ежели он не в два пуда и шеи не оттянет... Чтобы тебе сделать удовольствие... (Заметив огорченное выражение, которое приняло лицо сестры после этой шутки, он раскаялся.) Очень рад, право, очень рад, мой друг.

Кн. Марья (дрожащим от волнения голосом, с торжественным жестом держа в обеих руках перед братом овальный старинный образок Спасителя с черным лаком, в серебряной ризе на серебряной цепочке мелкой работы). Против твоей воли Он спасет и помилует тебя и обратит тебя к Себе, потому что в Нем одном и истина и успокоение. (Перекрестилась, поцеловала образок и подала его Андрею.) Пожалуйста, Андрй, для меня. (Князь Андрей хотел взять образок, но она остановила его. Андрей понял, перекрестился и поцеловал образок. Лицо его в одно и то же время было нежно, он был тронут, и насмешливо.) Благодарю, мой друг. (Поцеловала его в лоб и опять села на диван.) Так я тебе говорила, Андрй, будь добр и великодушен, каким ты был всегда. Не суди строго лизу. Она так мила, так добра, и положение ее очень тяжело теперь.

Кн. Андрей. Кажется, я ничего не говорил тебе, Маша, чтоб я упрекал в чем-нибудь свою жену или был недоволен ей. Знай одно, Маша, я ни в чем не могу упрекнуть,

не упрекал и никогда не упрекну свою жену и сам ни в чем себя не могу упрекнуть в отношении к ней; это всегда так будет, в каких бы я ни был обстоятельствах. Но ежели ты хочешь знать правду... хочешь знать, счастлив ли я? Нет. Счастлива ли она? Нет. Отчего это? Не знаю... (Встал, подошел к сестре, нагнувшись, поцеловал ее в лоб.) Пойдем к ней, надо проститься. Или иди одна, а я сейчас приду. (Камердинеру.) Петрушка, убирай.

Кн. Марья (встала и направилась к двери. Она остановилась). Андрей, если бы ты имел веру, то обратился бы к Богу с молитвою, чтобы Он даровал тебе любовь, которую ты не чувствуешь, и молитва твоя была бы услышана.

Кн. Андрей. Да разве это... Иди, Маша, я сейчас приду.

Княжна Марья вышла. Вошел князь Николай.

Кн. Николай. Едешь?

Кн. Андрей. Пора прощаться.

Кн. Николай. Целуй сюда. (Показал щеку.) Спасибо, спасибо...

Кн. Андрей. За что вы меня благодарите?

Кн. Николай. За то, что не просрочиваешь, за бабью юбку не держишься. Служба прежде всего. Спасибо, спасибо... Ежели нужно сказать что, говори.

Кн. Андрей. О жене... Мне и так совестно, что я вам ее на руки оставляю...

Кн. Николай. Что врешь, говори, что нужно.

Кн. Андрей. Когда жене будет время родить, пошлите в Москву за акушером... Чтоб он тут был. (Князь Николай, как бы не понимая, уставился на сына строгими глазами. Андрей, видимо смущенный.) Я знаю, что никто помочь не может, коли натура не поможет. Я согласен, что из миллиона случаев один бывает несчастный, но это ее и моя фантазия. Ей наговорили, она во сне видела, и она боится.

Кн. Николай. Плохо дело, а?

Кн. Андрей. Что плохо, батюшка?

Кн. Николай (коротко и значительно). Жена...

Кн. Андрей. Я не понимаю.

Кн. Николай. Да нечего делать, дружок, они все такие, не разженишься. Ты не бойся, никому не скажу, а ты сам знаешь. (Схватил сына за руку своею костлявою, маленькою кистью, потряс ее, взглянул прямо в лицо сына своими быстрыми глазами, которые, как казалось, насквозь видели человека, и опять засмеялся своим холодным смехом. Князь Андрей вздохнул. Отрывисто.) Что делать? Красива... Я все сделаю. Ты будь покоен. (Подал письмо сыну.) Слушай, о жене не заботься, что возможно сделать, то будет сделано. Теперь слушай: письмо Михаилу Илларионовичу отдай. Я пишу, чтобы он тебя в хорошие места употреблял и долго адъютантом не держал: скверная должность... Скажи ты ему, что я его помню и люблю. Да напиши, как он тебя примет. Коли хорош будет, служи. Николая Андреевича Болконского сын из милости служить ни у кого не будет. Ну, теперь поди сюда. (Подвел сына к бюро, откинул крышку, выдвинул ящик и вынул исписанную его крупным, длинным и сжатым почерком тетрадь.) Должно быть, мне прежде тебя умереть. Знай, тут мои записки, их государю передать после моей смерти. Теперь здесь, вот ломбардный билет и письмо: это премия тому, кто напишет историю суворовских войн. Переслать в академию. Здесь мои ремарки, после меня читай для себя, найдешь пользу.

Кн. Андрей. Все исполню, батюшка.

Кн. Николай. Ну, теперь прощай... (Дал поцеловать сыну свою руку и обнял его.) Помни одно, князь Андрей, коли тебя убьют, мне, старику, больно будет... (Неожиданно замолчал и вдруг крикливым голосом продолжал.) А коли узнаю, что ты вел себя не как сын Николая Болконского, мне будет стыдно...

Кн. Андрей (улыбаясь). Этого вы могли бы не говорить мне, батюшка. Еще я хотел просить вас, ежели меня убьют и ежели у меня будет сын, не отпускайте его от себя, чтоб он вырос у вас... пожалуйста.

Кн. Николай (Засмеялся. Они молча стояли друг против друга. Быстрые глаза старика прямо были устремлены в глаза сына. Что-то дрогнуло в нижней части лица старого князя) жене не отдавать? (Закричал сердитым и громким голосом, отворяя дверь) Простились... Теперь ступайте... (Уходит к себе.)

Кн. Болконская и кн. Марья (входя, увидев князя Андрея и уходящую фигуру кричавшего сердитым голосом старика). Что такое? Что?

Кн. Андрей (вздыхнул и ничего не ответил; к жене). Ну...

Это «ну» звучало холодною насмешкой.

Кн. Болконская (со страхом глядя на мужа). Андрей, уже...

Он обнял ее. Она вскрикнула и без чувств упала на его плечо. Он осторожно отвел плечо, на котором она лежала, заглянул в ее лицо и бережно посадил ее на кресло.

Кн. Андрей (тихо, сестре). Прощай, Маша.

Поцеловался с нею рука в руку и скорыми шагами вышел из комнаты. Княгиня Болконская лежала в кресле, мадемуазель Вурьен терла ей виски. Княжна Марья, поддерживая невестку, с заплаканными глазами, все еще смотрела в дверь, в которую вышел князь Андрей, и крестила его. Из кабинета слышны были, как выстрелы, часто повторяемые сердитые звуки стариковского сморкания. Только что князь Андрей вышел, дверь кабинета быстро отворилась, и выглянула строгая фигура старика.

Кн. Николай. Уехал? Ну и хорошо... (Сердито посмотрел на бесчувственную маленькую княгиню, укоризненно покачал головой и захлопнул дверь.)

Занавес.

Картина четвертая

Бал в Петербурге у екатерининского вельможи 31-го декабря 1809 года. Входят гости. Мужчины в мундирах, звездах и лентах. Дамы в белых, голубых и розовых бальных платьях. С Ростовыми приехала Перонская, худая и желтая фрейлина, в желтом платье с шифром. На графине бархатное платье, на Соне и Наташе белые дымковые платья на розовых шелковых чехлах, с розанами на корсаже. Волосы причесаны а la grecque. В черных волосах у обеих одинаковые розы. Граф Ростов в синем фраке, чулках и башмаках, припомаженный.

Хозяин и хозяйка (стоят у входной двери, говорят одни и те же слова входящим). Рад вас видеть... Рада вас видеть...

Соня и Наташа приседают одинаково. Хозяйка останавливает свой взгляд на Наташе.

Хозяин (провожает глазами Наташу). Граф, которая ваша дочь?

Гр. Ростов. Вот эта, тоненькая.

Хозяин (поцеловав кончики своих пальцев). Очаровательна...

В зале стоят гости, теснясь у входной двери.

Наташа (слышала и чувствовала, что несколько голосов спросили про нее, и смотрели на нее. Графине). Есть такие же, как и мы, есть и хуже нас.

Перонская (указывая на старичка с серебряной сединой курчавых обильных волос, окруженного дамами, которых он чему-то заставляет смеяться). Вот это голландский посланник, видите? Седой... (Указывая на входящую Элен.) А вот она, царица Петербурга, графиня Безухова. Хороша... Не уступит Марье Антоновне... Смотрите, как за ней увиваются и молодые, и старые. И хороша, и умна... А вот эти две хоть и не

Собрание пьес. книга 2. Фёдор Сологуб sologubfyodor.ru
хороши, да еще больше окружены. (Указывая на проходящую через залу даму с очень некрасивой дочерью.) Это миллионерша-невеста. А вот и женихи. (Указывает на красавца кавалергарда, который прошел мимо них, с высоты поднятой головы, через дам, глядя куда-то.) Это брат Безуховой – Анатолий Курагин. Как хорош... не правда ли? Говорят, женят его на этой богатой. Говорят – миллионы. И ваш-то кузен, Друбецкой, тоже очень увивается.

Гр. Ростова. Бог с ним. В нынешнем веке не помнят старых друзей. (О Коленкуре.) А это кто?

Перонская. Как же, это сам французский посланник, Коленкур. Посмотрите, как царь какой-нибудь. А все-таки милы, очень милы французы. Нет милей для общества. (Указывая на М. А. Нарышкину.) А вот и она... Нет, все лучше всех наша Марья Антоновна... И как просто одета... Прелесть... (Указывая на Безухова.) А этот-то толстый, в очках, фармазон всемирный. С женою-то его рядом поставьте: то-то, шут гороховый...

Пьер идет, переваливаясь своим толстым телом, раздвигая толпу, кивая направо и налево небрежно и добродушно. Подвигается через толпу, очевидно, отыскивая кого-то.

Наташа (с радостью смотрит на Пьера, графине). Это он нас отыскивает. Он обещал быть на бале и представить мне кавалеров. Он славный, но смешной очень.

Не дойдя до Наташи, Пьер остановился около князя Андрея Болконского, который, стоя у окна в белом полковничьем кавалерийском мундире, в чулках и башмаках, разговаривал с высоким мужчиной в звездах и ленте.

Наташа. Вот еще знакомый – Болконский, видите, мама? Помните, он у нас ночевал в Отрадном? У него жена умерла, когда он вернулся из австрийского похода.

Перонская. А, вы его знаете? Терпеть не могу. От него теперь зависит, дождливая или хорошая погода. И гордость такая, что границ нет... По папеньке пошел. И связался со Сперанским, какие-то проекты пишут. Смотрите, как с дамами обращается... Она с ним говорит, а он отвернулся. Я бы его отделала, если бы он со мной так поступил, как с этими дамами.

Вдруг все зашевелилось, толпа заговорила, подвинулась; заиграла музыка.

Голоса. Государь... Государь приехал... Государь прошел в гостиную...

Музыканты играли польский. Толпа хлынула к дверям; несколько лиц с изменившимися выражениями поспешно прошли туда и назад. Молодой человек с растерянным видом наступал на дам, прося их посторониться. Мужчины стали подходить к дамам и строиться в пары польского. Больше половины дам имели кавалеров и шли или приготавливались идти в польский. Наташа оставалась с матерью и Соней в числе меньшей части дам, оттесненных к стене и не взятых в польский. Перонская отошла от них. Князь Андрей прошел с какой-то дамой мимо них, очевидно их не узнавая. Анатолий, улыбаясь, что-то говорил даме, которую он вел, и взглянул на лицо Наташи, как глядят на стены. Борис два раза прошел мимо них и всякий раз отворачивался. Наконец музыка замолкла. Адьютант-распорядитель подошел к графине Безуховой и пригласил ее. Князь Андрей, оживленный и веселый, стоял недалеко от Ростовых.

Пьер (подошел к князю Андрею, схватил его за руку). Вы всегда танцуете. Тут есть моя protegee, Ростова молодая, Наташа, пригласите ее. Она первый раз на большом балу.

Кн. Андрей. Где? (Барону Фиргофу). Виноват, этот разговор мы в другом месте доведем до конца, а на бале надо танцевать.

Пошел вперед по направлению, которое ему указал Пьер.

Гр. Ростова. Позвольте вас познакомить с моей дочерью.

Кн. Андрей (с учтивым и низким поклоном подходя к Наташе). Я имею удовольствие быть знакомым, ежели графиня помнит меня. Позвольте просить вас на тур вальса.

Наташа, лицо которой осветилось счастливой, благодарной детской улыбкой – они были вторая пара, вошедшая в круг, – танцевала с князем превосходно. После князя ее приглашали танцевать: Борис, адъютант, начавший бал, и еще молодые люди.

Наташа (князю Андрею). Я бы рада была отдохнуть и посидеть с вами, я устала; но вы видите, как меня выбирают, и я этому рада. (Опять танцует. Потом побежала через залу, чтобы взять двух дам для фигур.)

Кн. Андрей (Пьеру). Если она подойдет прежде к своей кухне, потом к другой даме, то она будет моей женой. (Наташа подошла прежде к Соне.) Какой вздор иногда приходит в голову... Но верно только то, что эта девушка так мила, так особенна, что она не протанцует здесь месяца и выйдет замуж. Это здесь редкость. На ней совсем нет общего светского отпечатка. Ее удивление, радость и робость, и даже ее ошибки во французском языке – такая прелесть...

Пьер. И ее родители...

Кн. Андрей. Да, это добрые, славные люди, разумеется, не понимающие ни на волос того сокровища, которое они имеют в Наташе; но добрые люди, которые составляют наилучший фон для того, чтобы на нем отделялась эта особенно поэтическая, переполненная жизнью, прелестная девушка. Когда я возвращался от них из Отрадного, мне вспомнились все значительные минуты моей жизни: Аустерлиц с высоким небом, и мертвое лицо жены, и эта девочка, взволнованная красотой лунной ночи, и я понял, что жизнь не кончена в 31 год.

Пьер. Надо верить в возможность счастья... надо быть счастливым.

Кн. Андрей. Но ты отчего так угрюм?

Пьер. Жена так ведет себя.

Кн. Андрей. Твоя жена имеет сегодня большой успех.

Пьер. Я знаю, что нехорошо иметь такие чувства, но меня оскорбляет то положение, которое занимает моя жена. Не могу преодолеть внутреннего отвращения к ней. А Наташа Ростова как мила...

Наташа, поправляя откинувшуюся у корсажа розу, села подле князя Андрея.

Гр. Ростов (подходя к ним). Прошу вас к нам, mon chér, от имени всего семейства.

Кн. Андрей. Благодарю вас, граф. Я буду очень рад.

Гр. Ростов (Наташе). Весело ли тебе, ma chère Наташа?

Наташа. Так весело, как никогда в жизни. (Отошла.)

Вера (подходит). Как вы полагаете? Вы, князь, так проницательны и так понимаете сразу характер людей. Что вы думаете о Натали, может ли она быть постоянна в своих привязанностях, может ли она так, как другие женщины, один раз полюбить человека и навсегда остаться ему верной? Это я считаю настоящей любовью. Как вы думаете, князь?

Кн. Андрей (с насмешливой улыбкой, под которой он хотел скрыть свое смущение). Я слишком мало знаю вашу сестру, чтобы решить такой тонкий вопрос; и потом, я замечал, что чем менее нравится женщина, тем она бывает постояннее. (Посмотрел на Пьера, подошедшего в это время к ним.)

Вера. Да, это правда, князь. В наше время девушка имеет столько свободы, что удовольствие иметь поклонников часто заглушает в ней истинное чувство. И Наталья, надо признаться, на это очень чувствительна. (Князь Андрей хочет встать, но она продолжает с еще более утонченной улыбкой.) Я думаю, ни за кем так не ухаживали, как за нею, но никогда, до самого последнего времени, никто серьезно ей не нравился. (Пьеру.) Вот вы знаете, граф, даже наш милый кузен Борис, который был, между нами, очень и очень в стране нежностей.

Князь Андрей, нахмурившись, молчит.

Собрание пьес. книга 2. Фёдор Сологуб sologubfyodor.ru
Вера (кн. Андрею). Вы ведь дружны с Борисом?

Кн. Андрей. Да, я его знаю..

Вера. Он, верно, вам говорил про свою детскую любовь к Наташе?

Кн. Андрей (неожиданно покраснев). А была детская любовь?

Вера. Да. Знаете, между двоюродным братом и сестрой эта близость приводит иногда к любви. Такое родство – опасное соседство. Не правда ли?

Кн. Андрей. О, без сомнения..

Идут к ужину. Пьер, стоя у окна, смотрит через очки, никого не видя.

Наташа (шла мимо него, остановилась). Как весело, граф, не правда ли?

Пьер (рассеянно улыбнувшись). Да, я очень рад...

Занавес.

Картина пятая

Гостиная в доме графини Безуховой. В гостиной мадемуазель Жорж, окруженная молодежью. Гости, несколько французов, Элен, Анатоль. Входят граф Ростов, Наташа, Соня.

Элен (м-ль Жорж). О моя прелестная.. Очаровательна.. (Входящему графу.) Мужа нет, он уехал в Тверь. Как жаль, что состояние здоровья графини все еще не позволяет ей приехать в Москву..

Гр. Ростов. Да, та chère, графинюшка все прихварывает.

Элен. Нынче у меня мадемуазель Жорж декламирует. (Наташе.) какое у вас очаровательное платье.. Впрочем, вам идет, моя прелесть. Я слышала, что князь Болконский скоро приедет в Москву.

Наташа покраснела.

Элен. Как краснеет.. Как краснеет, моя прелесть.. (Отходит к другим гостям.)

Наташа (отцу). Почти нет знакомых.

Гр. Ростов. Правду говорила Марья Дмитриевна, та chère. И мужчины, и дамы, – все здесь известны вольностью обращения. За карты не сяду. Как только кончится представление мадемуазель Жорж, уедем. И ты от меня не отходи, та chère.

Наташа. Но графиня такая grande dame, такая милая и так, видно, всей душой любит меня.

Анатоль, поздоровавшись с графом, подошел к Наташе и пошел с ней.

Гр. Ростов (к которому подходит граф Растопчин, тихо разговаривает). А это кто, mon chér, этот француз?

Гр. Растопчин. Это – доктор Мотивье. Он домашний человек у графини Безуховой. Его старый князь Болконский взашей выгнал, потому что он негодяй, а наши барышни за ним ползком ползают.

Между тем мадемуазель Жорж вышла из комнаты, чтобы одеться. В гостиной расстановливают стулья и усаживаются. Анатоль подвинул Наташе стул и хотел сесть подле. Граф Ростов, не спускавший глаз с Наташи, сел подле нее, Анатоль – сзади.

М-ль Жорж с оголенными, с ямочками, толстыми руками, в красной шали, надетой на одно плечо, вышла в оставленное для нее пустое пространство между кресел и остановилась в ненатуральной позе. Послышался восторженный шепот. Она строго и мрачно оглянула публику и начала говорить по-французски монолог из «Федры». Она

Собрание пьес. книга 2. Фёдор Сологуб sologubfyodor.ru
местами возвышала голос, местами шептала, торжественно поднимая голову, местами
останавливалась и хрипела, закатывая глаза.

Гости (после монолога все общество встало и окружило мадемуазель Жорж, выражая ей свой восторг). Adorable, divin, délicieux!

Наташа (отцу, который вместе с другими встал и сквозь толпу подвигается к актрисе). Как она хороша...

Анатоль (следуя за Наташей). Я не нахожу, глядя на вас. Вы прелестны... С той минуты, как я увидел вас, я не переставал...

Гр. Ростов. Пойдем, пойдем, Наташа... Как хороша... (Элен.) Нет, нам пора, графиня... Девочки мои ведь никуда...

Элен. Нет, это ни на что не похоже, мой милый граф... Вы хотите испортить мой импровизированный бал. Как жить в Москве и нигде не бывать... Нет, я вас ни за что не отпущу... (Наташе.) Из того, что вы любите кого-нибудь, моя прелестная, никак не следует жить монашкой. Даже если вы невеста, я уверена, что князь Андрей Николаевич предпочел бы, чтобы вы в его отсутствие выезжали в свет, чем погибали от скуки.

Ростовы остаются.

Анатоль (подошел, приглашает Наташу на экосез). Вы восхитительны, графиня... Я вас люблю...

Наташа (быстро). Не говорите мне таких вещей: я обручена и люблю другого. (Взглянула на него.)

Анатоль. Не говорите мне про это. Что мне за дело? Я говорю, что безумно влюблен в вас. Разве я виноват, что вы восхитительны? Сейчас нам начинать.

Уходят к дверям соседней залы, где танцуют.

Гр. РаSTOPчин (остаётся в гостиной с графом Ростовым). Бонапарт поступает с Европой, как пират на завоеванном корабле, – и все молчат.

Гр. Ростов. Дерзки французы, mon chér, дерзки...

Гр. РаSTOPчин. И где нам воевать с французами... Разве мы против наших учителей можем ополчиться? Посмотрите на нашу молодежь, на наших барынь... Костюмы французские, мысли французские, чувства французские... Эх, поглядишь на нашу молодежь, граф, взял бы старую дубину Петра Великого из Кунсткамеры да по-русски бы обломал бока, вся бы дурь соскочила. (Уходит в зал.)

Гр. Ростов (отзывает Наташу). ma chère, поедem домой.

Наташа. Папа, ради Бога, позвольте мне остаться. Мне так весело...

Гр. Ростов. Весело. Ну, я и рад. Хорошо, ma chère. Останемся еще немного. (Идет за РаSTOPчиным.)

Элен (подходя к Наташе). Вчера брат обедал у меня, – мы помирали со смеху, – ничего не ест и вздыхает по вас, моя прелесть. Он сходит с ума, прямо сходит с ума от любви к вам, моя милая.

Ее зовут, она уходит. Наташа на минуту одна, затем входит Анатоль.

Анатоль (взяв ее за руку, нежным голосом). Я не могу к вам ездить, но неужели я никогда не увижу вас? Я безумно люблю вас... Неужели никогда?... Натали?... Натали?... (Заслоняя ей дорогу, приблизил свое лицо к ее лицу.)

Наташа. Я ничего не понимаю, мне нечего говорить.

Губы Анатоля прижались к ее губам. В ту же минуту в комнату вошла Элен. Наташа оглянулась на нее испуганно-вопросительно и пошла к двери. В зале танцуют вальс.

Собрание пьес. книга 2. Фёдор Сологуб sologubfyodor.ru
Анатоль. Одно слово, только одно, ради Бога...

Наташа остановилась.

Анатоль. Натали, одно слово, только одно... (Сует ей записку, убегает.)

Наташа (бросается навстречу входящей Соне). Соня, Соня, от тебя не могу скрывать... Он меня любит... Вот его письмо. (Читает первую фразу.) «С того дня, как я увидел вас в театре, участь моя решена: быть любимым вами или умереть...».

Соня (изумленно отстраняя Наташу). Нет, я не могу этому верить. Я не понимаю. Как же ты год целый любила князя Андрея, и вдруг... Ведь ты только три раза видела его. Наташа, я тебе не верю... Ты шутишь... В три дня забыть все и так...

Наташа (восторженно). Три дня. Мне кажется, я сто лет люблю его. Мне кажется, что я никого никогда не любила прежде его. Ты этого не можешь понять. Мне говорили, что это бывает, и ты, верно, слышала, но я теперь только испытала эту любовь. Это не то, что прежде. Как только я увидела его, я почувствовала, что он мой властелин, и я раба его, и что я не могу не любить его. Да, раба... Что он мне велит, то я и сделаю. Ты не понимаешь этого. Что же мне делать? Что же мне делать, Соня?

Соня (с ужасом и с отвращением, которое она с трудом скрывает). Но ты подумай, что ты делаешь... Я не могу этого так оставить. Эта записка... Как ты могла допустить до этого?

Наташа. Я тебе говорила, что у меня нет воли, как ты не понимаешь этого: я его люблю...

Соня (с прорвавшимися слезами). Так я не допущу до этого, расскажу...

Наташа. Что ты, ради Бога... Ежели ты расскажешь, ты мой враг... Ты хочешь моего несчастья... Ты хочешь, чтобы нас разлучили...

Соня. Наташа, я не понимаю тебя. И что ты говоришь... Вспомни об отце... О Николае...

Наташа. Мне никого не нужно... Я никого не люблю, кроме него... Ты разве не понимаешь, что я его люблю?

Соня. Наташа, безумная... Ведь ты погубишь себя...

Наташа (лицо которой выразило злобу, кричит). И погублю... погублю, как можно скорее погублю себя. Не ваше дело. Не вам, а мне дурно будет. Оставь, оставь меня. Я ненавижу тебя...

Соня. Наташа...

Наташа. Ненавижу, ненавижу... И ты мой враг навсегда...

Соня побежала и вернулась с Марьей Дмитриевной.

Марья Дмитриевна (входит с запиской Анатоля в руках, подходя к Наташе, тихо). Какова бесстыдница... В чужом доме любовникам свиданья назначает... Притворяться-то нечего. Ты слушай, когда я с тобой говорю. (Тронула ее за руку.) Ты слушай, когда я говорю. Ты себя срамишь, как девка последняя. Я бы с тобой-то сделала, да мне твоего отца жалко. (Оглянулась на Соню, присела на диване подле Наташи. Грубым голосом.) Счастье его, что он от меня ушел; да я найду его, слышишь, ты, что ли, что я говорю? (Поддела своей большой рукой под лицо Наташи и повернула ее к себе. Она и Соня удивились, увидав ее лицо.)

Наташа (глаза ее блестящи, сухи, губы поджаты, щеки опустились. Злым усилием вырвалась от Марьи Дмитриевны). Оставь... те... что мне... я... умру...

Марья Дмитриевна. Наталья... Я тебе добра желаю. Я не стану говорить, как ты виновата. Ты сама знаешь. Ну да... Теперь отец твой сейчас войдет, – что я скажу ему? А? Ну, узнает он, ну брат твой, жених...

Наташа. У меня нет жениха, я отказала...

Марья Дмитриевна. Как отказала? Не спросясь ни отца ни матери? Никому не сказавши?.. Отказала князю Болконскому...

Наташа. Он лучше всех вас... Если бы вы не вмешивались... Ах, Боже мой... что это, что это... Соня, за что? Уйдите... (Плачет.)

Элен (показывается в дверях, удивленно). Mon ange...

Марья Дмитриевна (увидев Элен, уходит. Про себя). Поплачь... Бесстыдница...

Гр. Ростов (входя). Что с тобой, мой ангел, дурно?

Наташа (со слезами). Да...

Гр. Ростов. То-то... Говорил, не оставаться в этом доме... Ох, матушка, послушница... Пойдем, Соня...

Уводят плачущую Наташу. В зале шум, музыка, танцы.

Элен. Adieu... charmante..

Целует Наташу и уходит, провожая Ростовых. Входят Марья Дмитриевна и Пьер.

Пьер. Да как обвенчаться? Он не мог обвенчаться: он женат.

Марья Дмитриевна. Час от часу не легче...

Пьер. Этого никто не знает, кроме очень немногих. Два года тому назад, когда его полк стоял в Польше, один небогатый польский помещик заставил Анатоля жениться на его дочери. Анатолий скоро бросил жену, а тестю деньги посылает, чтобы тот молчал.

Марья Дмитриевна. Хорош мальчик... То-то мерзавец... Надо сказать Наташе. По крайней мере, ждать его не станет.

Уходит. Входят Элен и Анатолий.

Элен (подходя к Пьеру). Ах, Пьер... Я не знала, что ты вернулся. Ты не знаешь, в каком положении наш Анатолий...

Пьер (со страшным выражением бешенства и силы в блестящих глазах). Где вы, там разврат, зло... Анатолий, пойдите, мне надо поговорить с вами...

Анатолий покорно и смущенно выходит за Пьером.

Занавес.

Картина шестая

1812 год. Июль. У Ростовых в Москве. Наташа в лиловом платье пела сольфеджио в зале, прохаживаясь. В гостиную вошел Пьер.

Наташа (как только увидела его толстое, удивленное лицо, покраснела и быстро подошла к нему). Я хочу попробовать опять петь. Все-таки занятие.

Пьер. И прекрасно...

Наташа (с тем прежним оживлением, которого уже давно не видел у нее Пьер). Как я рада, что вы приехали... Я нынче так счастлива... Вы знаете, Николай получил Георгиевский крест... Я так горда за него...

Пьер. Как же, я прислал приказ.

Наташа (покраснев, но не опуская глаз, вопросительно глядя на Пьера). Граф... что, это дурно, что я пою?

Пьер. Нет... отчего же? Напротив... Но отчего вы меня спрашиваете?

Наташа (быстро). Я сама не знаю. Но я ничего бы не хотела сделать, что бы вам не нравилось. Я вам верю во всем. Вы не знаете, как вы для меня важны, как много вы для меня сделали... Я видела в том же приказе: он, Болконский (быстро, шепотом проговорила это слово), он в России и опять служит. Как вы думаете, простит он меня когда-нибудь? Не будет он иметь против меня злого чувства? Как вы думаете?

Пьер. Я думаю... ему нечего прощать... Ежели бы я был на его месте... Ежели бы я был не я, а красивейший, умнейший и лучший человек в мире и был бы свободен, я бы сию минуту на коленях просил руки и любви вашей.

Наташа (с восторгом). Да вы... вы... другое дело... Добрее, великодушнее, лучше вас я не знаю человека, и не может быть. Ежели бы вас не было тогда, да и теперь, я не знаю, что было бы со мною, потому что...

Слезы вдруг полились у нее из глаз; она повернулась, подняла ноты к глазам, запела и ушла ходить по зале.

Петя (вбежал в это время в гостиную. Красивый, румяный пятнадцатилетний мальчик с толстыми губами, похожий на Наташу). Ну, что мое дело, Петр Кириллыч, ради Бога... Одна надежда на вас.

Пьер. Ах, да, твое дело. В гусары-то? Скажу, скажу, нынче скажу все.

Гр. Ростов (входя в гостиную). Ну что, топ чер, ну что, достали манифест? А графинюшка была у обедни у Разумовских, молитву новую слышала. Очень хорошая, говорит.

Пьер. Достал. Завтра государь будет... Необычайное дворянское собрание, и, говорят, по десяти с тысячи набор. Да, поздравляю вас.

Гр. Ростов. Да, да, слава Богу. Ну, а из армии что?

Пьер. Наши опять отступили. Под Смоленском уже говорят.

Гр. Ростов. Боже мой, Боже мой... Где же манифест?

Пьер. Воззвание... Ах, да...

Ищет в карманах бумаг и не может найти их. Входят графиня Ростова, Шиншин и Соня.

Пьер (продолжая охлопывать карманы, целует руку у графини и беспокойно оглядывается, очевидно, ожидая Наташу, которая не пела больше и не приходила в гостиную). Ей-богу не знаю, куда я его дел.

Гр. Ростова. Ну, уж вечно растеряет все.

Соня. Я пойду поищу в передней.

Уходит. Наташа вошла с размягченным и взволнованным лицом и села, молча глядя на Пьера.

Пьер (лицо его, как только вошла Наташа, до этого пасмурное, просияло, и он, продолжая отыскивать бумаги, несколько раз взглядывал на нее). Ей-богу я съезжу, я дома забыл. Непременно...

Гр. Ростов. Ну, к обеду опоздаете?

Пьер. Ах, и кучер уехал.

Соня (возвращаясь с бумагами). Я нашла их в вашей шляпе; вы заложили за подкладку.

Пьер (смущенно). Ну вот, благодарю.

Шиншин. Забавный анекдот. К Растопчину привели какого-то немца и объявили ему,

Собрание пьес. книга 2. Фёдор Сологуб sologubfyodor.ru
что это шампиньон, – так рассказывал сам граф Растопчин, – граф велел шампиньона отпустить, сказав народу, что это не шампиньон, а простой старый гриб немец.

Гр. Ростов. Хватают, хватают, я графине и то говорю, чтобы поменьше говорила по-французски. Теперь не время.

Шиншин. А слышали? Князь Голицын русского учителя взял, – по-русски учится, становится опасным говорить по-французски на улицах.

Гр. Ростов (Пьеру). Ну, что ж, граф Петр Кириллыч, как ополчение-то собирать будут, и вам придется на коня?

Пьер. Да, да, на войну. Нет... Какой я воин... А, впрочем, все это так странно, так странно... Да я и сам не понимаю. Я не знаю, я так далек от военных вкусов; но в теперешние времена никто за себя отвечать не может.

Гр. Ростов (усевшись покойно в кресло). ma chère Соня, ты мастерица читать. Прочти-ка нам этот манифест.

Соня читает манифест. Граф Ростов закрывает глаза, слушает, порывисто вздыхая в некоторых местах. Наташа сидит вытянувшись, испытующе и прямо глядя то на отца, то на Пьера. Пьер чувствует на себе ее взгляды и старается не оглядываться. Графиня неодобрительно и сердито покачивала головой против каждого торжественного слова манифеста.

Гр. Ростов (открывая мокрые глаза и несколько раз прерываясь от сопения, как будто к носу его подносили склянку с крепкой уксусной солью). Вот это так... Только скажи государь, мы всем пожертвуем и ничего не пожалеем.

Наташа (вскочила со своего места и побежала к отцу). Что за прелесть этот папа...

Опять взглянула на Пьера с тем бессознательным кокетством, которое вернулось к ней вместе с ее оживлением.

Шиншин. Вот так патриотка.

Наташа (обиженно). Совсем не патриотка... Я просто... Вам все смешно, а это совсем не шутка...

Гр. Ростов. Какие шутки... Только скажи он слово, мы все пойдем... Мы не немцы какие-нибудь...

Пьер. А заметили вы, что сказано: «для совещания»...

Гр. Ростов. Ну, уж там для чего бы ни было...

Петя (подойдя к отцу, весь красный, ломающимся, то грубым, то тонким голосом). Ну, теперь, папенька, я решительно скажу, – и маменька тоже, как хотите, – я решительно скажу, что вы пустите меня в военную службу, потому что я не могу, вот и все...

Гр. Ростова (с ужасом подняла глаза к небу, всплеснула руками и сердито обратилась к мужу). Вот и договорился...

Гр. Ростов. Ну, ну... вот воин еще... Глупости-то оставь: учиться надо.

Петя. Это не глупости, папенька. Оболенский Федя моложе меня и тоже идет; а главное, все равно, я ничему не могу учиться теперь, когда... когда отечество в опасности...

Гр. Ростов. Полно, полно, глупости...

Петя. Да ведь вы сами сказали, что всем пожертвуем.

Гр. Ростов (оглядываясь на жену, которая, побледнев, смотрела остановившимися глазами на меньшого сына). Петя... Я тебе говорю: замолчи...

Петя. А я вам говорю. Вот и Петр Кириллыч скажет...

Гр. Ростов. Я тебе говорю, вздор... Еще молоко не обсохло, а в военную службу хочет... Ну, ну, я тебе говорю. (Взяв с собой бумаги, вероятно, чтобы еще раз прочесть в кабинете перед отдыхом, пошел из комнаты.) Петр Кириллович, что ж, пойдем покурим...

Пьер. Нет, я, кажется, домой поеду...

Гр. Ростов. Как домой, да вы вечером у нас хотели... И то редко стали бывать. А эта моя... (добродушно указывая на Наташу) только при вас и весела...

Пьер (поспешно). Да, я забыл... Мне непременно надо домой... Дела...

Гр. Ростов (совсем уходя из комнаты). Ну, так до свиданья...

Наташа (вызывающе глядя Пьеру в глаза). Отчего вы уезжаете? Отчего вы расстроены? Отчего?..

Пьер (опустил глаза). Оттого, что мне лучше реже бывать у вас... Оттого... нет, просто у меня дела...

Наташа. Отчего? Нет, скажите...

Вдруг замолчала. Оба они испуганно и смущенно смотрят друг на друга.

Пьер пытается усмехнуться, но не может; улыбка его выразила страдание, и он, молча поцеловав ее руку, вышел.

Занавес.

Картина седьмая

25 августа 1812 года. Стоянка Наполеона. В первое отделение палатки Наполеона вошел префект дворца де Боссе, одетый в придворный мундир. Перед ним внесли привезенный им императору подарок от императрицы. Переговариваясь с Раппом, адъютантом Наполеона, де Боссе занялся раскупориванием ящика.

Де Боссе (вопросительно). Его величество?

Рапп. Государь еще не выходил из спальни. Оканчивает свой туалет.

Второй адъютант выходит из дверей спальни.

Наполеон (сперва слышен его голос, вслед за тем он выходит). Сколько же во вчерашнем деле взято пленных?

Второй адъютант. Пленных нет, ваше величество. Русские не сдаются.

Наполеон. Нет пленных. Они заставляют нас уничтожать их. Тем хуже для русской армии. Хорошо... Впустите господина де Боссе и Фабвье также.

Второй адъютант. Они уже здесь, ваше величество.

Наполеон, в гвардейском синем мундире, твердыми быстрыми шагами вышел в приемную. Де Боссе торопливо устанавливает привезенный им подарок на двух стульях, прямо перед входом императора. Наполеон тотчас замечает то, что они делают, и догадался, что они еще не готовы. Притворился, что не видит де Боссе, и позвал к себе полковника Фабвье. Слушает его, строго нахмурившись и молча.

Фабвье. Как всегда, государь, достойны высоких похвал храбрость и преданность войск вашего величества. Сражаясь при Саламанке на противоположном конце Европы, они имели только одну мысль – быть достойными своего императора, и один страх – не угодить ему. Результат сражения, как известно уже вашему величеству, был печальный.

Наполеон. Ну, конечно, я и не предполагал, что дело могло идти иначе в моем отсутствии. Я должен поправить это в Москве. До свидания.

Фабвье кланяется и уходит. Наполеон подзывает де Боссе, который в это время уже успел приготовить сюрприз, оставив что-то на стульях и накрыв покрывалом. Де Боссе кланяется низким французским придворным поклоном и подошел, подавая конверт.

Наполеон (весело обратился к нему и подрал его за ухо, изменяя свое прежде строгое на самое ласковое выражение). Вы поспешили, очень рад. Ну, что говорит Париж?

Де Боссе. Весь Париж сожалеет о вашем отсутствии.

Наполеон. Мне жаль, что я заставил вас так далеко проехать.

Де Боссе. Я ожидал найти вас, государь, по крайней мере у ворот Москвы.

Наполеон улыбнулся и, рассеянно подняв голову, оглянулся направо. Рапп плывущим шагом подходит с табакеркой и подставляет ее Наполеону.

Наполеон (берет, приставляя раскрытую табакерку к носу). Да, хорошо случилось для вас. Вы любите путешествовать, через три дня вы увидите Москву. Вы, верно, не ждали увидеть азиатскую столицу. Вы сделаете приятное путешествие.

Де Боссе кланяется с благодарностью за эту внимательность.

Наполеон (заметив, что все придворные смотрят на что-то, накрытое покрывалом). А... это что?

Де Боссе (с придворной ловкостью, не показывая спины, сделал вполуоборот два шага назад и в одно и то же время сдернул покрывало, проговорив). Подарок вашему величеству от императрицы.

Это яркими красками написанный Жераром портрет мальчика, короля Римского. Весьма красивый, курчавый мальчик изображен играющим в бильбоке. Шар представлял земной шар, а палочка в другой руке изображала скипетр.

Наполеон (грациозным жестом указывая на портрет). Король Римский... Прелестно... (Со свойственной итальянцам способностью изменять произвольно выражение лица, подошел к портрету и сделал вид задумчивой нежности. Глаза его отуманились, он подвинулся, оглянулся на стул. Стул подскочил под него, и он сел против портрета. Один жест его, и все на цыпочках вышли, предоставляя его самому себе и его чувству. Просидев некоторое время и дотронувшись до шероховатости блика портрета, он встал и опять позвал де Боссе и Раппа.) Вынести этот портрет перед палаткой. Я не хочу лишить мою старую гвардию счастья видеть Римского короля, сына и наследника государя, которого они так обожают.

Портрет вынесли. Вскоре перед палаткой послышались восторженные крики сбежавшихся офицеров и солдат старой гвардии.

Голоса. Да здравствует император... Да здравствует Римский король... Да здравствует император...

Наполеон (в присутствии де Боссе продиктовал свой приказ по армии). Воины... Вот сражение, которого вы столько ждали. Победа зависит от вас. Она необходима для нас: она доставит нам все нужное, удобные квартиры и скорое возвращение в отечество. Действуйте так, как вы действовали при Аустерлице, Фридрихсвальде, Витебске и Смоленске. Пусть позднейшее потомство с гордостью вспоминает о ваших подвигах в сей день. Да скажут о каждом из вас: он был в великой битве под Москвою... Под Москвою... Коротко и энергично... (Крики гвардейцев перед портретом его сына усиливаются. Он нахмурился. Вышел к входу палатки и грациозно-величественным жестом указал на портрет.) Снимите его. Ему еще рано видеть поле сражения.

Де-Боссе закрыл глаза и склонил голову, глубоко вздохнув, этим жестом показывая, как он умеет ценить и понимать слова императора.

Наполеон (возвращаясь в палатку). Ну, Рапп, как вы думаете, хороши ли будут наши дела в этом сражении?

Рапп. Без сомнения, ваше величество.

Наполеон посмотрел на него.

Помните, ваше величество, что вы изволили сказать мне в Смоленске: вино откупорено, надо его пить.

Наполеон (нахмурился). Эта бедная армия... Она очень уменьшилась по пути от Смоленска. Судьба просто распутница. Рапп, я всегда это говорил и теперь начинаю это испытывать. Но гвардия, Рапп, гвардия цела?

Рапп. Да, ваше величество.

Наполеон (взял пастилку, положил ее в рот, строго). Розданы сухари и рис гвардейским полкам?

Рапп. Да, ваше величество.

Наполеон. А рис?

Рапп. Я передал приказания вашего величества о рисе.

Наполеон (недоверчиво покачал головой. Слуга входит с пуншем). Подайте пунш этим господам... (Принюхиваясь к стакану.) У меня нет ни вкуса, ни обоняния. Этот насморк надоел мне. Они толкуют про медицину. Какая медицина, когда они не могут вылечить насморка. Корвизар дал мне эти пастилки, но они ничего не помогают. Что они могут лечить? Лечить нельзя. Наше тело – это машина для жизни. Оно для того устроено. В этом состоит его природа. Оставьте в нем жизнь в покое, пусть сама защищается, она сделает больше, чем когда вы будете пичкать тело лекарствами. Наше тело подобно часам, которые должны идти известное время. Часовщик не может открыть их, он может управлять ими только ощупью и с завязанными глазами. Да, наше тело – машина жизни, и только. Вы знаете ли, Рапп, что такое военное искусство? Искусство быть сильнее неприятеля в известный момент. И только. Будем иметь дело с Кутузовым... Посмотрим, Помните, в Браунау он командовал армией и ни разу в три недели не сел на лошадь, чтобы осмотреть укрепления? Посмотрим...

Занавес.

Картина восьмая

Совет в Филях. В просторной избе в два часа собрался совет. Генералы один за другим входят в избу и рассаживаются в красном углу на широких лавках под образами. Кутузов сидит от них особо, в темном углу за печкой, глубоко опустившись в складное кресло. Он беспрестанно побряхтывал и расправлял воротник сюртука, который, хотя и расстегнутый, все как будто жал его шею. Входящие один за другим подходят к фельдмаршалу; некоторым он пожимал руку, некоторым кивал головой. Адьютант Кайсаров хотел было отдернуть занавеску в окне против Кутузова, но Кутузов сердито замахал ему рукой. Вокруг елового стола, на котором лежали карты, планы, карандаши, бумаги, собралось так много народа, что денщики принесли еще лавку и приставили у стола. На лавку эту сели пришедшие Ермолов, Кайсаров и Толь. Под самыми образами на первом плане сидел с Георгием на шее, с бледным, болезненным лицом и с своим высоким лбом, сливающимся с головой, Барклай-де-Толли. Второй день уже он мучился лихорадкой, и в это самое время его знобило и ломало. Рядом с ним сидит Уваров и негромким голосом, как и все говорили, что-то, быстро делая жесты, сообщал Барклаю. Маленький кругленький Дохтуров, приподняв брови и сложив руки на животе, внимательно прислушивался. С другой стороны сидит, облокотившись на руку свою широкую, со смелыми чертами и блестящими глазами голову, граф Остерман-Толстой и кажется погруженным в свои мысли. Раевский с выражением нетерпения и привычным жестом наперед курчавя свои черные волосы на висках, поглядывал то на Кутузова, то на входную дверь. Твердое, красивое и доброе лицо Коновницына светится нежной и хитрой улыбкой.

Раевский. Что же мы не начинаем?

Остерман. Надо подождать Бенигсена...

Собрание пьес. книга 2. Фёдор Сологуб sologubfyodor.ru
Раевский. А где он?

Остерман. Опять осматривает позицию. Ведь он ее выбрал.

Коновницын. Ну, это только предлог. Доканчивает свой вкусный обед.

Бенигсен входит в избу. Кутузов выдвинулся из своего угла и подвинулся к столу, но на столько, что лицо его не было освещено поданными на стол свечами.

Бенигсен. Ваша светлость, позвольте поставить на обсуждение совета вопрос: оставить ли без боя священную и древнюю столицу России или защищать ее?

Долгое общее молчание. Все лица нахмурились. Слышны сердитое кряхтение и покашливание Кутузова. Все глаза смотрят на него.

Кутузов (лицо его сморщилось, точно он собирается заплакать. Но это продолжается недолго. Вдруг он заговорил сердитым голосом, повторяя слова Бенигсена и этим указывая на фальшивую ноту этих слов). Священную древнюю столицу России... Позвольте вам сказать, ваше сиятельство, что вопрос этот не имеет смысла для русского человека. Такой вопрос нельзя ставить, и такой вопрос не имеет смысла. Вопрос, для которого я просил собраться этих господ, – это вопрос военный. Вопрос следующий: «Спасение России и армии. Выгоднее ли рисковать потерю армии и Москвы, приняв сражение, или отдать Москву без сражения?». Вот на какой вопрос я желаю знать ваше мнение.

Откачнулся назад на спинку кресла.

Барклай. Невозможно принять оборонительное сражение под Филями.

Ермолов. Позицию я осматривал по приказанию вашей светлости. Под Москвою на этой позиции нельзя драться. Надо отступить.

Остерман. Не понимаю, как можно было выбрать эту позицию.

Кайсаров. Надо было принять сражение еще третьего дня.

Бенигсен. Допускаю, что оборонительное сражение на этой позиции невозможно, хотя и не вижу к тому основательных доводов. Но любовь к родине и любовь к Москве, проникающие всех нас, побуждают сделать все возможное для спасения Москвы. Посему предлагаю перевести войска в ночи с правого фланга на левый и ударить на другой день на правое крыло французов.

Ермолов. На левом фланге позиция сильнее, и с мнением его сиятельства я не соглашаюсь.

Дохтуров. Вот именно – ударить всеми силами на их правое крыло.

Раевский. Согласен и я. Прежде чем оставить столицу, уж если это суждено, нужно принести последнюю жертву.

Коновницын. Мы не можем изменить ход дел. Москва уже теперь оставлена; и следует говорить о том направлении, которое в своем отступлении должно принять войско. Надлежит отступить на Калужскую дорогу.

Кутузов (спокойным и тихим голосом, бросив на Бенигсена быстрый лукавый взгляд). Я, господа, не могу одобрить плана графа. Передвижения войска в близком расстоянии от неприятеля всегда бывают опасны, и военная история подтверждает это соображение. Так, посмотрим... (Как будто задумался, приискивая пример, и светлым, наивным взглядом глядя на Бенигсена.) Да вот хоть бы Фриланское сражение, которое, как я думаю, граф хорошо помнит, было... не вполне удачно только оттого, что войска наши перестраивались в слишком близком расстоянии от неприятеля...

Бенигсен смутился и сердито прошелся по избе. Последовало показавшееся всем очень продолжительным молчание.

Кутузов (тяжело вздохнув, как бы собираясь говорить. Все оглянулись на него). Итак, господа, стало быть, мне платить за перебитые горшки. (Медленно

Собрание пьес. книга 2. Фёдор Сологуб sologubfyodor.ru
приподнявшись, подошел к столу.) Господа, я слышал ваши мнения. Некоторые будут не согласны со мной. Но я, властью, врученной мне моим государем и отечеством, я приказываю отступление.

Вслед за этим генералы стали расходиться с той же торжественной и молчаливой осторожностью, с которой расходятся после похорон.

Кутузов (отпустив генералов, долго сидел, облокотившись на стол. Вошедшему к нему адъютанту Шнейдеру). Этого, этого я не ждал, этого не ждал... Этого я не думал... Когда же, когда же наконец решилось то, что оставлена Москва? Неужели вчера, когда я послал к Платову приказ отступить, или третьего дня вечером, когда я задремал и приказал Бенигсену распорядиться? И кто виноват в этом?

Шнейдер. Вам надо отдохнуть, ваша светлость.

Кутузов (ударяя пухлым кулаком по столу). Да нет же... Будут же они лошадиное мясо жрать, как турки, будут и они, только бы...

Занавес.

Картина девятая

2-е сентября, 10 часов утра. Наполеон стоял на Поклонной горе и смотрел на открывавшееся перед ним зрелище. Стояла та необычайная осенняя погода, когда низкое солнце греет жарче, чем весной, когда все блестит в редком, чистом воздухе так, что глаза режет. Москва с Поклонной горы расстилалась просторно с своей рекой, своими садами и церквями, трепеща, как звезды, своими куполами в лучах солнца.

Наполеон. Вот он, наконец, этот знаменитый азиатский город с своими бесчисленными церквями, священная Москва... Давно пора... Раскройте предо мной план этой Москвы. (Адъютанты развертывают план Москвы и раскладывают его на походном раздвижном столе.) Вот она, эта столица, – у моих ног, ожидая судьбы своей. Где теперь Александр и что он думает? Станный, красивый, величественный город... И странная, величественная эта минута... В каком свете представляюсь я моим войскам? Вот она, награда для всех этих малoverных.

Мюрат. Одно ваше слово, государь, одно движение вашей руки, и погибла эта древняя столица царей.

Наполеон. Нет, мое милосердие всегда готово снизойти к побежденным. Я должен быть великодушен и истинно велик... Но нет, это неправда, что я в Москве... Однако, вот она лежит у моих ног, играя и дрожа золотыми куполами и крестами в лучах солнца. Но я пощажу ее. На древних памятниках варварства и деспотизма я напишу великие слова справедливости и милосердия... Александр больше всего поймет это, я знаю его. С высоты Кремля – да, это Кремль, да, – я дам законы справедливости; я покажу им значение истинной цивилизации, я заставлю поколения бояр с любовью вспоминать имя своего завоевателя. Я скажу депутации, что я не хотел и не хочу войны, что я вел войну только с ложной политикой их двора, что я люблю и уважаю Александра и что приму условия мира в Москве, достойные меня и моих народов. Я не хочу воспользоваться счастьем войны для унижения уважаемого государя. «Бояре, – скажу я им, – я не хочу войны, а хочу мира и благоденствия всех моих подданных». Впрочем, я знаю, что присутствие их воодушевит меня, и я скажу им, как я всегда говорю: ясно, торжественно и велико. Но неужели это правда, что я в Москве? Да, вот она... (к свите.) Пусть приведут ко мне бояр. (Генерал с блестящей свитой тотчас же поскакал за боярами. Наполеон стоял на Поклонной горе, ожидая депутации.) Надо будет назначить дни собраний во дворце царей, где должны сходиться русские вельможи с вельможами французского императора. Назначить губернатора, такого, который бы сумел привлечь к себе население.

Генерал. В Москве много богоугодных заведений.

Наполеон. Все эти заведения будут осыпаны моими милостями. Как в Африке надо было сидеть в бурнусах в мечети, так в Москве надо быть милостивым, как цари. Чтобы тронуть сердца русских, на всех этих заведениях я прикажу написать большими буквами: «Заведение посвящено моей матери». Нет, просто: «Заведение моей матери». Но неужели я в Москве? Да, вот она передо мной, но что же так

Собрание пьес. книга 2. Фёдор Сологуб sologubfyodor.ru
долго не является депутация города?

Между тем в задах свиты императора происходило шепотом взволнованное совещание между его генералами и маршалами.

Генерал (посланный за депутатами). Москва пуста; все уехали и ушли из нее. Есть толпы пьяных, но никого больше.

Лица совещающихся были бледны и взволнованы.

Маршалы и генералы.

– Каким образом объявить о том императору? Каким образом, не ставя его величество в смешное положение, объявить ему, что он напрасно ждет бояр так долго?

– Надо во что бы то ни стало собрать хоть какую-нибудь депутацию.

– Надо осторожно и умно подготовить императора, объявить ему правду.

– Но как сказать?

– А все-таки надо ему сказать. Но господа... (Наполеон терпеливо ходил взад и вперед перед планом, посматривая изредка из-под руки по дороге в Москву и гордо улыбаясь.) Но это невозможно.

Наполеон. Однако пусть они не думают, что я буду ждать их долго. Азиатская медлительность этих господ, этих бояр Москвы мне надоела. Величественная минута не может длиться без конца. Пусть войска мои вступают в Москву.

Подал знак рукою. Раздался одинокий выстрел сигнальной пушки, и войска двинулись в Москву. Быстрее и быстрее, перегоняя одни других, беглым шагом и рысью, скрываясь в поднимаемых ими облаках пыли и оглашая воздух сливающимися гулами криков.

Генерал. Ваше величество, Москва пуста.

Наполеон (сердито взглянул на доносившего об этом и, отвернувшись, продолжал ходить молча. После долгого молчания). Подать экипаж. Москва пуста... Какое невероятное событие...

Занавес.

Картина десятая

Крыльцо у дома Раstopчина. Окна и двери выходят в светлую роскошную гостиную. На улице перед крыльцом толпа и человек двадцать мастеровых, худых, истомленных людей в халатах и оборванных чулках, с унылыми лицами.

Высокий мастеровой. Он народ разочти, как следует. А что ж он нашу кровь сосал, да и квит. Он нас водил, водил – всю неделю. А теперь довел до последнего конца, а сам уехал.

В толпе.

– Куда идет народ-то?

– Известно куда, к начальству идет.

– Что ж, али взаправду наша не взяла сила?

– А ты думал как... Гляди-ка, что народ говорит.

Высокий мастеровой. Он покажи порядок, закон покажи, на то начальство поставлено... Так ли я говорю, православные? Он думает, и начальства нет? Разве без начальства можно? А то грабить-то мало ли их.

Собрание пьес. книга 2. Фёдор Сологуб sologubfyodor.ru

В толпе. Что пустое говорить... Как же, так и бросят Москву-то? Тебе на смех сказали, а ты и поверил. Мало ли войск наших идет. Так его и пустили... На то начальство. Вот, послушай, что народ-то бает. (Небольшая кучка людей окружила человека в фризовой шинели, держащего в руках бумагу.) Указ, указ читают... Указ читают...

Народ хлынул к чтецу.

Человек в фризовой шинели (читает афишку от 31-го августа. Когда толпа окружила его, он как бы смутился, но с легким дрожанием в голосе снова начал читать афишку сначала). «Я завтра рано еду к светлейшему князю, чтобы с ним переговорить, действовать и помогать войскам истреблять злодеев; станем и мы из них дух искоренять и этих гостей к черту отправлять. Я приеду назад к обеду, и примемся за дело; сделаем, доделаем и злодеев отделаем».

Пауза. Все в недоумении молчат.

В толпе (увидя проходящего полицмейстера). У него спросить бы?.. Это сам и есть... Как же, упрощил... А то что ж... Он укажет...

Полицмейстер (подходя). Что за народ? Что за народ, я вас спрашиваю?

Человек в фризовой шинели. Они, ваше благородие, по объявлению сиятельнейшего графа, не щадя живота, желали послужить, а не то чтобы бунт какой, как сказано от сиятельнейшего графа...

Полицмейстер. Граф не уехал, он здесь, и об вас распоряжение будет.

Высокий мастеровой. Обман, ребята... Пойдем к самому... Не пуцай, ребята... Пуцай отчет подаст... Держи...

В толпе. Что ж, господа и купцы повыехали, а мы зато и пропадем? Что ж мы, собаки, что ль?

Шум, движение к крыльцу. Высокий малый в передних рядах со строгим лицом, размахивая рукой, говорит что-то. Окровавленный кузнец с мрачным видом подле него.

Растопчин (показался в дверях внутри). Готов экипаж? (Быстро отворив дверь, вышел решительными шагами на крыльцо.)

Говор вдруг умолк, шапки и картузы снялись, и все глаза поднялись к вышедшему графу.

Растопчин. Здравствуйте, ребята... Спасибо, что пришли. Я сейчас выйду к вам, но прежде всего нам надо управиться со злодеем. Нам надо наказать злодея, от которого погибла Москва. Подождите меня... (Так же быстро вернулся в покои, крепко хлопнув дверью.)

В толпе (одобрительный ропот удовольствия). Он, значит, злодеев управит всех... А ты говоришь – француз... он тебе все порядки укажет...

Через несколько минут из парадных дверей поспешно вышел офицер, приказал что-то, и драгуны подошли, вытянулись. Толпа жадно подвинулась к крыльцу. Выйдя гневно, быстрыми шагами на крыльцо, Растопчин поспешно оглянулся вокруг себя, как бы отыскивая кого-то.

Растопчин. Где он?

Из-за угла дома вышел между двух драгун молодой человек с длинной, тонкой шеей, до половины выбритая и заросшая голова. Одет он в когда-то щегольской, крытый синим сукном потертый лисий тулупчик и в грязные, посконные арестантские шаровары, засунутые в нечищенные, стоптанные тонкие сапоги. На тонких слабых ногах тяжело висели кандалы, затруднявшие нерешительную походку молодого человека.

Растопчин (указывая на нижнюю ступеньку крыльца). А... Поставить его сюда...

Собрание пьес. книга 2. Фёдор Сологуб sologubfyodor.ru
Верещагин, брянча кандалами, тяжело переступив на указываемую ступеньку, придержав пальцем нажимавший воротник тулупчика, повернул два раза длинной шеей и вздохнул, покорным жестом сложив перед животом тонкие нерабочие руки.

Несколько секунд, пока молодой человек устанавливался на ступеньке, молчание. Только в задних рядах сдавливающихся к одному месту людей слышались крихтение, стоны, толчки и топот переставляемых ног.

Растопчин (ожидая того, чтобы он остановился на указанном месте, хмурясь, потирал рукою лицо. Громко, указывая на Верещагина). Ребята, этот человек – Верещагин – тот самый мерзавец, от которого погибла Москва...

Верещагин стоял в покорной позе, сложив кисти рук вместе, перед животом, и немного согнувшись. Исхудалое, с безнадежным выражением, изуродованное бритой головою молодое лицо его было опущено вниз. При первых словах графа он медленно поднял голову и поглядел снизу на графа, как бы желая что-нибудь сказать ему или хоть встретить его взгляд. Но Растопчин не смотрел на него. Все глаза были устремлены на него. Он посмотрел на толпу и, как бы обнадеженный тем выражением, которое он прочел на лицах людей, печально и робко улыбнулся и, опять опустив голову, поправился ногами на ступеньке.

Растопчин. Он изменил своему царю иотечеству, он передался Бонапарту, он один из всех русских осрамил имя русского, и от него погибает Москва. Своим судом расправляйтесь с ним... отдаю его вам...

Народ молча все теснее и теснее нажимал друг на друга.

Растопчин. Бей его... Пускай погибнет изменник и не срамит имя русского... Руби... я приказываю...

Толпа застонала и надвинулась, но опять остановилась.

Верещагин. Граф... граф... один Бог над нами...

Растопчин. Руби его... я приказываю...

Офицер. Сабли вон... Руби...

Верещагин – вслед за восклицанием удивления у него вырвался жалобный крик от боли, и этот крик погубил его. Жалобный стон упрека был заглушен грозным и гневным ревом толпы. Ударивший драгун хотел повторить свой удар. Он с криком ужаса, заслоняясь руками, бросился в толпу, к народу. Высокий малый, на которого наткнулся Верещагин, вцепился руками в тонкую шею его и с диким криком с ним вместе упал под ноги навалившегося ревушего народа.

В толпе. Топором его бей, что ли... Задавили?... Изменщик... Христа продал... Жив... Живуч... Поделом вору мука... Топором-то... Али жив?

Толпа уволакивает Верещагина и с ним вместе высокого мастерового.

Занавес.

Картина одиннадцатая
Комната в ярославском доме Бронникова, где проездом остановились Ростовы с раненым князем Андреем. Простая обстановка, ширма, кушетка. Наташа с вязаньем в руках сидит одна. За ширмой лежит князь Андрей.

Кн. Марья (вошла). Можно видеть брата?... Что...

Наташа бросилась ей навстречу и, обняв ее, зарыдала на ее плече, закрыв лицо руками.

Кн. Марья. Но как его рана? Вообще, в каком он положении?

Наташа (дрогнувшим голосом). Вы... вы... увидите это...

Сели на кушетку.

Кн. Марья. Как шла болезнь? Давно ли ему было хуже? Когда это случилось?

Наташа. Все было хорошо... Опасность миновала... Но два дня тому назад вдруг это сделалось... (Удержала рыдания.) Я не знаю, отчего, но вы увидите, какой он стал.

Кн. Марья. Ослабел, похудел?

Наташа. Нет, не то... Но хуже. Вы увидите... Ах, Мари, он слишком хорош... Он не может, не может жить, потому что...

Отодвинула ширму.

Кн. Андрей (лежит на диване, обложенный подушками, в меховом беличьем халате. Он худ и бледен. Одна худая, прозрачно-белая рука его держит платок, другую он тихими движениями пальцев трогает тонкие отросшие усы. Глаза его смотрят на входящих Наташу и Мари. Он поцеловался с сестрой, рука в руку, по их привычке. Голосом таким же ровным и чуждым, как его взгляд). Здравствуй, Мари... Как это ты добралась? И Николушку привезла?

Кн. Марья. Как твое здоровье теперь?

Кн. Андрей. Это, мой друг, у доктора спрашивать надо. Благодарю, мой друг, что приехала.

Княжна Марья пожала ему руку.

Кн. Андрей (чуть заметно поморщился от ее пожатия. Указывая на Наташу). Да, вот как странно судьба свела нас... Она все ходит за мной...

Наташа. Мари проехала через Рязань...

Кн. Андрей. Ну, что же?

Наташа. Ей рассказывали, что Москва вся сгорела совершенно; что будто бы...

Кн. Андрей. Да, сгорела, говорят... Это очень жалко... (Стал смотреть вперед, пальцами рассеянно расправляя усы. Наташа вышла.) А ты встретила, Мари, с графом Николаем? Он писал сюда, что ты ему очень понравилась. Ежели бы ты его полюбила тоже, то было бы очень хорошо... чтобы вы женились.

Кн. Марья. Что обо мне говорить. Andre, ты хоч... ты хочешь видеть Николушку? Он все время вспоминал о тебе...

Кн. Андрей (чуть заметно улыбнувшись). Да, я очень рад Николушке. Он здоров?

Привели к князю Андрею Николушку, испуганно смотревшего на отца, но не плакавшего, потому что никто не плакал. Князь Андрей поцеловал его и, очевидно, не знал, что говорить с ним. Княжна Марья, когда Николушку увели, подошла еще раз к брату, поцеловала его и, не в силах удерживаться более, заплакала.

Кн. Андрей (пристально посмотрел на нее). Ты о Николушке? Мари, ты знаешь Еван...

Кн. Марья. Что ты говоришь?

Кн. Андрей. Ничего... Не надо плакать здесь. Слушай, Мари... я хотел сказать. Птицы небесные ни сеют, ни жнут, но Отец ваш питает их. Но нет, вы поймете это по-своему, совсем не поймете. Живые не могут этого понимать: что все чувства, которыми вы здесь все дорожите, все наши, все эти мысли, которые кажутся нам так важны, что они ничтожны, не нужны. Мы не можем понимать друг друга... Когда я увидел Анатоля Курагина, которому рядом со мной отрезали ногу, я помню, мне стало жаль и его, и себя, и всех... Все простить...

Замолчал. Княжна Марья заплакала, вышла.

Кн. Андрей (один, про себя, словно в бреду). Могло или не могло это быть? Неужели только затем так странно свела меня судьба с Наташей, чтобы мне

Собрание пьес. книга 2. Фёдор Сологуб sologubfyodor.ru
умереть?.. Неужели мне открылась истина жизни только для того, чтобы я жил во лжи? Я люблю Наташу больше всего в мире. Но что же делать мне, ежели я ее люблю? (Застонал.)

Наташа (вошла с вязаньем в руках). Вы не спите?

Кн. Андрей. Нет, я думаю о вас; почувствовал, когда вы вошли. Никто, как вы, не дает мне той мягкой тишины.. того света. Мне так и хочется плакать от радости.

Наташа ближе придвинулась к нему. Лицо ее сияло восторженной радостью.

Кн. Андрей. Наташа, я слишком люблю вас. Больше всего на свете.

Наташа. А я? (Отвернулась на мгновение.) Отчего же слишком?

Кн. Андрей. Отчего слишком?.. Ну, как вы думаете, как вы чувствуете по душе, по всей душе, буду я жив? Как вам кажется?

Наташа. Я уверена, я уверена...

Кн. Андрей. Как бы хорошо...

Наташа. Однако вы не спали. Постарайтесь заснуть... пожалуйста... (Ушла за ширму.)

Кн. Андрей (в бреду). Любовь? Что такое любовь? Любовь мешает смерти. Любовь есть жизнь. Все. Все, что я понимаю, я понимаю только потому, что люблю. Все есть, все существует только потому, что я люблю. Все связано одною ею. Любовь есть Бог, и умереть – значит мне, частице любви, вернуться к общему и вечному источнику. (Тихо дремлет. Тихо, очнувшись от сна.) Да, это была смерть... Я умер – я проснулся. Да, смерть – пробуждение?

Наташа вышла из-за ширмы; молча поднесла его руку к губам и, тихо плача, встала на колени.

Кн. Андрей (тихо). Наташа...

Смотрел на нее угасающим взглядом. Немая сцена.

Кн. Марья (вошла, подошла к телу князя Андрея). Кончилось?

Наташа (закрыла глаза князю Андрею. Тихо плача, княжне). Мари, где он теперь?

Плачут.

Занавес.

Картина двенадцатая

Барак военнопленных – балаган из обгорелых досок, бревен и теса. Человек двадцать пленных. Молча и неподвижно сидя у стены на соломе, Пьер то открывал, то закрывал глаза. Рядом с ним сидел согнувшись Платон Каратаев, маленький человек. Аккуратно, круглыми, спорыми, без замедления следовавшими одно за другим движениями разувшись, Платон развесил свою обувь на колышки, вбитые у него над головой, достал ножик, обрезал что-то, сложил ножик, положил под изголовье и, получше усевшись, обнял свои подогнутые колени обеими руками и прямо уставился на Пьера. Пьер смотрел на него, не спуская глаз.

Платон (певучим голосом, с выражением ласки и простоты). А много вы нужды увидели, барин? А?

Пьер хотел отвечать, но у него задрожала челюсть, и он почувствовал слезы.

Платон (с той нежно-певучей лаской, с которой говорят старые русские бабы). Э, соколик, не тужи. Не тужи, дружок: час терпеть, а век жить... Вот так-то, милый мой. А живем тут, слава Богу, обиды нет. Тоже люди и худые и добрые есть. (Еще говоря, гибким движением перегнулся на колени, встал и, прокашливаясь, пошел на другой конец балагана: послышался тот же ласковый голос.) Ишь, шельма, пришла...

Пришла, шельма, помнит... Ну, ну, буде. (Отталкивая от себя собачонку, прыгавшую к нему, вернулся к своему месту и сел. В руках у него было что-то завернуто в тряпке; опять возвращаясь к прежнему почтительному тону и развертывая и подавая Пьеру несколько печеных картошек.) Вот, покушайте, барин. В обеде похлебка была. А картошки важнее.

Пьер. Благодарю, милый. (Стал есть.)

Платон (улыбаясь). Что ж так-то? А ты вот как. (Достал складной ножик, разрезал на своей ладони картошку на равные половины, посыпал соли из тряпки и поднес Пьеру.) Картошки важнее. Ты покушай вот так-то.

Пьер. Никогда не ел кушанья вкуснее этого. Нет, мне все ничего, но за что они расстреляли этих несчастных... Последний – лет двадцати.

Платон. Тц, тц... Греха-то, греха-то... Что ж это, барин, вы так в Москве-то остались?

Пьер. Я не думал, что они так скоро придут. Я нечаянно остался.

Платон. Да как же они взяли тебя, соколика, из дома твоего?

Пьер. Нет, я пошел на пожар, а тут они схватили меня, судили за поджигателя.

Платон. Где суд, там и неправда.

Пьер (дожевывая последнюю картошку). А ты давно здесь?

Платон. Я-то? В то воскресенье меня взяли из госпиталя в Москве.

Пьер. Ты кто же, солдат?

Платон. Солдат Апшеронского полка. От лихорадки умирал. Нам и не сказали ничего. наших человек двадцать лежало. И не думали, не гадали.

Пьер. Что ж, тебе скучно здесь?

Платон. Как не скучно, соколик. Меня Платоном звать. Каратаевы прозвище. Соколиком на службе звали. Как не скучать, соколик... Москва – она городам мать. Как не скучать – на это смотреть. Да червь капусту гложет, а сам прежде того пропадает, – так-то старички говаривали.

Пьер. Как, как это ты сказал?

Платон. Я-то? Я говорю: не нашим умом, а Божьим судом. Как же у вас, барин, и вотчины есть? И дом есть? Стало быть, полная чаша... И хозяйство есть? А старички-родители живы?

Пьер. Нет, мой отец умер семь лет тому назад, а матери я и не помню.

Платон. Жена для совета, теща для привета, а нет милей родной матушки. Ну, а детки есть?

Пьер. Нет и детей.

Платон. Что ж, люди молодые, еще, даст Бог, будут. Только бы в совете жить...

Пьер. Да теперь все равно.

Платон. Эх, милый человек ты... От сумы да от тюрьмы никогда не отказывайся. (Уселся поудобнее, прокашлялся, видимо, приготавливаясь к рассказу.) Так-то, мой любезный, жил я еще дома. Вотчина у нас богатая, земли много, хорошо живут мужики, и наш дом, слава Богу. Сам-сем батюшка косить ходил. Жили хорошо. Христьяне настоящие были. Случись такой грех. Понадобилось батюшке леску, поехал я в рощу за лесом. Роща-то, она, соколик, чужая, это точно, а только все брали по малости, – барин богатый, роща большая, что ему. Да как на грех попался сторожу. Скрутили меня, соколик, высекли, отдали в солдаты. (Изменившимся от улыбки голосом.) Что ж, соколик, думали горе, а радость... Брату бы идти, кабы не

мой грех. А у брата меньшого сам-пять ребят; а у меня, гляди, одна солдатка осталась. Была девочка, да еще до солдатства Бог прибрал. Пришел я на побывку, скажу я тебе. Гляжу – лучше прежнего живут. Животов полон двор, бабы дома, два брата на заработках. Один Михаила, меньшей, дома. Батюшка и говорит: «Мне, – говорит, – все детки равны; какой палец ни укуси, все больно. А кабы не Платона тогда забрили, Михаиле бы идти». Позвал нас всех, – веришь, поставил перед образа. «Михаила, – говорит, – поди сюда, кланяйся ему в ноги, и ты, баба, кланяйся, и внучата кланяйтесь. Поняли?» – говорит. Так-то, друг мой любезный. Рок головы ищет. А мы все судим: то не хорошо, то не ладно. Наше счастье, дружок, как вода в бредне: тянешь – надулось, а вытянешь – ничего нету. Так-то. (Пересел на своей соломе. Помолчал несколько времени, встал.) Что ж, я чаю, спать хочешь? (Быстро начал креститься, приговаривая.) Господи Иисус Христос, Никола Угодник, Фрола и Лавра... Господи Иисус Христос, Никола Угодник, Фрола и Лавра... Господи Иисус Христос – помилуй и спаси нас... (Поклонился в землю, встал, вздохнул и сел на солому.) Вот так-то. Положи, Боже, камушком, подними калачиком.

Лег, натягивая на себя шинель.

Пьер. Какую это ты молитву читал?

Платон. Ась? Читал что? Богу молился. А ты разве не молишься?

Пьер. Нет, и я молюсь. Но что ты говорил: Фрола и Лавра?

Платон (быстро). А как же? Лошадиный праздник. И скота жалеть надо. (Ощупав собаку у своих ног.) Вишь, шельма, свернулась. Угрелась, сукина дочь.

Повернувшись опять, тотчас же заснул. Наружи слышались где-то вдалеке плач и крики, и сквозь щели балагана виделся огонь; но в балагане было тихо и темно.

Занавес.

Картина тринадцатая

23 октября 1812 года. Перед рассветом. Дорога близ помещичьей усадьбы, где засели французы, конвоировавшие пленных. Костер, у него Платон Каратаев и другие пленные. Платон сидит, укрывшись с головою шинелью, и рассказывает. Пьер в стороне, у другого костра, дремлет. Ему снится старый учитель географии.

Учитель. Жизнь есть все. Жизнь есть Бог. Все перемещается, движется, и это движение есть Бог. И пока есть жизнь, есть самосознание Божества. Любить жизнь – любить Бога. Труднее и блаженнее всего – любить эту жизнь в своих страданиях, в безвинности страданий.

Пьер. Каратаев то же говорит.

Учитель (показал Пьеру глобус, живой, колеблющийся шар). Вот жизнь. В середине Бог, и каждая капля стремится расшириться, чтобы в небольших размерах отражать Его. И растет, и сливается, и сжимается, и уничтожается на поверхности, уходит в глубину и опять всплывает. Вот он, Каратаев, вот развалился и исчез. Вы поняли, мое дитя?

Пьер. Как это просто и ясно... Как я мог не знать этого прежде...

Француз. Вы поняли, черт возьми...

Пьер проснулся. У костра, присев на корточки, сидел француз, только что оттолкнувший русского солдата, и жарил надетое на шомпол мясо. Жилистые, засученные, обросшие волосами красные руки с короткими пальцами ловко поворачивали шомпол. Коричневое мрачное лицо с насупленными бровями ясно виднелось в свете угольев.

Француз. Ему все равно, разбойник... Право...

Вертя шомпол, мрачно взглянул на Пьера.

Собрание пьес. книга 2. Фёдор Сологуб sologubfyodor.ru
Пьер (отвернулся. Подошел к Платону). Что, как твое здоровье?

Платон (слабым, болезненным голосом). Что здоровье? На болезнь плакаться – Бог смерти не даст. Идти больше не могу. Видно, пристрелит меня француз... И вот, братец ты мой, проходит тому делу годов десять или больше того. Живет старичок на каторге. Как следовало, покоряется, худого не делает... Только у Бога смерти просит. Хорошо... И соберись они, ночным делом, каторжные-то, так же вот, как мы с тобой, и старичок с ними. И зашел разговор, кто за что страдает, в чем Богу виноват. Стали сказывать: тот душу загубил, тот две, тот поджег, тот беглый, так, ни за что. Стали старичка спрашивать: «Ты за что, мол, дедушка, страдаешь?» – «Я, братцы милые, говорит, за свои да за людские грехи страдаю. А я ни души не губил, ни чужого не брал, акромья что нищую братию оделял. Я, братцы мои милые, купец и богатство имел большое». Так и так, говорит. И рассказал им, значит, как все дело было по порядку. «Я, говорит, о себе не тужу. Меня, значит, Бог сыскал. Одно, говорит, мне мою старуху и деток жаль». И так-то заплакал старичок. Случись в их компании тот самый человек, значит, что купца убил. «Где, говорит, дедушка, было? Когда, в каком месяце?» – все расспросил. Заболело у него сердце. Подходит таким манером к старичку – хлоп в ноги. «За меня ты, говорит, старичок, пропадаешь. Правда истинная, безвинно-напрасно, говорит, ребятушки, человек этот мучится. Я, говорит, то самое дело сделал и нож тебе под голову сонному подложил. Прости, говорит, дедушка, меня ты ради Христа». (Каратаев замолчал, радостно улыбаясь, глядя на огонь, и поправил поленья.) Старичок и говорит: «Бог, мол, тебя простит, а мы все, говорит, Богу грешны. Я за свои грехи страдаю». Сам заплакал горячими слезами. Что же думаешь, соколик? (Все светлее и светлее сияя восторженной улыбкой.) Что же думаешь, соколик, объявился этот убийца самый по начальству. «Я, говорит, шесть душ загубил, большой злодей был, но всего мне жалче старичка этого. Пускай же он на меня не плачется». Объявился: списали, послали бумагу, как следует. Место дальнее, пока суд да дело, пока все бумаги списали, как должно, по начальствам, значит. До царя доходило. Пока что, пришел царский указ: выпустить купца, дать ему награждения, сколько там присудили. Пришла бумага, стали старичка разыскивать: «Где такой старичок, безвинно-напрасно страдал? От царя бумага вышла»... Стали искать. (Нижняя челюсть Каратаева дрогнула.) А его уж Бог простил, помер. Так-то, соколик.

Каратаев долго, молча улыбаясь, смотрел перед собою.

Французский солдат. По местам...

Между пленными и конвойными смятение. Со всех сторон крики команды. С левой стороны рысью, объезжая пленных, показались кавалеристы, хорошо одетые, на хороших лошадях. Пленные сбились в кучу, их столкнули с дороги, конвойные построились. «Император»... Только что проехали сытые конвойные, как прогремела карета цугом на серых лошадях.

Солдаты. Что он сказал? Что он сказал?

Пьер. Убежал. Бросил своих. Это подло.

Платон. Не осуждай, соколик.

Французский солдат. По местам... По местам... (Подходит к Каратаеву, машет на него.) Иди, иди...

Платон. Не могу, соколик...

Французский солдат ворчит и отходит. Говорит с офицером, показывая на Платона.

Платон в своей шинельке сидел, прислонившись к березе. Смотрел на Пьера своими добрыми круглыми глазами, подернутыми теперь слезой, и, видимо, подзывал его к себе, хотел сказать что-то. Но Пьеру слишком страшно было за себя. Он сделал так, как будто не видал его взгляда, и поспешно отошел. Сзади, с того места, где сидел Каратаев, послышался выстрел. Два французских солдата, из которых один держал в руке дымящееся ружье, пробежали мимо Пьера. Раздаются громкие, частые выстрелы и крики. Бегут французы.

Французы. Казаки...

Собрание пьес. книга 2. Фёдор Сологуб sologubfyodor.ru
За сценой шум схватки, перестрелки. Все ближе голоса русских. Через минуту толпа русских окружила Пьера.

Солдаты. Братцы... Родимые мои, голубчики.

Гусары и казаки окружили пленных и торопливо предлагали кто платя, кто сапоги, кто хлеба. Пьер рыдал, сидя посреди их, и не мог выговорить ни слова; он обнял первого подошедшего к нему солдата и плача целовал его.

Денисов (Долохову). Что Петя Ростов? Я видел, он упал с лошади. Неужели убит?

Долохов. Готов.

Денисов. Убит?

Долохов. Готов. (Идет к пленным; Денисову.) Братъ не будем.

Денисов. Бедный Петя... Еще вчера он говорил мне: «Я привык что-нибудь сладкое. Отличный изюм, берите весь».

С мрачным лицом, сняв папаху, пошел позади казаков, несших тело Пети Ростова.

Занавес.

Картина четырнадцатая
Конец января 1813 года. Москва. Дом Болконских на Воздвиженке. В освещенной большой столовой сидели княжна Марья и Николай Ростов.

Николай (грустно улыбаясь). Да, княжна, недавно, кажется, а сколько воды утекло с тех пор, как мы с вами в первый раз виделись в Богучарове. Как мы все казались в несчастии, а я бы дорого дал, чтобы воротить это время... да не воротить.

Кн. Марья (пристально глядя ему в глаза). Да, да. Но вам нечего жалеть прошедшего, граф. Как я понимаю вашу жизнь, теперь вы всегда с наслаждением будете вспоминать ее, потому что самоотвержение, которым вы живете теперь...

Николай (поспешно). Я не принимаю ваших похвал. Напротив, я беспрестанно себя упрекаю... Но это совсем неинтересный и невеселый разговор.

Взгляд его принял прежнее сухое и холодное выражение.

Кн. Марья. Я думала, что вы позволите мне сказать вам это. Мы так сблизились с вами... и с вашим семейством, и я думала, что вы не почтете неуместным мое участие, но я ошиблась. Я не знаю, почему, вы прежде были другой и...

Николай. Есть тысячи причин почему. Благодарю вас, княжна. Иногда тяжело.

Кн. Марья (неволью подвигаясь к нему). Почему же, граф, почему? Почему, скажите мне. Вы должны сказать. Я не знаю, граф, вашего почему. Но мне тяжело, мне... Я признаюсь вам в этом. Вы за что-то хотите лишиться меня прежней дружбы. И мне это больно. У меня так мало было счастья в жизни, что мне тяжела всякая потеря... Извините меня, прощайте. (Вдруг заплакала и вышла из комнаты.)

Николай (стараясь остановить ее). Княжна, постойте, ради Бога. Княжна... (Она оглянулась; несколько секунд они молча смотрели друг другу в глаза.) Милая Мари...

Целует ее. Уходит. На пороге встречается с Наташею.

Наташа (в черном платье, бледная). Я рада, рада за тебя, Мари. (Обнимает княжну Марью и плачет.)

Официант. Граф Петр Кириллович Безухов.

Кн. Марья. Проси.

Вошел Пьер, взглянул на Наташу и не узнал ее.

Кн. Марья (быстро встала ему навстречу и протянула руку). Да, вот как мы с вами встречаемся. Андрей в последнее время часто говорил про вас. Я так была рада, узнав о вашем спасенье. Это было единственное радостное известие, которое мы получили с давнего времени.

Пьер. Вы можете себе представить, что я ничего не знал про него. Я считал его убитым. Все, что я узнал, я узнал от других, через третьи руки. Я знаю только, что он попал к Ростовым... Какая судьба...

Кн. Марья. Вы не узнаете разве? Наташа.

Пьер (взглянул еще раз на бледное, тонкое, с черными глазами и странным ртом лицо Наташи. Смущенно подошел к ней). Нет, это так, от неожиданности.

Кн. Марья. Она приехала гостить ко мне. Граф и графиня будут на днях. Графиня в ужасном положении. Смерть Пети потрясла ее. Но Наташе самой нужно было видеть доктора. Ее насильно отослали со мной.

Пьер (Наташе). Да, есть ли семья без своего героя? Вы знаете, что это было в тот самый день, как нас освободили. Я видел Петю тогда уже убитым. Какой был прелестный мальчик. Что можно сказать или подумать в утешенье? Ничего. Зачем было умирать такому славному, полному жизни мальчику?

Кн. Марья. Да, в наше время трудно жить было бы без веры...

Пьер. Да, да. Вот это истинная правда.

Наташа (внимательно глядя в глаза Пьеру). Отчего?

Кн. Марья. Как отчего? Одна мысль о том, что ждет там...

Пьер. И оттого, что только тот человек, который верит в то, что есть Бог, управляющий нами, может перенести такую потерю, как ее и... ваша. Скажите, как умер князь Андрей?

Кн. Марья. Он умер спокойно, примиренный, со словами о Боге...

Пьер. Да, да, так, так... Да, да, так он успокоился? Смягчился? Он так всеми силами души всегда искал одного – быть вполне хорошим, что он не мог бояться смерти. Недостатки, которые были в нем, – если они были, – происходили не от него. Так он смягчился? (Наташе). Какое счастье, что он свиделся с вами...

Наташа (тихим, грудным голосом). Да, это было счастье, для меня, наверное, это было счастье. И он... он... он говорил, что он ждал этого в ту минуту, как я пришла к нему... (Голос ее оборвался. Она покраснела, сжала руки на коленках и вдруг, видимо, сделав усилие над собой, подняла голову и быстро начала говорить.) Мы ничего не знали, когда ехали из Москвы. Я не смела спросить про него. И вдруг Соня сказала мне, что он с нами. Я ничего не думала, не могла представить себе, в каком он положении, мне только надо было видеть его, быть с ним. На всех отдыхах и ночлегах я не отходила от него. Он простил меня.

Она быстро встала и почти побежала к двери, стукнулась головой о дверь, прикрытую портьерой, и со стоном не то боли, не то печали вырвалась из комнаты. Пьер встал проститься.

Кн. Марья. Пожалуйста, посидите. Я велю дать ужин. Она сейчас придет. Это в первый раз она так говорила о нем.

Послышались шаги. Наташа вошла в комнату. Она была спокойна, хотя строгое, без улыбки, выражение теперь опять установилось на ее лице. Они молча подошли к столу. Официанты отодвинули и придвинули стулья. Пьер развернул салфетку и, решившись прервать молчание, взглянул на Наташу и княжну Марью.

Кн. Марья. Вы пьете водку, граф? Расскажите же про себя. Про вас рассказывают такие невероятные чудеса.

Пьер. Да. Мне самому даже рассказывают про такие чудеса, каких я и во сне не

Собрание пьес. книга 2. Фёдор Сологуб sologubfyodor.ru
видел. Марья Абрамовна приглашала меня к себе и все рассказала мне, что со мной случилось или должно было случиться. Степан Степаных тоже научил меня, как мне надо рассказывать. Вообще я заметил, что быть интересным человеком очень покойно; я теперь интересный человек: меня зовут и мне рассказывают.

Кн. Марья. Нам рассказывали, что вы в Москве потеряли два миллиона. Правда это?

Пьер. А я стал втрое богаче. Что я выиграл несомненно, так это свободу...

Кн. Марья. А вы строитесь?

Пьер. Да, Савельич велит.

Кн. Марья. Скажите, вы не знали еще о кончине графини, когда остались в Москве?

Пьер. Нет. Я узнал это в Орле, и вы можете себе вообразить, как меня это поразило. Мы не были примерные супруги. Но смерть эта меня страшно поразила. Когда два человека ссорятся, всегда оба виноваты. И своя вина вдруг делается страшно тяжела перед человеком, которого уже нет больше. И потом, такая смерть... без друзей, без утешения. Мне очень, очень жаль ее.

Кн. Марья. Да, вот вы опять холостяк и жених. Но вы точно видели и говорили с Наполеоном, как нам рассказывали?

Пьер. Ни разу, никогда. Всегда всем кажется, что быть в плену – значит быть в гостях у Наполеона. Я не только не видел его, но и не слышал о нем. Я был в гораздо худшем обществе.

Наташа. Но ведь правда, что вы остались, чтобы убить Наполеона? Я тогда догадалась, когда мы вас встретили у Сухаревой башни; помните?

Пьер. Да, это правда. Я остался, думал, что Москву будут защищать. Кафтан купил. Ходил на Трехгорную заставу. А потом стало видно, что Москву оставят без сражения. Я почувствовал, что должен остаться в Москве, скрывая свое имя, встретить Наполеона и убить его.

Кн. Марья. Но зачем?

Пьер. Чтобы или самому погибнуть, или прекратить несчастье всей Европы. Я тогда думал, что это несчастье происходит от одного Наполеона. Я ушел из своего дома, спал не раздеваясь на жестком диване.

Кн. Марья. Убить человека...

Пьер. Я был тогда в раздражении, близком к помешательству. Эта грубая пища у Герасима, водка, почти бессонные ночи, все это поддерживало во мне раздраженье. Но когда я поговорил с капитаном Рамбалем... он, знаете, остановился в том доме, где я был... он был такой веселый и добродушный человек... я почувствовал, что не смогу. Боролся против своей слабости, но чувствовал, что все мысли о мщении, об убийстве, о самопожертвовании разлетелись как прах.

Кн. Марья. Слава Богу.

Пьер. Но я все-таки пошел. От Рамбаля я узнал, что Наполеон должен въехать в Москву 3 сентября. Я поздно встал. Взял пистолет.

Кн. Марья. Но как же вынесли пистолет? Конечно, спрятали.

Пьер. Да, но он был такой большой... ни за поясом, ни под мышкой, даже под широким кафтаном трудно было спрятать. Ну, я подумал, все равно, возьму кинжал.

Кн. Марья. Откуда у вас был кинжал?

Пьер. Я купил его вместе с пистолетом у Сухаревой башни. Спрятал под жилет. Пошел на Арбат, к Николе Явленному. Я здесь хотел сделать это. Но по дороге были большие пожары. Французы грабили. Это было ужасное зрелище: дети брошены, некоторые в огне... При мне вытащили ребенка... Женщины, с которых стаскивали вещи, вырывали серьги... (Покраснел и замялся.) Тут приехал разъезд и всех тех, которые

Собрание пьес. книга 2. Фёдор Сологуб sologubfyodor.ru
не грабили, всех мужчин забрали. И меня.

Наташа. Вы, верно, не все рассказываете; вы, верно, сделали что-нибудь... хорошее.

Пьер. Нас всех отвели на гауптвахту. Я узнал на другой день, что нас всех будут судить за поджигательство. На третий день нас водили на допрос. Потом нас отвели на Крымский Брод. Нас всего было четырнадцать. Посадили в каретный сарай. Мы там пробыли до восьмого сентября. 8 сентября нас повели на девичье поле. Ну, тут пятерых расстреляли. Нас, других, привели только присутствовать при казни. Я это понял только тогда, когда все кончилось.

Наташа. Это было ужасно, эти минуты, которые вы пережили.

Пьер. Вечером мне объявили, что я прощен и поступаю в бараки военнопленных. Тут я познакомился с одним солдатом. Платоном Каратаевым. Нет, вы не можете понять, чему я научился у этого безграмотного человека-дурачка.

Наташа. Нет, нет, говорите. Он где же?

Пьер. Его убили, почти при мне, во время отступления. Он ослабел от болезни, не мог идти, и его пристрелили. Говорят: несчастья, страдания. Да ежели бы сейчас, сию минуту мне сказали: хочешь оставаться, чем был до плена, или сначала пережить все это, – ради Бога, еще раз плен и лошадиное мясо. Мы думаем, что как нас выкинет из привычной дорожки, все пропало, а тут только начинается новое, хорошее. Пока есть жизнь, есть и счастье. Впереди много, много. Это я вам говорю.

Наташа. Да, да, и я ничего бы не желала, как только пережить все сначала. Да, и больше ничего.

Пьер. Неправда, неправда, я не виноват, что я жив и хочу жить; и вы тоже.

Наташа опустила голову на руки и заплакала.

Кн. Марья. Что ты, Наташа?

Наташа. Ничего, ничего. Прощайте, пора спать. (Уходит.)

Кн. Марья. Так вы завтра едете в Петербург?

Пьер. Нет, я не еду. Да, нет, в Петербург? Завтра, только я не прощаюсь. Я найду за комиссиями. Да, я и хотел сказать вам. Княжна, помогите мне. Что мне делать? Могу я надеяться? Княжна, друг мой, выслушайте меня. Я все знаю. Я знаю, что я не стою ее; я знаю, что теперь невозможно говорить об этом. Но я хочу быть братом ей. Нет, я не этого, не хочу, не могу... (Он остановился и потер себе лицо и глаза руками.) Ну вот... (Видимо сделав над собой усилие, чтобы говорить связно.) Я не знаю, с каких пор я люблю ее. Но я одну только ее, одну любил всю мою жизнь и люблю так, что без нее не могу себе представить жизни. Просить руки ее теперь я не решаюсь, но мысль о том, что, может быть, она могла бы быть моею и что я упущу эту возможность... возможность... ужасна. Скажите, могу я надеяться? Скажите, что мне делать? (Помолчав немного и тронув ее за руку, так как она не отвечала.) Милая княжна...

Кн. Марья. Я думаю о том, что вы мне сказали. Вот что я скажу вам. Вы правы, что теперь говорить о любви... Говорить ей теперь... нельзя все-таки.

Пьер. Но что мне делать?

Кн. Марья. Поручите это мне. Я знаю...

Пьер (смотря в глаза княжне Марье). Ну, ну...

Кн. Марья. Я знаю, что она любит... полюбит вас.

Пьер (вскочив и с испуганным лицом схватив за руку княжну Марью). Отчего вы думаете? Вы думаете, что я могу надеяться? Вы думаете?..

Кн. Марья (улыбаясь). Да, думаю. Напишите родителям и поручите мне. Я скажу ей,

Собрание пьес. книга 2. Фёдор Сологуб sologubfyodor.ru
когда будет можно. Я желаю этого. И сердце мое чувствует, что это будет.

Пьер (целуя руку княжны Марьи). Нет, этого не может быть... Как я счастлив... Нет, не может быть...

Кн. Марья. Вы поезжайте в Петербург, это будет лучше. А я напишу вам.

Пьер. В Петербург? Ехать? Да, хорошо, ехать. Но завтра я могу приехать к вам?

Кн. Марья. Прощайте, граф. Я буду очень ждать вас. (Провожает до двери Пьера.)

Наташа (входя). Знаешь, Мари, я часто боюсь, что мы говорим об Андрее, как будто мы боимся унижить наше чувство и забываем.

Кн. Марья. Разве можно забыть?

Наташа. Мне так хорошо было нынче вспомнить, и тяжело, и больно, и хорошо. Очень хорошо, я уверена, что он точно любил его.

Кн. Марья. Пьер? О, да... Какой он прекрасный...

Наташа. Знаешь, Мари, он сделался какой-то чистый, гладкий, свежий; точно из бани, ты понимаешь? Морально из бани. Правда?

Кн. Марья. Да. Он много выиграл.

Наташа. И сюртук коротенький, и стриженные волосы; точно, ну что из бани... папа, бывало...

Кн. Марья. Я понимаю, что Андре никого так не любил, как его.

Наташа. Да, и он особенный от него. Говорят, что дружны мужчины, когда совсем особенные. Должно быть, это правда. Правда, он совсем на него не похож, ничем.

Кн. Марья. Да, и чудесный. И он тебя любит.

Наташа. Он сказал? Да? Он сказал?

И радостное, и вместе жалкое, просящее прощения за свою радость выражение остановилось на лице Наташи.

Кн. Марья (с грустным и несколько строгим лицом). Да, он сказал, что любит тебя так, что без тебя не может себе представить жизни, что он всегда любил тебя.

Наташа (вглядевшись в грустное выражение лица княжны Марьи, догадалась о причине ее грусти и вдруг заплакала). Мари, научи, что мне делать: я боюсь быть другой. Что ты скажешь, то я и буду делать, научи меня...

Кн. Марья. Ты любишь его?

Наташа (тихо). Да.

Кн. Марья. Об чем же ты плачешь? Я счастлива за тебя.

Наташа. Это будет не скоро, когда-нибудь. Ты подумай, какое счастье, когда я буду его женой, а ты выйдешь за Николая.

Кн. Марья. Я буду так любить его... Я посвящу ему всю мою жизнь. Это будет такое счастье и такая радость. Такое счастье для меня, в моей жизни было так мало радости... Все наши испытания пройдут, забудутся, – любовь и правда останутся навеки.

Занавес.

<1912>

Заложники жизни

Посвящается Анастасии Чеботаревской

Драма в пяти действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Михаил.

Катя.

Лилит (Елена Луногорская).

Алексей Иванович Чернецов.

Мария Петровна Чернецова.

Константин Федорович Рогачев

Клавдия Григорьевна Рогачева

Владимир Павлович Сухов.

Мужик.

Бонна.

Дети, мальчик и девочка.

Действие первое

I

Жаркий леший день клонится к вечеру. От речки не веет прохладой, – она так мелка, что ее можно легко перейти вброд. Дворянская усадьба близ деревни. Сразу видно, что ее хозяйева – хозяйева плохие и что средств и возможностей у них мало. Сад когда-то был красив, – красив он и теперь, но запущен. Видны углы оранжереи и парников, – но все это имеет довольно жалкий вид. В саду малина и крыжовник, яблони и груши. Из-за зеленеющих деревьев виден помещичий дом, в котором живут Катя и ее родители.

Перед домом – большая открытая терраса. На террасе сидят подростки – Катя и Михаил, влюбленные друг в друга. Катя – девушка лет шестнадцати. Очень милая на вид. Щеки у нее румяные, глаза голубые. Она очень загорелая. Шея, плечи и руки у нее открытые, ноги босые. Платье на ней светлое, легкое, недлинное и простое покроем, но очень красивое, и сидит оно на ней так, словно все складки его расположены мудрым художником, творящим красоту из простой ткани.

Она здоровая и очень веселая. Любит посмеяться и несложно пошутить, подразнить кого-нибудь. Она любит свой дом, усадьбу, деревню, поля и леса и видимо наслаждается близостью к природе. Движения ее уверенны и легки, – чувствуется, что она умеет упорствовать и стремится к достижениям и что вместе с тем в ней много приспособляемости и гибкости. В каждом движении ее сказывается, что ее безотчетно радует ощущение жизни, молодости и наивной красоты, разлитое в природе и в ней самой, – и видно, что все впечатления бытия для нее свежи и первоначальны. Потому вся она производит впечатление чистоты и наивной детской мудрости.

Михаил – мальчик лет восемнадцати. Перешел в последний класс гимназии. Учится хорошо. У него ясный и холодный ум и сильная воля. Он упрямо держится раз избранного пути. Случайное в жизни мало его отвлекает, – он настроен скорее трагически. В отношениях к людям он мягок, уступчив и добр. Манеры у него неловкие, угловатые, как у очень самолюбивого подростка; иногда он кажется грубым и дерзким, но грубость эта только внешняя. В нем еще очень много детской наивности и ребячества, самого зеленого. Он не только прилежно учится, но и сам читает много и выработал себе определенное мировоззрение. Он наклонен к мечтательности и считает это своим недостатком; эта мечтательность и в самом деле стоит в некотором противоречии со свойствами его трезвого ума. Его влюбленность в Катю и радует его, и смущает. Ему досадно и то, что он, плебей, пролетарий, влюбился в эту красивую представительницу иного класса, которому он никак не может симпатизировать. Но он надеется, что из Кати выработается хорошая

Собрание пьес. книга 2. Фёдор Сологуб sologubfyodor.ru
пролетарка и полезная работница.

Михаил высок, тонок и строен. Лицо у него худощавое, загорелое и смуглое. Глаза черные, смотрят пристально и упорно, с напряженным выражением. Брови густые, черные, почти сросшиеся. Одет он в светло-серую коломанковую блузу и вообще имеет вид обыкновенного провинциального гимназиста. Теперь он заметно взволнован и нервен.

Любуясь друг другом с веселою детскою нежностью, сквозь которую просвечивает почему-то грусть, они сидят у стола, покрытого скатертью кустарной работы с наивным, но очень милым рисунком вышивки. На столе перед ними тарелка с малиною, блюдечко с мелким сахаром и два пустых блюдечка, на одном из которых две чайные ложки. Старуха, лица которой не видно, но в которой нет ничего таинственного и символического, потому что это – только старая ворчунья няня, только что поставила на стол кувшин с молоком и уходит в дверь, ведущую в дом. Катя заглядывает в кувшин, делает недовольную гримасу и говорит:

– Ой, как мало молока! Точно кот наплакал.

Слышен ворчливый голос уходящей:

– Будет с тебя, баловница.

Катя накладывает ягоды на блюдечко Михаилу, потом себе. Наливает молока, и они принимаются есть ягоды, весело разговаривая.

Катя. Я малину страсть как люблю! Как сестру родную. (Смеется.)

Михаил. Малина хороша. Но я больше люблю крыжовник.

Катя. И я люблю крыжовник.

Катя быстро срывается с места и бежит куда-то через сад. Легкий бег ее, как полет, и песок дорожек весело смеется под ее ногами.

Михаил. Катя, куда ты помчалась?

Катя (издали звонко кричит). Сейчас я тебе крыжовнику принесу.

Михаил, оставшись один, задумчиво помешивает ложечкою в блюде. Лицо его становится мрачным и решительным. Издали доносится снова Катин голос.

Катя (за сценою кричит нараспев). Вот и крыжовник, вот и крыжовник, жовник, жовник, жовник!

Михаил вздрагивает, выпрямляется и принимает беспечный и веселый вид, что ему, однако, плохо удается. Катя бежит обратно. В ее руках деревянная лакированная чашечка с крыжовником. На бегу Катя кладет в рот несколько ягод крыжовника.

Катя. Вот тебе, ешь, наслаждайся. Великолепный крыжовник. (И она с удовольствием ест крупные ягоды.)

Михаил (строго). А зачем ты его с кожицей ешь? Это – гадость.

Катя. Ничего не гадость. С кожицей гораздо вкуснее.

Михаил. Этого не может быть.

Катя. Попробуй, если твои принципы тебе позволяют. Сам увидишь. (Она говорит насмешливые слова необидным тоном и весело смеется. Ее смех звонок, но не громок, и когда слушаешь его, вспоминаются золотые легкие колокольчики.)

Михаил хочет нахмуриться, но неожиданно для себя смеется. Быстро целует Катю.

Катя (быстрым полусшепотом). А зачем ты меня целуешь?

Михаил (так же). Вкусно!

Катя. Еще увидят. (Притворяется испуганною и с комическим ужасом оглядывается, но не выдерживает этой роли и смеется.)

Михаил (весело). Ну, ты, кажется, не очень-то боишься. (Ест крыжовник, по ее примеру, с кожицею.) А и правда, с кожицею вкуснее. А над принципами смеяться нельзя.

Катя. О! Нельзя! Вот еще! Смеяться не грешно над тем, что кажется смешно.

Михаил. Мало ли что кажется!

Катя (скороговоркою). Хочу и смеюсь. Хочу и смеюсь. Кому какое дело!

Михаил. Все-таки с кожицею крыжовник есть вредно.

Катя. А мне полезно. Что в рот полезло, то и полезно.

Михаил. Кожица ягоды может засесть в червеобразном отростке слепой кишки, и от этого может случиться аппендицит. Болезнь неприятная и опасная.

Катя. Может, может! Страсти какие! Мало ли что может. Вот пойду в лес, а меня змейка-скоропейка может ужалить.

Михаил. А зачем ты все лето босиком ходишь?

Катя. Мне нравится, вот зачем.

Михаил (смотрит на Катю задумчиво и меланхолически улыбается. Говорит с искусственной веселостью). Это ты у Лилит научилась босиком ходить.

Катя. О, у Лилит! Нет, у деревенских баб, а не у Лилит. (Лицо ее хмурится на минуту, и эти слова звучат ревниво. Вдруг она обнимает Михаила и говорит страстно.) Я тебя так люблю, как еще никогда нигде никто никого не любил.

Целуются торопливо.

Михаил (вздрагивая). Кто-то идет.

Катя. Папа идет.

Оба замолкают в чувстве неловкости и отодвигаются друг от друга.

II

Через сад на террасу входит Рогачев. За ним идет Мужик без шапки, очень грязный и лохматый; останавливается в саду перед террасою.

Рогачев почему-то с первого взгляда производит впечатление прогорающего помещика, каков он и есть. Манеры у него барские и разговор, как у провинциального сеньора, с оттяжкой, а движения суетливые, в глазах беспокойная ласковость, и в мыслях путаница и суета. Он любит приятности жизни и на всякую работу смотрит как на доuku. Он обладает тою степенью приспособляемости, которая помогает людям его типа держаться кое-как на поверхности жизни и при случае играть кое-какую роль в обществе. На свою судьбу и на свои дела он смотрит легкомысленно и всегда находится в обаянии сладких надежд.

Роста он выше среднего. Тонок, прям и ловок. Борода, полуседая, расчесана надвое. Он одет в светло-серый летний костюм. На голове – соломенная шляпа, в руке – тросточка, слишком тонкая для деревни.

В чертах Катина лица много сходства с отцом, – но у Кати все живее, сильнее и красивее выражено.

Михаил (вставая). Здравствуйте, Константин Федорович.

Рогачев (сухо). Здравствуйте, Миша.

Мужик. Явите Божескую милость.

По его тусклым глазам и по унылой фигуре видно, что он уже несчетное число раз повторил эту нудную фразу и готов еще повторять ее без конца. Но лицо его злое, и в тягучем звуке голоса порою прорываются злобные нотки.

Рогачев (досадливо отмахиваясь от мужика). Ну, подожди до будущей недели. Получу и отдам.

Мужик. Да я уж сколько раз приходил к вашей милости!

Рогачев. Ну, иди, иди. Не до тебя.

Мужик (повторяет тупо и упрямо). Явите Божескую милость.

Рогачев (ворчит). Какой грязный мужик! (Уходит в дом.)

III

Мужик (поднимается на нижнюю ступеньку перед входом на террасу и говорит Кате). Барышня, скажите папеньке, что как до зарезу нужно.

Катя. Хорошо, скажу. Ты бы, голубчик, пришел завтра.

Мужик. Главная причина, никак не способно. То есть так нужно, такая нужда!

Катя. Ты бы на кухню пошел.

Мужик. Может быть, будет милость какая? Уж тут подожду. (Стоит и тупо смотрит на окна помещицкого дома.)

Михаил (негромко). Он своих денег просит, потому и стоит без шапки.

Детям обоим неловко. Они едят ягоды и говорят вполголоса.

Катя. У нас денег мало, а ягод много. Ешь – не хочу.

Михаил. Вы можете продавать ягоды.

Катя. Да неужели?

Михаил. Правда, можете.

Катя. Представь себе, мы так и делаем! Мы даже грибы продаем. Да толку мало, и денег мало. Только, по-моему, лучше много ягод, чем много денег.

Михаил (с улыбкою). Ну, едва ли!

Катя (убежденно). Правда! Ты сам подумай: если у тебя много ягод, ты их можешь есть, когда хочешь и сколько хочешь.

Михаил (улыбаясь). Мило!

Катя. А если у тебя много денег, а хочется просто-напросто ягод, простых, лесных, садовых, так их не всегда и на деньги купишь.

Оба смеются так, просто, не ее словам, а тому, что весело.

Мужик (угрюмо и негромко). Смейся, смейся!

Катя хмурится и смотрит на мужика сердито. Мужик пятится в сад.

IV

Из дома выходит суетливою и взволнованною походкою Рогачев и досадливо говорит мужику:

– Ты все еще здесь?

Мужик. Куда ж мне идти! Я за своими деньгами пришел. Идти мне некуда.

Рогачев (растерянно повторяет). Он все еще здесь! Нет, вы на него поглядите!

Мужик. Явите Божескую милость.

Рогачев. Экземпляр! Чудовище обло, огромно, озорно, стозевно и вояй.

Мужик. Явите Божескую милость.

Рогачев. Удивительно бедный лексикон у этих людей! Твердит одно и то же с упорством, достойным лучшего применения.

Михаил (насмешливо). Элоквенции не обучался. Не пожелал пройти полного курса гуманитарных наук.

Рогачев (смотрит на Михаила досадливо и говорит). Что-то вы к нам уж очень зачастили, Миша.

Михаил. Что ж, вам жалко малины? Или крыжовника?

Катя смотрит на Михаила укоризненно и качает головой.

Рогачев. Удивительный у вас вкус к резкостям, Миша!

Михаил (густо краснея). Извините.

Рогачев. Не можете же вы серьезно думать, что мне жалко какой-то там малины! Какие глупости! А кстати, Миша, не найдется ли у вас три рубля? Сумма, из-за которой меня преследует этот настойчивый гражданин.

Катя (краснея, с укором). Папа!

Михаил. Я с удовольствием. (Хочет вытащить кошелек.)

У

В это время из дома стремительно выходит Рогачева. Это – невысокого роста дама, наклонная к полноте. Чопорная, важная и трогательная. Лучеобразные морщинки в углах ее глаз и весь склад ее лица говорят о доброте бестолковой и бесполезной. А все ее движения, связанно-величественные и совсем не идущие к ее коротенькой и благодушной фигуре, показывают, что она заряжена большим количеством самомнения и что она очень уверена в своем дворянском превосходстве над людьми иных положений. Но так как она одета с большим вкусом, то ее претензии кажутся оправданными, и вся она производит впечатление любезной и серьезной барыни. Она любит и умеет занимать деньги, делает она это с истинно барскою непринужденностью. Вообще, когда она просит чего-нибудь, то кажется вполне естественным и несомненным ее право на то, чтобы все ей помогли и услуживали.

Михаил (вставая и кланяясь). Здравствуйте, Клавдия Григорьевна.

Рогачева (очень сухо). Здравствуйте, молодой человек. Давно не видались. (Мужику.) Ты все еще здесь?

Мужик. Явите...

Рогачева. Нахал!

Мужик. Божескую милость.

Рогачева (стремительно подходя к Михаилу). Нет ли, Миша, у вас трех рублей, заплатить этому нахалу?

Михаил (сконфуженно вынимает кошелек и говорит). Да, вот у меня есть как раз одна трехрублевка.

Рогачева (любезно). Пожалуйста. Ну вот, большое вам спасибо, Миша. Завтра я вам непременно отдам. Константин Федорович, вот возьми, отдай этому субъекту. (Уходит так же стремительно, как и пришла.)

VI

Рогачев рассматривает трехрублевку с некоторым сожалением: надо отдать.

Катя. Давно ли, папа, ты получил сто двадцать рублей, а уж опять у тебя нет денег.

Рогачев. Сто рублей не деньги. Это – маленькие деньги. Вот три рубля, когда их нет, вот это – большие деньги. Ну, гражданин Аким, получай, твое счастье.

Мужик (благоговейно принимая деньги негнуцимся, корявыми пальцами, бормочет). Спаси тебя Господь! Дай тебе Господи доброго здоровья!

Рогачев, посвистывая и помахивая тросточкою, уходит в дом.

Мужик (кланяясь Кате). Спаси тебя Христос, барышня. Дай тебе Господи доброго здоровьица и женишка хорошего. (Неторопливо уходя, бормочет.) Жрет ягоды с лоботрясом.

VII

Катя (спрашивает Михаила). Ты последние деньги отдал?

Михаил. Да мне сейчас не нужно.

Катя (ласкаясь к Михаилу, говорит). Миша, скажи, что ты во мне любишь? Что ты больше всего любишь?

Михаил. Твой смех. Он точно золотой колокольчик.

Катя (тихо). А еще что?

Михаил. Твою радость. Ты рада жизни, и солнцу, и ветру, и дождику рада, ну, всему, всему. И когда ты приходишь, все вокруг звенит и смеется от радости.

Катя (еще тише). А еще что?

Михаил. А еще твои босые ножки. Они такие загорелые и такие тонкие, как у лесной царевны, летающей по воздуху на легких, легких крыльях. А когда она идет по земле, былинки и песчинки приникают к ее ногам, и целуют ее босые ноги, и шепчут ей с кроткою, нежною любовью: ты – наша, ты – земная, но когда ты с нами, земля наша превращается в земной рай, невинный и счастливый.

Катя улыбается мечтательно и весело. Михаил тихо привлекает ее к себе. Они целуются долго и нежно.

Михаил (спрашивает). А ты, Катя, что во мне любишь?

Катя (отвечает весело). Я? Что люблю? Вот придумал. Да я все люблю.

Михаил. А что-нибудь особенно любишь?

Катя (улыбаясь). Люблю.

Михаил. А что?

Катя. А вот то. Это самое.

Михаил. Ну, скажи, не шали.

Катя (смотрит на Михаила внимательно и говорит серьезно). Я люблю в тебе то, что ты – такой серьезный. И у тебя этот вихор упрямый такой милый. Ни за что его не пригладишь. Ты – серьезный и забавный такой.

Михаил (улыбаясь). Что же тут забавного?

Катя. Ты иногда вот так нахохлишься и думаешь, как Марий на развалинах Карфагена. (Смеется.)

Михаил. Вот, вот. Так меня и нарисовала Лилит.

Михаил вынимает из бокового кармана в блузе записную книжку, достает из нее небольшой рисунок на листке бумаги и показывает его Кате.

Катя (всматривается, весело смеется и говорит). Похож, похож как две капли воды. (Но вдруг она сердито хмурится и досадливо кричит.) Противная Лилит! Как она смеет! (Плачет.)

Михаил (лаская и утешая Катю, говорит). Ну, полно, что ты! Что ж тут обидного?

Катя. Как она смеет! Я никому не позволю тебя обижать. (И вдруг опять смеется.)

Михаил. Стрекоза!

Катя. Пожалуйста! Я уж не стрекоза, мне уже шестнадцать лет.

Михаил (улыбаясь, передразнивает). Шестнадцать лет!

Катя. Противненький, не смей смеяться надо мною!

Михаил. Если бы я был поэтом, я написал бы о тебе такую поэму, каких еще никто не писал.

Катя. О, такую скучную? (Смеется.)

Михаил. Ах ты, стрекоза!

Катя (напевает). Стрекоза, стрекоза, коза, коза! Стрекоза, рикоза, коза, аза! (Кружится по террасе, легкая и веселая, и потом садится рядом с Михаилом и обнимает его.)

Михаил. Как хорошо нам будет вместе с тобою, Катя! Я буду работать. Я буду строить – мосты, дороги, высокие башни. Из железа, камня и стали я буду строить, как не строили раньше. Новая красота будет в том, что я построю, – красота линий, таких легких и таких простых. Очарование взоров повиснет на паутине стальных канатов, и люди прославят имя мое, и я приду к тебе увенчанный и славный, – потому что все это я сделаю для тебя, сильный силою моей любви к тебе. Только моим ремеслом будет все это, что я построю из камня, железа и стали, – а призванием моим будет вместе с тобою строить жизнь новую, счастливую, свободную, не такую, как эта. Легкую жизнь и простую, как мост, повисший над бездною на паутине стальных канатов.

Катя (с восторгом). Жизнь новую, счастливую, свободную? О, и я буду строить ее с тобою вместе! Как хорошо ты говоришь, Михаил! Да, это – правда, жизнь надо строить, как строят дома и храмы.

Михаил (взволнованно ходит по террасе, потом останавливается перед Катю и говорит). По закону, мы уже могли бы повенчаться.

Катя (грустно). Они смеются.

Михаил. Катя, ты еще поговори со своими родителями...

Катя. Говорила.

Михаил (продолжает)'. И как только я поступлю в институт, так мы и повенчаемся.

Катя. Говорила. Они только смеются. Да ведь и твои родители против.

Они оба грустны. Проходит краткий миг печального молчания.

Михаил (задумчиво смотрит на аллеи сада и говорит). Сегодня я сам скажу. Будь что будет. А если откажут, мы умрем. Да?

Катя (отвечает ему тихо). Да. А ты принес яд?

Михаил. Да, принес.

Катя (боязливо и задумчиво). Мне кажется, что я никогда не умру.

Михаил. Нет, уж, верно, придется нам умереть.

Катя. Скорее умру, чем тебя разлюблю. А он хорошо действует, твой яд?

Михаил. Действует моментально. Не успеешь проглотить, и уже готово.

Катя. О! Это нехорошо!

Михаил. А ты бы хотела долго мучиться?

Катя. А вдруг они увидят, что мы умираем, и раскаются и согласятся? Тогда можно принять противоядие и живо-живо повенчаться, чтобы они и опомниться не успели. А если моментально, так это неудобно.

Михаил. Одно из двух – или умирать, так уж серьезно, или так только, слова говорить.

Катя молча плачет.

Михаил. Что же ты плачешь?

Катя молчит.

Михаил (ревниво). Тебе жалко расстаться с Суховым?

Катя. Миша, ты на меня не сердись. Ведь умирать – то всякому страшно, так как же не поплакать!

Катя плачет. Михаилу жалко ее. Утешает, лаская тихо и молча.

VIII

Внезапно входит Рогачева. Михаил вздрагивает, вскакивает, отходит от Кати, задевает за стул и роняет его.

Рогачева. Миша, у вас невозможные манеры.

Михаил. Я не очень об этом сожалею. Я не готовлюсь быть светским шаркуном, как этот развязный и глуповатый Сухов.

Рогачева (неприязненно). Кем же вы хотите быть? Охотником в американских прериях? Как у Майн-Рида или у Купера?

Михаил (сухо). Нет, я просто хочу быть полезным и дорогим работником. Я буду инженером.

Рогачева. Ну, что ж, это выгодно. Только до этого вам еще далеко. Учиться много надо. А Сухов наверное будет предводителем дворянства. Он очень милый, и вам не следует бранить его.

IX

Входит Рогачев. Он смотрит на Мишу с притворным выражением удивления и говорит:

– А я думал, Миша, что уж вы ушли.

Михаил. Мне надо с вами поговорить.

Рогачев. Послушаем.

Садится и закуривает папиросу. Вид у него легкомысленный и веселый.

Михаил. Я люблю Катю.

Рогачев. Утешил!

Катя (решительно). И я люблю Михаила.

Рогачева (укоризненно). Очень хорошо, нечего сказать! Есть чем похвастаться!

Рогачев. А сколько вам лет, Миша?

Михаил. Восемнадцать. Я, правда, еще очень молод. Но это ничего не значит. Я уже и теперь зарабатываю уроками. Через год я буду студентом. Студенты многие женатые. Одним словом, я прошу Катиной руки. Мы подождем год, и когда я буду студентом, мы повенчаемся.

Рогачева. Восхитительно!

Рогачев и Рогачева смеются.

Рогачев. Ромео и Юлия, трогательная драма!

Рогачева. Вы, Миша, доучитесь сначала, а уж потом думайте о таких глупостях. Вы еще мальчик и ничего не имеете.

Михаил. Я люблю Катю и не могу без нее жить.

Рогачева. Она еще совсем девочка, и вам не следует кружить ей голову. А тебе, Катя, стыдно!

Катя. А тебе, мама, не стыдно было, когда ты полюбила папу?

Рогачева. Так ведь мне тогда не шестнадцать лет было!

Михаил. Значит, вы мне отказываете?

Рогачев. А вы что думали? И вы уж лучше бы к нам не ходили. Хорошего мало.

Катя. А три рубля у него взяли!

Рогачева (строго). Катя, не говори глупостей! Его деньги не пропадут. Ну, пойдем, Константин Федорович. С ним нечего разговаривать, надо сказать его родителям.

Рогачев и Рогачева уходят.

Х

Катя и Михаил смущенно смотрят друг на друга. Заря пылает на небе и бросает пламенеющий отсвет на их смущенные лица.

Катя (растерянно). Ну вот, конечно. Что же нам теперь делать? Да уж, видно, одно остается.

Из-за сцены слышен голос Чернецова:

– Михаил здесь?

ХІ

Входят Чернецов и Чернецова.

Чернецов – земский врач. Ростом мал. Худощавый и весь серенький. Его крылатка слишком широка. В руках у него толстая суковатая палка. Он носит синие очки. Курит очень много. Угрюм, вдумчив и принципиален. Любит играть в шахматы. Веселенькие стишки, которые он любит цитировать, странно противоречат угрюмости его лица. Говорит низким голосом, а стихи читает искусственным басом.

Чернецова – тоже, как и муж, мала и суха. Волосы, уже начинающие седеть, у нее острижены довольно коротко и вьются. Она носит светло-синие очки. Курит еще больше, чем муж, и еще принципиальнее его. Одета всегда в черное. На голове – канотьерка с черною лентою. Смотрит серьезно и вдумчиво, и когда она слушает кого-нибудь молча, то кажется, что она не одобряет того, что слышит. Катя и Михаил смущенно молчат.

Чернецов. Ну вот и я. Здравствуйте, Катя. Ваш папа дома?

Катя. Здравствуйте, Алексей Иванович. Папа дома. Здравствуйте, Мария Петровна.

Чернецова. Мой Алексей Иваныч дня без шахматов прожить не может.

Чернецов.

Жар свалил, повеяла прохлада.
Длинный день покончил ряд забот,
По дворам давно загнали стадо,
И косцы вернулись с работ.

Чернецова. Я удивляюсь, Алексей Иваныч, что ты так любишь цитировать буржуазные стишонки. Точно ты не знаешь настоящих, хороших стихов.

Чернецов. Иду я сегодня утром мимо речки и вижу очень живописную картину: Екатерина Константиновна, приподнявши юбочки, переходит речку вброд. Коленки открытые, на лице блаженство, в руке большой букет цветов, и вообще очень живописно.

Чернецова. Алексей Иванович, ты должен был отвернуться.

Чернецов. Принципиально ты права. Я и отвернулся. Сначала я думал, что это – глупенькая Лилит. Гляжу, – а это наша умненькая Катя.

Катя убегает, смеясь.

XII

Чернецова. А ты, Михаил, все с Катей?

Михаил. Я ее люблю.

Чернецов. Напрасно. Ты – мальчик умный, а она – девочка пустенькая, малоразвитая и буржуазная.

Михаил. Она – прелесть и один восторг! И какая же она буржуазка! Она не похожа на кисейную барышню, и из нее выйдет хорошая пролетарка.

Чернецов. Из чего ты это заключаешь?

Михаил. Да вот, например, она босая все лето ходит.

Чернецов. Ты, Михаил, очень наивен.

Но бойся, путник смелый,
В ее попасться сеть
Иль кончик ножки белой
Нечаянно узреть.

Михаил. Она посмотрит, – и все словно радуется. Да нет, вы не можете этого понять.

Чернецов. Где уж нам!

О мечтатель! Наслаждайся
Блеском красоты,
Но остерегайся
Углекислоты.

Михаил. Почему же углекислота?

Чернецов. Да уж так написано. Из песни слова не выкинешь.

Михаил. Я ее люблю.

Чернецов. Углекислоту? Напрасно.

Михаил. Я люблю Катю.

XIII

Собрание пьес. книга 2. Фёдор Сологуб sologubfyodor.ru
Катя возвращается и несет цветы в двух зеленых вазах из обожженной глины.

Чернецова. Откуда у вас эти цветы? У вас таких, кажется, не было.

Катя. Я стащила у Луногорских.

Чернецова. Стащили! Разве это можно?

Катя. Ну, они не рассердятся.

Чернецова. А вы признаете частную собственность на продукты труда?

Катя. Да ведь и вы, Мария Петровна, против частной собственности. Ведь вы – марксистка.

Чернецова. Я отрицаю частную собственность только на орудия производства, а не на продукты труда.

Катя. Все равно.

Чернецова. Далеко не все равно.

Чернецов.

Ходит птичка весело
По тропинке бедствий,
Не предвидя от сего
Никаких последствий.

Чернецова. Меня возмущает эта беспринципность.

Катя. Луногорские очень богаты. Что им сколько-нибудь цветочков!

Чернецова. Легкомыслие и полнейшая беспринципность. И зачем вы всегда заставляете Михаила быть с вами?

Катя. Он сам.

Михаил. Я сам.

Чернецова. Видите, как он повторяет ваши слова.

Катя. У него и своих слов много.

Чернецова. Он еще совсем мальчик, и вы напрасно кокетничаете с ним.

Катя (с реверансом). Я еще тоже девочка. Мне где же еще кокетничать! Я едва умею лепетать.

Чернецова. Вы, Катя, ужасно легкомысленны, и в вашем возрасте это даже странно. Можно не удивляться вашей беспринципности – это не от вас зависит, – но такое легкомыслие!

Катя (делает реверанс и уходит через сад. Проходя за куртинами, говорит, как цыплят скликая). Принцип, цып, цып, цып!

Михаил. Катя, что ты делаешь?

Катя. Мои принципы зову, – может быть, они найдутся. Цып, цып, цып, принцип! Цып, цып, цып! (Приплясывая и напевая эти слова, убегает в глубину сада.)

Чернецова. Она плохо воспитана.

Михаил. Мама, я с тобою не согласен. Воспитана-то она неплохо, только совсем не по-нашему.

XIV

Из дому выходят Рогачевы. Здороваются с Чернецовыми. Слышны обычные фразы приветствий:

– Здравствуйте, Мария Петровна. – ...Клавдия Григорьевна. – ...Алексей Иваныч. – ...Константин Федорович. – Как поживаете? – Как ваше здоровье? – Благодарю вас, ничего. – Отлично, благодарю вас. – Что новенького? – Ну, что у нас может случиться нового?

XV

Возвращается и Катя. Улучив минуту, когда старшие, занятые обрядом приветствий, на них не смотрят, Михаил и Катя торопливо целуются. Эти беглые поцелуи особенно заманчивы для них, потому что в них есть элемент опасности. Теперь, когда родители Михаила и Кати сошлись вместе, ясно выступает разница между этими двумя по-разному интеллигентными семьями – семьей помещиков и семьей интеллигентных пролетариев. Все легко и даже легкомысленно у Рогачевых, все тяжеломерно, даже веселость, у Чернецовых.

Рогачева (язвительно). Покорно вас благодарю, Мария Петровна.

Чернецова. За что же это?

Рогачева. За сына.

Рогачев. Ваш сынок обнаруживает легкомысленные поступки.

Чернецов. Это прискорбно. А в чем дело?

Рогачев. Да вот, молодой человек просит руки нашей Кати.

Чернецовы и Рогачевы смеются и укоризненно смотрят на Михаила и Катю. Говорят все вместе.

Чернецов. Принципиально я против ранних браков.

Чернецова. Вы меня простите, Клавдия Григорьевна, я вас уважаю, но я думаю, что моему сыну надо искать невесту из пролетарской семьи.

Рогачева. Семья тут ни при чем, Мария Петровна.

Чернецов. Рано, рано, Михаил.

Рогачев. У него ни кола ни двора, – вы меня извините, Алексей Иванович, – а за нею что? Земля заложена и перезаложена.

Рогачева. Нынче уж нет детей. Такой мальчик – и вдруг! Извольте радоваться!

Чернецова. Совсем еще девочка – и вдруг!

Рогачев (примирительно). Это – детское. Не стоит об этом спорить. Сыграемте лучше в шахматы, Алексей Иванович.

XVI

Смеясь и разговаривая все вместе, Рогачевы и Чернецовы уходят в дом. Катя плачет. Михаил что-то шепчет ей.

По дорожкам сада медленно проходит Лилит, девочка лет пятнадцати, высокая и тонкая. Лицо у нее смуглое, худое, некрасивое. Глаза очень большие, черные, с длинными ресницами; брови черные, лежат красивыми дугами. На голове цветы, белые и желтые, полукругом положенные спереди. Пестрая и странная, но очень красивая одежда, короткая, до колен открывающая стройные, босые, загорелые ноги. Движения у Лилит медленные и странные. Она почти никогда не смеется.

Лилит (подходит к террасе, всматривается и говорит без выражения). Здесь плачут.

Катя. Лилит пришла.

Оттирает слезы и сходит в сад. Целуется с Лилит. Они тихо разговаривают.

XVII

На террасу выходит Чернецов и говорит Михаилу:

– Нет ли у тебя, Михаил, трех рублей?

Михаил (в замешательстве). Трех рублей?

Чернецов (смущенно). Видишь ли, принципиально я, конечно, против того, чтобы брать у тебя деньги, заработанные тобою. Но, видишь ли, вышло так, что мне до зарезу надо где-нибудь достать три рубля. Такой случай. Нет ли у тебя трех рублей?

Пренебрегая капиталом,
Искал сокровищ для души,
Всю жизнь стремился к идеалам,
А увидал одни шиши.
Так-то вот, и не хочешь, да попросишь.

Михаил (смущенно вынимает кошелек и говорит). Нет ничего. Вот, пусто.

Чернецов. На нет, конечно, и суда нет. Но только я не понимаю, куда ты тратишь. У тебя вчера еще были деньги.

Михаил. Папа, ты забываешь, что у меня могут быть свои потребности.

Чернецов. Потребности! Довольно странно. Тебе еще рано. И ты бы мог со мною посоветоваться, прежде чем иметь потребности. Если не доверяешь мне как отцу, то посоветовался бы со мною как с врачом.

Михаил (краснеет багряно и говорит звенящим голосом). Папа, ты меня не так понял. Это – цинично, то, что ты говоришь.

Чернецов. Ну, ну, не кипятись, пожалуйста. Так нет? Этакая досада! (Идет к двери, бормоча):

Ах, иной у неба
Просит только хлеба,
А другому нужен
И обед и ужин.
(В дверях останавливается и говорит). А там Сухов приехал. Не люблю этого жирного франтика. Зубы скалит, все принципиальное осмеивает, а у самого только два принципа – не зевай и угождай сильным мира сего. Карман себе набьет и карьеру сделает. Ловкач! (Уходит.)

XVIII

Катя (проходя с Лилит мимо террасы, услышала эти слова и опечалилась. Говорит тихо). Опять Сухов.

Михаил на террасе один задумчиво следит за Катю.

Лилит (спокойно отвечает кате). Веселый и любезный Сухов.

Катя. Он веселый и умеет рассмешить, а мне с ним невесело. Он милый, но я его не люблю.

Лилит. Сухов – милый? Нет, он – злой хищник. У него уши мохнатые, глаза зеленые, а когти он прячет.

Катя. И так ты его нарисовала?

Лилит. Да.

Катя. Покажи.

Лилит. Хорошо. У меня дома. Приди. Я покажу.

Катя. Ты и на меня нарисуешь карикатуру? я тебя боюсь.

Лилит. Я не страшная.

Катя. А зачем ты карикатуры рисуешь на Михаила?

Лилит (останавливается перед Катей, становится перед нею на колени и говорит просительно). Прости! (Смотрит на Катю снизу вверх пристально и стоит в позе молящей.)

Катя (испугана; говорит). Что ты делаешь, Лилит? Зачем это? Встань!

Лилит. Прости.

Катя (со страхом). А ты не будешь на Михаила карикатур рисовать?

Лилит. Не буду. Прости.

Катя (торопливо и с волнением говорит). На меня можно, на всех можно, на него нельзя.

Лилит. Не буду. Прости.

Катя. Я тебя прощаю, Лилит.

Лилит. Благодарю. (Поднимается медленно и целует Катю.)

Катя. Ты странная. Ты меня испугала. У меня сердце бьется. Зачем ты стала на колени?

Лилит. Я не знаю. Ты не сердись.

XIX

За дверью на террасу слышен в доме веселый и шумный разговор. Выходят на террасу, продолжая разговаривать, Рогачева и Сухов.

Сухов – невысокого роста молодой человек, довольно полный, жизнерадостный. Лицо красивое, веселое и невыразительное. Одет элегантно. У него большое и доходное имение в этой губернии. Где-то служит; служба у него очень необременительная, но видная. Имеет все шансы на то, что на ближайших выборах пройдет в предводители дворянства.

Сухов (продолжая). Ну и можете себе представить, окатило буквально с головы до ног. (Хохочет.)

Рогачева (со смехом, ласково). Какой кретин! Боже мой, какая глупость!

Видно, что она сама влюблена в Сухова, так нежно смотрит на него.

Михаил, выходя из своей задумчивости, смотрит на Сухова мрачно.

Сухов (здороваясь с Михаилом). А, строитель Сольнес! Серьезен и строг, как всегда.

Михаил. Вы, должно быть, любите дразнить глупых птиц. Но я вам не индюк.

Сухов. Охотно верю вам на слово. Нет людей серьезнее гимназистов. Жаль, жаль, что вы еще не целый инженер.

Михаил. Почему вы об этом жалеете?

Сухов. Кое-что строю. Так, пустячок, больше для забавы и для извода денег.

Рогачева. Ну, это вы так только говорите. Вы хоть и молодой, а отличный хозяин.

Сухов и за ним Рогачева спускаются с террасы в сад. Лилит отходит в глубину сада и останавливается в тени большого дерева. Катя идет навстречу Сухову.

Сухов. А вот и Катя. А мы вас ищем, ищем. Ну, дайте ваши лапки. Можно

поцеловать?

Катя. Нельзя.

Сухов. Нет, мне-то можно. (Целует ее руки.)

Катя. Вы дерзкий. Я вам говорю, нельзя.

Сухов. А я говорю, можно. Вы, Катя, моя невеста, а я – ваш жених. Это решено и подписано, правда?

Катя. Смотрите, не ошибитесь.

Сухов. А вы смотрите, не занозите ножки.

Рогачева. Она у меня еще такой наивный ребенок.

Сухов (глядя на Лилит). Откуда ты, прелестное дитя?

Рогачева. Это – наша соседка, Лилечка Луногорская. Славная девочка, хотя немножко избалованная.

Сухов. А, Лилит! Да мы с вами знакомы.

Лилит (стоя в отдалении, говорит очень спокойно). Я вовсе не девочка.

Сухов (со смехом). Не девочка? А кто же ты? Мальчик в юбочке?

Лилит. Я – сказка. Смотри, какие у меня широкие глаза. Я – сказка лесная, лунная.

Сухов. Иди к нам.

Лилит. Нет, я уйду в лес. Я тебя боюсь. (Убегает.)

ХХ

Сухов. Очаровательная дикая девочка. Такая некрасивая, но интересная очень! Странная.

Рогачева. Она очень мило рисует.

Михаил (говорит с тихим злорадством, притворно-любезным голосом). Лилит и на вас, Владимир Павлович, карикатуру нарисовала: глаза зеленые, уши острые и мохнатые, зубы острые, а когти спрятаны.

Сухов (хохочет и весело говорит). Вот так красавец!

Рогачева (досадливо краснея). Какая дерзкая, избалованная девочка! Я бы ее... да вы, Миша, сочинили?

Михаил. Нет, я сказал правду. Я – плебей, я не усвоил благовоспитанной манеры лгать.

Сухов (наконец почувствовал яд насмешки и рассердился, но не показывает этого и говорит спокойно и любезно). Все это мило в малом количестве и на большом расстоянии. Смотрите, Катя, не подражайте очень этой дикарке. Не стоит, милая Катя.

Катя (с досадою). О, милая! Я не хочу быть для вас милою.

Сухов (говорит тоном легкой шутки). Милые бранятся, только тешатся. А не стоит, Катя, потому, что вас-то я не отпущу в лес.

Михаил. Вы испугали милую сказку Лилит, и жизнь моя, Катя, боится вас, потому что вы – хищник.

Рогачева строго смотрит на Михаила.

Сухов. Какое красноречие! Вы, молодой человек, слишком трагически смотрите на вещи.

Михаил. А вы, зрелый человек, смотрите на них драматически.

Сухов. Ого, драматически! Я думал, вы скажете – комически. Я, мой друг, и драмам, и трагедиям предпочитаю оперетку. Я хочу быть лет через двадцать министром и потому всего усерднее хожу в балет. Д-р-р-раму предоставляю вам, серьезнейший из гимназистов.

Михаил. Теперь вы ломаете фарс, а драма ваша еще впереди.

Сухов (притворяясь испуганным). Ой, ой, ой, не пугайте! Какие страсти!

Рогачева (любясь Суховым). Вас не испугаешь.

Сухов. Боюсь очень огорчить вас, Катя, но должен все-таки вам сказать, что сегодня я никак не могу пробыть у вас долго. Лучше и не просите...

Катя. Да я и не прошу.

Сухов. ...Сейчас уезжаю.

Катя. Я очень рада. Приезжайте поскорее туда, куда-нибудь от нас подальше. (Показывает рукою вдаль и смеется.)

Рогачева. Катя, как это грубо! Как тебе не стыдно!

Катя (досадливо). Очень стыдно, – только того, что я никак не могу его отвадить. Он ни на что не обидится. Что ему ни скажи, он притворится, что услышал любезность. Дипломат! Быть ему послом в Париже!

Сухов хохочет.

Рогачева (говорит укоризненно и строго). Катя! Ты себе очень много позволяешь.

Сухов. Не будем ссориться, Катя. Ведь мы друзья. И вы угадали, что меня вам не обидеть. Очаровательные дерзости идут к вашей сельской простоте и к загорелым, как у крестьяночки, ручкам и ножкам. А будет время, и к вам так же пойдут любезные слова, которые будет мило говорить жена предводителя.

Катя (запальчиво). Мой – он не будет предводителем!

Сухов. Или, по крайней мере, недолго останется им. Нет, Катя, будущее мы оставим в покое, а теперь лучше скажите мне, что вы хотите, что бы я вам привез. Ведь и маленькие деревенские девочки с босыми ножками любят маленькие подарочки. Я приеду послезавтра.

XXI

Тихо разговаривая, на террасу выходят Рогачев и Чернецов.

Катя (смотрит на Сухова, угрюмо хмуря брови, и после недолгого молчания говорит быстро и невесело). Привезите мне какую-нибудь очень веселую книжку. Такую, которую можно дать даже умирающему, чтобы он смеялся.

Сухов смотрит на нее, не понимая, и не знает, что сказать.

Рогачева (говорит строго). Катя, не говори глупостей.

Чернецов (вполголоса).

Вынимает новое
Он серебрецо,
Но она суровое
Делает лицо.

Сухов. Стишки собственного сочинения?

Чернецов. Нет, я этим не занимаюсь.

Искать по старым книжкам
Веселеньких стишков,
Из папки ребятишкам
Вырезывать коньков,
Плясать, да так, чтоб скука
Бежала с чердака,
Ой ли, вот вся наука
Бедняги чудака.
Произносят и эти стихи таким унылым басом, что все улыбаются.

Сухов. Веселенькие стишки, правда! Ну, что ж, Катя, я поищу вам такую книжку. Клавдия Григорьевна, позвольте откланяться. Мне пора.

Рогачев. Нет, нет, как хотите, без ужина я вас не отпущу. Чем Бог послал.

Рогачева. Пожалуйста, Владимир Павлович! Когда еще вы домой попадете! У нас уж накрыто. Пожалуйста!

Чернецов. А мы к домам.

Рогачев и Рогачева, увиваясь около Сухова и вместе с ним уходя в дом, не замечают Чернецова.

XXII

На террасе остаются Чернецов и Михаил.

Чернецов. Пора, пора, Михаил, пора домой.

Михаил. Я ухожу.

Чернецов (идет к двери в дом и говорит). Попрощаться надо с хозяевами. Видишь, и Катя ушла.

И она, надев мантилью,
Затворила свой балкон;
Закурив свою мантилью,
Спать уходит нежный дон.
Так-то, братец, пора.

Уходит в дом, и за ним уходит туда же Михаил.

XXIII

Холодеющий воздух тих и ясен.

Через сад медленно проходит Лилит. В догорающих лучах зари лицо ее пламенеет. Капельки росы дрожат на ее ногах. Лилит останавливается у террасы за липою. Из дома выходит Чернецов, Чернецова и Михаил и идут через сад.

Чернецов (говорит тихо). Не люблю этого франта. Не люблю. И ты его не любишь, Михаил. Ты из ревности, а я принципиально не люблю.

Чернецова. Принципиально говоря, этот субъект и не может быть иным. Это – естественный продукт своей среды.

Чернецов. Ты не совсем права. Из этой среды все ж таки выходили...

Лилит тихо подходит к Михаилу, – он идет позади своих родителей; Лилит дотрагивается до его руки. Михаил останавливается. Чернецов и Чернецова уходят; они, увлеченные своим разговором, не заметили, как подошла Лилит, и не видели, как отстал от них Михаил.

XXIV

Тихо спрашивает Лилит: '

– Михаил, ты ее любишь?

Михаил (отвечает). Люблю.

Лилит. Ты ее любишь. Я сегодня стояла перед нею на коленях. Я поцелую, склонюсь до земли, ее ноги. Не бойся, Михаил, я не убью ее. Я не ревную. Все, что ты любишь, для меня свято. (Тихо уходит.)

Михаил (зовет негромко). Лилит!

Лилит не отвечает и уходит.

Михаил. Лилит! Какая ты странная!

XXV

Заря догорела. Сумерки сгущаются. Из дому выходит Катя. В прохладе и прозрачности ясного вечера отчетливо слышит Михаил, как скрипнула ступенька террасы, как на дорожке шелестят песчинки под босыми Катиними ногами. Сладостно холодея от восторга и печали, Михаил улыбается Кате.

Катя (молча обнимает Михаила, плачет и говорит). Я не разлюблю тебя никогда, никогда. На жизнь и на смерть мы с тобою вместе.

Михаил. Вместе. Умрем вместе. Я не могу жить без тебя. Лучше умереть. Все в этой жизни так противно.

Катя. Я не хочу умирать, Миша!

Михаил. Что же нам делать?

Катя. Я еще так мало жила. Я еще хочу жить. Не надо смерти. Брось тот яд, который ты принес.

Михаил. Катя, разве страшно умереть вместе? Как умер этот день, и мы умрем. Разве тебе страшно умереть со мною?

Катя. Я хочу жить. Счастья хочу и победы над жизнью. Мы молоды и сильны, и победим. Разве не мы хозяйева жизни? Разве не нам принадлежит завтрашний день, когда мы будем сильны и свободны?

Михаил. Катя, ты же сама говорила, что нам надо умереть! Соглашалась со мною. А как до дела дошло, так ты и на попятный двор. Трусиха!

Катя. Я не трусиха. Умереть не страшно. Никакой храбрости не надо. Для жизни больше надо храбрости.

Видно, что Михаил обиделся. Тяжелая пауза. Катя в замешательстве. Порывается сказать что-то и не знает, как начать.

Михаил (долго и сурово молчит. Наконец говорит угрюмо). Я могу и один.

Катя (плача). Глупый, не надо! Не надо умирать. Разве для того пришли мы на эту землю, чтобы умереть так рано? А где же та красота, которую ты должен повесить над безднами на паутине из стальных канатов? А где та жизнь новая, прекрасная, свободная, счастливая, которую мы с тобою должны создать? Михаил, прекрасный мой, мы должны жить.

Склоняется к его коленям и целует его руки. На сцене совсем стемнело.

Михаил. Тогда уйдем отсюда вместе.

Катя. Нам еще учиться надо. Куда же мы пойдём? Я тебе только мешать буду. В годы борьбы и достижений ты должен быть один и работать, а я буду ждать. Тридцать лет готова ждать, как в английском романе. (Плачет и смеется.)

Михаил. Я поступлю в институт, ты – на курсы.

Катя. Я – маленькая глупая девочка. Книги – хорошо. Ах, как много в них хорошего! Учиться, узнавать – какая в этом радость! Но это и такой большой,

Собрание пьес. книга 2. Фёдор Сологуб sologubfyodor.ru
большой труд. Если я буду сидеть у тебя на коленях, как же ты будешь учиться? Мы будем ждать.

Михаил. Чего ждать?

Катя. Пока мы будем сильными.

За сценою слышен голос Чернецова:

– Михаил, где же ты?

Михаил. Я буду сильным. Я буду сильным. Я вернусь к тебе победителем. Если мы не сумели умереть, мы будем жить, – и победим. (Порывисто целует ее и убегает.)

XXVI

Катя (плачет долго и напевает тихо, сидя на ступеньке террасы и покачиваясь).

Если б, сердце, ты лежало
На руках моих,
Все качала бы, качала
Я тебя на них,
Словно мать дитя родное
С тихой мольбой, –
И затихло б, ретивое,
Ты передо мной.
Но в груди моей сокрыто,
Заперто в тюрьму,
Ты доступно, ты открыто
Одному ему.

XXVII

Входит Лилит. Говорит негромко:

– Катя, не плачь. Не стоит плакать. Хочешь, я тебя утешу?

Поднимается луна. Катя быстро встала со ступеньки и прислушивается. Тихий голос Лилит кажется ей чужим и незнакомым.

Робко и тихо спрашивает Катя:

– Кто это? Кто здесь?

Лилит. Это я, Лилит.

Катя. Ах, Лилечка! Я тебя не узнала.

Лилит. Ты подремли, я тебя утешать буду, песенку спою.

Катя. Чем ты меня утетишь?

Лилит. Смотри, какие у меня большие глаза, какие у меня тонкие руки. Смотри, какая сказка я, тихая, лесная. Сядь здесь, на ступени, и дремли. (Усаживает Катю на ступеньки террасы, сама садится у ее ног и нежно гладит ее руки. Напевает тихо.)

Острою секирой ранена береза,
По коре серебристой покатались слезы.
Ты не плачь, береза, бедная, не сетуй,
Рана не смертельна, вылечишься к лету,
Будешь красоваться, листьями убрана,
Лишь больное сердце не залечит раны.
Склоняется тихо и целует Катины ноги.

Катя (сидит неподвижно, как зачарованная, и говорит, – и страх слышен в ее голосе). Лилит, что ты делаешь? Не пугай меня, сказка моя милая, мечта моя лунная. Зачем ты целуешь мои босые ноги? Они в пыли.

Лилит. Ведь и я его люблю.

Катя. Ты? Михаила? (Быстро встает.)

Лилит (осталась у Катиных ног и отвечает ей). Да. А он на меня и смотреть не хочет. А ведь я же не плачу!

Катя. О, ты его любишь! Ты смеешь его любить!

Лилит. Глупая, чего же ты сердишься? Ведь я тебе не мешаю. Люби его, люби моего милого.

Катя. Ты не смеешь его любить! Он мой.

Лилит. И пусть будет твой. И возьми его. Я ведь ничего не требую. Я только люблю.

Катя. Никому его не отдам.

Конец первого действия.

Действие второе

I

Прошло четыре с половиною года. Конец декабря. Зимний день, морозный, белый, ясный. Рогачевы живут в городе, и Катя еще у родителей, хотя им и хочется поскорее выдать ее замуж.

Рогачевы влачат странное существование людей, проживающих последнее. Рогачев служит по выборам. Получает жалованье, которое кажется ему ничтожным. К службе он относится небрежно, да и ладить с людьми не умеет. Им недовольны и вторично не выберут.

Имение, конечно, в упадке, – обременено долгами, не раз назначалось к продаже, но пока Рогачевым удавалось кое-как спасать имение. Теперь окончательное разорение близко, и Рогачевы мечтают выдать Катю замуж за Сухова, надеясь, что он поможет им освободить имение хоть от части долгов. Городская квартира Рогачевых обставлена старыми вещами, вывезенными из имения, дорогими и интересными. Нет нагромождения вещей, и вся обстановка обличает хороший, строгий вкус.

Катя выросла, похорошела. Ей уже двадцать лет. Она – сильная и здоровая девушка. Теперь она обвевана мечтами и все время находится в мечтательно-эротическом настроении. Она уже не такая смешливая, как прежде, но все еще веселая и жизнерадостная. Ей жалко родителей и хочется спасти имение, но она верит в победу свою над жизнью.

Михаила она любит по-прежнему нежно. Темная страстность томит ее, но сближения с Михаилом она боится, – боится помешать ему стать сильным и свободным, истинным господином жизни.

Посредине комнаты Катя стоит одна. В ее руках красиво переплетенная книга – собрание стихов Зинаиды Гиппиус. Стоя лицом к только что раздвинувшемуся занавесу, Катя говорит, читая название стихотворения:

– «Любовь – одна».

Прижимает открытую книгу к груди и смотрит прямо перед собою. Мечтательная и немного испуганная улыбка на ее губах, и кажется, что стена перед нею развеялась и что она глядит в глаза многих, в темноте широкого театра ожидающих ее слов. Потом она опять поднимает раскрытую книгу и медленно, громко читает волнующие ее слова:

Единый раз вскипает пеной
И рассыпается волна.
Не может сердце жить изменой,
Измены нет: любовь – одна.
Мы негодуем, иль играем,
Иль лжем, – но в сердце тишина,

Мы никогда не изменяем:
Душа одна, – любовь одна.
Однообразно и пустынно,
Однообразием сильна,
Проходит жизнь... И в жизни длинной
Любовь одна, всегда одна.
Лишь в неизменном – бесконечность,
Лишь в постоянном – глубина.
И дальше путь, и ближе вечность,
И все ясней: любовь – одна.
Любви мы платим нашей кровью,
Но верная душа верна,
И любим мы одной любовью..
Любовь одна, как смерть одна.

II

Рогачева (ничуть не изменившаяся за эти годы, выходит и говорит Кате). Я думала, Катя, ты с кем-нибудь разговариваешь. А это ты стенкам стихи читаешь. Нашла занятие!

Катя (смотрит на мать, словно разбуженная, и говорит). Каким стенкам? Разве там стена?

Рогачева. А что же там?

Катя (мимо стен комнаты, всматривается во что-то, чего не видит ее мать, делает широкий жест и говорит). Там люди, там жизнь!

Рогачева. Ну, пусть там, за стеною, люди, – нам-то что до них! Много их, всяких людишек.

Катя рассеянно улыбается и опять стоит молча, не глядя на мать, всматриваясь во что-то далекое, – и кажется, что раскрываются перед нею неизмеримые дали жизни.

Рогачева (бестолково и взволнованно мечется вокруг нее, заходит то с одной стороны, то с другой, старается заглянуть в Катину лицо сбоку, но почему-то не решается стать перед нею, между ее неподвижным взором и темными ее видениями. Наконец она говорит досадливо и робко). Катя! Катя! Ну куда ты смотришь? Что ты в стену-то усталилась? Что мать пугаешь?

Катя (поворачивается к матери и говорит). А здесь мама, папа, милая старушка няня, – маленький мир. Маленький мир, но липкий. Глупое сердце привязчиво. Свой домик, свои вещицы, старые, милые, своя земляца, – какое глупое сердце! Тропинки, по которым я босиком ходила, земля родная. Ах, маленький мир! Милый, тесный, замкнутый в себе. И для тебя, маленький, я должна что-то сделать, успокоить их, которые ждать не могут. Ты взял меня в плен и не выпускаешь.

Рогачева. Стихов начиталась. Ах, Катя, Катя!

Катя. Что, мама?

Рогачева. Ты, Катя, похорошела, выровнялась. Тебе замуж пора выходить.

Катя. Скучно, скучно, мама! И ты, мама, и отец, оба вы теперь только об этом со мною и говорите.

Услышав, что Катя говорит понятными ей словами, Рогачева успокоилась, села и говорит:

– Да как же не говорить-то, если это – правда! Конечно, пора! И есть за кого, слава Богу.

Катя. Ах, старички мои милые, скучно мне с вами!

Во все время разговора с матерью Катя беспокойно переходит с места на место, то сядет, то опять встанет. Книгу она положила на стол, но иногда возвращается к ней, рассеянно перелистывает ее и опять оставляет. То вещь какую-нибудь переставит с места на место, то в зеркало посмотрится.

Собрание пьес. книга 2. Фёдор Сологуб sologubfyodor.ru
Рогачева. Что ты, Катя, все твердишь – скучно да скучно! Почему же тебе, Катенька, милая моя, с нами скучно уж так?

Катя. Да вот потому, что однообразные вы очень и слабые...

Рогачева (начиная кипятиться, горячо говорит). Что значит слабые? Чего же ты от нас хочешь? Что нам делать? Горы ворочать? Гор никто не ворочает.

Катя. Да, гор никто не ворочает. Вы – милые, но уж очень слабые.

Рогачева. Заладила одно – слабые! Вот обвинение странное!

Катя. Да я, мама, не обвиняю.

Рогачева. Не может же твой отец омужичиться и гроши из земли выколачивать, точно какой-нибудь кулак деревенский! У него не такой характер. Да он, наконец, не так и воспитан.

Катя (рассеянно улыбаясь, говорит тихо). Да, совсем не так.

Рогачева (помолчавши немного и пытливо глядя на Катю, говорит мягким, убеждающим тоном). Выходила бы ты, Катя, за Владимира Павловича. Человек он хороший, добрый, простой, сердечный. Стоит на хорошей дороге. Молод, богат. Тебя он любит.

Катя. Любит, любит! Ах, мама!

Рогачева. Всякое твое желание он исполнит. И отцу поможет обернуться. Сама знаешь, какие наши дела плохие. Того и гляди, продадут с молотка наше имение.

Катя. Захочу – выйду, захочу – нет. Зачем мне Сухов? Я Михаила люблю.

Рогачева (наставительно). А ты и об отце подумай.

Катя. Папа служит.

Рогачева. Что его служба! Гроши дает. Имение не сегодня, завтра за долги продадут.

Катя. Продадут! Милые старички мои, плохие вы хозяева! Что мне делать с вами?

Рогачева. Из твоего Михаила еще невесть что будет, – какой-то он, прости Господи, блаженный. А Сухов тут вот весь, перед глазами.

Катя. Да, на десятки лет заведен прочно.

Рогачева. И тебе, Катя, над ним смеяться грешно. Он тебя любит.

Катя. Любит! Мне-то что?

Единый раз вскипает пеной
И разбивается волна.
Не может сердце жить изменой,
Измены нет, – любовь одна.

Стихи приводят Рогачеву в нервное настроение. Она говорит испуганно:

– Катя, ты опять видела Михаила?

Катя. Да, я видела его у Луногорских. Я говорила с ним долго, долго. (Вздыхает счастливо, улыбается и говорит радостно.) Он сегодня обещал прийти к нам.

Рогачева. Зачем?

Катя. Такие редкие встречи и такие сладкие!

Рогачева (сердито). Зачем он придет? По-моему, нечего ему у нас делать.

Катя (решительно). Я его пригласила.

Рогачева. Напрасно.

Катя. Я люблю, я хочу, – ах, мама, ты этого не понимаешь!

Рогачева. Ты много понимаешь! Ничего хорошего из этого не выйдет.

Катя. Мой милый, мой прекрасный Михаил! Он никогда не сделал ничего недолжного. Он – благородный, чистый. Он слишком благородный. Он лучше меня.

Рогачева (с досадою). Ну, еще бы!

Катя. Я люблю, люблю его! Когда он будет сильным, я приду к нему, и ничто меня не удержит. Посадите меня в темницу – двери железные сломаю. Снимите с меня одежды – голая пойду к нему по шумным улицам.

Рогачева (укоризненно). Постыдись, Катя! Что ты говоришь! Какие порочные у тебя мечты!

Катя. Не называйте нашу любовь порочною. Она чище, чем то, что вы мне готовите с этим Суховым.

Рогачева. Катя, Катя, ведь только на тебя все наши надежды.

В ее руках появляется платок, и она делает с его помощью демонстрацию плача.

Катя. Ах, все то же, то же, то же. Надоело!

Рогачева. Хорошо тебе так говорить, а нам-то каково! На старости лет своего угла лишиться и остаться без куска хлеба.

Катя. Но ведь я не люблю Сухова. Я люблю Михаила.

Рогачева. Любовь до гроба, – с милым рай и в шалаше, – ах, все эти глупости давно пора забыть! Какая там любовь! В жизни не о любви думать приходится, а о том, как семью устроить.

Катя. Какой злой демон придумал семью, это подлое учреждение, где все у всех в рабстве! И не на кого пенять, – так издавна повелось, все это глупое, но все же трогательное, жестокое, но милое.

III

Входит Рогачев. Он не изменился почти нисколько. Имеет такой же легкомысленно-бодрящийся вид потертого судьбою, но ничему не научившегося человека. Только в бороде прибавилось несколько седых волос, но борода подстрижена и причесана волосок к волоску. Одет очень тщательно и модно.

Рогачев. Мама с дочкой, а тему разговора угадываю.

Катя. Да, папа, все о том же.

Рогачев. И мы все капризничаем.

Катя молча подходит к окну и останавливается, полуотвернувшись от родителей.

Рогачев. Делай как знаешь, Катя, но помни, что только на тебя вся наша надежда.

Катя (улыбаясь). И ты, папа, хочешь, чтобы я сделала хорошую партию.

Рогачев. Я хочу тебе добра, Катя.

Катя. А если мне еще с вами хочется жить, дома, с тобою и с мамой?

Рогачев. Живи, конечно. Разве же мы тебя вынуждаем? Только скоро у нас у самих ничего не останется.

Катя. Ты так уверен, папа, что на выборах твоя партия провалится?

Рогачев. Какая там партия! Это мне все равно, я – не партийный человек. А только второй раз меня не выберут.

Катя. Зачем же ты, папа, держишься этих людей?

Рогачев. Не могу же я быть со всякими радикальными болтунами! Мы должны поддерживать добрые дворянские традиции. А не выберут меня потому, что я горяч и ладить со всякою дрянью не умею. Если я вижу, что он – прохвост, я это ему прямо и говорю. Не выберут, знаю. Да если бы и выбрали, все равно, – на земле так много долгов, что долго нам ее за собою не удержать.

Катя. Ты, папочка, слишком барин. В тебе мало делового человека.

Рогачев (говорит легкомысленным и веселым тоном). Нельзя ли без критики? Молоды еще вы, милая барышня, для того, чтобы делать наставления убеленному сединою отцу!

Катя (нежно обнимает его и говорит с улыбкою). Извините, не буду! Только я совсем уж не так молода. Я все знаю.

Рогачева. Катя, можно Бог знает что подумать!

Рогачев. Что же ты, например, знаешь?

Катя. Я знаю, что муж, за которого выходят без любви, это ведь то же, что для мужчины, для юноши, – проституция. Да еще первый муж!

Рогачев. Что за глупости!

Рогачева. Катя, как тебе не стыдно говорить такие гадкие слова!

Катя (танцуя, кружится по комнате и напевает).

Единый раз вскипает пеной
И разбивается волна.
Убегает.

IV

Рогачева. Не уговорить мне ее! Уж очень она влюблена в Михаила. Не выйдет она за Сухова.

Рогачев. Ну, как не выйти! Выйдет, Сухов богат, молод, красив, любезен. Всякая вышла бы за него. Студиозус ему не соперник, хоть его маменька и уверяет, что учащаяся молодежь – гордость и надежда страны. Ну, Клавдия, я уйду. Надо у Нелениных побывать.

Уходит, и за ним идет Рогачева. Комната некоторое время пуста. Доносятся веселые молодые голоса.

V

Входят Катя и Михаил.

Он в форме студента одного из высших технических учебных заведений. Красивый, стройный молодой человек двадцати двух лет. Держится спокойно и более уверенно, чем в первом действии. На лице, холодном и спокойном, явственно выражение твердой воли. Но видно, что еще он не собрал всех своих сил и не достиг совершенного самообладания. Иногда маска холодного спокойствия спадает с его лица, и под нею открывается лик волнующегося, невинного и страстного юноши.

На жизнь Михаил смотрит как на борьбу и на подвиг. Катю любит он неизменно; для нее он сберег свою чистоту, и она для него является залогом великих обещаний. Мечта о ней манит его к трудным достижениям, и для нее он хочет строить новую жизнь, как строят мосты и храмы.

В своей обычной жизни Михаил и Катя далеки один от другого, – он учится в столице, она живет здесь, в губернском городе. Встречаются они нечасто. Их поцелуи и объятия еще невинны по-детски.

Катя. Я так редко тебя вижу. Ты уже несколько дней в городе, а встречаться с тобой приходится то в гостях, то в театре. Наконец-то собрался прийти! Отчего ты не приходишь к нам чаще?

Михаил. Милая моя Катя, твои родители и так смотрят на меня косо. А если я поважусь ходить к вам часто, так они, пожалуй, попросят и совсем не ходить.

Катя. О, посмели бы они это сделать!

Михаил и Катя сели рядом, смотрят друг на друга с грустной нежностью и говорят.

Михаил. Вот, они предсказывали, что наша детская любовь исчезнет. Но проходят годы, и каждый прожитый день расширяет и углубляет мою любовь.

Катя. Нашу любовь! Наша любовь – святыня, и мы будем ее хранить всегда.

Михаил. Я люблю только тебя. Я и весь мир только через тебя понимаю. И что хочу делать, все для тебя. Строить – легко и дерзко, в простоте соединений и линий открыть высокую красоту, железную сквозную мечту поставить над безднами, мечту о тебе, единственная моя!

Катя. Ты – счастливый! Живешь, мечтаешь, а мы... живем, не живем. Как тени на стене... Михаил, а что я спрошу, ты мне скажешь?

Михаил. Конечно, скажу все, что ты спросишь. Если, конечно, сам знаю.

Катя. Ты, Миша, не сердись.

Михаил. Да на что же?

Катя (волнуясь). Видишь, как бы это тебе сказать... Ну, я знаю, ты меня любишь. Ну, конечно, ты мне не изменишь... Но я же знаю, ну, ведь это у всех бывает, это, это, такое нечистое, грубое. Миша, Миша, скажи...

Михаил (словно заражаясь ее волнением, говорит страстно). Нет, Катя, нет, нет. Этого не было, не было. Милая Катя, верь мне, этого не было.

Катя. Михаил, прости. (Плачет.) Я знаю, ты чистый, благородный, а я гадкая. У меня скверные мысли.

Михаил. Мы должны быть чистыми.

Катя. Темная сила влечет меня, – и я, как слепая бабочка. Я не понимаю, что во мне, что со мною.

Михаил. Милая моя, жизнь моя, Катя!

Катя. Так люблю! Могу ли быть женою? Смею ли? Твоею женою. Мне кажется иногда, что я не стою тебя. Ты лучше меня, чище меня, ненаглядный мой!

Михаил. Поверь мне, Катя, обуздывать мою страстность, подавлять в себе все эти дикие желания, – чего мне это стоит! Иногда я спрашиваю себя, – да во имя чего я это делаю? Но я гоню от себя эти искусительные мысли. Я хочу быть чистым, я не хочу осквернить моей любви к тебе неистовыми порывами, потому что я так люблю тебя! Все нежнее с каждым днем. И нежность моя к тебе так велика, что она гасит во мне жгучее пламя чувственности.

Катя (мечтательно смотрит вдаль, опять раскрывшись перед нею, и говорит). Да, вот ты опять уедешь, и опять я не увижу тебя долго, долго! И только мечтать о тебе буду, днем и ночью сладко мечтать. И ждать!

Михаил. Зачем же ты остаешься здесь? Сколько раз я звал тебя с собою.

Катя. Мои старички с такою надеждою смотрят на меня.

Михаил. Для отживающих отдавать свои лучшие годы, – Катя, милая моя Катя, не

Собрание пьес. книга 2. Фёдор Сологуб sologubfyodor.ru
ошибаешься ли ты?

Катя. Нет, не только для них. Правда, мне жаль их, и нашего имени жаль, моей земли родной, – но не то, не то! Не это главное.

Михаил. А что же?

Катя. Расточать в серые будни то, что зацветет праздничным цветом? Нет, этого я не хочу. Бегать по грошовым урокам, чтобы кое-как прожить, и из-за этого кое-как учиться, и сделаться заурядным строителем, – к этому тебя тащить? Нет, этого я не хочу.

Михаил. Обо мне ты не думай. Я силен, здоров и настойчив. Я многое могу.

Катя. О тебе не думать? Хорошо, так обо мне подумай. Ты должен вести меня к победе, к жизни свободной, светлой, счастливой, к жизни, которую мы радостно сотворим из грубого материала этого косного бытия, – так радостно, что она вся засияет и заблещет, преображенная нашею волею.

Михаил. Так, милая Катя, так, – не забывай этой нашей задачи.

Катя. К этому празднику должен ты меня вести. Но куда же ты поведешь меня теперь? На чердак на двадцатой линии Васильевского острова или в жалкую конуру где-нибудь в грязном переулке на Песках?

Михаил (смотрит, на Катю с удивлением и укоризненно спрашивает). Что ты говоришь, Катя?

Катя. Милый, я боюсь этой жизни. Я боюсь, что все мечты наши поблекнут под пылью мелких ссор, и смех мой, – помнишь, золотые колокольчики, ты так называл мой смех, – мой легкий смех перевьется, спутается хриплым, простуженным кашлем.

Михаил. Нет, Катя, это не так. Все лишения легко преодолееет гордая, молодая воля.

Катя (говорит рассеянно). Сначала труд жизни, потом радость ее.

Михаил. Ах, Катя, радость нельзя отложить до завтра.

Катя. Милый, милый!

Подходит к роялю, рассеянно берет несколько аккордов из «Перикола» и поет.

Навеки твоя Перикола,
Но больше страдать не могу.

Михаил. Какие циничные слова! Певичка бросает своего милого, потому что ее подпоили и обольстили хорошим обедом!

Катя. А мне, ты думаешь, легко? Но ты, Михаил, должен мне все простить, что бы я ни сделала, потому что я люблю только тебя.

Михаил. Что ты хочешь сделать, Катя?

Катя (со слезами на глазах повторяет стихи).

Единый раз вскипает пеной
И разбивается волна.
Не может сердце жить изменой,
Измены нет – любовь одна.

Михаил (тревожно спрашивает). Катя, ты замышляешь что-то?

Катя. Милый, милый! (Целует и ласкает Михаила. Потом, заслышав шаги в соседней комнате, отходит к окну, задумчиво глядит на улицу и тихо говорит.)

О вещая душа моя!
О сердце, полное тревоги!
О как ты бьешься на пороге
Как бы двойного бытия!

VI

Рогачева (входит с озабоченным видом и говорит). Ищу, ищу... А, здравствуйте, голубчик.

Михаил подходит к Рогачевой и целует ее руку.

Рогачева. Не могу найти моего кошелька. Не в твоей ли, Катя, комнате я его оставила? Поищи, милая.

Катя выходит.

VII

Рогачева. Сколько расходов в городе, не приведи Бог! Уж я очень экономная хозяйка, а все-таки концы с концами трудно сводить. Сегодня Константин Федорович достанет денег, а пока... Кстати, Миша, если вы при деньгах, не можете ли вы мне дать до завтра десять рублей?

Михаил. С удовольствием.

Совершенно так же, как в первом действии, Михаил вынимает из кошелька десятирублевку и подает ее Рогачевой.

Рогачева (берет ее с такими же, как тогда, словами). Пожалуйста! Ну вот, большое вам спасибо, Миша. Я вам непременно завтра отдам.

Михаил. Пожалуйста, не беспокойтесь. Мне так скоро эти деньги не понадобятся.

Рогачева (садится на диван, принимает доверчивый вид и говорит Михаилу). Голубчик, скажу вам откровенно: мы в долгу, как в шелку. Одна надежда на Катю.

Михаил (садится близ нее и говорит невесело). Вам хочется выдать ее за богатого.

Рогачева. Владимир Павлович в нее влюблен, и это для нее во всех отношениях превосходная пара. А вы, Миша, никогда богатым не будете.

Михаил (улыбается и спрашивает). Почему вы так думаете, Клавдия Григорьевна?

Рогачева. У вас кто ни попроси, вы всем даете. А зачем? Я-то вам отдам, непременно отдам из первых же хозяйских денег, а вот мужу моему вы не давайте. Он ни за что не отдаст. Не любит он платить долги.

Михаил. Глуп ваш Сухов, и Катя его не любит.

Рогачева. Она еще так молода. Полюбит, когда привыкнет.

Михаил. Если захочет привыкать.

Рогачева. Послушайте, Миша, я так давно вас знаю, я ведь вас еще совсем мальчиком помню, так что я имею право, надеюсь, говорить с вами откровенно.

Михаил. Конечно. И я это очень ценю.

Рогачева. Вы милый, хоть и угловатый немного.

Михаил. Благодарю.

Рогачева. Не за что. Уж вы меня, старуху, извините. Я, поверьте мне, душевно была бы рада, если бы Катя вышла за вас. Но ведь вы, голубчик, сами понимаете, что это невозможно.

Михаил (с внезапной, простодушно-юношескою грубоватостью говорит). Ну, все одна и та же песня, которую и слушать досадно!

Рогачева. Вы, Миша, очень раздражительны, и это, право, нехорошо.

Михаил. Извините. Но я не понимаю, право...

Рогачева. Да ведь у вас, голубчик, ни кола ни двора. Родители помогать вам не

Собрание пьес. книга 2. Фёдор Сологуб sologubfyodor.ru
могут, – не из чего. Чем же вы жить будете, если повенчаетесь?

Михаил. Надеюсь, что я способен работать.

Рогачева. Голубчик, я же в этом не сомневаюсь. Но подумайте о своей будущности. Вам надо курс кончать. А теперь много ли вы уроками достанете! А потом вам надо делать карьеру. И кто знает, какие перед вами откроются возможности! Слишком ранняя женитьба может связать вам руки.

Михаил. Я не понимаю, на что вы намекаете, Клавдия Григорьевна.

Рогачева. Да прямо сказать, вам может представиться другая партия. Да и вообще жена вас во всех отношениях свяжет. Вам только лет тридцати пора будет жениться. А ведь вы с Катей почти погодки. Ей тогда уже двадцать восемь лет стукнет. Не может же она до таких лет сидеть в девицах.

Михаил. И старше выходят замуж.

Рогачева. Да ей-то какая крайность! У нее хороший жених есть. Неужели вы ей счастья не желаете?

Михаил. А в чем, по-вашему, счастье?

Рогачева. Голубчик, не будемте философствовать. Ей пора замуж. Смотрите, она как ошалелая ходит да стихи читает. А если, замуж выйдя, над каждым грошом трястись придется, так уж плохое это счастье!

Услышав знакомые в соседней комнате голоса, Рогачева суетливо встает с дивана и говорит:

– Миша, пройдемте в столовую, там подали чай.

Уходят.

VIII

Комната несколько времени пуста. Все слышнее за другою дверью голоса, и наконец оттуда выходят Катя и Сухов.

Сухов почти такой же, как в первом действии, только чуть-чуть пополнел. У Сухова в руках небольшой футляр.

Катя. Могли бы, Владимир Павлович, и не являться так часто.

Сухов. Если бы не дела, поверьте, Катя, я бы всю жизнь рад был сидеть у ваших ног.

Катя. Покорно благодарю! По-моему, это очень скучно.

Сухов. А главное, невозможно. Дела. Так вот, за невозможностью быть самому всегда с вами, позвольте мне вручить вам этот простенький браслетик.

Раскрывает футляр. Что-то многоцветное переливается в нем радужными огнями.

Катя. О! Это очаровательно! Но с чего вы вздумали, что я это возьму? Отдайте это вашей невесте.

Сухов. Слушаю-с! Ваше желание для меня закон. А так как моя невеста – вы, Катя, то я и подношу вам эту ничтожную вещицу. Она мала, но да будет она залогом моего большого и искреннего чувства к вам.

Катя. Какой вы странный, Владимир Павлович! Зачем вы хотите, чтобы я вышла за вас замуж? Ведь вы же знаете, что я вас не люблю!

Сухов. Я вас люблю, Катя.

Катя. Этого мало.

Собрание пьес. книга 2. Фёдор Сологуб sologubfyodor.ru
Сухов. Дитя, что вы понимаете в этом? Я вас люблю, а меня вы полюбите.

Катя (говорит задумчиво). А если никогда не полюблю?

Сухов. Что ж, сердцу не закажешь! Не полюбите, тогда я силою держать вас около не стану. Вы свободны.

В голосе Сухова звучит заносчивая самоуверенность.

Катя (усмехается невесело, смотрит, любясь, на браслет с какою-то задумчивою грустью, кладет его на стол, оставив футляр открытым, и говорит невесело). Какая же это будет свобода, если я буду вашею женою? Вот, уже и наручник вы для меня принесли, – цепь золотая, осыпанная драгоценными, сверкающими камнями, но все же цепь.

Сухов. Такую цепь нетрудно разорвать. Время теремов миновало. Если бы вам вздумалось вернуть себе свободу, я не сделаю вам никаких затруднений, поверьте мне. Я смиренно прошу от вас теперь только того, что вы можете мне дать сейчас: вашей руки. А ваше сердце я сам завоюю, и в этом уж моя ответственность, если все старания мои окажутся неудачными.

И опять тот же заносчиво-самоуверенный и легкий тон, граничащий с тоном легкой шутки.

Катя (смотрит мечтательно перед собою, в милые дали былого, и говорит тихо). Земля моя родная, милая, – мать земля сырая, тропинки, – по которым я босоногая ходила, – невинные полевые цветочки, – портреты дедов и певучий рояль, – и старички мои усталые... (вздыхает глубоко и, как разбуженная от милого сна, обращается опять к Сухову). Так вот, как только я захочу от вас уйти, вы меня отпустите, да? Обещаете?

Сухов. Обещаю. Самое торжественное обещание даю.

Катя (протягивает руку Сухову и спрашивает). Честное слово?

Сухов (говорит радостным и уверенным тоном). Честное слово! Оставляю вам все права, а на себя беру только обязанность быть вашим верным и преданным другом и слугою.

Улыбается, радостно смотрит Кате в глаза и целует ее руку.

Катя. Смотрите же, вы дали честное слово. Потом не пеняйте на меня, если я воспользуюсь вашим обещанием.

Сухов (шутливо). Моим торжественным обещанием! Вот, поистине, странный договор!

Катя. Станный, не странный, но вы дали слово.

Сухов. И я его сдержу, можете быть уверены.

Катя задумчиво подходит к окну. Невесело смотрит на улицу.

Сухов (подходит к Кате, осторожно заглядывает ей в лицо и спрашивает). Милая Катя, что же вы мне скажете?

Катя. Пока ничего, Владимир Павлович. Вы не должны меня так торопить. Скажу потом. Скоро скажу. Может быть, скажу «да», может быть, – «нет».

IX

Входят, тихо разговаривая, Рогачева и Михаил. Слышны слова.

Рогачева. Поверьте моей опытности, Миша.

Михаил. Опыт, опыт! Недалеко ушли бы мы с опытом прежних поколений. Мы создадим новую жизнь.

Рогачева. И все это переменим, не так ли? А, Владимир Павлович. Как я вам рада!

Собрание пьес. книга 2. Фёдор Сологуб sologubfyodor.ru
Сухов (целует руку Рогачевой и говорит с притворною скромностью самоуверенности). Если я вам еще не надоел.

Рогачева. О, что вы говорите! Как вы можете это думать! А это что? Какая прелесть!

Берет со стола браслет и любуется им. Сухов не может удержать самодовольной улыбки.

Катя (отвечает невесело). Это подарок Владимира Павловича. Цепочка мне на руку.

Рогачева. О, какой вы милый, Владимир Павлович! Вы ее балуете. Она, право, не стоит таких дорогих подарков, моя девочка капризная. Она еще молода для такой роскоши.

Сухов. Молодость и красота не нуждаются в уборах, конечно, и этот маленький подарочек, мне кажется, достаточно скромн.

Рогачева. Милый Владимир Павлович, право, я не знаю, как и благодарить вас за то внимание, которое вы оказываете моей дочурке.

Сухов. Это я благодарен Екатерине Константиновне за то, что она была так милостива и не отвергла моего подарка.

Михаил стоит в стороне и смотрит хмуро. Катя подходит к Рогачевой, говорит с нею тихо, и обе они уходят, меж тем как Сухов подходит к Михаилу поздороваться.

Х

Сухов. Михаил Алексеевич! Какая приятная встреча!

Михаил молча пожимает ему руку.

Сухов. Вчера я видел вас в театре, но не удалось подойти. Не правда ли, было очень мило в общем?

Михаил. Вы сегодня, Владимир Павлович, в очень хорошем настроении.

Сухов. По обыкновению.

Михаил. Сегодня вы чему-то особенно радуетесь. Можно полюбопытствовать, чему?

Сухов. Если хотите, да, я радуюсь.

Михаил. Чему же?

Сухов. Моему счастью.

Михаил. Вас назначили вице-губернатором?

Сухов. О, да вы – злой! Нет, до этого еще далеко. Мое счастье ближе.

Михаил (ревниво). В этом доме?

Сухов. Да.

Михаил. Вы уверены?

Сухов. Екатерина Константиновна почти обещала мне.

Михаил. Почти! Вот вы чему радуетесь! И вас ничто не останавливает?

Сухов. Не сердитесь на меня, голубчик. Я вас очень уважаю. Но ее я люблю и уступить не могу.

Михаил. А я могу вам уступить? Я ее люблю, и она меня любит.

Сухов. В этом, как и всегда в жизни, кто силен, тот и прав. Да и что такое первая любовь? Она, как первый снег, – растает, забудется. Впрочем, что же нам

Собрание пьес. Книга 2. Фёдор Сологуб sologubfyodor.ru
спорить? Решение зависит от Екатерины Константиновны.

Так разговаривая, они отходят в глубину сцены.

XI

В это время, продолжая начатый разговор, выходят Катя и Лилит.

Лилит еще выросла и потому кажется тоньше, чем прежде. На ее смуглом лице яркое румянцо от мороза. Глаза блестят радостно и немного дико. Ее движения, как и прежде, медленны, но теперь они красивы и изысканны. Одеты в темное, очень красивое платье, простое покроем, без украшений. Слышны слова.

Катя. Чтобы не омрачить нашей любви неизбежностью этих прозаических вздоров, я готова принести эту жертву, отдать эти годы.

Лилит. Эти годы пройдут...

Сухов (подходит к Лилит и говорит ей). Милая художница, когда же вы нам покажете вашу новую картину?

Лилит (пожимает руку ему и Михаилу и говорит). Я еще только учусь. Здравствуй, Михаил.

Сухов. Ученица, подающая большие надежды. Но отчего так непонятно то, что вы рисуете?

Лилит (спокойно отвечает). Мне самой понятно.

Сухов. Ну, этого мало.

Разговаривая, Сухов и Лилит выходят.

XII

Катя медленно подходит к Михаилу. Лицо ее грустно, но спокойно.

День вечереет. Сумеречные тени возникают в углах и ширятся понемногу.

Михаил. Ты так решила, Катя? Ты будешь женою Сухова?

Катя. Да, Михаил.

Михаил. Разве ты его полюбила?

Катя. Нет, Михаил. Я люблю только тебя. Любила и буду любить только тебя. Только тебя.

Михаил. Катя, Катя, подумай, что ты делаешь!

Катя. Михаил, не осуждай меня. Так надо.

Михаил. Зачем?

Катя (говорит волнуясь, почти плача). Мне тяжело, Михаил, но я на верном пути. Я не могу иначе. Верь мне – я верна только тебе. Иду к другому, но «верная душа верна». «Мы никогда не изменяем». «Душа одна, – любовь одна». Пламя, горящее в моем теле, тобою зажжено. Что-то темное, чувственное увлекает меня. Я, как слепая бабочка. Но через слабость мою, через падение мое иду к силе, к победе, к тебе! А ты для меня – единственный. Милый мой, прекрасный мой Михаил, верь мне!

Михаил. Катя, я тебе верю.

Катя. Теперь мы расстанемся. Мы сделаем все, чего хотят от нас люди, милые и страшные люди этого дня, наши случайные владыки. Как оброк, как дань, отдадим им эти наши годы, мы, еще слабые, еще пленные, еще бедные заложники жизни. Сегодня мы еще в плену, а завтра, завтра мы победим, мы будем сильны, мы будем господами жизни. И тогда легко, легко я стряхну эти глупые цепи и приду к тебе, мой милый,

Собрание пьес. книга 2. Фёдор Сологуб sologubfyodor.ru
прекрасный мой Михаил.

Михаил. Я тебе верю. Хочу верить. В душе моей отчаяние. Но отчаяние мое светлое. Оно светлее радости.

Катя, обняв Михаила, плачет.

За окнами сгущаются сумерки.

Михаил. Жизнь моя, ты отходишь от меня! За темную даль тяжелых лет отходишь ты от меня. Мое отчаяние велико, но и радостно оно, как счастье. Бог срастил вершины счастья и горя, – вот теперь, в горький час разлуки, я понял это мудрое древнее слово.

Катя. Михаил, будь сильным! Милый мой, прекрасный Михаил!

Михаил. Да, Катя, я буду сильным.

Катя. Мы победим, Михаил. Верь, что мы победим. Будущее – наше.

Михаил. Я буду беспощадно сильным.

Катя. Теперь пора. Расстанемся. Пора, пора.

Катя обнимает Михаила и, плача, долго целует его. Михаил молча ласкает ее, проводя рукою по ее волосам и спине, и шепчет ей нежные слова утешения. Наконец Катя отрывается от этих горьких лобзаний и быстро идет к двери. Навстречу ей выходит Лилит.

Катя. Лилит, милая Лилит, утешь его, как меня утешала. (Порывисто обнимает и целует Лилит и уходит.)

XIII

В комнате становится все темнее. За окном на улице зажгли фонарь. Свет от него, слабый и странный, падает в комнату, – и из открытых направо и налево дверей тянутся полосы света.

Лилит (подходит к Михаилу и говорит ему тихо и спокойно). Михаил, так надо.

Михаил. Что тебе, Лилит?

Лилит. Михаил, глупый, что же ты тоскуешь?

Михаил. Я не тоскую, Лилит. Во мне радость, потому что я люблю Катю, и она от меня ушла. Но ты этого не поймешь.

Лилит. О, не пойму! Глупый! Я тебя люблю, сегодня и всегда, когда ты захочешь, а она любит тебя в далеком, в победе над жизнью. А мне и жизни не надо. Так, живу немножко, вечерняя, ночная. Луну люблю, и свет фонарей электрических на улице, и кабачки, где музыка. Рисовать люблю, – и тебя люблю, потому что ты любишь другую.

Михаил. Ты – странная и милая, Лилит.

Лилит. Я радостная нынче, мечта светлая и тихая.

Михаил. Отчего же ты не смеешься, не улыбаешься?

Лилит. Моя радость – тихая и грустная, как те царевны мечтательного рая, которых я пишу, – светлые, в черных хитонах.

Михаил. В твоей радости – безумие и забвение. И на твоих картинах лунный свет, а не солнечный, – но картины твои все-таки прекрасны.

Лилит. Я не люблю солнца, я люблю луну. Я лунная Лилит, как та, которая была создана раньше Евы, та, которая первая любила Адама. И вот теперь...

Михаил. Ты все мечтаешь, Лилит.

Лилит (продолжает). ...Опять тихо, опять темно, опять я тебя люблю.

Михаил. Хочешь, Лилит, я провожу тебя до твоего дома?

Лилит. Пойдем вместе, Михаил.

Михаил. Куда?

Лилит. Сначала пойдем в кабачок. Там весело.

Михаил. Нет, Лилит, сегодня я не хочу веселья.

Лилит. Мы сядем в сторонке, пивка немножко выпьем, музыку послушаем, погрустим и посмеемся. А потом пойдем вместе.

Михаил. Куда?

Лилит. Михаил, возьми меня с собою.

Михаил. Милая, добрая Лилит, я не тебя люблю. Бесконечная нежность к тебе в моем сердце, но я не тебя люблю, милая, безумная Лилит!

Прячась за портьерою, Катя слушает их разговор.

Лилит. А я люблю тебя, Михаил. Дай мне быть около тебя эти годы. А когда ты скажешь мне – уйди, Лилит, – я уйду.

Михаил. Если ты, Лилит, так хочешь, – что ж, приди ко мне, живи со мною. Но помни, я ее люблю и всегда буду любить, а тебя не полюблю.

Лилит. Я буду помнить, Михаил. И в безнадежности есть счастье.

Михаил. И когда я скажу тебе – уйди, Лилит, – ты уйдешь.

Лилит. Да, я только пока у тебя побуду.

Михаил. Милая, безумная Лилит, какая печаль тебя ждет!

Лилит. Печаль – хорошо.

Михаил. Ты будешь плакать?

Лилит. Лилит никогда не плачет. У Лилит нет слез. Ну, что ж, идем в кабачок? Там хорошо, там музыка играет. Или у тебя денежков нет? Ты им последние отдал? Да ведь мы немножко. Я тебе своих дам. (Вынимает маленький кошелечек, высыпает на ладонь несколько серебряных монеток, подает их Михаилу и говорит.) Пойдем в кабачок, пропьем пятак.

Михаил (улыбаясь). Немного у тебя денежек, Лилит. Ну, ничего, у меня еще осталось достаточно. Пойдем, Лилит, моя милая лунная мечта. Погрустим, помечтаем с тобою, пока не придет за мною жизнь моя. Пойдем, милая Лилит.

Лилит. Купи мне розу. За гривенник. Купишь, милый?

Михаил. Куплю, Лилит.

Михаил и Лилит уходят.

XIV

Выходит Катя. Тихо идет по комнате. Дойдя до выходной двери, опускается на колени, опирается на стул рукою, плачет и, не отводя глаз от двери, за которую скрылся Михаил, говорит те же стихи:

Единый раз вскипает пеной
И разбивается волна.
Не может сердце жить изменой,
Измены нет, – любовь одна.

Собрание пьес. книга 2. Фёдор Сологуб sologubfyodor.ru
Склоняется головою на стул и плачет по-детски неудержимо.

Конец второго действия.

Действие третье

I

Прошло еще восемь лет. Михаил стяжал себе своими постройками известность и состояние. Он много работает.

Только что кончил постройку своего дома. С Михаилом живет Лилит, доживает последние дни своего грустного счастья, лунного, мечтательного, таинственного.

Дом Михаила прост и прекрасен, как и все, что он делает. В доме нет лишних вещей, и те, которые есть, производят впечатление мудрой согласованности и красоты.

Перед зрителями открывается комната, очень высокая. Задняя стена этой комнаты закрыта большим зеленовато-белым занавесом на бронзовом толстом пруте. Занавес слегка просвечивает, словно за ним скрыта широкая арка в ярко освещенный покой; оттуда доносятся легкие звуки грустной музыки, кто-то искусный играет на рояле «Лунную сонату» Бетховена.

С правой стороны комнаты – одно, очень широкое, окно, из которого льются потоки ясного лунного света. На левой стороне – камин, в котором пылают угли. На левой же стороне, у занавеса, стоит высокий бронзовый семисвечник. В комнате трое: Михаил, Чернецов и Лилит. Михаил сидит у камина. Михаилу теперь тридцать лет. Он очень красивый, сильный и спокойный; это его спокойствие даже кажется иногда чрезмерным. У него небольшая борода, черная, подстриженная ровно. На нем домашний красивый и удобный наряд несовременного покроя.

Рядом с Михаилом сидит Чернецов. Постарел, но не изменился. Курит папиросу за папиросою. В глубине комнаты, направо, у занавеса, там, где он яснее всего освещен смешением лунного света и света просвечивающего, Лилит в черном хитоне, босая. Ее тонкие руки обнажены. Она очень бледна и тонка и в лунном свете кажется неживою. На лице ее лежат тусклые тени утомления и печали. Она пляшет медленно и грустно, – и когда она пляшет, кажется, что луна светит только на ее пляску, что только для нее певучий плачет рояль. Когда ее пляска уносит ее от окна к мерцанию желтых семи свеч, она останавливается и говорит о том, что мечтается ей. Она говорит тихо, без внешнего пафоса и без замедления слов. И тогда ярко-раскаленные угли камина бросают на ее лицо, и на ее спокойные руки, и на ее легкие ноги, и на длинные складки ее черного хитона красноватый зловещий отблеск. Все ее движения сдержанны и спокойны, и голос ее холоден и тих.

Во время ее пляски Михаил и Чернецов тихо разговаривают. Только иногда отдельные фразы их разговора слышны.

Михаил. Так-то, отец, жестокая жизнь!

Чернецов. Жестокая, Михаил.

Я книгу взял, восстав от сна,
И прочитал я в ней: «Бывали хуже времена,
А не было подлей».

Лилит (останавливается перед семисвечником и говорит.) Я – первозданная Лилит, первая жена человека, та, которую он отверг. (Пляшет.)

Михаил. Самая большая грусть моей жизни – то, что я расстанусь с Лилит.

Лилит. Я была создана в предрассветных сумерках. Весь день томилась я жаждою встречи. Мечтою и тайною обвита, под луною тихою и грустною пришла я к моему милому, в его наглядеться глаза, с его душою мою слить душу, лунные рассказать ему сказки, с ним вместе погрузиться в забвение грубого бытия. (Пляшет.)

Михаил. Лилит – моя сказка. А от сказки уходят к жизни.

Лилит. Но восстали на меня буйные земные силы, и возникла иная, и прогнал меня милый мой. (Пляшет.)

Чернецов. Я отдаю тебе справедливость, Михаил, но принципиально не могу согласиться. Нет, не могу, как хочешь.

Лилит. Но не забыл он меня и не забудет. В томные часы изнеможения и печали я легкой тенью проходила перед ним, недостижимая и желанная. (Пляшет.)

Михаил. Я никогда не забуду Лилит.

Лилит. И когда пришел его смертный час, душу его я вынула и отнесла ее в царство теней. (Пляшет.)

Михаил. Нет, отец. Катя должна уйти от Сухова. Она – моя, и теперь уже навсегда.

Лилит. И вот я живу нескончаемые века и прихожу к нему в часы мечтаний сладостных и лунных и в темные минуты смертной истомы. (Пляшет.)

Михаил. Так надо, отец.

Лилит. И когда восходит луна, к ней мои простираю руки и о ней говорю и мечтаю. (Пляшет.)

Музыка замолкла. Лилит подходит к Михаилу и спокойно смотрит на него.

Михаил. Милая мечтательница! Как ты хорошо танцуешь! Благодарю тебя за твой радостный труд, за это очарование нашим взорам. Отдохни, посиди здесь, у камина.

Отходит к окну, стоит задумчивый, освещенный луною, и потом уходит.

II

Лилит садится у камина и молча глядит на пыление его углей. Чернецов тихо берет ее руку. Лилит поднимает на него грустный взгляд.

Чернецов.

Я скажу тебе всю правду,
Дай лишь на руку взглянуть.
Берегись, тебя твой милый
Замышляет обмануть.
Лилит. Нет, меня он не обманет.

Чернецов. Почему ты все про эту древнюю Лилит вспоминаешь?

Лилит (опять смотрит на огонь и говорит тихо). Я о себе вспоминаю, о своем далеком и вечном. Когда Катя ушла от Михаила и Михаил взял меня к себе, я молилась, чтобы дал мне БОГ только хоть семь лет счастья. И он услышал меня и дал мне семь лет и еще один год из милости. И вот прошли все мои сроки, и я должна уйти.

Чернецов. Зачем же тебе уходить, Лилит?

Лилит. Зачем? Ах, недаром называют меня безумною! Я только семь лет вымолила. Вот они и прошли, и прошел лишний год, данный мне из милости.

Чернецов. Что же Михаил тебе сказал?

Лилит. Он сказал: скоро она, жизнь моя, придет ко мне, и тогда ты, Лилит, уйди. Тогда уйди. Так же это и было решено с самого начала.

Чернецов. Это нехорошо с его стороны. Очень нехорошо.

Лилит (с умоляющим жестом обращается к Чернецову и говорит). Нет, не вините его. Не надо. Сердцу не прикажешь. Любовь свободна, как ветер, пустынный и холодный одним и благодатный для других.

Чернецов. Все-таки Михаил очень виноват перед тобою.

Лилит. Никто не виноват. Разве есть виноватые?

III

Разговаривая, входят Михаил и Чернецова. Лилит опять молча смотрит на огонь камина. Чернецов так же молча курит.

Чернецова. Михаил, я тебе удивляюсь.

Михаил. Напрасно, мама.

Чернецова. Я не понимаю, Михаил, как можно в наши тяжелые дни тратить время на любовь и на красоту!

Михаил. А на что же и тратить время? На вражду и на уродство?

Чернецова. Все время следует целиком посвятить созидательной общественной работе.

Михаил. Работе время, потехе час.

Чернецова. И во всяком случае, к чему же эти твои безумные траты на обстановку?

Михаил. Мама, я люблю вещи. Плохой бы я был строитель, если бы я сам не любил вещей. И я достаточно много работал, так что могу позволить себе это невинное удовольствие – окружить себя вещами.

Чернецова. Ты еще не уплатил своего долга народу, – это раз. А второе, – на стоимость этих вещей можно было бы основать общепольное предприятие, причем, конечно, форма и условия этого предприятия могли бы быть определены тобою в соответствии с назревшими потребностями той или другой местности.

Михаил. Ах, мама, потребности той или другой местности всегда будут назревать, а я владею только немногими годами для личного счастья.

Чернецова. Как можно думать о личном счастье, когда вокруг так много всякого горя!

Михаил. Милая мама, первый общественный долг всякого человека – быть счастливым и сильным. Только сильные и счастливые построят счастливый и разумный мир.

Чернецова. По моему мнению, ставка на сильных – не лучший способ выигрывать. А куда же деваться слабым и несчастным?

Чернецов. Ну, не ворчи, старуха. Пойдем-ка лучше чай пить с сухарями. Это нам по зубам.

Чернецовы уходят.

IV

Михаил. Лилит, ты всегда любила черный цвет?

Лилит. Всегда. (Отходит от камина и останавливается перед Михаилом, спокойная и покорная.)

Михаил. Он к тебе почему-то идет, этот цвет печали.

Лилит. Это – цвет последней свободы.

Слышен легкий стук в дверь.

Лилит (вопросительно взглядывает на Михаила и потом говорит). Войдите.

V

Входит Катя в светлом городском платье, красивом, шитом по моде завтрашнего дня.

Катя уже восемь лет замужем за Суховым. У них двое детей, мальчик и девочка. Катя прекрасна, весела и сильна. Все в том городе, где живет Михаил и где Сухов занимает видное положение, считают ее примерною женою и нежною матерью. После

Собрание пьес. книга 2. Фёдор Сологуб sologubfyodor.ru
нескольких лет разлуки встретила она недавно с Михаилом и отдалась ему спокойно, легко и радостно, как счастьем обещанному, хотя еще тайному и потому неполному. И вот ныне достигло своего зенита ее двойное бытие – бытие жены одного и страстной любовницы другого. Она часто приходит к Михаилу, – и все сильнее томит их обоих то, что еще скрывают они свою любовь. Открыто порвать с мужем она еще колеблется, хотя Михаил настаивает на этом.

Когда Михаил и Катя вместе, они кажутся достигшими полного возможного на земле совершенства, образцами красоты человеческой в ее наиболее общем выражении.

Отношения между Катей и Лилит, как и прежде, представляют смешение дружбы и вражды, и обе они, как жизнь и мечта. Теперь, когда одна из них нарядно одета и другая в черном хитоне для танца, эта противоположность между ними совершенно ясна.

Катя смотрит на Лилит с боязливою злостью и потом принуждает себя к любезной и дружеской улыбке. Лилит идет навстречу Кате и смотрит на нее с обычным простодушным спокойствием. Они целуются.

Катя. У вас никого нет?

Михаил. Никого чужих. (Целует Катину руку.)

Лилит идет к двери.

Катя. Куда же ты, Лилит?

Лилит. Там его родители. Я к ним пойду.

Катя. Когда я прихожу к Михаилу, ты, Лилит, всегда уходишь.

Лилит. Это тебя и сердит, и радует.

Катя. Зачем же ты уходишь?

Лилит. Мы занимаем его по очереди. Когда-нибудь будет иначе. (Уходит.)

VI

Катя и Михаил, оставшись одни, страстно целуются.

Катя. Мой милый, мой гениальный строитель!

Михаил. Катя, что же, говорила ты наконец с Владимиром Павловичем?

Катя. Нет еще.

Михаил. Почему? Чего ты ждешь?

Катя. Он так любит своих детей.

Михаил. Это – не причина. Пусть они ему остаются. Я не хочу больше скрывать нашу связь.

Катя. Мне жаль его.

Михаил. Ты, может быть, успела его полюбить?

Катя. Нет... (Грусть ложится на Катину лицо, и тихо говорит она.) ' Мне почти страшно, когда я думаю, что все эти годы могли бы и не быть и что это мое двойное бытие – только ошибка. Как будто я поступила по какому-то старому и уже обветшалому обряду. Зачем-то вошла я в царство призраков и вывела оттуда живых детей. Я их люблю, а иногда боюсь их, как чего-то недолжного.

Михаил (говорит решительно и настойчиво). Я хочу, чтобы все это было кончено.

Катя. Но ты, Михаил, должен сделать еще один шаг, самый трудный.

Михаил. Какой?

Катя. Достроить свой дом. (Эти слова Катя произносит медленно и значительно, словно означает ими что-то большое.)

Михаил. Мой дом достроен. Для тебя строил я его. Только для тебя. Он светел и прекрасен, и теперь он достроен.

Катя. Достроен! (Смотрит на Михаила с выражением тревоги и нерешительности и говорит.) Я боюсь, Михаил, что ты слишком привязался к Лилит.

Михаил. Не будем говорить о ней. Она уйдет.

Катя. Когда же?

Михаил. Ты ревнуешь?

Катя. Да. Отпустил бы ты ее поскорее.

Михаил. Она сама уйдет. Не заботься об этом, Катя. Я всегда верил твоей любви, – веришь и ты. Сквозь долгие годы пронесли мы нашу любовь, – и теперь ничто не омрачит ее.

Катя. Я не люблю картин, которые пишет Лилит. Такая грусть в них, и так они далеки от жизни! Смотришь на них, и такое ощущение, словно не можешь вздохнуть. Неживая луна и странные, неживые женские фигуры. И земля на этих картинах – не наша родная земля, не та, которая так нежна и так сурова под ногами, и небо – не наше небо.

Михаил. Как знать! Может быть, земля Лилит и небо Лилит лучше нашей земли и нашего неба.

Катя. Может быть. Но мне никакого нет дела до ее мечтательных стран. Я люблю эту нашу землю, это небо и эту жизнь.

Михаил. Лилит думает, что недостойна любви эта жизнь.

Катя. Разве не от нас зависит сделать эту жизнь достойною любви? Послушай, Михаил, я хочу говорить с Лилит. Говорить откровенно.

Михаил. Зачем? (Не удивление звучит в этом вопросе, а словно какой-то укор. Словно хочет Михаил сказать: не надо.)

Катя (отвечает ему решительно и настойчиво). Я хочу сказать Лилит, что люблю тебя, всегда люблю, как прежде.

Михаил (говорит спокойно). Она это знает.

Катя (с выражением упрямства говорит). И все-таки я хочу сказать ей об этом. Я хочу знать, что она мне скажет.

Михаил. Хорошо, делай как знаешь.

Катя. Позови ее, Михаил, и оставь нас одних.

Михаил. Подожди ее здесь. (Уходит.)

VII

Катя подходит к камину и задумчиво останавливается перед ним. Совсем так же, как незадолго до этого Лилит, она смотрит на угли. Цвет ее лица, рук и платья пламенеет в пылании углей, и глаза ее блестят.

Катя (говорит тихо). Какая странная жизнь! Какая странная!

VIII

Входит неторопливо Лилит. Тихи шаги ее необурых ног, а складки ее черного хитона колеблются величественно, и вся она похожа на безумную царицу полночной

Собрание пьес. книга 2. Фёдор Сологуб sologubfyodor.ru
таинственной страны. Катя, почувствовав за своею спиною приближение Лилит,
быстро идет к ней навстречу. Странно различные, как будто бы ни в чем не похожие
одна на другую, они сходятся молча.

Лилит спокойно ожидает, что скажет ей Катя.

Катя словно не находит слов, и движение рук ее выдает волнение. Тогда начинает
говорить Лилит:

– Ты любишь Михаила. Ты опять любишь его.

Катя (отвечает ей нетерпеливо). Да, люблю, люблю.

Лилит. Он победил, – и ты возвращаешься к нему. (Холоден, спокоен, почти
безвыразителен тон ее слов, – и тем больше жалят они Катю.)

Катя (говорит быстро и гневно). Он не мог не победить.

Лилит. Ты уже дала Михаилу минуты счастья.

Катя. Тебе-то что, безумная Лилит! (Гневом и тоскою дышат быстрые Катины речи, и
мрачен блеск ее взоров.)

Лилит (смотрит на нее пристально и говорит). Поэтому теперь тебе надо уйти от
мужа.

Катя. О Лилит, ты слишком много заботишься обо мне и о Михаиле. Мы сами сумеем
устроить свою судьбу. Но ты зачем остаешься здесь? Он тебя не любит.

Лилит. Я это знаю. Он меня не обманывал никогда. Я никогда не думала, что моя
жизнь с Михаилом будет долгою. Я знала, что он меня оставит, когда придешь ты.
Оставит для тебя.

Катя. Тебе разве трудно уйти от Михаила? Детей у тебя нет.

Лилит. Какие же дети! Я – не женщина, я – сказка.

Катя. Годы прошли, такие длинные для меня, такие ненужные и докучные, – и каждый
прожитый день только распалял мою любовь к Михаилу.

Лилит. Да, ты любишь Михаила.

Катя. Я знаю, он любит меня. Но еще не знаю, что для него лучше, остаться ли с
тобою или со мною жить. Если так для него и для тебя будет лучше, я готова опять
уйти от него.

Лилит. Михаил всегда и во всем верен. Он любит только тебя.

Катя. А иногда мне кажется, что ты, Лилит, вредно влияешь на Михаила. Эта
мечтательность, эта экзальтация! Хоть бы эта комната! Какой траурный вид! Точно
взято с одной из твоих картин. Недостает только гроба и катафалка. Я думаю, для
него это вредно.

Лилит. Все мы в жизни вредны друг для друга. Но ты не бойся, я уйду.

Катя. Ты говоришь – уйду. Однако ты не уходишь! Почему же ты не уходишь? Чего же
ты ждешь?

Лилит. Я уйду от Михаила в тот самый день, когда ты уйдешь от своего мужа и
вернешься к Михаилу.

Катя. Ты должна уйти раньше, Лилит.

Лилит. Зачем? Эти несколько дней отчего не пробыть мне с ним? Я беру только то,
что ты бросаешь. Я ничего ни от кого не отнимаю.

Катя (угрюмо). Какое смирение!

Лилит. Не сердись, Катя. Не стоит.

Катя. Ты хочешь показать Михаилу, что приносишь себя в жертву. Но это неправда. Я принесла в жертву эти восемь лет, а не ты. Моя измена Михаилу была только внешняя, и он знает это. Чтобы в тяжелые годы борьбы он был свободен и спокоен, я ушла от него. Но он верил в меня и знал, что я вернусь к нему, как только он позовет меня. Я притворствовалась эти годы, чужую жила жизнью, подобием жизни, и была как неживая, ласкала нелюбимого мужа, улыбалась постылым людям, немилому рождала мужу детей и носила личину нежной матери, верной жены, любезной хозяйки, очаровательной дамы. И все это я делала только для Михаила. Только его любя, я совершала этот обряд пустой жизни. В этом был подвиг мой, моя жертва, мое двойное бытие. И оно приходит к концу.

Лилит. Не надо говорить о жертвах. И ты, Катя, не будь такою гордою. Не стоит.

Катя (смотрит на Лилит угрюмо, смеется тихо и потом говорит). Я знаю, на что ты надеялась.

Лилит. Знаешь? Так скажи мне. Я сама не знала этого и не знаю. На что же я надеялась?

Катя. Ты надеялась, что Михаил привяжется к тебе, что он тебя полюбит и оставит у себя, а меня отвергнет.

Лилит. Может быть. Мало ли на что мы надеемся! Мало ли о чем мечтаем! Жаждем чуда, – и нет для нас чуда. Бедные мы!

Острою жалостью к себе и к Лилит пронизано Катино сердце. И говорит Катя:

– Лилит, правда, бедные мы. (Обнимает Лилит и плачет.)

Лилит. Не плачь, Катя, не надо. Ты придешь к нему, веселая и счастливая, а я уйду. Не плачь, утешься, верь.

Катя. Будет, будет счастливая жизнь! Конец третьего действия.

Конец третьего действия

Действие четвертое

I

Прошел один день.

Комната в доме Сухова. Обстановка безукоризненная. Ни один предмет не оскорбляет строгого вкуса, но кажется, что и любимых предметов здесь нет. Ничего индивидуального, особенного, обличающего пристрастие к чему-нибудь. Как будто хозяева этого дома живут здесь только временно, правда, тратя большие деньги на обстановку и на приличный образ жизни, но совсем не заботясь о завтрашнем дне. И потому многие предметы кажутся не употребляемыми, поставленными только потому, что так принято и красиво.

Катя одна. Стоит посреди комнаты, словно ждет чего-то. Потом медленно и спокойно идет к столу, садится и раскрывает книгу.

Рогачева (осторожно входит и вкрадчиво говорит). Катя, ты одна?

Катя. Как видишь, мама, одна. (Закрывает книгу.)

Рогачева. Ну вот и превосходно. Катя, я должна поговорить с тобою серьезно. Надеюсь, ты выслушаешь меня внимательно.

Катя. Мама, этот разговор, может быть, не так уж необходим.

Рогачева. Нет, Катя, это очень важно.

Катя (говорит со скучающим видом). Я слушаю, мама.

Рогачева. Катя, опомнись, пожалей себя! Что ты делаешь?

Катя (принужденно улыбается и говорит). Что же я особенного делаю?

Рогачева. Твое поведение занимает весь город.

Катя. Весь город всегда занимается чужими делами.

Рогачева. Только Владимир Павлович еще ничего не знает. Но каково ему будет узнать это! Ведь это же скандал!

Катя. Ах, мама! Что ты называешь скандалом?

Рогачева. Ты каждый день бываешь у Михаила Алексеевича. Наконец, уж ни для кого не секрет, что ты им увлечена. Только бедный Владимир Павлович ни о чем не догадывается. Он так доверчив!

Катя. Он узнает.

Рогачева. Подумай, Катя, ведь ты замужем, ты – мать. Твой муж занимает такое положение в обществе...

Катя. На что мне это положение?

Рогачева (не слушая, продолжает.) ...При положении твоего мужа, если ты не порвешь с Михаилом немедленно, ведь это же будет скандал на весь свет!

Катя (отвечает равнодушно). Пусть говорят, что хотят, мне-то что!

Рогачева. Катя, неужели тебе не жаль бедного Владимира Павловича?

Катя. Мама, ведь вы все знали, что я люблю Михаила. Вам захотелось очень, чтобы я вышла за Владимира Павловича. Вот, я сделала по-вашему. Но я и его не обманывала. Я тогда же сказала ему, что уйду от него, когда захочу.

Рогачева. Но вы с ним так хорошо жили! Все думали, что ты любишь своего мужа.

Катя. За что ж мне было его ненавидеть? Но любить! Нет, я его не любила, никогда не любила.

Рогачева. Ты была с ним так ласкова!

Катя (говорит с досадою и раздражением). Да, да, была. О темная страстность, какую дорогою ценой мы за нее расплачиваемся! Но это наконец пора кончить.

Рогачева. А твои дети, Катя! Подумай о твоих несчастных детях. Неужели тебе их не жаль?

Катя. Несчастные! Чем они несчастны, эти маленькие? Вздор какой! Я уйду из этого дома к Михаилу. Уж не могу я больше терпеть этого притворства.

Рогачева (воскликает с пафосом). Катя, ты этого не сделаешь! Нет, не сделаешь! Я этого не допущу! Пока я жива, ты этого не сделаешь!

Катя. Милая мама, как можешь ты мне в этом помешать?

Рогачева (говорит повышенным голосом, делая забавно-торжественные жесты). Я лягу перед тобою на пороге этого дома, и только через мой труп ты уйдешь отсюда!

II

Крадущаяся походкою входит бонна. Она высокая, костлявая, сухая девица лет тридцати, из обруселых немок, «вполне приличная», как говорится в газетных объявлениях. Лицо у бонны длинное, сухое, желтое, постное, но сладкое. Глаза рыбы, с застывшим выражением тупого любопытства. Уши торчат. Нос длинный и острый. Светлые, жиденькие волосы причесаны гладко. На плоском лбу совершенно явственно написано: сплетница. И даже все боннино платье шумит сплетнею.

Рогачева вздрагивает и застывает в неловко-торжественной позе.

Бонна (говорит кисло-сладким голосом). Извините, пожалуйста, Екатерина Константиновна.

Катя (спрашивает досадливо). Что такое? Что вам надо?

Бонна. Простите, Екатерина Константиновна, я думала, вы одни. Я хотела насчет Павлушиных башмаков. Но это не к спеху. Извините. (Уходит.)

Катя. Эта дура за мною подсматривает и подслушивает.

Рогачева. Женщина в твоём положении должна вести себя так, чтобы за нею нечего было подсмотреть и подслушать. (Она сбита с высокого тона и переходит на слезливый.) Катя, хоть родителей своих пожалей, меня и своего бедного отца.

Катя (смеясь и плача, обнимает мать и говорит ей укоризненно и нежно). Милая мама, смешная моя старушка, скучно мне говорить.

Рогачева (говорит слезливо). Владимир Павлович так много для нас сделал!

Катя быстро уходит. На пороге встречается с Суховым, но не останавливается.

III

Сухов очень располнел. Имеет вид любезного, деятельного, счастливого и самодовольного человека. Любит выражаться красноречиво и кругло, – думает, что искусство произносить речи скоро может ему пригодиться. Иногда он даже увлекается своим красноречием. На службе он поставлен очень хорошо, и его всегда имеют в виду, когда думают о замещении какой-нибудь высшей должности. Он по-прежнему совершенно уверен во всем своем – в своем положении, в своем богатстве, в своей жене. Когда ему осторожно намекают на ухаживания Михаила за Катю, он не обращает на это внимания. И только в последние дни начинает смутно беспокоиться.

Сухов (говорит, останавливаясь на пороге). Катя, куда ты? У меня Михаил Алексеевич... Ушла. (Входит и спрашивает Рогачеву.) Что это с нею, Клавдия Григорьевна?

Рогачева (отвечает тихо, с таинственным видом). Владимир Павлович, вы не находите, что Михаил Алексеевич слишком зачастил? (Уходит за Катю.)

Сухов (говорит, растерянно разводя руками). Да? Вы думаете? Разве...

IV

Входит Михаил.

Сухов. Михаил Алексеевич, отчего вы не купите автомобиля?

У Сухова на лице растерянность и недоумение. Но скоро он овладевает собою и опять берет спокойный и любезный тон.

Михаил. Нет, я не люблю автомобилей. Вообще не люблю ничего автоматического.

Сухов. А вот граммофон – очень хорошо.

Михаил. Нет, не нахожу, Владимир Павлович. Механизм вместо живого голоса – это очень нехорошо. Мертвое подобие жизни, безжизненное повторение одного и того же.

Сухов. Я думал, что вы, как инженер, наоборот, все это любите.

Михаил. Я люблю только рабочие машины.

Сухов. Я слышал, вас, Михаил Алексеевич, можно поздравить с назначением?

Михаил. Это еще не совсем решено.

Сухов. Толкуйте! Напрасно вы так скромничаете. Я очень рад за вас. Разопьем

Собрание пьес. книга 2. Фёдор Сологуб sologubfyodor.ru
шампанского.

Михаил. Я хочу сказать, что у меня совсем нет желания взять это место. Вернее, что я откажусь.

Сухов (спрашивает с легкой насмешкой). По принципу?

Михаил (отвечает спокойно). У меня так много дела. Не стоит мне брать на себя занятия административные. Мне канцелярская деятельность не по вкусу. Я только люблю строить.

Сухов (смотрит на него, снисходительно усмехаясь, и говорит). Право, позавидуешь вам, Михаил Алексеевич. Все у вас еще впереди, и в то же время вы на вершине силы. Все возможности открыты перед вами.

Михаил (рассеянно). А вы, Владимир Павлович?

Сухов. А я? Что ж, я счастлив. Но моя жизнь уже сделана, уже я собираю осенние плоды, мирно и успокоенно, и почти механически подвигаюсь вперед.

Михаил. И этим вы счастливы?

Сухов. Да. Я счастлив так, что даже побаиваться начинаю.

Михаил. Чего же вам бояться?

Сухов. Как Поликрат, я бы перстень выбросил судьбе в жадную пасть моря, да боюсь, отдаст, вернет. Но я утешен тем, что со мною рука об руку идет верная подруга жизни. Пора и вам избрать себе жену по сердцу.

Михаил (отвечает, загадочно улыбаясь). Мой выбор уже сделан.

Сухов. Лилит? Мы как-то несерьезно смотрим на эту связь. Она к вам не подходит. Вы – человек живого дела и трезвого ума, она – экзальтированная мечтательница. Все равно, рано или поздно вам придется с нею расстаться.

Михаил. Так вы советуете мне теперь же оставить Лилит?

Сухов. Она слишком странная. Она молчит, когда надо что-нибудь сказать, или говорит что-то непонятное. Когда все вокруг нее смеются, она даже не улыбнется. Это хорошо было в детские годы, а теперь дико очень.

Михаил. Теперь она не рисует карикатур.

Сухов. Да, но ведь я не потому.

Михаил. А если я все еще люблю Екатерину Константиновну?

Сухов (смеется и говорит). А вы, Михаил Алексеевич, еще не забыли этой юношеской истории?

Михаил. Иногда мы все возвращаемся к прежним годам и вспоминаем. Верное же сердце и не забывает первой любви. Я не забыл. (Встает, протягивает руку Сухову и говорит.) Теперь мне пора. Прощайте, Владимир Павлович.

Сухов. Вы очень торопитесь, Михаил Алексеевич. Посидели бы. Катя сейчас выйдет.

Михаил. Простите, не могу. Мой привет Екатерине Константиновне.

Сухов. Буду рад навестить вас на днях.

Михаил уходит. Сухов провожает его.

V

Катя возвращается. Прислушивается к их голосам. Стоит неподвижная посредине комнаты, и опять только бледность лица и движение рук выдают ее волнение.

Входит Сухов и говорит ей улыбаясь:

– Загордился наш строитель Сольнес.

Катя (вспыхивая, говорит с неожиданною страстностью). Ему есть чем гордиться!

Сухов (внимательно смотрит на нее и говорит). Я не понимаю, Катя, ты стала какую-то нервной и беспокойной.

Катя. Да? Ты находишь? (Она говорит это очень рассеянно, и кажется, что она думает о чем-то другом, что не выходит у нее из головы.)

Сухов. Меня это беспокоит очень, Катя. Может быть, тебе сегодня...

Он хочет сказать: нездоровится, но Катя нервно перебивает его и говорит быстро и сухо:

– Чем же ты недоволен? Чего я не сделала? Я родила тебе мальчика и девочку. Я продолжила твой род.

Сухов. Катя, отчего ты говоришь со мной так холодно?

Катя (старается подавить свое волнение и принужденно-спокойным голосом говорит). Так холодно? Нет, я этого не хотела. Я не хотела сказать тебе неприятное.

Сухов. Не хотела, конечно. Я тебе верю. А остальное, – я знаю, что моя славная, милая женушка любит пофилософствовать. Но это не мешает ей быть превосходною хозяйкою.

Катя. Конечно, я это и хотела сказать.

Сухов. Ты – моя милая, славная женка. (Он подходит к ней и хочет поцеловать ее руку.)

Катя (быстро отходит от него и говорит решительно). Все это кончилось, и я напоминаю тебе наш: договор, тогда, перед свадьбою.

Сухов (останавливается ошеломленный посредине комнаты и говорит). Что ты говоришь, Катя?

Катя. Я была тебе верною женою. Теперь довольно с меня. Я люблю Михаила и ухажу к нему.

Сухов. Катя, Катя, что же ты со мною делаешь?

Катя. Я тебя не люблю. Как же я могу жить с тобою?

Сухов. А эти восемь лет? Ведь ты же меня любила?

Катя. Что же я в этом понимаю? Что я могла понять?

Сухов. Кажется, непонятного мало.

Катя. Как слепая бабочка... Ах, да я же вам говорила, что не люблю вас.

Сухов. Катя, мне больно.

Катя. Зачем же вы меня брали? Я вас не обманывала.

Сухов. Я думал, что это было только детское увлечение. Я думал, что с годами это пройдет.

Катя. «Любовь одна, как смерть одна».

Сухов. Притом же он сошелся с другою.

Катя. Он любит только меня.

Собрание пьес. книга 2. Фёдор Сологуб sologubfyodor.ru
Сухов (спрашивает гневно). А эта несчастная дурочка Лилит была для вас только ширмой?

Катя. Удел слабых – обманывать и таиться. У каждого есть своя пора слабости и своя пора силы.

Сухов. Так внезапно... Я совсем подавлен всем этим, что ты мне сказала.

Катя. Ты знал, что я тебя не люблю. Я не скрывала.

Сухов. Ты – подлая. Ты ограбила мою душу!

Катя. Ты сам этого захотел. Я тебе говорила...

Сухов. Долгие годы ты играла комедию. Подлая, подлая! Ты взяла у меня все, а когда твой любовник разбогател, ты идешь к нему. Подлая, подлая!

Катя. Ты дал мне слово, что отпустишь меня.

Сухов. Я так верил в тебя!

Катя. Вернее, в себя. В свою силу, в свою власть. Верил во власть традиционных слов и понятий.

Сухов. Я верил в тебя, потому что восемь лет подряд ты обманывала меня. Так искусно ты притворялась любящею женою! Какая низость!

Катя. Ты прав, я виновата, – пусть так, но ведь это же ровно ничего не меняет в нашем положении.

Сухов. Где же у вас правда, где совесть? Где ваши принципы?

Катя. Не ты ли сам любил повторять: кто силен, тот и прав? О какой же правде теперь ты говоришь? Не ты ли сам смеялся над принципами Чернецовых? О каких же принципах теперь ты заботишься? Ты пожинаешь то, что сеял.

Сухов. Как злобно, как язвительно говоришь ты со мною!

Катя. Прости. Нет, я не хочу говорить злые слова. Но я должна от тебя уйти. Прощай. (Уходит.)

Конец четвертого действия.

Действие пятое

I

Комната третьего действия. Ясный день. Торжественно и печально.

Лилит, одетая, как в третьем действии, и Чернецов. Дым его папиросы как-то странно соответствует черному хитону Лилит.

Чернецов. Куда же ты теперь пойдешь, Лилит?

Лилит (не слушая его и словно продолжая, говорит). Вот и пришло время, когда мне надо отойти, уйти. Здесь, около человека, я, лунная сказка, веселая немножко, но больше грустная, тихо и редко смеющаяся и вовсе не проливающая слез, я, бедная Лилит, провела мои восемь лет и ухожу в лазурную тишину моей пустыни.

Чернецов. Куда же ты пойдешь, Лилит?

Лилит. Куда-нибудь. Что же, мой срок прошел. Ах, опять для меня повторилась моя старая, старая история любви! В раю первозданном к первому человеку, созданному Богом, пришла, из ночных его грез возникшая, прекрасная, тихая Лилит, я. Дни первой, лунной Лилит проходят скоро, – и приходит вторая, законная, вечная жена Ева к своему Адаму.

Чернецов. Дал ли он тебе денег, Лилит?

Лилит. Конечно. Он дал мне много денег. Ему ничего не жаль. Он – великодушный и сильный. (Обходит комнату и говорит.) Прощайте, прощайте, милые предметы, любимые моим милым! Прощайте, прощайте! Да будет счастье и радость в этом доме! Пусть никто здесь никогда не заплачет, как и я не пролила здесь ни одной слезы.

II

Входят Катя и Михаил.

Катя озарена радостью освобождения. Ее движения легки и быстры, как движения юной девушки, и кажется, что счастьем сожжены эти восемь лет заложничества. Лицо пылает румянцем, глаза блестят. Ее платье похоже на то, которое было на ней в первом действии, и опять, как тогда, она босая.

Увидев Лилит, Катя слегка отуманилась. Медленно подходит она к Лилит, становится перед нею на колени, целует ее руки и говорит:

– Ты сохранила мне его, милая Лилит! Милая Лилит!

Лилит. Ты меня благодаришь? За что же? (Поднимает Катю и целует ее.)

Катя. За эти годы, когда мы были заложниками жизни, и ты, всегда свободная, утешала его.

Лилит. Я его люблю. А он меня не любит. Так надо. Мы были на верном пути. Прощай, Михаил. Вот, я ухожу.

Михаил. Милая Лилит, прощай! (Целует ее.)

Лилит и Катя смотрят одна на другую.

Лилит. Не жалею меня, Катя. Я жила с тем, кого любила. И сколько раз я готова была тебя жалеть: ведь ты жила с нелюбимым человеком!

Катя. Готова была меня жалеть?

Лилит. Да, но не жалела. Зачем жалеть! В свободе всегда есть жестокость. Потому кроткие всегда несут ярмо. Прощай, Катя.

Катя, плача, обнимает Лилит. Лилит уходит, и, провожая ее, уходит Чернецов.

Михаил. Она уходит из моей жизни, оставляя в ней незабываемую печаль.

Катя смотрит на него, улыбаясь, и опять вся сияет радостью.

III

Дверь отворяется, и входят Катины дети: мальчик и девочка. Они румяные, здоровые, спокойные. Одеты нарядно и красиво. Идут и кажутся заведенными куклами.

За ними идет бонна. На ее лице – жадное любопытство, от которого нос ее кажется длиннее, острее и желтее обычного; он, точно из крашеного свинца, тяжелый, и тянет ее голову вперед. Глаза моргают часто. В руках, странно сжатых, колышется ридикюльчик, – и кажется, что там копошится грязненькая сплетнишка.

Михаил уходит и через несколько времени возвращается с двумя коробками, в которых, по-видимому, положено что-то сладкое. Ставит эти коробки на стол близ Кати.

Катя. Дети, зачем вы сюда пришли?

Дети (говорят довольно безвыразительно). Mamочка, мамочка, пойдем поскорее домой. Нам без тебя скучно.

Катя. Милые мои, я здесь останусь навсегда. А вы должны жить с папочкой.

Дети. Mamочка, мамочка, иди к нам. Мы хотим поиграть с тобою, а без тебя мы

скучаем.

Катя (укоризненно смотрит на бонну и говорит). Зачем вы привели сюда детей?

Бонна. Простите, Екатерина Константиновна. Мы гуляли. Дети очень просились. (Видно, что лжет.)

Катя. Нет, милые дети, я не пойду к вам. Идите скорее, папе скучно вас ждать.

Дети (говорят наивно). Нет, мама, ему не скучно, он сидит в кофейне Жакмино, где такие вкусные пирожные. Нет, ему не скучно.

Катя. Милые дети, я никогда не вернусь к вам.

Дети. Милая мама, отчего ты не хочешь к нам вернуться?

Катя. Потом вы узнаете, а теперь вам этого не понять.

Дети. Мы и теперь пойдем, скажи нам, милая мама.

Катя. Милые дети, я нашла моего старого друга, которого я всегда любила. Я буду жить с ним всегда. Что же вы в этом поймете?

Дети. Твой друг – этот господин с черною бородою?

Катя. Да, дети, это он. (Берет со стола коробки, на которые дети давно уже поглядывали.)

Глаза у детей оживились. Дети спрашивают:

– У него много сладких конфеток?

Катя. Вот, он вам дарит это. (Дает детям по коробке.)

Дети (захватив коробки забавно-неловким жестом, поворачиваются к Михаилу и благодарят его: девочка делает реверанс, мальчик шаркает ножкою, и оба говорят вместе). Благодарю вас.

Катя. Теперь, милые дети, идите. Слушайтесь папочку во всем, будьте добрыми и умными, и да благословит вас Бог. Прощайте, дети. (Целует детей.)

Дети прощаются и уходят.

За ними уходит бонна, дрожа от любопытства, повертывая во все стороны остренькую мордочку и порывисто нюхая воздух.

IV

Катя. Мне кажется, что это были какие-то ненастоящие, стилизованные дети. Что они говорили! Какой вздор! Бедные, глупые! Он их научил этой ерунде, а сам сидит в кофейне Жакмино и ждет.

Михаил. Я видел его из окна. Он вышел из кофейни и ходил по тротуару, потом быстро перешел на эту сторону. Он ждет своих детей у подъезда.

Катя. Сейчас он сам придет сюда.

V

Раздается где-то не близко резкий звонок, за ним другой, третий, все яростнее.

Михаил. Это – он. Ты бы ушла, Катя.

Катя. Я не боюсь. Я не хочу прятаться.

Доносится бешеный крик. Слова не слышны. Катя и Михаил молча прислушиваются.

Врывается Сухов. Он взбешен. Михаил идет ему навстречу. Вслед за Суховым входит Чернецов.

Собрание пьес. книга 2. Фёдор Сологуб sologubfyodor.ru
Сухов (кричит). А, гениальный строитель! Набили себе карман на постройках, теперь есть на что содержать любовниц!

Михаил. Успокойтесь, Владимир Павлович.

Сухов. Влюбленная парочка! Нет, господин инженер, ваш расчет на этот раз неверен. Халуга, тебе не удастся это воровство! (В руке у Сухова револьвер, которым он бестолково размахивает.)

Михаил смотрит на Сухова спокойно.

Чернецов (бросается между ними и кричит). Остановитесь! Принципиально я не могу допустить, чтобы спор между интеллигентными людьми разрешался выстрелами.

Сухов (говорит злобно). Старый шут! (Бросает револьвер на стол. Садится в кресло у стола, закрывает лицо руками и рыдает.)

Катя (подходя к нему, говорит тихо). Владимир Павлович, простите меня. К вам я никогда не вернусь.

Сухов (овладевая собою, быстро встает и говорит). Меня извините, Екатерина Константиновна. Нервы не выдержали. Прощайте. (Идет к выходу. В дверях останавливается и говорит.) Мстить вам я не стану. Я презираю вас обоих. (Уходит.)

Чернецов. Я провожу его. (Идет за Суховым.)

VI

Катя подходит к Михаилу и целует его.

Михаил (спрашивает). Катя, мы счастливы?

Катя. Да, мы счастливы. Бесконечность жизни перед нами, и мы победили.

Михаил (говорит задумчиво и невесело). Мы счастливы.

Катя (с удивлением спрашивает). А ты сомневаешься?

Михаил. Нет, но счастье мое обвеяно грустью.

Катя. Но мы все-таки победили! К чему же ты поведешь меня теперь?

Михаил. К жизни свободной и радостной, к творчеству жизни новой и счастливой, такой жизни, какой не было до нас.

Катя. А был день, ты звал меня к смерти.

Михаил. Я – господин жизни. Но мое господство куплено ценою утомления и печали.

Катя. Как сон, прошли эти годы.

Михаил. Как сон.

Катя. Мы снова юны. Мы снова дети.

Михаил. А Лилит?

Катя. Лилит? Эта грустная, большеглазая, Мечта ночная, Лилит, ушла. Ушла к тому, кто мечтает.

VII

В комнате темнеет. Отодвигается медленно занавес в глубине комнаты. Открывается залитая ярким светом широкая лестница в семь ступеней, а за нею – обширный высокий белый зал. Передний план сцены в тени, и лиц Михаила и Кати не видно.

На верху лестницы стоит Лилит, в черном хитоне. Но теперь голова ее увенчана золотой диадемой и торжественным светом обито ее лицо.

Лилит. Устала я, устала смертельно. Многие века прошли надо мною, – ко мне зову я человека, – и, свершив подвиг мой, ухожу. И все не увенчана Дульцинея, и путь мой далек предо мною.

Конец.

<Не позднее 1912>

Любовь над безднами
Драма в четырех действиях
ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Он.

Она.

Человек земли.

Другая.

Слуга.

Журналист.

Делец.

Банкир.

Железнодорожник.

Торгаш.

Адвокат.

Пьяный художник.

Дамы: в желтом. в голубом. в красном. в зеленом. в лиловом.

Лакей.

Действие первое
Тихий лунный вечер. Площадка на высокой горе, обнесенная легкой изгородью, в которой калитка. От калитки вниз идет тропинка. Слева небольшой домик.

Он и Она.

Она. Уже поздно, а наш слуга все еще не возвращается. Это меня беспокоит.

Он. Он придет.

Она. Мне кажется, сегодня кто-то чужой придет к нам и нарушит эту сладкую тишину... милую тишину.

Он. Кто же вздумает к нам прийти? Кто еще помнит о нас?

Она. А помнишь, – друг наш?

Он. Но когда же это было, припомни!

Она. Когда? Да, правда, это было еще в прошлом году, весной. Больше года прошло с тех пор.

Он. Вот здесь, наверху, высоко над морем и над селениями, мы живем в полном уединении, – я, вечно мечтающий и работающий, и ты, моя прекрасная, моя златокудрая, моя любовь. Я изучаю глубины вселенной, я думаю о том, что наша

Собрание пьес. книга 2. Фёдор Сологуб sologubfyodor.ru
земля переродится в планету более утонченной природы, и с нею вместе переменятся люди, – сила искусства и жизни превратит их в более совершенные существа, и у них будет возвышенная душа и прекрасный строй жизни. Там, на одной из этих далеких звезд, быть может, такая жизнь.

Она. Что же можем мы сделать для этого?

Он. Очень многое. Все. Правда, долог и труден путь, – но что время? Что жизнь одного человека? Задача наша в том и состоит, чтобы воспитать в себе духовную силу и научить людей. Силою нашего духа мы преобразим мир.

Она. Когда-нибудь... Когда я смотрю на звезды, так светло горящие над нами, мне кажется иногда, что они говорят нам что-то, о любви высокой и совершенной.

Он. Где-нибудь в это время на планете, более совершенной, чем наша, кто-то смотрит на далекую звезду, наше солнце.

Она. Он посылает нам привет, томящимся в земной темнице.

Он. А мы его привета понять пока еще не умеем. Ах, если бы мы умели! Какие бы тайны перед нами раскрылись! Более совершенные, чем мы, существа помогли бы нам подняться на высокие ступени духовного могущества.

Она. Неужели теперь мы еще ничего не умеем?

Он. Было время, когда на земле царили дикие, не сознавшие себя силы. Тогда земля наша была еще грубее и беднее, чем ныне. Но возник творящий дух человека, и каждый проживший на земле взлелеял в себе и отдал земному миру свою духовную силу. Шли годы за годами, тысячи лет сменялись. Изливаемая в воздух земной жизни сила человеческого духа умножалась, и вот земля наша становится духовнее, и самый воздух наш способнее для передачи мыслей, чем в отдаленные времена. Настало время, когда дух человека должен ускорить этот творческий процесс и пронизать нашу атмосферу голубыми молниями высоких мыслей.

Она. О, как мудры твои речи, как мудры! Когда ты говоришь так, мне кажется, что эти скалы внимательны к твоим словам, и что самый воздух заслушался, и лунные тени дрожат от восторга. Как я тогда люблю тебя! Люблю твой ясный взор, люблю твой глубокий голос, подобный голосу божества!

Он. То, что я познаю мыслью, ты постигаешь чувством. Может быть, в тебе уже возникает та высокая способность, интуиция, которая нашим потомкам заменит медленно ползущий разум. Она поможет им познавать совершенное и быстрее. Поэтому ты и ушла со мною из того мира, где люди думают только о полезном.

Она. Я люблю тебя и с тобою буду всегда и везде.

Он. Там, внизу, на земле, люди без конца умножают богатства и практические знания, но жажда души остается без утоления, и скоро людям нечем станет жить. Никто не насытит их душевного голода, не утолит их жажды.

Она. И тогда они придут к нам, – к тебе.

Он (улыбаясь). Ты думаешь, придут?

Она. Люди всегда приходят к тому, кто умеет ждать.

Он. Тогда над жизнью восторжествует искусство.

Она. Искусство и красота.

Он. Да, искусство со всеми его чарами. Музыка, живопись, театр пышно расцветут и вновь очаруют и преобразят человека. Но когда я жил среди людей, они издевались над моими словами, и слово «мечтатель» было равносильно слову «глупец». Они меня ненавидели! Как странно! За что?

Она. Они тебя не понимали. Не могли понять!

Он. Им совсем не нужно было того, чему я их пытался учить. Они не слушали меня,

Собрание пьес. книга 2. Фёдор Сологуб sologubfyodor.ru
и запрещали мне говорить, и не хотели дать мне приюта в своей среде. Помнишь эту свирепую старуху, которая потребовала, чтобы мы оставили ее дом?

Она. Она была злая и глупая.

Он. И я удалился от них в горы.

Она. Но рано или поздно они тебя все-таки поймут. Они пойдут за тобою.

Он. Поймут ли? А и поймут, так пойдут ли? Не разумом же направляется их жизнь!

Она. Ведь я же пошла за тобою.

Он. Ты – единственная из женщин. Ты меня любила, а любовь делает чудеса.

Она (улыбаясь). Разве я одна пошла за тобою? А твой верный слуга и твоя верная собака? Или ты о них позабыл?

Он. Наш старый слуга – вернейший из людей. Он хочет понять, но есть области, для него навсегда недоступные. Ему остается только верность, неизменная, неподкупная, немного даже страшная, такая она железная.

Она. Страшная? Почему?

Он. Из любви он ни перед чем не остановится.

Она. Нет, верность никогда не бывает страшною. Так сладко знать, что есть верность, что наш союз ничем не будет нарушен. Ничем!

Он. И собака моя более верна, чем могут быть верными люди, но не так, как люди. Вот почему я не называю их, когда говорю, что ты одна пошла за мною. Тебя вела ко мне не только верность, – ты пришла сама, своею волею движимая, и только по воле своей остаешься со мною.

Она. И всегда останусь с тобою, – потому что люблю, люблю, люблю!

Он. Милая, я знаю. Любовь за любовь, жизнь за жизнь, – может ли быть иначе!

Она. Ты хочешь сделать мир иным, – но разве и в этом мире ты недостаточно счастлив?

Он. Благодарю тебя, возлюбленная моя! Здесь, с тобою, иного счастья мне не надобно. Твоя любовь – как многозвездное тихое небо надо мною. Ничто не нарушает здесь мирного течения моих трудов.

Она. Ты даже слишком усердно погружаешься в них. Я хотела бы больше видеть тебя.

Он. Но и работая, я всегда чувствую твое присутствие. Когда я один там, наверху, я знаю, что любовь моя со мною, здесь, близко. И мне хорошо. Уединение, красота и небо окружают меня, и в душе моей – великий покой.

Она. А тебе никогда не хочется сойти на землю?

Он. Нет. Зачем же?

Она. Земля – родная. Она глупая, но все же милая. К ней тянет.

Он. Ты скучаешь здесь?

Она. Скучаю? О, нет! Как ты мог подумать это! Когда я с тобою, мне хорошо. Когда ты уходишь, я думаю о твоих словах, душа моя хочет проникнуть в сокровенный смысл их. И душа моя полна, так полна... Мне иногда кажется, что мысли и мечты твои стремятся слишком бурным потоком и переливаются через берега моей души. Эти мечты, более высокие, чем я! О, какая женщина там, на земле, была так насыщена высокими мечтами! Там, на земле, где весело, шумно и почти совсем некогда думать.

Он. Да, вспоминай иногда о земле.

Она. Когда птица устанет парить в небесной лазури, она опускается вниз. Душа знает минуты падения, а падаем все мы на родную землю.

Он. Я бы хотел упасть на далекую звезду!

Она. Как тихо, о, как тихо все вокруг! Неужели где-то есть люди, есть иная, шумная, человеческая жизнь! Порою мне кажется, что все умерли, что мы одни уцелели от какой-то охватившей всех болезни... от какой-нибудь ужасной чумы... Что если бы я теперь вошла в театр или в кафе? Мне стало бы страшно, и люди сказали бы: «Какая дикарка!»

Он (привлекая ее к себе). Жизнь наша останется в памяти людей. Имя единой моей возлюбленной неразрывно сольется с моим именем.

Она (задумчиво). Века должны признать тебя. Век – так много, так долго! Утешает ли тебя слово вечность? Мог бы ты любить вечно?

Он. Разве я не полюбил тебя навеки?

Она. Ничто не может разлучить нас. Забрались мы сюда одни, живем под облаками и беспечно смеемся над житейскими невзгодами.

Он. Разве не учил я тебя – еще там, на земле, – что человек – верховный властелин, вершитель своей судьбы и жизни? Вот мы устроили жизнь нашу по воле нашей. И разве не райский сад насадили нам любовь, творчество и красота?

Входит Слуга.

Она. Наконец-то! Уж я боялась, не случилось ли с тобою чего-нибудь!

Слуга. Я обошел внизу все селения – нигде не удалось достать пищи. Люди убирают хлеб, и в их домах даже детей нет.

Она. Как же мы обойдемся?

Слуга. Только двух диких голубей подстрелил я на горе.

Она. Ну и довольно! Там, внизу, в городе, я боялась бы голода, а здесь не хочется и думать о завтрашнем дне.

Слуга. Вслед за мною шел какой-то человек, нездешний. Должно быть, из большого города. Не знаю, чего он здесь ищет. Может быть, заблудился в горах. Да вот и он.

На площадку входит Человек земли и останавливается у калитки.

Человек земли. Уж и не думал я добраться до жилья. Надеюсь, здесь обитают добрые люди и не прогонят меня опять на эти мрачные тропы над безднами.

Она. Войдите, милости просим. Мы рады гостю.

Он. Войдите, будьте здесь как дома.

Человек земли. Простите, моя одежда в пыли, и я сам...

Он. Сейчас вас проводят.

Делает знак Слуге, который уводит Человека земли в дом. Собака выражает беспокойство.

Она. Пришел зачем-то. Как досадно! Надо говорить с ним, – не быть только с тобою.

Он. У него энергичное лицо охотника или дельца. Там, в городе, мы нередко встречали таких людей, как он. Странно, что он пришел к нам. Что ему здесь может быть надобно?

Она. Он, должно быть, проголодался. Но у нас нет ничего, кроме той пары голубей. Пойду посмотрю, что можно сделать. (Уходит напевая.)

Он. Как странно! Как странно! Везде люди найдут. Что манит на эти высоты – мудрость или красота?

Собака ласкается к нему и смотрит так выразительно, что ему кажется, что он понимает ее.

Он. Верный друг, отчего ты так беспокоен? Ты озабочен тем, кто пришел к нам? Да. Ты не понимаешь, чего он здесь ищет? Нет, ты знаешь, зачем он сюда пришел? Ты думаешь, что его приход повлечет что-нибудь злое? Полно, друг мой, не бойся, – нам здесь бояться нечего. Ни людей, ни судьбы не боится тот, кто ушел от людей на эти высокие горы. Нет, ты думаешь, что его надобно бояться? Но что же он может сделать нам? Ведь он скоро уйдет. Или ты думаешь, что он не уйдет?

Он сидит в глубокой задумчивости, говорит порою отрывочные слова.

Он. Земля милая. Земля зовет.

Встает, и лицо его светлое. Почти одновременно возвращаются Она и Человек земли.

Он. Дорогой наш гость, как сумели вы в этих неприветливых для чужого горах найти наш дом? Давно уже к нам никто не приходил.

Человек земли. Там, внизу, пройдет скоро железная дорога. Мы осматриваем местность. Дикий край, – но как он оживет, когда здесь будет железная дорога!

Она (тревожно). Здесь? Железная дорога?

Человек земли. О, конечно, далеко внизу. Ваше уединение останется ненарушенным. Нынче утром я вышел прогуляться в горы и незаметно для себя поднимался все выше и выше. Я никак не мог найти удобного спуска вниз. И вот уже ночь. Не правда ли, как странно!

Она. Вы у нас отдохнете, переночуете. Потом наш слуга покажет вам дорогу.

Он. Да, удобный спуск вниз не так-то легко найти. На эти высоты трудно подниматься, но кто уже раз поднялся, тому так же трудно спуститься.

Человек земли. Трудно найти дорогу, но спускаться, – не думаю, что трудно. Там, внизу, так много такого, что зовет к себе, что спускаться будет нетрудно. Мне, по крайней мере. Мне так радостно смотреть на эти места, в которые мы внесем культуру.

Он отходит в сторону и во время последующего разговора незаметно уходит в дом. Луна бледнеет, ночь приближается к концу. Слышны отдаленные звуки пастушеской свирели, возвещающей приближение рассвета.

Она (с выражением невольного и страстного любопытства). Вы оттуда? Оттуда, с земли?

Человек земли. Да, из большого города. Мои друзья остались внизу, в долине, а меня повлекло на вершину. Как будто казалось, что здесь можно найти отдых на несколько часов или дней. Мы там так много работаем, что иногда нам хочется уйти. Конечно, скоро этот отдых нам надоедает, и опять тянет к привычным трудам и заботам.

Она. Расскажите мне, что нового там у вас. Все так же, как и прежде, – ссорятся, завидуют, ненавидят друг друга? Не научились ли люди чему-нибудь новому, прекрасному?

Человек земли. Да, научились кое-чему. Научились летать.

Она. Как! Неужели люди летают? какие же у них крылья? Как это должно быть красиво! Расскажите мне об этом, расскажите! И обо всем, обо всем!

Человек земли. Да, я расскажу вам о крыльях и о многом еще прекрасном, что

Собрание пьес. книга 2. Фёдор Сологуб sologubfyodor.ru
придумали мы там, на земле. Ведь мы всё на земле хотим изменить и переделать
самое лицо нашей планеты.

Она. Как это хорошо! Он говорит то же! Только другими средствами...

Человек земли. Но неужели сама земля с ее шумом, волнением, со всеми ее
радостями и даже с ее огорчениями не манит вас к себе? Неужели вы не хотели бы
видеть, как жители городов побеждают дикую природу?

Она. Все это, что вы говорите, так интересно! Но он любит уединение. Он может
работать только здесь.

Человек земли. Почему?

Она. Люди не понимают его и оскорбляют.

Человек земли. Люди поймут все, что для них полезно.

Она. Его учение говорит не о том, чем теперь заняты люди. Он к ним не пойдет.

Человек земли. Он! Ну, а вы-то? Разве вы не можете хоть иногда прийти в город?

Она. Если бы я уходила от него по временам, то это, я думаю, очень развлекало бы
его и мешало бы ему работать. Он беспокоился бы обо мне. Он говорит, что мое
присутствие помогает ему познавать и ощущать истину.

Человек земли. Вы говорите только о нем. Все здесь для него. А что же для вас?
Вы молоды и прекрасны, – разве не хотите вы наслаждаться всеми благами жизни,
как наслаждаются другие молодые и красивые женщины? И еще многие из них не так
прекрасны, как вы.

Она. Моя красота радует его, такого мудрого и великого, – разве этого для меня
мало?

Человек земли. А вы сами не хотите радоваться? Разве вы не любите веселья?

Она. Мне и здесь хорошо. Правда, уверяю вас, я вполне довольна моею жизнью
здесь. Я полюбила эти горы, я отвыкла от иной жизни. Здесь так хорошо, спокойно,
красиво.

Человек земли. Что в этой дикой пустыне может быть красиво?

Она. Эти горы, небо, закаты и восходы, этот вечный снег на горах, эта далекая
свирель пастуха.

Человек земли. И так целые дни, месяцы, годы! Вы всегда одни, одни! Среди этих
холодных камней! И давно вы здесь?

Она. Но ведь мы вдвоем, – это не то, что одни. Быть вдвоем с любимым – такое
счастье!

Человек земли (повторяет свой вопрос). И давно?

Она. Уже целых шесть лет.

Человек земли. Шесть лет! На шесть лет были вы моложе, когда пришли сюда, – и
где же эти годы? Что они вам дали? Чем вы их вспомните?

Она (смущенно). Я была с ним счастлива.

Человек земли. Он был счастлив, а вы? Шесть раз уже весна заставляла вас здесь,
среди этих угрюмых скал, среди этой вечной, гнетущей тишины, без единого звука
радости, без живой жизни! Да, правду говорят, что ко всему можно привыкнуть, –
вот, можно привыкнуть даже и к этому ужасному молчанию гор.

Она. Молчание гор! Какое же молчание? Вот свирель слышна. Как сладко дрожат в
тихом воздухе ее нежные звуки!

Человек земли. Свирель! Да, эти звуки очаровательны. Но знаете ли вы, о чем поет свирель?

Она. О чем?

Человек земли. Она поет о любви.

Она. О, да, о любви.

Человек земли. О любви человека к своей земле и к своей любви, о том, что человек приходит за любовью, а не любовь за человеком. Человек приходит к любви, ну, хоть бы вот так, как я к вам пришел.

Она. Нет, не будем об этом говорить.

Человек земли. Почему не говорить? Нас, горожан, упрекают в том, что мы будто бы неискренни. В пустыню бегут не только от городского шума, но и от городской лжи. Ведь и он, ваш повелитель, удалился сюда от этой лживости, не правда ли?

Она. Да, конечно.

Человек земли. Отчего же вы не хотите позволить мне говорить с вами искренно и откровенно? Разве этот торжественный час всемирной тишины не зовет вас открыть душу тому, кто готов и свою открыть? Поверьте, мы, горожане, очень чутки к этим минутам всемирного молчания.

Она. Вы, кажется, думаете, что и я в душе горожанка.

Человек земли. Вот именно это.

Она. Но вы очень ошибаетесь. Я не люблю города.

Человек земли. Так вам кажется.

Она. Правда, я люблю тишину, природу.

Человек земли. Мы все любим природу, но зачем же уходить от людей? Меня не удивляет, что он, уже усталый от деятельной жизни, ушел сюда мечтать и работать в тишине над тем, что никого не интересует у нас на земле, ведь мы живем в мире великих практических достижений. Но вы, такая молодая, такая прекрасная, вся полная сил. Вы жаждете иной жизни. Вы тоскуете здесь!

Она. Что вы говорите!

Человек земли. Зачем вы здесь?

Она. Откуда вы все это можете знать? Почему вы думаете, что я тоскую? Ведь это же неверно!

Человек земли. Я прочел это в ваших глазах. Мы, горожане, словам не верим. Мы привыкли читать мысли в глазах, в движениях губ. И потому скрывать свои мысли, – это уже у нас не принято, – бесполезно и потому даже смешно.

Она. И все-таки вы ошибаетесь, когда так думаете обо мне. Но что говорить обо мне! Смотрите, какая дивная ночь!

Человек земли. В такую ночь очень хорошо на берегу моря. Но и здесь ночь очаровательна.

Она. Смотрите, как никнет побледневшая луна. Слышите? Опять свирель.

Человек земли. Этот мальчуган умеет сливать свою душу с воплями своей свирели. Хорошо, правда, очень хорошо. А вокруг нас, – как тихо, как прекрасно! Словно мы одни на всем земном пространстве, словно заморожены этою ночью, этою тишиною. Отчего вы так вздрогнули? Вам холодно?

Она (тихо). Нет.

Собрание пьес. книга 2. Фёдор Сологуб sologubfyodor.ru
Человек земли. Отчего же вы так побледнели?

Она. Какая тоска в моем сердце! Отчего она, эта тоска, – вы не знаете?

Человек земли. Знаю и радуюсь.

Она. Тоске моей рады? Вы шутите, – вы не злой, у вас такой мягкий и глубокий голос.

Человек земли. Я радуюсь потому, что ваша тоска – призывный голос жизни. Это жизнь зовет вас. Слышите вы голоса земной, жаркой жизни?

Она. Как сердце у меня бьется! Эти голоса, о которых вы говорите, – они поют в моем сердце, они зовут меня.

Человек земли. В свете этой луны вы так прекрасны!

Она. Зачем вы говорите это? И я, – зачем я вас слушаю? В этом есть что-то недолжное.

Человек земли. Я восхищаюсь вашей преданностью и покорностью. Ваша преданность ему так трогательна и красива, но она вне жизни, она против нашей живой жизни, а этой жизни на земле все служит. Все должно ей служить.

Собака пробегает встревоженная – чует недоброе.

Где-то на верху дома стукнуло окно. В глубине сцены проходит Слуга.

Она. Пойдемте в дом, – наш слуга делает мне знак, что ужин готов. К сожалению, сегодня я могу угостить вас только дикими голубями. Ничего другого в нашем доме сегодня нет. Там, внизу, вы, верно, не привыкли к таким лакомствам, как пара диких голубей.

Человек земли (глядя на нее с удивлением). Как! Вы здесь терпите лишения! Вы, прекрасная!

Она. Зато завтра я поведу вас на дикий утес, где растут дивные горные фиалки, покажу вам, как играет заря на обгаренных ею снегах, возведу вас на такие высоты, от которых голова закружится.

Человек земли. Да, покажите мне все это, – весь ваш мир, которого вам довольно и который должен быть очаровательным, чтобы быть достойным вашей любви.

Она. О, вы смеетесь надо мною!

Человек земли. Как вы можете это думать! Я восхищен вами, и для меня будет счастьем увидеть, что вас держит на этих диких высотах, вдалеке от света и от людей. А он, ваш господин, отпустит вас со мною?

Она. Когда я одна уйду далеко от дома, он боится немного, как бы я не сбилась с пути или не упала в пропасть. Но я знаю здесь все тропинки.

Человек земли. А если вы пойдете со мною?

Она. Тогда он будет меньше беспокоиться. Он любит меня и верит мне.

Человек земли. А вы как могли его полюбить?

Она. Мудрость его и страданья покорили меня. Когда вы с ним поговорите, вы сами полюбите его. Его нельзя не любить.

Слуга опять подходит.

Слуга. Хозяин ждет.

Она. Пойдемте.

Действие второе

Собрание пьес. Книга 2. Фёдор Сологуб sologubfyodor.ru
Ясный день. Там же. Она, Он и Человек земли.

Человек земли. Вы только мечтаете о преобразении жизни, мы ее преобразуем. Вы мечтаете о человеке, который еще не родился, а мы... Да вот, когда в будущем году осенью вы спуститесь в ту долину, вон там, вы ее не узнаете, такая там будет жизнь, такое движение.

Он. Нет, вы только умножаете вещи и потребности, а человек, водимый вами, идет назад.

Человек земли. Вперед! Мы ведем человека путем материального прогресса. Это – единственно верный путь. А то, что вы называете духовными ценностями, это нередко только болтовня, порою даже вредная для общества.

Он. Дикарь, управляющий машинами, – вот ваш современный человек.

Она. Но разве наш гость похож на дикаря?

Он. Милая, ты права. Не следует так много спорить с гостем. И к чему? Ни в чем нельзя убедить. Работа ждет меня, я уйду к себе. Вечером будем снова беседовать. (Уходит.)

Человек земли. Пора. Так незаметно прошла эта неделя! Я совсем забыл о том, что меня ждут, что обо мне беспокоятся и меня ищут.

Она. Мне грустно, что вы уже уходите. Я всегда буду вспоминать эти дни, когда вы были с нами.

Человек земли. Неужели я не смог вас убедить, и все мои слова были тщетны? Неужели я уйду один, а вы останетесь здесь, на этой угрюмой и ужасной высоте?

Она. Я не должна слушать вас. И все же слушаю, хотя вы говорите о том, чего презреннее нет в человеческих делах – об измене.

Человек земли. Измена! Что вы называете изменою?

Она (смущенно). Измена – это когда обманывают доверие, нарушают долг верности. Кто-нибудь в тебя верит так сильно, так безмерно, и вдруг ты его обманешь.

Человек земли. Каждый должен быть верен прежде всего себе самому. Только на себя надеешься, на себя полагаешься с достаточной уверенностью, и вот если сам себя обманываешь – это горшая измена.

Она. Но если отдаешь себя добровольно и радостно?

Человек земли. Измена в том, что вы томитесь здесь. Это – измена против вас самой, против вашей молодости, против вашей красоты, против всего того прекрасного, что в вас заложено. Всем этим вы сами могли бы наслаждаться, всем этим наслаждались бы другие. Но вы и от себя, и от других скупно прячете все данные вам судьбою сокровища. Вот эта измена...

Она. Умоляю вас, оставимте этот разговор.

Человек земли. Когда я вижу вас, я не могу говорить ни о чем ином. Я люблю вас, – могу ли я не говорить об этом? Вся душа моя истекает любовью к вам, и я чувствую, что не могу оставить вас здесь.

Она. Зачем вы говорите мне об этом? Ведь это же бесполезно!

Человек земли. Почему бесполезно?

Она. Я не могу уйти отсюда, я должна быть с ним.

Человек земли. Должна, должна! Кто научил вас этому скучному лицемерному слову?

Она. Мне с детства внушили понятия чести и долга.

Человек земли. И напрасно вы всему этому поверили! Человек никому ничего не должен. Если у человека и есть обязанности, то перед самим собою, – только. Больше ни перед кем, ни на земле, ни на небе. Сам человек создает свое счастье, сам и для себя.

Она. Но ведь в душе заложены эти благородные чувства долга, обязанности, благодарности!

Человек земли. Благодарности за что? За этот плен? За скудость и скуку этой жизни?

Она. За любовь, мудрую и светлую, за это прекрасное стремление вперед и вверх.

Человек земли. Все эти прекрасные и бесплодные чувства, – чем они лучше первоначального, верного, единого неложного чувства – любви к себе самому? Подумайте о себе.

Она. Только о себе? Но ведь его я так любила!

Человек земли. Он, мудрый и справедливый, должен радоваться вашему счастью. Ваша радость должна его веселить. Подумайте о том, что там, внизу, нас ждет деятельная, прекрасная жизнь. Все богатства земли я брошу к вашим ногам, чтобы украсить и достойно увенчать жизнь прекрасной моей царицы. Венцом моей деятельной и суровой жизни будет ваша радость, ваше счастье.

Она. Мое счастье! Но ведь я была так счастлива здесь!

Человек земли. Разве это – счастье?

Она. Я была так спокойна!

Человек земли. Вот это, пожалуй, верно. Но здесь вас окружал покой могилы. Я рад, если мне удалось разрушить эти могильные чары, это лживое обаяние мертвенной мечты.

Она. О, зачем вы пришли к нам? У вас так много жизни и счастья там, на земле, – сюда зачем вы пришли? Чтобы нарушить наш покой?

Человек земли. Да, для этого. Я пришел к вам, как Орфей к Евридике, чтобы вывести вас из этого неживого мира.

Она. Евридика была счастлива в стране блаженных. Орфей напрасно потревожил ее. И не удалось же ему вывести Евридику.

Человек земли. Люди нашего времени отважнее и удачливее этих сказочных героев. Но вы не рады моему приходу? Так я сейчас же уйду.

Она. Нет, не уходите. Или да, лучше уйдите. Нет, нет, останьтесь! Боже мой, я ничего не понимаю, что со мною, что во мне!

Человек земли. И вы меня любите?

Она. Зачем вы меня об этом спрашиваете? Что я могу вам сказать?

Человек земли. Любите?

Она. Не надо спрашивать. Не надо говорить. (Из ее глаз льются слезы, но глаза ее радостны, и все лицо ее светлое.)

Человек земли. Да, не надо говорить. Я знаю, вы меня любите. Ваши глаза не умеют лгать.

Она. Я ничего не умею, только любить.

Человек земли. Милая, вы меня любите?

Она (смущенно улыбаясь). Если вы сами знаете, зачем спрашивать?

Собрание пьес. книга 2. Фёдор Сологуб sologubfyodor.ru
Человек земли. Хочу от вас услышать сладкое слово. Хочу.

Она. Вы умеете хотеть. Ваша воля подавляет мою. Мне тяжело, но и сладко. Зачем, зачем заставили вы меня полюбить вас?

Человек земли. Ты любишь меня! О милая моя, пойдем со мною. Мы должны быть вместе. Этого требует правда нашего чувства и свобода наших душ. Иди за мною, со мною!

Она. Как могу я решиться на это? Над безднами вознесена моя любовь, – и я боюсь, боюсь! Я знаю эти бездны, я смотрела в них часто.

Человек земли. Со мною ты ничего не должна бояться.

Она. Какая радость – любить! И какая печаль!

Человек земли. Люби меня, люби, моя милая! Ничего не бойся. Радостно любить, – это ты хорошо сказала. Но откуда же в тебе эта печаль?

Она. Мне жаль его. Как я его оставлю? Возможно ли это?

Человек земли. Он не станет тебя удерживать. Он сам поймет.

Она. Такая печаль! Но почему-то мне легко. Так странно легко, точно я переживаю дивный сон. В груди моей радостно трепещут жаркие надежды!

Человек земли. Как же может быть иначе! Разве ты не знаешь, что только любовь должна царить на земле? Где любовь, там радость, там надежды.

Она. Мне тяжело и страшно, когда я вспомню, что надо сказать ему.

Человек земли. Не будем откладывать этого, пойдем к нему и скажем.

Она. Нет. Я еще не готова к этому разговору.

Человек земли. Тогда я пойду к нему один.

Она. Нет, нет! Я сама должна сказать ему все.

Человек земли. Мне надо торопиться. Я и так пробыл здесь слишком долго. Я не могу дольше медлить здесь. Пойдем к нему.

Она. Тише! Кто-то идет... Это он сам идет сюда.

Они отходят друг от друга и останавливаются в неловких позах, глядя на дом. Из двери дома показывается Он. Смотрит на них, и лицо его становится печальным.

Она (подходя к нему, с волнением). Я должна сказать тебе...

Волнение мешает ей говорить. Он смотрит на Нее с печалью и сожалением. Человек земли стоит в стороне и смотрит мрачно и решительно.

Он. Что с тобою? Ты чем-то взволнована. Что-нибудь случилось?

Она. Не знаю, как сказать. Не знаю... Теперь, когда я стою перед тобою, мне кажется, что я забыла все слова, которыми хотела сказать тебе это.

Он. Что же ты хотела сказать мне, дорогая? Говори, ничего не бойся.

Она. Ты меня так любишь. А я уже почувствовала, что недостойна тебя!

Он. Возлюбленная моя, зачем ты это говоришь? Наш гость может подумать, что ты и вправду так думаешь.

Она. Он это знает.

Он. Разве ты не знаешь, как я люблю тебя? Ты для меня единая и вечная, воплощение запредельной истины. Вся правда мира покоится в твоей чистой груди и

Собрание пьес. книга 2. Фёдор Сологуб sologubfyodor.ru
в твоих непорочных глазах. Как же ты можешь быть недостойна меня?

Она. Я не могу больше. Это сильнее меня. Я не знаю, что со мною. О Боже мой!
Человек земли. Позвольте мне говорить за вас.

Она. Нет, нет, не надо. Я сама. Дорогой мой друг, единственный, прости меня, – я люблю его, того человека, пришедшего с земли.

После этих слов – полминуты тягостного молчания.

Она рыдает почти беззвучно, закрыв лицо руками, стоя одинаково далеко от обоих. Он стоит пораженный. На лице человека земли выражение гордой победы.

Он подходит к Ней, отводит ее руки от лица, смотрит на нее пронизательно, словно что-то в ней видя первый раз, и начинает говорить с горестным недоумением.

Он. Так ли я тебя понял? Из своего сердца вынула ты одну любовь, как ожерелье из ларчика, и вложила туда другую? Ты его полюбила?

Она. Да, я люблю его.

Он. Ты? Чистая? Единственная? Моя? Воплощение всемирной истины! Или я перестал понимать? Или основы мира поколебались?

Она. Я ведь только маленькая, слабая женщина, одна из многих. Ты ошибся во мне. Не мне устоять на высотах, на которые вознесся ты.

Он. Тогда кто же из людей устоит? Кто же из них не мал и не слаб?

Человек земли. Вы – мудрый и справедливый. Вы привыкли к размышлениям, истина человеческих отношений открыта перед вами, как развернутая книга. Подумайте, – и вы сами признаете, что ей лучше уйти отсюда, уйти со мною.

Он. Куда же она пойдет? Пути отсюда ведут в бездну.

Человек земли. Она пойдет со мною в город. В город, который люди построили для того, чтобы трудиться, наслаждаться жизнью и неустанно двигать ее вперед.

Он. Вы говорите о грубом материалистическом прогрессе.

Человек земли. Другого на земле и нет. Дух зависит от материи. Или от энергии, если хотите, – но ведь это все равно. Наш век – век быстрых, механических устремлений. Мы не мечтаем о вселенской истине, которая для человека недоступна и непонятна, – мы просто строим дороги. Впрочем, простите, я не хотел спорить с вами об отвлеченных вопросах. Перед нами более сложная и трудная задача, чем вопрос о прогрессе. Дело идет о живой человеческой жизни.

Она. Вот я полюбила его. К нему влечет меня. И все-таки ты прав, – отсюда уже нет путей иных, как в бездну. Недаром мы так долго жили над безднами. Да, я должна остаться с тобою.

Человек земли. Что вы говорите!

Он. Должна? Нет, ты свободна. Ничто не удерживает тебя здесь. Иди с ним, если ты его полюбила. Ты знаешь дорогу, и эти бездны не поглотят тебя. А от того гибельного, что ждет тебя в городе, тебя защитит твой новый друг.

Она. Ты говоришь так холодно. Ты говоришь со мною так, словно о ком-то другом.

Он. Милая, возлюбленная моя, если я говорю, что ты свободна, то я говорю это не потому, что я таю горькие мысли.

Она. Но слова твои так горьки.

Он. Бесконечная нежность к тебе в моем сердце, ты же должна сама решать свою судьбу, как велит тебе твое сердце. Душа человека так свободна, – уж не слишком ли свободна?

Она. Я ничего не знаю, ничего не знаю. Пойду ли, останусь ли, что же я знаю? Вы, двое сильных, зачем вы меня, слабую, заставляете решать ваш спор?

Он. Спор не между нами – спор в твоём сердце. И этот спор уже решен. Ты полюбила другого, твоя любовь ко мне умерла, ты пойдешь с этим другим.

Она. Я останусь здесь, если ты этого захочешь.

Он. Чтобы плакать украдкой!

Она. Скажи: «Останься», – и я останусь.

Он. Кого же из нас ты любишь?

Она. Его.

Он. Иди к нему, если ты его любишь,

Она. А если бы и ты пошел с нами на землю? Как ты здесь останешься? Так невыразимо больно расстаться с тобой!

Он. Зачем же мне идти с вами?

Она. Подумай, как было бы хорошо, если бы ты жил с нами, друг мудрый и добрый! Мы бы заботились о тебе. Нашлись бы последователи, и ты бы учил их.

Он. Нет, я не пойду с вами. Здесь я бесстрастно наблюдаю течение звезд. А там? Наблюдать шум толпы, следить за тем, как растет и крепнет любовь ваша друг к другу?

Она. Милый, милый! Быть может, и с счастьем своим я рассталась навеки! (Обнимает Его и плачет на его груди.)

Он. Как вы, женщины, счастливы. Вам дан сладостный дар слез.

Человек земли. Пора. Мы должны идти теперь же, иначе будет темно в горах.

Она (Ему). Прости. Прости, милый. Никогда не забуду тебя. Никогда не вырву из моего сердца образа твоего..

Он. Не надо плакать. Должно быть, есть высокая справедливость в том, что с нами совершается. Благодарю тебя за все, что ты мне дала. Ведь того, что было, никто от нас не отнимет. Пусть этим озарится отныне печальная моя жизнь.

Она. Теперь я вижу, какой ты большой и прекрасный и как я слаба и мала. Но сила сильнее моей воли увлекает меня, сильнее жизни, сильнее смерти. Прощай.

Человек земли. Мне прискорбно, что я причинил вам горе. Но что же делать? Сердце свободно, и человек должен жить так, как ему приказывает его свободная душа.

Он. Ошибаетесь, – свобода здесь, со мною, а не там, не с вами. Но не будем спорить, это бесполезно. Еще долго будет человек, жаждущий истины, обнимать ее лживый призрак. Милая, единственная и последняя моя любовь, да благословит тебя небо. Тяжелый венец высокого призвания, который ты с себя сбрасываешь, да заменит тебе Господь легким венцом счастливой и радостной жизни.

Обнимает Ее и целует. Она плачет.

(Человеку земли). А вам я благодарен.

Человек земли. За что же? Я – причина таких страданий. Я разрушил счастье ваше.

Он. Вы рассеяли призрак, вы привели с собою правду, которой я не знал. Я возносился слишком высоко, – вы доказали мне, что я еще не победитель, что земля не созрела и сроки не исполнились.

Человек земли. Побеждает живая жизнь. Простите.

Она и человек земли уходят. Он долго смотрит вслед за ними. Собака ласкается к нему, Слуга стоит в стороне и смотрит на него с жалостью и любовью.

Он. Как радостно было ее лицо, когда она уходила с этим человеком! Как легко идет она с ним! Заботливо показывает ему дорогу, – как будто для того только она и узнавала изгибы высоких путей, чтобы так легко уйти с этих высот.

Слуга. Женщина ушла от тебя, господин, – только женщина.

Он. Вся моя жизнь ушла с нею.

Слуга. Ты сам остался, великий и мудрый, и с тобою остались мы, верные, слуга и собака. Не грусти, так бывает в жизни. Сердце женщины изменчиво и непостоянно.

Он. Во что же я верил, как в истину жизни и любви? Достаточно было прийти другому, и любовь моя открыла иной свой лик!

Слуга. Работай над тем же, над чем ты работал и прежде, а мы так же верно будем служить тебе и оберегать тебя.

Он. Прекрасное, далекое небо, неизмеримое пространство одушевленных единою волею миров, ты, вечный символ единой воли, движущей мира, ты простираешь надо мною свой величавый, умиротворяющий покров. Ты мне поможешь, ты укрепишь меня. Снова буду работать, снова искать вечной истины, искать пути к познанию истины. Дай мне силы, дай мне силы быть одному!

Собака ласкается к нему. Слуга мрачен. Слышна жалобная песня вечерней свирели.

Действие третье

Внизу, на земле, в роскошном доме Человека земли.

Кабинет, через открытые двери которого видна столовая. Убранство пышное и богатое, обличающее вкус слишком общий и банальный, – все, как в фешенебельных ресторанах.

Только что окончился завтрак. Гости переходят то из столовой в кабинет, то обратно. Все очень веселы, вся эта собравшаяся здесь разношерстная компания, – дельцы, журналисты, торгаши, дамы, слишком эффектные. Слышен смутный гул веселого разговора, в котором иногда выделяются несколько фраз, когда говорящие подходят к зрителю.

Человек земли в своем кабинете полулежит в кресле и курит сигару. У него вид человека, уже успевшего привыкнуть к своему богатству, но еще не успевшего или не сумевшего отвыкнуть от тщеславных замашек. К нему подходит то один, то другой и говорят что-то, по большей части с видом почтительности или даже подобострастия, она иногда появляется, тихо разговаривая с кем-нибудь из гостей. Очень хороша в своем элегантном наряде. Видно, что здешние дамы внушают ей некоторый страх, она обращается к ним с видом принуждения.

Несколько разноцветно одетых дам собрались в кабинете около круглого стола, на котором лежали спортивные журналы. Они курят тоненькие папиросы, пьют кофе и ликер. Раскраска их лиц соответствует кричащим тонам их платий, и в общем все это дает довольно колоритное, хотя и грубое сочетание цветных пятен. Голоса и жесты свободны, но вульгарны.

В начале действия одна из этих дам, в красном платье, стоит отдельно, в дверях, и говорит довольно приятным голосом под аккомпанемент игры на рояле:

Две проститутки и два поэта,
Екатерина и Генриетта,
Иван Петрович Неразумовский
и Петр Степаныч Полутаковский,
Две проститутки и два поэта
Сошлись однажды, – не странно ль это?
У богомолки княжны Хохловой
в ее уютной квартире новой.
Две проститутки и два поэта

Мечтали выпить бокал «Моэта»,
Но богомолка их поит чаем,
И ведь не скажут: «Ах, мы скучаем!»
Две Проститутки и два поэта,
Как вам противна диета эта!
Но что же делать? Княжна вам рада,
В ее гостиной скучать вам надо.
Две проститутки и два поэта,
Чего вы ждете? Зачем вам это?
Зачем в гостиной у доброй княжны
Вы так приличны и тошно-важны?
Две проститутки и два поэта,
И тот и этот, и та и эта,
Вновь согрешите в стихах и в прозе,
И в ресторане, и на морозе.
Пьяный художник. Ерунда! Декадентство!

Адвокат. Ничего, забавно.

Биржевик. Я признаю только классическое искусство. Ну и Оффенбаха.

Слышны и другие подобные восклицания. Дама в красном отходит к другим разноцветным дамам.

Дама в желтом. Очень мило. А слышали вы новость? Маленькая Берта бросила своего дохлого дипломата.

Дама в голубом. Давно пора. Он скучен и глуп. С кем же она теперь?

Дама в желтом. С толстым бароном.

Дама в голубом. Нашла сокровище!

Дама в красном. Этот толстяк – дурак ужасный, но забавен и не скуп.

Дама в зеленом. Но это все – прошлогодний снег. А вот самая свежая новость – гусар Додо застал свою Рыженькую, можете представить, с кем? С новым художником, фиолетовым Чертом!

Дама в желтом. Да не может быть! Ай да Рыженькая!

Дама в зеленом. Можете себе представить, какая физиономия была у гусара!

Дама в голубом. Бедняжка Рыженькая!

Дама в красном. Фиолетовый Черт еще беден, а Рыженькая привыкла.

Дама в зеленом. Везде измены. И у нашего амфитриона, – его прежняя страсть рвет и мечет.

Дамы оглядываются на Человека земли и начинают говорить тише.

Дама в желтом. Это и понятно, – они так долго были вместе.

Дама в зеленом. А что ее особенно злит, вы знаете?

Дама в красном. А что?

Дама в зеленом. Да ведь наш любезный амфитрион через нее получил эту концессию, которая его обогатит.

Дама в голубом. И сейчас же ее бросил! Хорош!

Дама в зеленом (уверенно). Она ему будет мстить. Пожалуй, и концессию от него отнимут.

Дама в желтом. Тише, – он смотрит сюда.

Смеются. Уходят. Человек земли, словно догадываясь, что о нем была речь, встает и делает несколько шагов по кабинету.

Торгаш (подходя к Человеку земли). Как же насчет картины?

Человек земли. Я уже вам сказал, – это дорого. Столько я не дам.

Торгаш. Дайте же и мне сколько-нибудь нажить.

Человек земли. Много нажить хотите.

Торгаш. Тем живем. Не могу же я уступить за свою цену. Помилуйте, какой же расчет!

Человек земли. Вы заплатили художнику за эту картину всего только шестьдесят рублей, а с меня хотите взять шестьсот. Это уж слишком!

Торгаш. Клянусь вам, я заплатил гораздо больше. Да еще присчитайте мои расходы – разъезды, потраченное время.

Человек земли. Художнику нужны были деньги дозарезу. Его любовница уже начала скучать, и он продавал направо и налево все, что только мог продать. Вот тогда-то вы к нему и пришли. Вы умеете пользоваться моментом.

Торгаш. Откуда вы это можете знать? Не верьте тому, кто вам рассказывает это.

Человек земли. Полно, неужели вы думаете, что я интересуюсь сплетнями! Уж если я говорю, значит, я знаю это верно, поверьте.

Торгаш. И правда, вы все знаете. Вас не обманешь.

Человек земли. И не пытайтесь обманывать, – ничего из этого не выйдет.

Торгаш. Хорошо, я вам пришлю картину, но вы должны что-нибудь прибавить.

Человек земли. Хорошо. Сойдемся. У меня к вам есть более интересное дело.

Отходят в сторону и говорят тихо.

Банкир. Наш хозяин на этом деле заработает миллионы.

Железнодорожник. Ну, это зависит...

Банкир. Да? Вы думаете?

Железнодорожник. Он не брезгует никакими средствами, но на этот раз против него ведут интригу.

Банкир. Да? Скажите! И не секрет, кто?

Железнодорожник. Cherchez la femme.

Банкир. O la-la!

Смеются и проходят.

Адвокат. Не понимаю, почему на меня так нападают за это дело.

Пьяный художник. Милый, да ведь он – прохвост, и его нельзя защищать.

Адвокат. Почему же нельзя?

Пьяный художник. Да ведь пакостное дело, грязное, такого прохвоста нельзя защищать, гадко, пойми, свинья ты этакая.

Адвокат. Я понимаю твою экспансивность, но согласись, что с такую прямолинейностью далеко не уедешь.

Собрание пьес. книга 2. Фёдор Сологуб sologubfyodor.ru
Отходят. Человек земли и Торгаш смеются.

Человек земли. О подробностях мы с вами поговорим после. Вы знаете, со мною выгодно иметь дела.

Торгаш. Кто же этого не знает! Вы – человек широкого размаха, сами славно живете и другим жить даете. Притом же и в средствах вы не стесняетесь.

Человек земли. Двусмысленная похвала!

Смеются и отходят.

Делец (Журналисту). Наш милейший хозяин – очень талантливый деятель.

Журналист. Да, я не знаю более талантливого дельца.

Делец. Это – человек большой инициативы и обширного ума. Но иногда он бывает чересчур смел.

Журналист. Пока его смелость постоянно оправдывалась.

Делец. Пока. Скажу вам по секрету, – против него готовится очень хитрая интрига.

Журналист. Да? В самом деле? Это – очень интересно. Но в чем же дело?

Делец. Как всегда, ищите женщину. (Озираясь кругом, наклоняется к уху Журналиста и шепчет.)

Журналист (смеется). Это презабавно.

Делец. Не правда ли, хитро придумано? Наш амфитрион может взлететь.

Журналист. Да еще как!

Делец. Если от него отнимут концессию.. Только смотрите, никому ни слова.

Журналист. Конечно, само собою. За кого же вы меня принимаете? Мне не надо повторять этого.

Журналист отходит. Делец подходит к Человеку земли.

Делец. Хоть это и против моих правил, но единственно только из сочувствия к вам я хочу вас предостеречь.

Человек земли. От чего?

Делец. Напрасно вы вмешиваетесь в это дело о железной дороге. В этом заинтересованы многие, и вы рискуете очень многих вооружить против себя.

Человек земли. Ну, этого я не боюсь. Волка бояться – в лес не ходить.

Делец. Право, вам бы лучше было от этого дела воздержаться.

Человек земли. Вы всегда становитесь мне поперек дороги. Надо же и мне зарабатывать.

Делец. Но вы врываетесь в нашу сферу.

Человек земли. А мне кажется, вы в мою.

Делец. Что ж, хотите побороться? А не лучше ли было бы нам прийти к соглашению?

Человек земли. Да о чем же и я говорю с самого начала!

Отходят.

Дама в желтом. Душенька, да это же все знают.

Она. Я этим совсем не интересовалась.

Дама в желтом. Это же так понятно. Конечно, какое же вам дело до того, что было до вас! Мужчины без этого не могут. Но я вам говорю это потому, что она ужасно раздражена, и я не знаю, на что она способна.

Она. Он меня любит, – до остального мне нет никакого дела.

Дама в желтом. Ах, душенька, я только хотела вас предостеречь.

Отходят.

Журналист (Человеку земли). Нет, вы не скажите, – поддержка нашей газеты чего-нибудь стоит.

Человек земли. Однако, говорят, ваша газета дышит на ладан.

Журналист. Ну, вот, что за вздор!

Человек земли. Говорят, подписка упала, да и розница уже не прежняя, да и объявление не так богато, как раньше.

Журналист. Ну, мало ли что говорят! Вы только послушайте людей, так они скажут, что и вы накануне банкротства.

Человек земли. Ну, уж это слишком.

Журналист. Газета пойдет хорошо, об этом что и говорить. Нам надо только теперь перехватить денег.

Человек земли. Вот то-то!

Журналист. Поверьте, вы не прогадаете, если возьмете наш вексель.

Человек земли. Что ж, подумать можно.

Отходят. Гости понемногу начинают расходиться.

Дама в голубом. На кого же мне играть?

Человек земли. На Апаша и на Монгола.

Журналист. Обманет Апаш. Он уже и в прошлом году брал с трудом.

Делец. Что касается меня, я предпочитаю Алгвазила.

Дама в желтом. Ну, нет, на эту лошадь я не ставлю.

Дама в лиловом (улыбаясь приятно и не смешиваясь с веселыми дамами, ласково говорит с Нею). Я так сочувствую вашей тоске, так понимаю это состояние, когда любишь одного, но все еще так больно вспоминать прежнюю любовь.

Она. Не могу не вспоминать.

Дама в лиловом. Он вас очень любил?

Она. О да!

Дама в лиловом. Но ведь он был гораздо старше вас. Как вы могли быть вместе?

Она. Он жил в волшебном царстве мечты, и я была обвеяна чарами вдохновения и восторга. Я никогда не думала о том, что он немолод. Сердце его было молодо и до смерти останется таким.

Дама в лиловом. Да, но вот приходит другая любовь, и все меняется. Как это странно! Мы должны всегда жить только настоящей минутой. Как горько ошибается тот, кто мечтает о вечной любви! Да что о вечной! Хоть бы долгая! Но теперь вы счастливы?

Она. Не сумею сказать, как я счастлива. Я чувствовала бы себя счастливейшей из женщин, если бы не печаль о том, кого я оставила, и о том, что я потеряла. Мы звали его с собой, но он не захотел.

Дама в лиловом. Это понятно, – он уже привык к своему уединению. В его возрасте трудно менять привычки.

Все гости ушли. Остались Она и Человек земли.

Она. Кажется, все ушли наконец.

Человек земли. Ушли. Ты устала? Они тебя утомили.

Она. Ах, эти ужасные люди! Эти слишком бойкие дамы! И эти вечные разговоры о деньгах! Неужели без них нельзя.

Человек земли. Не думай об этом. Все это мои заботы. А с тобою я только счастлив, только люблю. С тобою я отдыхаю от всей этой суеты, утомительной, но не бесполезной.

Она (обнимая его, страстно). Люблю, люблю! И весь бы день хотела быть с тобою! Только с тобою.

Человек земли. Пожалуй, я бы тебе скоро надоел, если бы мы ни на минуту не расставались.

Она (подходя и обнимая). Нет, нет! Я все в тебе люблю, все, – и этот гордый лоб, и эти зубы, слишком белые, и эти волосы, чересчур непокорные. И ненавижу всех этих ужасных людей, которые отнимают тебя от меня. Даже к сну тебя ревную, – несносный сон так укорачивает нашу жизнь. Я хотела бы две, три жизни прожить с тобою, не разлучаясь ни на минуту. Так вот – глаза в глаза, и в сердце безмерное упоение любви.

Человек земли. Жизнь моя, как я тебя люблю! Как я рад твоей любви! Душа моя всегда с тобою, чем бы я ни был занят. И во сне я с тобою, всегда нераздельно твой.

Она. Все эти люди отнимают у тебя так много времени, так много вниманья. Всего, что дорого мне.

Человек земли. Все это – нужные люди, без них нельзя.

Она (мечтательно) Когда он там, на горе, уходил на свою башню наблюдать звезды, я знала, что он все же со мною, что в звездных неизмеримых пространствах он видит мой бездонный взор, и я сама чувствовала мою душу слитою с душой пространств.

Человек земли (надменно улыбаясь). А я блеск звезд заковал в бриллианты, рубины и яхонты и пролил его на твою грудь и на твои волосы, потому что я люблю тебя так, как не умеют любить мечтатели.

Она. Да, ты радуешь меня и балуешь, как ребенка, но когда ты уходишь от меня, я не знаю, не забываешь ли ты меня в то время. Я тогда думаю, что земля холодеет, что любовь оскудевает, и мне вдруг делается страшно.

Человек земли. Не бойся, моя златокудрая, – солнце наше еще не скоро погаснет.

Она. А иногда – другой страх. Может быть, эти веселые, развязные дамы...

Человек земли. Какой вздор! Как можешь ты сравнивать себя со всеми этими дамами! Да из них лучшая не достойна служить у тебя в горничных!

Она. И как деньги могут напомнить тебе мое лицо, мои глаза?

Человек земли. Напомнить?

Она. Да. Он смотрел на звезды и мои глаза видел в них.

Человек земли. Ах, да, ты об этом! Ну что ж, – у тебя волосы такого же цвета, как золото в монете.

Она. Какое сравнение!

Человек земли. Разве неверное?

Она. Не то что неверное... Да и мои волосы значительно темнее. Ведь я же не рыжая.

Человек земли. Золото – благородный металл. Среди вещей нет ничего лучше и красивее золота. И голос твой звонок, как звук червонцев один о другой, – знаешь, этот волшебный, благородный звон золотых монет.

Она. Меня это не радует.

Человек земли. Почему, маленькая капризница?

Она. Волосы мои и мой голос тебе напоминают золото, а не золото меня.

Человек земли. Пожалуй, что и так.

Она. Чему ж мне радоваться?

Человек земли. Как погрузишься во все эти увлекательные дела, так о любви и не думаешь. Весь бываешь захвачен упоением и радостью созидания. Подумай только, – ведь это мы, техники и строители, – хозяева жизни. Что захотим, то и сделаем с миром. В пустыню проведем каналы, океаны соединим, воздвигнем города среди лесов, проведем дороги через горы, повесим мосты над безднами. Весь лик мира изменим. Построим плотину в океане – и растопим полярные льды. Голова кружится, когда думаешь обо всем, что мы можем. До любви ли! Любовь – только отдых.

Она. Только отдых?

Человек земли. Сладкий отдых, надо отдать ей справедливость.

Она. А там, наверху, любовь была для нас жизнью.

Человек земли. Ну, это понятно. О чем же еще там можно было думать? Ведь он жил мечтой.

Она. Но это было так хорошо, так наполняло жизнь! Я была его любовью и его жизнью.

Человек земли. Однако ты оттуда ушла.

Она. Да, я полюбила тебя и к тебе ушла.

Человек земли. А теперь ты тоскуешь?

Она. Бесконечная жалость к нему в моем сердце. Любовь ушла от него, – но я знаю теперь, что для него любовь – жизнь. Подумай, как печален он и одинок!

Человек земли. Да, теперь, я думаю, там скучновато. Волшебница фея умчалась...

Она. Ты не должен так говорить!

Человек земли. Прости, милая. Я понимаю твои возвышенные чувства. Но что же делать! Человек не должен отказываться от счастья из-за жалости.

Слышен стук в дверь. Она вздрагивает и смотрит на дверь тревожно и боязливо. Человек земли хмурится.

Она. Войдите.

Входит лакей и подает карточку. Человек земли читает карточку; лицо его выражает досаду и смущение. Нерешительно смотрит на Нее.

Она. Опять какое-нибудь неприятное посещение?

Человек земли (нерешительно). Да. Знаешь, дорогая...

Она. Мне уйти?

Человек земли. Да, видишь ли...

Она. Хорошо, я уйду, если хочешь, – хоть и печально уходить, едва только мы остались одни.

Человек земли. Милая, разве я рад этим посещениям? Если хочешь, я велю не принимать.

Она (всматривается в его лицо, чтобы не сказать того, что ему будет неприятно. Задумывается на минуту, наконец решается и, подавляя вздох досадливой печали, говорит). Нет, зачем же! Не можешь же ты замкнуться от всех. Да мне и самой надо отдохнуть. Не сердись, милый, – эти люди меня утомили, может быть, потому, что они мне совсем чужие. Мне кажется, я к ним никогда не привыкну.

Человек земли. Пустое! Привыкнешь скоро, и тебе будет легко. Иди же, моя милая.

Целует ее нежно и как бы слегка смущенно. Она уходит, на пороге задерживается немного и бросает на него нежный взгляд.

Человек земли (лакею). Проси.

Лакей уходит. Человек земли досадливо ходит по кабинету. Лицо у него хмурое и даже злое. Быстро входит нарядно и с большим вкусом одетая Другая.

Она очень красива. Лицо ее выдает смятение, печаль, ревность. Когда она видит Человека земли, ее глаза становятся вдруг радостными и влюбленными. Человек земли делает любезное и веселое лицо и с ласково протянутыми руками идет ей навстречу.

Человек земли. Милая, это очень любезно, что ты захотела ко мне заглянуть! Хотя я и анафемски занят, но с удовольствием поболтаю с тобою четверть часика. Не хочешь ли вина?

Другая. У тебя был пир. Нет, я не хочу вина.

Нервно-порывистыми движениями снимает перчатки. Бросает быстрый взгляд на отражение свое в зеркале, что над камином.

Человек земли. Какой там пир! Пришлось позвать кое-кого из нужных людей.

Другая. Ну, еще бы! Тебе многие нужны, и ты всегда с людьми, которые тебе полезны. Ты и со мною был, когда еще не был сильным, потому что я часто помогала тебе.

Человек земли. Не потому, вовсе не потому. Ты знаешь...

Другая. Знаю, знаю все, что ты можешь мне сказать. Однако, что ж это, серьезно?

Человек земли. Что, милая? О чем ты говоришь?

Другая. Он не понимает! Ты решился бросить меня для этой простушки, которую вывез из какой-то Аркадии? Для нее, которую ты отбил от мужа, наговоривши ей всего того, что и мне в свое время?

Человек земли. Потихе, милая, не надо сердиться, – что было, то прошло. Сердцу не прикажешь, – не нам менять его законы.

Другая. Разве я тебя не любила? Разве ты меня не любил? Разве ты забыл все, что было? Забыл всю мою нежность, все мои заботы, мои труды и унижения из-за тебя? Забыл, как я делила твою бедность, как я помогала тебе во всем?

Человек земли. Право, милая, я у тебя не в долгу! Если ты делила со мною свое

Собрание пьес. книга 2. Фёдор Сологуб sologubfyodor.ru
время, то ведь и я делил с тобою что мог. Из маленькой звездочки я тебя сделал блестящею звездою, – не я ли вывел тебя в люди?

Другая. Вот как ты разговариваешь со мною! Не так, как прежде, когда ты смотрел на меня, как на богиню, сошедшую к тебе с Олимпа.

Человек земли. Будь благоразумна. Жаловаться тебе не на что, – я поставил тебя на хорошую дорогу, без меня бы ты..

Другая. Не беспокойся, не пропала бы и без тебя. Но разве я пришла к тебе счета сводить? Не хочу и говорить с тобою о том, что и последнюю концессию ты получил через меня. А ведь она тебе даст миллионы.

Человек земли. Я этого не забуду. Ты получишь свою долю.

Другая. Молчи! Мне этого не надо. Разве я этим дорожу? Я тебя люблю, – понимаешь ты это? Понимаешь ты, что не все покупается и продается?

Человек земли. В моих руках ты приобрела такой блеск, такую репутацию, – не можешь же ты это отрицать!

Другая. Слушай, я не шутить с тобой пришла! Значит, все эти твои слова, все эти клятвы, которые ты так щедро расточал мне..

Человек земли. Брось! Скучно!

Другая. И ласки твои, и безумие, в котором мы с тобою утопали... Значит, все – обман, и все твои уверения – пустые, лживые слова! А я так верила, так верила! Нет такой святости, в которую люди верят больше, чем я в тебя верила. Безумие моей любви, безумие моей жизни было моею радостью, всем, чем я жила. И теперь в душе моей ничего нет.

Человек земли. Ну, ну, успокойся.

Другая. Скажи – ты ее любишь?

Человек земли. Люблю.

Другая. Но ведь ты и меня любил! Люби же меня и теперь! Ты – прекрасный, ты – сильный, у тебя душа широкая, как мир, как твои орлиные замыслы. Разве в твоей душе не вместятся две любви, две жизни? Разве ты такой же, как все эти маленькие, презренные людишки?

Человек земли. Что ты говоришь, безумная? Души нельзя разделить пополам. Уйди от меня.

Другая. Слушай, – ты дорого за это заплатишь! Ты недолго будешь блаженствовать с твоею аркадскою пастушкою.

Человек земли (мгновенно раздражаясь и бешено хватая ее за руку). Молчи! Не смей говорить о ней.

Другая. Тише, грубый варвар! Ты делаешь мне больно. Ты одичал там, в горах. Пусть она святая, а я грешная, но разве у человека не могут быть две жены? Скажи, разве не могут?

Человек земли. Но разве же это будет любовь?

Другая. О, любовь! Что ты знаешь о могуществе любви? Видишь, я даже не ревную, так я тебя люблю. Пусть, пусть и она будет, если ты ее любишь, – но люби и меня, люби, мой милый! (Плачет и становится перед ним на колени.)

Человек земли (поднимая ее). Пойми, – я ее люблю!

Другая. Когда уста к устам приникнут, разве есть иная? О, люби меня, люби! Сохрани нашу любовь!

Человек земли (отходя от нее). Разве ты не понимаешь, что возврат к прошлому

невозможен?

Другая. Невозможен? Так ты меня отталкиваешь? О, я этого не забуду! Разве не знаешь ты, что любовь – сестра ненависти? Не знаешь? Отомщу тебе за все мои страдания!

Человек земли. Что за вздор ты говоришь? И чем ты можешь мне отомстить?

Другая. Не хочешь ли ты, чтобы я тебе рассказала все наперед? Нет, прекрасный изменник, я нанесу тебе удар там, где ты не ожидаешь. (Хохочет.)

Человек земли. Ты, право, забавна!

(Смеется.)

Другая (перестала хохотать и смотрит на него глазами, вдруг заблиставшими по-змеинному. Она подходит к нему близко, дрожит и говорит очень тихо и очень внятно). Подожди, тебе будет не до смеха. А что ты скажешь, если я оболую твою новую любовь серною кислотой? Будешь смеяться? Забавна тебе будет эта безобразная маска на ее лице?

Человек земли (с яростью). Не смей говорить этого! Не смей даже и думать ни о чем подобном! Я тебя так скручу, что ты...

Другая (быстро овладевает собою. Она отходит в сторону, смотрит на него холодными глазами и говорит почти спокойным голосом). О, как страшно! Как это любезно – топтать ногами и кричать на меня! На меня, которая только что стояла перед тобою на коленях и целовала твои руки.

Человек земли. Но как же ты смеешь грозить мне? И чем грозить!

Другая. Но ведь я страдаю!

Человек земли. Если даже допустить глупую мысль, что я в чем-то виноват перед тобою, то в чем же перед тобою виновата она, которой ты грозишь таким ужасом? Или сердце у тебя звериное?

Другая. Ты не понимаешь шуток! Что ж, ты и в самом деле думаешь, что я пойду на такое гнусное дело – облить кого-то серною кислотой? Я не так зла и не так глупа!

Человек земли. Зачем же ты говоришь?

Другая. Я сама не знаю, что говорю. Я несчастна! Я так страдаю! Но я была более высокого мнения о твоей пронизательности! Ах, у меня голова кругом идет, я ничего не понимаю, мне так тяжело, так горько! Умереть бы, умереть!

(Порывисто садится, почти падает в кресло, и нервически рыдает.)

Человек земли (нетерпеливо ходит по кабинету, потом подходит к Другой). Успокойся, милая. Что было, то прошло, а прошлого не воротить.

Другая. Не надо, не надо, чтобы проходила любовь! Такая любовь, как моя!

Человек земли. Что же мне делать! Я снова влюблен, и не менее страстно, чем тогда, когда я тебя встретил.

Другая. Можно влюбляться сотни раз, но разлюбить нельзя. Пойми, жестокий!

Человек земли. Если бы ты знала, как она прекрасна, как умна, как нежна! Какие у нее золотые волосы! Как она улыбается!

Другая. Хоть бы из милосердия ко мне не говорил об этом! Да, так ты улыбаешься другой, ты целуешь другую! О, твоя улыбка! О, я слишком хорошо ее знаю, слишком изучила поцелуй этих уст, похожих на спелую гранату! А улыбка твоя! От нее сердце во мне задрожит и словно выпрыгнуть хочет.

Человек земли. Ты мне льстишь. Я ведь не златокудрий поэт, не превыспренный

Собрание пьес. книга 2. Фёдор Сологуб sologubfyodor.ru
мечтатель. Я не улыбаюсь, – я строю дороги и мосты.

Другая. О, вспомни, вспомни, что за блаженные часы мы проводили там, в нашем благословенном уголке, где теперь без тебя так мертво, так пусто! (Становится перед ним на колени.) Сжался надо мною, сжался!

Человек земли (стараясь ее поднять). Ну, полно, полно. Встань. Могут войти.

Другая. Я бросила для тебя человека, который так меня любил! Он ветерку не давал до меня коснуться. А ты – ты растоптал меня и отшвырнул, как ненужную тряпку. О, ты – жестокий! Какой жестокий!

Человек земли (досадливо). Встань, милая, прошу тебя. Право, все это совершенно ни к чему! Упрекать нам друг друга не в чем. Любовь – это живой цветок. Она или растет с каждым днем, или отцветает.

Другая. Жестокий! О, какой ты жестокий! Ведь ты для меня – последний и единственный. После тебя никого не полюблю, никого, никогда! Вся моя жизнь была в тебе. Без тебя – смерть.

Человек земли. Ну, полно, без трагедий!

Другая (порывисто встает). Не надо трагедий! Зачем трагедии! Вся жизнь наша – забавный фарс. (Вытирает слезы. Подходит к зеркалу, долго смотрит на себя. Берет перчатки и опять их бросает.)

Человек земли. Жизнь – не трагедия и не фарс.

Другая. Ты все знаешь, ты знаешь жизнь. Что же такое эта жестокая жизнь?

Человек земли. Жизнь – труд, созидание. Радость жизни – творить то, чего не было, творить из упрямого материала, побеждать сопротивление.

Другая. Побеждай! А мои слезы... Да нет, что о них говорить! Так ты хочешь, чтоб я утешилась?

Человек земли. Ну конечно! Будь же благоразумна! Мир широк, утешений в нем много.

Другая. Хорошо, если ты этого хочешь! Как мне ни трудно, но что ж делать! (Смеется, опять смотрит на себя в зеркало и намеренно делает спокойное, почти веселое лицо, как искусная актриса, привыкшая перевоплощаться.)

Человек земли. Ну вот, так-то лучше.

Другая (подходит к окну, смотрит на улицу, молчит. Говорит медленно, как бы нерешительно). Но нельзя, чтобы мы так расстались. В память всего того, что между нами было, я прошу тебя об одном, – ты это исполнить?

Человек земли. А что такое? (Смотрит на нее внимательно и недоверчиво.)

Другая (подходит к нему, кладет руку на его рукав и говорит нежно, вкрадчиво). Нет, ты обещаешь сначала, что исполнишь то, о чем я буду тебя просить.

Человек земли (пожимая плечами). Как же я могу обещать, когда я не знаю, что ты придумала!

Другая (насмешливо). Ты боишься? Ты думаешь, что я замышляю что-то коварное! Ты боишься слабой женщины! О вы, храбрые мужчины!

Человек земли. Я ничего не боюсь, но согласись сама, что очень странно соглашаться на что-то, а на что, неизвестно.

Другая. Так ты исполнишь то, о чем я тебя попрошу?

Человек земли. Если это в моих силах, то, конечно, исполню.

Другая. Ну вот, обещал, и спасибо. Не бойся – ничего страшного и коварного. Я

Собрание пьес. книга 2. Фёдор Сологуб sologubfyodor.ru
только хочу тебя просить, чтобы ты еще один раз – последний раз – провел со мною несколько часов. Мы поедем куда-нибудь за город и покутим немного – справим по нашей любви тризну. Хорошо? Согласен?

Человек земли (улыбаясь несколько принужденно). Я обещал и исполню.

Другая. Скрепя сердце?

Человек земли. Нет, с большим удовольствием. Если бы мне это было неприятно, я бы отказался. Когда же ты хочешь?

Другая. Ты заедешь ко мне в среду утром, – хорошо?

Человек земли. Лучше в четверг.

Другая. Четверг так четверг. Заезжай, а потом поедем в автомобиле. Я покажу тебе одно живописное место, где мы с тобою еще ни разу не были. Ты не боишься?

Человек земли. Какой вздор! Чего же мне бояться?

Другая. А может быть, я застрелю тебя по дороге.

Человек земли (с презрительным, почти обидным смехом). Оружие смерти в руках женщины не страшно. Если бы ты и захотела, со мною тебе бы это не удалось. Трусом я никогда не был.

Другая. Разве ты не боишься смерти?

Человек земли. Умирать не имею ни малейшего желания, но и бледное лицо смерти меня устроить не может. Не раз уж заглядывал я в ее пустые глаза.

Другая. А если мой шофер мрачно смотрит на жизнь и мечтает о самоубийстве? Что ты на это скажешь, мой милый? Ты, кажется, побледнел? Ты вспомнил мрачное лицо моего Германа?

Человек земли. Ты говоришь глупости, и мне досадно тебя слушать. Если он мечтает о самоубийстве, то при чем же мы тут?

Другая (смеется). Ну, мало ли при чем? Да он, может быть, прыгнет вовремя и спасется.

Человек земли. Мечтающий о самоубийстве? Нет, милая, ты окончательно запуталась. Я не боюсь твоих угроз, и твои намеки оставляют меня равнодушным. Решено, я еду.

Другая. Спасибо, милый! Вот таким я тебя полюбила и таким люблю, – бесстрашным, прекрасным, сильным!

Бросается к нему на шею и рыдает. Порывисто целует его, вырывается из его объятий и уходит.

Человек земли мрачно смотрит вслед за нею.

Действие четвертое

Вечер. Тот же кабинет, двери в другие комнаты закрыты.

Человек земли и Она.

Человек земли лежит на диване. Он укутан пледом, рука на перевязке, очень бледен. Она встревожена.

Лицо ее заплакано.

Человек земли. Бедная! Что-то с нею теперь?

Она. Ты не волнуйся. Она поправится.

Человек земли. Ты скрываешь от меня. Я по твоим глазам вижу, что ей очень плохо.

Может быть, она уже умерла. Так тяжело, – она меня любила. Она много сделала для меня – и захотела отнять у меня все разом.

Она. Как это все ужасно!

Человек земли. Бедная! Она мне говорила, что отомстит, а я думал, что она только дразнит меня.

Она. За меня она хотела тебе мстить. О милый, милый, как я тебя люблю! Зачем ты поехал с нею?

Человек земли. Она просила. Последний раз. Жалко стало. А эти люди, эти глупые люди! Они воспользовались днями моей болезни, чтобы нанести мне удар исподтишка, чтобы отнять мою концессию. Какая гнусность! Ведь я знаю, что без меня дорогу построят скверно.

Она. Успокойся, не думай об этом.

Человек земли. О, не думать! Теперь я вижу, что все это – нити одной сложной интриги, в которой участвовала и эта безумная женщина. Но что за ужас, что за безумие то было! Темная ночь, мы одни в автомобиле, вдруг я чувствую, что мы мчимся стремительно куда-то вниз, автомобиль клонится на сторону, мы падаем, треск, звон, я теряю сознание. Какой ужас! До сих пор не могу опомниться, не могу понять, что это было, – сон, призрак, кошмар?

Она. Милый мой, не падай духом.

Человек земли. С чего ты взяла, что я падаю духом? Что за вздор! Я спокоен, как всегда. Мне только досадно на всех этих людей. О, какие мерзавцы!

Она. Они завидуют тебе.

Человек земли. Они все были бы очень рады, если бы я сломал себе шею при этом крушении. Вот почему она хотела, чтобы я ехал не на своем автомобиле, а на ее. До сих пор не могу понять, как удалось шоферу вовремя выпрыгнуть. А впрочем, если он был подкуплен и сам устроил это крушение, то что ж тут удивительного.

Она (тревожно). Кто же его мог подкупить?

Человек земли. Кто? Да она же, женщина, которую я любил.

Она. Не может быть.

Человек земли. Я это понял из ее намека, когда она звала меня на эту роковую прогулку.

Она. Милый, зачем же ты поехал с нею?

Человек земли. Да, может быть, мне надо было бы просто-напросто распрощаться с нею и не принимать ее приглашения. Но что было, то было, что жалеть!

Она. Страшно подумать, какая злоба живет в нежном сердце женщины!

Человек земли. Она любила – и не пожалела себя, чтобы отомстить покинувшему ее любовнику!

Она. Бедная! Она слишком дорого заплатила за свой злодейский замысел!

Человек земли. Она умерла? Что же ты молчишь? Ведь я это и без тебя узнаю. Странно, – теперь я почти уверен, что она умерла, но в душе моей нет ни сожаления, ни страха. Я больше способен был бы жалеть совсем чужую мне и незнакомую женщину. Странно! Мне как будто бы все равно, что бы с кем ни случилось.

Она. Ты еще так слаб, – не думай об этом.

Человек земли. Воображаю, как все они были раздосадованы, когда узнали, что я не разбился насмерть.

Она. Многие рады тому, что ты спасся.

Человек земли. Что мне многие! Ты одна для меня дорога, твои слезы и твои улыбки. О, они утешались затеею разорить меня. Они думали, что если им удастся нанести мне такой крупный убыток, то я уже не сумею стать опять на ноги. И правда, убыток велик! Как некстати, что я столько дней должен был лежать и ничего не мог делать!

Она. Ты победишь, не отчаивайся.

Человек земли. Я же тебе говорю, что я совершенно спокоен. Недостает только того, чтобы ты еще расстраивала меня своими утешениями.

Она. Прости, милый! Ведь я так люблю тебя! Так люблю!

Человек земли. Пора бы тебе знать, что я силен и не нуждаюсь в этих бабьих глупостях, в каких-то утешениях.

Она. Я знаю, что ты – сильный и гордый, что никакая сила тебя не сломит. Но ведь я так люблю тебя! Люблю тебя в твоей силе и гордости, люблю и в те минуты, когда ты утомлен и огорчен, когда ты должен отдыхать, как слабый и маленький. Нет на земле человека, который не искупал бы своей силы и гордости минутами усталости и слабости. Ведь для того и приходит к нам любовь, чтобы в ее сладостных объятиях покоилась утомленная сила и в них находила новые источники своей крепости.

Человек земли. Вижу, что тебе непременно хочется утешать меня. Ну что ж, утешай, милая.

Она. Не утешать, нет, – ты в утешениях не нуждаешься, – а быть для тебя единственною, перед которою ты можешь сбросить маску. Все знают тебя сильным, одна я имею право знать тебя иногда и слабым.

Человек земли. Если бы и в самом деле в моей душе таилось чувство неуверенности в себе самом, или утомление, или слабость, я не мог бы даже и перед тобою так распусться, чтобы это было заметно. Настоящей мужчина с таким же лицом заплатит проигрыш, с каким получал выигрыши, хотя бы на ставке стояла жизнь. Я же привык платить проигрыши. Жизнь долго была ко мне сурова. Я привык преодолевать.

Она. Милый мой! Перед мною не надобно так гордиться. Будь ко мне ближе, открой мне свою душу, и никакое горе не будет нам страшно.

Человек земли. Да, тебе я так верю, что перед тобою и в самом деле маску носить не стану. Ты тоже сильная, – я это понял в последние дни.

Она. Любовь сделает нас еще сильнее.

Человек земли. Кажется, я был с тобою нелюбезен, почти груб. Любовь моя милая, прости! Я знаю, что все устроится и моя удача опять вернется ко мне. Но я взбешен всеми этими людьми. Если бы еще они прямо, открыто боролись со мною! А это удары из-за угла, – какая гнусность!

Она. Милый мой, не думай о них. Что нам до этих людей! Они так ничтожны, что о них не стоит и думать. Я с тобою, я никогда не оставлю тебя. Моя любовь не погаснет, хотя бы и земля охладела. (Поправляет подушку под его голову. Он смотрит на нее нежно.) Может быть, ты заснешь? Не уйти ли мне?

Человек земли. Милая, будь со мною, мне легче, когда ты здесь. Да, ты права, – я хочу забыть об этих ничтожных людях.

Она. Возлюбленный мой! Только меня люби, и все будет хорошо. Человек земли вздрагивает и прислушивается.

Она (тревожно). Что с тобою?

Человек земли. Мне слышались сейчас чьи-то шаги.

Она (прислушиваясь). Нет, никого нет.

Человек земли. Может быть, это от моей Звездочки? Или она сама?

Она. Туда, где жизнь и любовь, мертвые не приходят. Забудь обо всем на свете, думай только о моей любви.

Приникает к нему и целует его долго и нежно. В это время дверь тихо открывается. Человек земли и Она, занятые собою, не замечают этого. Входит Слуга.

Лицо его мрачно и значительно. На его руке повязка.

Он вошел тихо и остановился у двери, и кажется, что уже он давно стоит там. Наконец его замечают. И Человек земли, и Она с полминуты смотрят на Слугу с недоумением и страхом. Человек земли с усилием приподнимается.

Человек земли. Кто это? Как ты сюда попал?

Она бросается к Слуге. Берет его за руку, боязливо оглядываясь на Человека земли, и хочет вывести из комнаты. Но Слуга остается неподвижным.

Она (тихо). Зачем ты сюда пришел? Господин болен, ему вредно всякое волнение.

Слуга. Я должен был прийти, к тебе и к твоему господину.

Она. Ты оттуда? Ты принес от него письмо?

Слуга. Вот перстень моего господина. Больше я ничего не принес.

Она. А он где? Что с ним? Отчего ты оставил его? С ним кто-нибудь есть?

Слуга. Ему теперь хорошо. Вот нам всем без него плохо.

Она. Да скажи же наконец, что случилось! Он болен?

Слуга. Я принес вам злые вести.

Человек земли (все это время стоит в стороне и мрачно смотрит на Слугу. При последних словах он порывисто, хотя и с трудом, опираясь на мебель и на стены, подходит к Слуге). Говори скорее, что случилось!

Слуга. Мой господин упал со скалы в море.

Человек земли (садится на кресло, опирается локтями о круглый стол, закрывает лицо руками, шепчет). Погибли! Оба погибли!

Она. Но ты его спас?

Слуга. Господин погиб. Кто хочет смерти, того нельзя спасти.

Она (в отчаянии). Он погиб! Он умер! Я никогда его не увижу, никогда не услышу его голоса, не взгляну в его глаза! Он погиб!

Слуга. Госпожа, он перестал жить в тот же час, когда ты ушла от него. Там, с нами, оставалась только его земная оболочка, — душа его была безжалостно убита. Ты знала, госпожа, что без тебя он не мог жить.

Она. Нет, нет, я не могла знать это!

Слуга. Дни его были томлением, и ночи не приносили ему кратковременных утешений. Уже он не восходил на башню, не следил за течением светил небесных и не прибавил ни одной строки к тому, что было им написано раньше. Он смотрел на дорогу, по которой ты ушла, когда покидала его. Ему незачем было жить.

Человек земли поднимает голову и пристально смотрит на Слугу. На короткое время взоры их встречаются в мрачном поединке. Слуга отводит свои глаза и смотрит на Нее.

Она (плача). Он любил меня, любил, любил!

Слуга. Госпожа, разве ты не знала, что он любил тебя? Жить без тебя он не мог, и смерть пришла, избавительница.

Человек земли подходит к Слуге и всматривается в него. Слуга угрюмо опускает глаза. Человек земли смотрит внимательно на повязку на руке Слуги.

Человек земли. А это что у тебя на руке?

Слуга. Собака кусала. Когда господин умер...

Человек земли (перебивая его). Она защищала своего господина? Ты его убил?

Слуга (решительно и мрачно). Ты его убил. Ты и она, любовь, оставившая моего господина, унесшая душу его.

Человек земли. Как ты смеешь говорить это! Ты, убийца!

Она. Оставь его, не упрекай. Он говорит правду.

Человек земли. Правду? Разве ты не догадываешься, что этот человек, из ложного сострадания к своему господину, убил его и потом труп его сбросил со скалы в море?

Она. Не может быть!

Человек земли (Слуге). Ты не посмеешь сказать, что я говорю неправду. Но ты не понял того, что тоска его прошла бы с годами, и он опять вернулся бы к своей работе. И вот ты самовольно распорядился тем, что тебе не принадлежало, чужую жизнь, и дерзко погасил ее.

Слуга. Ты проникателен, но ты не можешь понять того, что мой господин не мог бы утешиться и позабыть. Он был не из тех, которые забывают и переживают. У него была одна душа, одна любовь, одна истина и одна жизнь. Любовь ему изменила, истина его обманула, и великая, прекрасная душа его умерла. Жить ему было незачем, а это, последнее, – это было только падение тела в воду и больше ничего. Не все ли равно телу, лишенному души, в каком положении и в каком месте ему находиться!

Человек земли. Ты слышишь, он и не пытается отрицать, что убил его! Он еще пытается оправдываться! Пустыми софизмами он хочет доказать, что был прав!

Она. Оставь его. Он говорит правду. Я виновна в этой смерти.

Человек земли. Ты хочешь сказать, что считаешь и меня в чем-то виновным?

Она. Нет, нет. У тебя есть другая, умершая оттого, что ты ей изменил. Я не должна была уходить от него! Я должна была остаться! Должна, – вот я чувствую теперь, что это – не пустое слово! Совесть говорит мне об этом.

Горько плачет. Человек земли стоит в тягостном раздумье. Слуга неподвижен и холоден, как неживой.

Человек земли (Слуге). Расскажи, как это случилось.

Слуга. С тех пор как госпожа ушла, господин все время тосковал. Иногда он уходил вниз, к морю, и смотрел на волны, которые унесли госпожу в далекий путь.

Она. О, лучше бы мне было потонуть в этом море!

Слуга. В тот вечер он долго стоял на вершине скалы. Солнце только что опустилось в воду, заря пылала, и в лучах зари так прекрасно было лицо моего господина. Я видел, что вся душа у господина изникла из его тела. Мне стало жаль его. Я отвернулся.

Человек земли. Ты столкнул его со скалы?

Собрание пьес. книга 2. Фёдор Сологуб sologubfyodor.ru

Слуга. Он упал в море. Рыбаки поспешили на помощь, привлеченные моими громкими криками и яростным воем собаки. Господина вытащили. Но он уже был мертв – разбился о камни. Мы его похоронили у подножия этой скалы. Собака издохла от тоски на могиле господина, а я пришел сюда рассказать.

Человек земли. Благодарю. Отдай госпоже этот перстень и иди. Ты устал и голоден, – там тебя накормят и успокоят.

Слуга тихо уходит. Кажется, как будто его и не было, как будто это было явление из мира призраков.

Она. Что же это? Что же это? Боги мстят?

Человек земли. Мужественно встретим и это новое испытание. Мы почерпнем силу в нашей любви. Любовь сплетет нам новые сети, которыми привяжет нас к жизни, и увенчает нас новыми радостями.

Она. Как пережить эту смерть? Он умер! Он, самый мудрый, самый кроткий! Он, которому жалко было сломать стебелек цветка! Он, который бережно расправлял крылышки упавшей из гнезда ласточки! А его никто не пожалел, когда я, ослепленная, покинула его, и он остался один над мрачными безднами. И одну только услугу мог оказать ему его последний верный, это – столкнуть его в море!

Человек земли. Мы поедem на его могилу, мы будем свято чтить его память.

Она. Как он молился, как страдал, один, один, всеми забытый и оставленный! А в это время я, его единственная, утопала в безумной и ненужной роскоши, упивалась грешными твоими поцелуями!

Человек земли. Зачем ты говоришь так! Ты остановила свой взор на покойном и терзаешь своими словами сердце того, кто жив, кто любит. Я не могу слушать этих твоих укоров.

Она. Разве я тебя укоряю? Я сама во всем виновата, одна виновата во всем.

Человек земли. Умиравший нередко находит счастье в самой смерти своей. Он умер с мечтою о тебе и, умирая, был счастлив. Если он тебя действительно любил, он должен благословлять твое счастье, а чрезмерное отчаяние твое ему должно быть тягостно и за гробом, как доказательство того, что и смерть его была жертвою непринятою.

Она. Зачем жертвы?

Человек земли. Разве ты не знаешь, что благородное сердце любит приносить себя в жертву и радуется, если жертва его принята? Мы снова упьемся безумием счастья нашего, и в блаженстве потонет для нас вся вселенная. Что в ней значит еще один погибший?

Она. Днем и ночью этот погибший будет стоять передо мною! Днем и ночью! О, как мне страшно! (Обнимая его.) Защити меня, спаси меня! Вот я вижу его! Вот там, где стоял его слуга! Его скорбное лицо, его кроткие глаза!

Человек земли. Дорогая моя, успокойся. Ты со мною, ничего не бойся, ни людей, ни призраков. Я защищу тебя от всякой здешней и нездешней силы.

Она. Он напоминает мне, как счастливо текла жизнь моя с ним там, наверху.

Человек земли. Разве любовь моя не дала тебе ничего? Ты много оставила там, на этой мрачной горе, где нельзя жить человеку, но разве моя любовь ничего не дала тебе взамен?

Она. Ах, что со мною! Мрачный призрак, рассейся! Я люблю тебя, только тебя. Люблю вот этот лоб, эти губы! Люблю, люблю! (Она страстно целует человека земли.)

Человек земли. Мы будем счастливы. Мы живы, мы на этой милой земле, под этим ясным солнцем.

Она. Мы будем счастливы! Тени умерших отойдут от нас.

Человек земли. Их двое – моя Звездочка и он, твой мудрый друг. Легкомысленная актриса и ученый мудрец. Какое странное соединение! В любви и в смерти! (Глубоко задумывается.)

Она. Что ты хотел сказать? О чем ты думаешь?

Человек земли. Как просветляет смерть! Теперь я вспомнил вдруг ее последний взгляд, когда она падала из бешено мчавшегося под откос экипажа. Какой любви был полон этот взгляд! Странно! Так жестоко мстящая должна была бы ненавидеть. Она меня, значит, любила истинною, верною любовью, такую же любовь, какую тебя любил твой мудрец. И смерть сняла пелену злобы с ее внезапно открывшихся глаз.

Она (смотрит на него пристально, прислушиваясь к его словам с необычайным волнением). Ты все еще ее любишь?

Человек земли. Я люблю только тебя.

Она. Зачем же ты так говоришь о ней?

Человек земли (говорит, словно в беспамятстве, как бы бредя). В каком блаженном озарении предстоят мне эти две тени! Кто бы мог это подумать! Моя маленькая Звездочка в стране блаженных! Преступная и порочная душа, какие ангелы дали тебе твою белую одежду?

Она (в страхе и отчаянии приникает к нему; кричит громко, словно хочет разбудить его). Я с тобою, люби меня!

Человек земли. Когда я хочу сказать тебе: «Люблю!» – она становится передо мною и говорит: «Я любила и умерла, потому что любила!»

Она. Отгони эти мрачные мысли!

Человек земли (как бы очнувшись от сна, озирается; говорит в странной задумчивости, и взгляд его блуждает рассеянно). Да, мы должны победить это темное уныние. Жизнь перед нами.

Звук его голоса пугает Ее. Она тревожно мечется по комнате.

Она. Боже мой, Боже мой, что же мне делать!

Человек земли. Тяжело, но это пройдет. Надо отвлечься, надо забыться. Когда я поправлюсь, мы с тобой уедем в прекрасную, лазурную страну.

Она. Лазурная, прекрасная страна! Разве есть на земле такой край, где бы можно было позабыть, не чувствовать, не видеть? Быть может, только там, где теперь он, мой любимый.

Человек земли. Милая, я хочу отвлечься от этих ужасных мыслей. Сыграй мне что-нибудь светлое и торжественное. В минуты печали душа поднимается на вершины, где торжественная грусть сплетается с высокою радостью.

Она уходит в дверь направо. Скоро оттуда раздаются звуки музыки. Гармоничные аккорды все чаще сменяются неразрешенными диссонансами. Музыка становится все более отрывочною и дисгармоничною, прорываются аккорды глубокого расстройства.

Человек земли ходит по комнате, прислушиваясь к музыке. Его лицо выражает сначала надежду, потом глубокую печаль, переходящую в уныние и отчаяние.

Музыка обрывается резким диссонансом. Слышен подавленный крик тоски и страха. Она быстро входит в комнату. Очень бледна.

Человек земли. Милая, любовь моя, что с тобою? Отчего ты так бледна?

Она. Они опять передо мною. Они всегда будут между нами.

Человек земли. Милая, успокойся. Не возвращаются из могил.

Она. О, если бы возвращались! Они бы нас простили. Но они во мне, они в тебе, и теперь жизнь их бесконечна, они бессмертны, мстители милые наши. Не будет нам счастья уж никогда больше. Они зовут нас, они требуют от нас...

Человек земли. Что они могут требовать? Пустая мечта!

Она. Разве ты можешь забыть?

Человек земли. Пройдет время, все забудется.

Она. Нет, нет, – мы будем презирать друг друга, если позабудем. Если бы они не умерли, – разве не все равно? Их опустошенные жизни так же лежали бы гнетом на нашей совести.

Человек земли молча отходит к окну. Стоит в глубоком раздумье. Она тревожно ходит.

Она. Все началось с того, что ты пришел к нам и начал мне говорить о твоей любви ко мне, о радостях жизни, о твоём строительстве, о твоих мечтах оживить дикий край. Вот с этих разговоров все и началось. Ты говорил, а я слушала.

Человек земли. Да? Так что же?

Она. Я тебя полюбила. Я тебя люблю, потому что ты этого захотел.

Человек земли (смотрит на нее умоляющими глазами). Жизнь моя, не отходи от меня. Мы уедем в безмятежный, лазурный край, и снова райские видения навеет тебе любовь моя.

Она. Нет, никогда! И ты сам себе не веришь, – ты говоришь так неуверенно, как никогда не говорил. Разве можем мы теперь мечтать о счастье, о райских видениях? Мы забрызганы кровью.

Человек земли. Что же, разве я виноват в этой крови?

Она. Я не хотела тебя упрекать. Разве есть виноватые? Я полюбила тебя, и если бы еще раз надо было сделать то, что я сделала, то я снова поступила бы так же. О, какую жестокою ценою куплено это безумие! Да и как же иначе? Все в мире связано, все сковано пламенным кольцом любви и страдания, неразрывным, вечным. Не уйти из него, не вырваться из этих оков, – и все мы вместе, все, живые и мертвые, любящие и любившие, все отвечаем друг за друга.

Человек земли. Милая, помни одно, что мы любим друг друга. Верь нашей любви, верь жизни, которая вся еще перед нами.

Она. Люблю, люблю! Но отчего же такая смертная печаль? Значит, одной любви мало.

Человек земли. Но разве его ты не любила?

Она. Зачем ты это говоришь? Что ты говоришь! Нет, нет, нет, его я любила! Я была ему верна, я делила с ним все горести жизни. Но я перестаю понимать. Нет, нет, не говори ничего. Я не могу, – слова твои меня убивают.

Человек земли. Милая, милая, успокойся! Тебе одной на земле я верю. Ты для меня – единственная и последняя.

Она. Верь и ты мне, верь, дорогой мой! Я люблю его, люблю тебя, душа моя разрывается. О, что же делать нам с любовью нашей? Душа моя умирает! Я не могу, не могу!

Человек земли. Милая, не плачь так, не плачь. Кто дал нам душу, тот дал нам и любовь.

Она. А что мы делаем с любовью, что делаем! Сколько горя, сколько крови!

Человек земли. Любовь поможет нам пережить.

Она. Люблю тебя, люблю в жизни и в смерти. Но эти призраки, эти мертвые! Сердце мое разрывается. (Падает в изнеможении и рыдает.)

Человек земли. Плачь, если ты можешь плакать. А вот у меня и слез нет.

Она поднимается, вдруг спокойная. Смотрит на него, и в глазах ее ожидание.

Человек земли. Тяжелая колесница счастья! С нее прогнал я женщину, которая казалась мне такою же пустою и легкомысленною, как и многие другие, – и колеса моей колесницы раздавили ее грудь. Может быть, я слишком неосторожно сбросил ее. Но вот она мертва, и на лице моем брызги ее крови.

Она (спокойно). Что же ты хочешь делать?

Человек земли. Ты чего-то ждешь от меня?

Она. Ты знаешь, чего я жду.

Человек земли. Я знаю. Я привык честно расплачиваться по своим обязательствам. Я – сын оклеветанного, но мужественного века. Но ты готова ли?

Она. Милый, с тобою вместе, к ним, которые погибли, потому что мы им изменили.

Человек земли. Дыхание Смерти надо мною, – и вдруг так ясно в душе моей. Никогда душа моя не была так светла, как теперь.

Она. Милый, милый, ты это знаешь, нельзя пережить! Нельзя строить на трупах.

Человек земли. Когда же ты хочешь?

Она. Сейчас. У тебя есть?

Человек земли (подходит к столу, вынимает револьвер). Верный друг, он всегда со мною, всегда готов служить.

Она (радостно). Вместе умрем.

Человек земли наводит на нее револьвер. Лицо ее светлое и радостное. Занавес опускается. Слышны два выстрела.

<1914>

Проводы
Драматический этюд в одном действии
ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Анна Сергеевна Старкина, довольно молодая дама.

Лиза, ее дочь.

Пауль Липпа, интеллигентный эстонец-крестьянин.

Янов, приказный из запаса, адвокат.

Катя, его жена.

Бубенчиков и Козовалов, студенты.

Козовалова, мать.

Лейфельд, эстонец, толстый, пожилой.

Дачная местность на берегу моря в Эстляндии. Сад и часть дороги. Вдали виден берег Финского залива. За сценой слышны звуки музыки и пения. По дороге проходят время от времени дачники, крестьяне, запасные, дети. Оживление, шум.

Лиза. Как хорошо. Какое одушевление... Точно не на войну идут, а на праздник...

Анна Сергеевна. Ужас... Ужас... Чему ты радуешься, Лиза?

Катя. Конечно, эта война похожа на праздник. Она обещает нам так много перемен, такую светлую и свободную жизнь. Ведь это – война против войны, крестовый поход против жестоких пруссаков и швабов.

Анна Сергеевна (махая рукой). Ну, дождались, досидели... Ужас, ужас... Говорила я, что сразу же надо было уезжать в город, как только сербы не захотели покориться. И не понимаю, не понимаю, почему они не выполнили того, что от них требовали. Смирились бы, и войны бы никакой не было.

Лиза. Нет, мама, довольно славянам терпеть тевтонскую и швабскую наглость. Да и нам довольно их терпеть. Пора нам быть хозяевами в своем доме...

Анна Сергеевна. Ну, Сережа, что вы слышали нового?

Лиза. О, у него всегда новости. Газета... А сколько неверных сведений. Ходит и на всех своими рассказами уныние наводит. А с виду такой веселый.

Бубенчиков. Немцы здесь высадутся. Здесь крепости нет и сильного флота у нас нет. Они сюда и пойдут, и отсюда прямо в Петербург.

Лиза. Неправда, неправда... Их здесь не пустят высадиться. И кто вам говорит такие глупости?

Катя. Мальчики любят возбуждать сенсации.

Бубенчиков. Извините, Екатерина Николаевна, я – не мальчик, я уже давно студент.

Анна Сергеевна. Ужас... Ужас. Что же снами будет?

Лиза. Мама, как тебе не стыдно так грустить...

Козовалов (мрачно). Нет, немцы придут с юга и разрушат железную дорогу. А что с нами будет – это покрыто мраком неизвестности.

Анна Сергеевна. Ужас... Ужас...

Лиза. И что вы говорите... Прямо бред какой-то... Немцам здесь не дадут высадиться. И до нашей железной дороги им не дойти.

Анна Сергеевна. Как же не дойти, Лизочка, если из Восточной Пруссии на нас три армии двигаются... Ведь это во всех газетах написано...

Лиза. Да ведь и наши армии есть...

Анна Сергеевна. Жалко смотреть на эту несчастную Катю Янову. Бедная... Только три года замужем, два ребенка, они только так хорошо устроились, и вот он должен идти.

Лиза. Она не плачет. Она весела. И я бы на ее месте не плакала. Я завидую ей... Ее милый примет участие в такой великой войне, в такой правой, святой войне...

Анна Сергеевна. Как можно быть веселой в такие дни...

Лиза. В такие-то дни и надо быть бодрыми и сильными. Катя, вы не плачете?

Катя. Как можно... Расстраивать его. Он такой нервный... Но идет молодцом...

Лиза. У вас веселое лицо? О, какая вы милая... Как я вам завидую... Вы провожаете мужа, которого так любите, и у вас веселое лицо...

Катя. Смеюсь, чтобы не плакать. Пусть вспоминает меня веселую, и сам будет весел. Нам-то здесь хорошо, а им там будет очень трудно.

Лиза. Катя, милая Катя, у меня такое предчувствие, – его не убьют, он вернется...

Катя. Спасибо, милая Лиза, вы хотите меня утешить. Если не вернется, у меня есть дети... дети... Они будут помнить... гордиться... (Поспешно отходит, чтобы скрыть слезы.)

Янов. Воевать так воевать. По-моему, воевать нам необходимо до конца. Сокрушить это гнездо милитаризма и реакции, раздавить эту злую гадину, из-за которой нам всем тяжело дышалось.

Катя (опять улыбаясь, словно и не было слез). А не трусишь?

Лиза. Конечно, нет... Конечно...

Янов. Русский воин не знает страха...

Анна Сергеевна. Немцы сильнее, – у них все мужчины на войну пойдут, а у нас многие остаются.

Лиза. Не в силе Бог, а в правде.

Козовалов. Призовут, так и мы пойдем.

Анна Сергеевна. Ну, куда уж вам...

Лиза. А мне их жалко. Молодые, сильные, а их не берут туда, где сражаются за такое правое дело.

Янов. И нас, взрослых, довольно. Это пусть в Германии подростков зовут.

Бубенчиков. Алексей Иванович... И вы впадаете в ту же ошибку относительно моего возраста?

Янов. Хоть бы позвали их убирать поля запасных, которые на войну ушли. Сами-то не догадываются, белоручки...

Анна Сергеевна. Что ты на них нападаешь, ведь ты сам...

Лиза. Правда, мама, никого не надо упрекать. Надо, чтобы каждый сам делал все, все, что только может.

Катя. Ты, главное, смотри не простудись, не промочи ног. Вы не смотрите, что он большой, он у меня слабенький.

Янов. Ну, за себя постою. Немцу в плен не дамся, как ты в своей глупой песенке поешь.

Лиза. И вовсе не глупая песенка. Катя, спойте нам эту песенку.

Катя. Да как же?..

Лиза. Да вот Бубенчиков может. Он знает аккомпанемент...

Катя (поет).

Милый друг мой, сокол ясный...

Едешь ты на бой опасный, –

Помни, помни о жене.

Будь любви ее достоин.

Как отважный, смелый воин

Бейся крепко на войне.

Если ж только из-под пушек

Станешь ты гонять лягушек,

Так такой не нужен мне...

Янов. Ну, это ты напрасно. Я же говорю, что русский солдат трусом быть не может...

Катя. Милый, ведь я шучу, несмотря на мою песню, очень серьезно.

Собрание пьес. книга 2. Фёдор Сологуб sologubfyodor.ru
Лиза. Ну, пойте, пойте, милая Катя...

Катя (поет).

Что уж нам Господь ни судит,
Мне и то утехой будет,
Что жила за молодцом.
В плен врагам не отдавайся,
Умирай иль возвращайся
С гордо поднятым лицом,
Чтоб не стыдно было детям
В час, когда тебя мы встретим,
Называть тебя отцом.
Знаю, будет много горя.
Бабьих слез прольется море.
Но о нас ты не жалея.
Бабы русские не слабы, –
Без мужей подымут бабы
Кое-как своих детей.
Обойдемся понемногу, –
Люди добрые помогут,
Много добрых есть людей.
Янов. Конечно, помогут. Вот у тебя, Катя, своих двое, ты заодно можешь еще
одного или двух взять.

Анна Сергеевна. Чужих? Это так неудобно...

Катя. Отчего же? Какие же неудобства? (Тихо разговаривает с мужем.)

Анна Сергеевна. Лиза, ты ужасно неласкова с молодыми людьми. Бубенчиков очень милый и веселый. Козовалов такой услужливый, а ты с ними так нелюбезна. Молодой девушке нельзя быть такой букой с молодыми людьми, которые за нею ухаживают.

Лиза. Очень мне надо их ухаживание?

Анна Сергеевна. Выйдешь замуж...

Лиза. Захочу и выйду за эстонца, за Пауля Липпу.

Анна Сергеевна. Лиза... Твой отец – капитан первого ранга, а ты говоришь о простом эстонце.

Лиза (улыбаясь). Я буду смотреть за его хозяйством. А когда он вернется с войны, мы будем пасти с ним свои стада и говорить о милой поэзии.

Анна Сергеевна. Ужас... Ужас...

Лиза (весело). Я сама буду доить корову и каждое утро носить для тебя парное молоко. Ты увидишь, какое оно будет вкусное. Густое и чистое.

Анна Сергеевна затыкает уши пальцами и отходит.

Лиза (смеется, подходит к Паулю. Он смотрит на нее с восхищением и нежностью. Она говорит с ним с осторожной ласковостью). Пауль, страшно идти на войну?

Пауль. Все великое – страшно издали. А войдешь в огонь – и не страшно. Чем ближе к опасности, тем менее страха.

Лиза. Мы здесь за вас больше будем бояться, чем вы сами.

Пауль. Умереть не страшно. Было бы страшно, если бы я знал, что буду бояться в решительную минуту. Но этого не будет, я знаю...

Лиза. Как вы можете это знать?

Пауль. Я себя знаю.

Лиза. Но ведь вы, эстонцы, не хотите войны?

Пауль. Кто же хочет войны? Но если нас вызвали, мы будем воевать. И мы победим. Россия не может не победить...

Лиза. Ведь вы – не русский.

Пауль. У себя дома мы можем разделяться и спорить. Но перед лицом врага мы все только русские. Для всех нас милая Россия – великое отечество, и мы ее любим одинаково.

Лиза. Любить – это годится для мирной жизни. Но война – для нее нужна не только общая любовь, но и общая ненависть...

Пауль. Германец – наш общий враг, мы, эстонцы, не любим немцев. Много зла они нам сделали.

Лиза. Но ведь вы любите Бетховена и Гете?

Пауль. У немцев были гениальные и прекрасные люди. Но с тех пор как немцы победили Францию и отняли Эльзас и Лотарингию, они точно отравой какую-то опились. Они стали надменные, тупые, жестокие. Они обнаружили все худшие стороны своего характера и оказались цивилизованными дикарями.

Лиза. Пауль, вы на меня сердитесь?

Пауль. За что же, Лиза? Вы знаете, я вас люблю.

Лиза. Любить меня – за что же? Болтаю вздор, прыгаю, как обезьянка. Вы забудете меня, Пауль, – что я?

Пауль. Я вас люблю за то, что вы сами в себе не знаете.

Лиза. Да? За что же, Пауль?

Пауль. Вы красивая, грациозная. Вы так мило танцевали там, на пляже. Вы – добрая. Да нет, не это главное. Вы простая, обыкновенная русская девушка, такая, каких в России много, много. У вас спокойное и смелое сердце чисто русской девушки. Вы любите Россию и потому верите, что она должна победить. И так как вас таких в России много, много таких, которые веруют в победу и хотят победы, то вы заражаете нас всех волею к победе, – и мы победим. Вы живете достойно, мило и просто, а когда понадобится, вы сумеете умереть так же просто и спокойно. Вот за что я вас люблю.

Лиза (закрывая лицо руками). Пауль, Пауль, мне стыдно, вы так меня хвалите...

Пауль. Разве я вас хвалю? Я же сказал, что таких в России много.

Лиза. Вот и полюбите какую-нибудь другую.

Пауль. Каприз сердца, Лиза. Знаю, что вы меня не любите, да уж что... Когда будем выбивать немца штыками из окопов, вспомню вашу милую улыбку, и мне все нипочем будет. Пусть вы, русская барышня, не любите эстонца, – да ведь я вас люблю, я запомню вашу светлую улыбку, и этого с меня довольно.

Лиза. А может быть...

Анна Сергеевна. Лиза...

Лиза. Я здесь, мама...

Анна Сергеевна. Ты, кажется, вовсе не думаешь о том, что нам нужно укладываться?

Лиза. Такая хорошая погода... Что мы будем делать в Петрограде?

Анна Сергеевна. Нет, нет, укладываться и уезжать...

Лиза. Я не поеду. Я одна останусь...

Анна Сергеевна. Пока еще пускают в Петроград, а потом уж ни впускать, ни выпускать не станут. А если сейчас поедем, так успеем еще, Бог даст, и из Петрограда уехать.

Лиза. Куда же еще ехать, мама?

Анна Сергеевна. В Вологду, в Нижний, подальше куда-нибудь.

Лиза (со смехом). Что же вы думаете, они и в Москву придут?

Анна Сергеевна. Ах, Лизонька, это только вопрос времени...

Немка (проходя). Да, наши скоро в Москву придут.

Лиза. Да, вот мы ваших привезем в Москву, пленными.

Анна Сергеевна. Ты слышишь, слышишь, что она говорит?

Лиза. Наглая дура, потому и говорит. И еще потому так говорит, что знает нашу русскую снисходительность, знает, что ничего ей за это не будет. Ведь у нас не Германия.

Анна Сергеевна. Она знает. Иначе бы не говорила. Они хитрые, они везде пройдут.

Лиза. Ну, мама, и трусиха же ты...

Анна Сергеевна (плача). Лиза, я не хочу, чтобы прусский солдат меня прикладом пришиб. Они грубые, жестокие люди. Что они делали во Франции во время франко-прусской войны... Ужас... ужас...

Лиза. Ну, это будет последний раз. Они дорого заплатят за свою наглость, мы и наши союзники сокрушим их разбойничье гнездо.

Лейфельд. Верно, барышня, верно... Попался Василий Федорович, недолго ему пировать осталось...

Лиза. Андрей Иванович, вы на войну идете?

Лейфельд. Нет, я ратник. До меня не дошла еще очередь. Без нас много народу.

Анна Сергеевна. Где ему, такому толстому, идти. Да и как он на немцев пойдет? Он немецкое пиво любит.

Лейфельд. Пиво немецкое я люблю, а немецкий кулак бронированный я презираю.

Лиза. Андрей Иванович, а что если немцы сюда придут?

Лейфельд. Мы их сюда не пустим. Я возьму мое ружье и один сто немцев убью.

Лиза. Мама, мама, послушай, что он говорит...

Анна Сергеевна. Ужас... Ужас... Все равно, здесь жить нельзя. Наши или чужие, все равно, придут солдаты, поселятся на нашей даче и нам велют уходить. И провизии скоро не будет, всех лошадей взяли.

Лиза. Мама, что ты говоришь... При чем тут лошади?

Анна Сергеевна. Не на чем будет возить провизию. И на станцию не на чем будет ехать.

Лиза. Доберемся, мама, и до станции.

Анна Сергеевна. На чем же? Пешком, что ли? Семь верст свои чемоданы на спине потащим. Не успеешь уехать – седи и умирай с голоду.

Козовалов. А мы сегодня в лавочку заходили шоколад покупать, так много еще.

Бубенчиков. Закупите побольше шоколаду. Можно будет варить шоколадный суп.

Козовалов. Нет, не надо. У нас ворон много, я стрелять буду.

Анна Сергеевна. Благодарю покорно... Сами и кушайте, я воронину есть не привыкла...

Бубенчиков. А вы читали объявление? Кто мину поймает...

Анна Сергеевна. Ах, не говорите про эти объявления... Вообразите, даже амуниции нет.

Лиза. Мама, что ты говоришь...

Анна Сергеевна. Просят, чтобы с собою солдатики сапоги приносили. Несчастные люди... Опять будет, как в японскую войну.

Лиза. Мама, ты жена военного, а рассуждаешь совсем как ничего не понимающая.

Анна Сергеевна. Ты много понимаешь... Ты бы посмотрела на запасных, – у них у всех сон сем сумасшедшие глаза...

Лиза. Ну, этого я ни у кого не видела... И отче го это женщин на войну не берут... Ведь были же в древности амазонки... О, с какой бы радостью я пошла воевать против этих жестоких пруссаков...

Козовалова. Была и у нас девица-кавалеристка Дурова.

Анна Сергеевна. Она у меня патриоткой оказалась...

Козовалова. Да как же иначе... Германцы всех против себя озлобили, мы все патриотками стали. Сегодня утром в теплых ваннах я говорю банщице: смотрите, Марта, когда придут немцы, так вы с ними не очень любезничайте. Она как рассердится, бросила шайку, говорит: «Да что вы, барыня. Пусть только сунутся, – да я их кипятком ошпарю»...

Анна Сергеевна. Ужас... Ужас...

Лиза (Козоваловой). Мне перед Паулем как-то стыдно.

Козовалова. Почему, деточка?

Лиза. Он меня любит. А я, – что ж я? Смеялась над ним. Прыгала, как обезьянка, и смеялась. Он пойдет сражаться. Может быть, умрет. Когда будет ему тяжело, кого он вспомнит, кому шепнет: «Прощай, милая»?

Козовалова. Вспомнит русскую барышню.

Лиза. Чужую, далекую... Ах, зачем мы так далеки от тех, кто так сильно, просто и верно чувствует, думает, живет?

Анна Сергеевна. Ужас, ужас... Вы посмотрите, у них у всех безумные глаза. Они знают, что их всех убьют.

Лиза. Ну что ты, мама... Где ты это видишь? Все они идут с одушевлением. Такой подъем духа, – разве ты не видишь?

Анна Сергеевна. Крепятся, не показывают.

Лиза. Нет, мама, они не думают о смерти. А если и думают, так на миру и смерть красна.

Анна Сергеевна. Опять этот эстонец...

Лиза. Послушайте, Пауль, подойдите ко мне на минутку.

Пауль. Ничего не бойтесь, Лиза. Пока мы живы, мы немцев далеко не пустим. А кто войдет в Россию, тот не обрадуется нашему приему. Чем больше их войдет, тем меньше их вернется в Германию.

Лиза. Пауль, милый Пауль, когда смотришь на всех этих храбрых людей, то разве можно бояться? Но я о другом хочу вам сказать. Милый Пауль, не смейтесь надо мной, – я сама знаю, что теперь не время говорить о себе.

Пауль. Лиза, как вы можете это думать? Когда вы говорите, в моей душе точно музыка.

Лиза. Пауль, вы не думайте, что я только смеюсь и болтаю. Я так поняла вашу душу в эти дни, и так мне стало сразу и стыдно, и хорошо. Милый, в эти дни я вас полюбила.

Пауль. Лиза, милая...

Лиза. Я пойду за вами.

Пауль. Ваша мама...

Лиза. Бог ее сохранит. Меня возьмут в сестры милосердия. И я выпрошу, чтобы меня послали поближе к вам.

Пауль (целуя ее руку). Милая, милая...

Говорят тихо и нежно.

Анна Сергеевна. Какие нежности с эстонцем... Он Бог знает что о себе вообразил. Можете представить, – целует руку, точно рыцарь своей даме...

Лиза. Мама, поди-ка сюда...

Козовалова. А нашему эстонцу очень к лицу воинственное воодушевление. Смотрите, какой красавец, точно рыцарь Парсифаль.

Анна Сергеевна. Ну уж и красавец... Ну, что, Лизонька?

Лиза. Вот мой жених, мамочка?

Анна Сергеевна. Лиза, побойся Бога... Что ты говоришь...

Лиза (с гордостью). Он – защитник отечества.

Анна Сергеевна. Такое ли теперь время... Об этом ли ему надо думать?

Пауль. Анна Сергеевна, я не хочу пользоваться минутным порывом вашей дочери. Она свободна, но я никогда не забуду этой минуты.

Лиза. Нет, нет, милый Пауль, я люблю тебя, я хочу быть твоею... (Бросается к нему на шею, обнимает его крепко и рыдает.)

Анна Сергеевна. Ужас... Ужас... Но ведь это же чистая психопатия...

Катя. Лиза, ты молодец, поздравляю тебя. Ты сделала хороший выбор. И правда, в наши дни надо забыть все разделения, надо быть всем вместе, и мы победим.

Лиза. Пауль, мы победим, правда?

Пауль. Победим, Лиза. С нами Бог, и мы победим.

Катя. Слушайте... (Поет).

На начинающего Бог!
Вещанью мудрому поверьте.
Кто шлет соседям злые смерти,
Тот сам до срока изнемог.
На начинающего Бог!
Его твердыни станут пылью,
И обречет Господь бессилью
Его, зачинщика тревог.
На начинающего Бог!

Его кулак в броне железной,
Но разобьется он над бездной
О наш незыблемый чертог.
На начинающего Бог...
Шум усиливается. Пыхтя и переваливаясь, входит толстый Лейфельд.

Лейфельд. Господа, пора ехать, пора. Поезд ждать не будет.

Прощаются Янов с женой, Пауль с Лизой. Приближается толпа запасных. Пауль вырывается из объятий Лизы, бежит за товарищами и запекает народный гимн. Запасные и толпа с воодушевлением поют.

Занавес.

Конец.

<1914>

Камень, брошенный в воду (Семья Воронцовых)
Драматические сцены в четырех действиях
ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Анна Павловна Воронцова – 70 лет, бодрая старуха, вдова-генеральша, живет безвыездно в родовом имении на Волге.

Гавриил Алексеевич – ее сын, 49 лет, бывший профессор.

Мария Александровна (Мэри) – его жена, 29 лет.

Кирилл – брат Гавриила, 25 лет, холостой, живет в имении, хозяйничает, служит по земским выборам.

Римма Николаевна Критская – 31 год, школьная подруга Мэри.

Михаил Сергеевич Левченко – 28 лет, горный инженер, гражданский муж Критской.

Аглая Семеновна – переписчица, работающая у Воронцова, – бесцветная девица, 28 лет.

Сергей Петрович Куликов – приятель Кирилла, местный врач, 45 лет.

Глаша – горничная Мэри, 22 года.

Садовник Павел – в усадьбе Воронцовых, 25 лет.

Михаил – его брат, 35 лет.

Деревенская баба, девчонки.

Действие происходит летом 1914 года в усадьбе Воронцовых на Волге, в одной из верхневолжских губерний.

Действие первое

Открытая терраса с видом на Волгу; ступеньки в сад от террасы. У края цветника на площадке белый садовый диван. Куртины цветущих пионов. Вдали березовая аллея. Солнечное утро в конце мая.

Явление первое

На террасе Анна Павловна и Гавриил, пьют кофе. У Гавриила мягкое, интеллигентное выражение лица: большой лысый лоб, утомленные глаза; золотое пенсне, рыжеватая бородка клином. Он рассеян, часто кладет руки в карманы, точно что-то ищет.

Анна Павловна. Уж так я рада, так рада, что и слов нет... И как это вы надумали – в деревне пожить... А я уж не чаяла, – век, думала, будете по заграницам да по Павловском мотаться.

Гавриил. Доктора Мэри прямо сказали, что для нее город – отравка. Даже и зиму велели в деревне жить. Да только уж не знаю, – соскучится, пожалуй. Вот разве цветами займется, – она все мечтала розы разводить.

Анна Павловна. Слава Богу, цветов у нас хоть отбавляй. Живем, можно сказать, среди роз... А вот скажи мне, Гаврюша, отчего твоя Мэри чудная такая: все что-то думает, плачет, – тоскует, что ли? Да о чем?

Гавриил. Это после болезни... Впрочем, у нее вообще нервы неважные. Все ее чрезвычайно волнует, огорчает. Грубость всякая человеческая.

Анна Павловна. Да чего же ей не хватает? (Пауза.) Ты меня прости, Гаврюша, а только женщине без детей в ее летах уж... как скучно должно быть. Какая же это жизнь – без детей. Да отчего это нынче дети не рождаются? Не хотят их, что ли? Сколько ты уже лет женат, Гаврюша?

Гавриил (не поднимая глаз). Пять.

Анна Павловна. Вон, поди ж ты, пять лет... (Задумывается.) Нет, Гаврюша, прости меня, а все то как будто не так. Не знаю уж, – я ли ничего не понимаю, или уж свет кругом пошел, – только мы лучше вас жили, проще как-то и веселее. Выезжали, танцевали, веселились; замуж выходили рано, жили на просторе, в усадьбах, дети рождались здоровые, сами хозяйством занимались. И всего было много, всего хватало, и жили весело и привольно. Никаких этих мечтаний, тосканий и в помине не было. Чтобы замуж выходить под тридцать лет, как теперь, или без детей с мужьями жить, – что-то об этом мы и не слыхивали.

Гавриил. Ну, не только же веселились. И крепостное право было. Картины довольно мрачные. И до смерти засекали.

Анна Павловна. Мало ли что... Я не говорю... Вон сосед наш, Пошуканин, медведя держал у себя в подвале и со всей деревней породнился. А только все от человека зависит. У нас, когда воля пришла, так наши дворовые ревмя ревели. Никто их не сек, и отец твой комара в жизни не задавил. Жили себе, как у Христа за пазухой. И вообще как-то люди другие были. Доброты, тепла, души будто больше было. А нынче и зла, может быть, меньше, да и добро куда-то спряталось.

Гавриил (качая головой). Нет, и зла не меньше.

Анна Павловна. Или уж это всегда так в старости: все кажется, будто лучше было в твое время, а может быть, просто сам лучше был, моложе, здоровее. Гаврюша, помяни мое слово, – и твой черед придет, – все будешь прошлое добром поминать, как бы худо не было.

Гавриил. Нет, мама, ты знаешь, – я весь в мыслях о будущем, мне прошлого не жаль, Бог с ним. Придет иное поколение, построит жизнь лучше нашей.

Анна Павловна. И хлеба больше родилось, и лен лучше был, – посмотри, какие у меня еще сейчас сорочки, полотенца от приданого, – хоть куда... А какие яблоки, какие ягоды родились... Крыжовник у нас был – смотреть приезжали. Малина белая... А нынче – все с чего-то сохнет, мошара ест, леса рубят, – ветры, ураганы пошли, мнут все, ломают. Или уж, может быть, земля-матушка отказывается, истощилась, что ли, ума не приложу, только все что-то не то... А что я тебя спрошу, Гаврюша, как же ты с лекциями, – читать нынче не будешь?

Гавриил (отрывисто, мрачно). Нет, не буду. Я совсем ушел.

Анна Павловна. Да как же так, Гаврюша? Ведь ты так любил свой университет!

Гавриил. Что делать, мама, – так надо было поступить. (Задумчиво.) А сказать по правде, какая-то пустота в жизни образовалась. Ведь вся жизнь – гимназия, студенчество, кафедра, – вся жизнь для науки. Как-то и не представлял себе жизни иначе: научные исследования, лекции, общение со студентами...

Анна Павловна. Так зачем же ты, Гаврюша?

Гавриил. Один из моих товарищей, профессор Глиницкий, говорил мне не без укора: «Вам хорошо, – у вас имение, а вот у меня на руках шестерка детей, да капитала

Собрание пьес. книга 2. Фёдор Сологуб sologubfyodor.ru
всего у жены на сберегательной книжке триста пятьдесят рублей». Но, мама, и он тоже ушел вместе с нами, вся наша группа вместе.

Анна Павловна. Да как же, Гаврюша? Шестеро детей, и ни копейки денег... Да ты бы их хоть к нам на лето пригласил...

Гавриил (улыбаясь). Ты – добрая, мама. Но, видишь ли, у нас в России все-таки есть спрос на ученых людей. Дети профессора Глинского не останутся без образования.

Анна Павловна. Ну, а ты-то, Гаврюша, что будешь?

Гавриил. Мой друг, профессор Эдуард Райт, пишет мне: «Ваша и без того бедная научными силами высшая школа опять понесла чувствительную потерю». Ну, и еще много теплых слов по моему адресу... К себе в Оксфорд приглашает, но я решил – никуда из России. Да, у меня есть начатая работа, давно задуманная, очень интересная, – на остаток жизни хватит.

Анна Павловна. Что ты себя старишь, Гаврюша...

Гавриил (с рассеянным видом поднимается, идет к саду. На верхней ступеньке вдруг останавливается, словно что-то вспомнил, и возвращается к столу). А вот что, мамочка, я вас попрошу: сегодня Мэри ждет к себе подружку свою любимую из Москвы... Она такая... немножко взбалмошная, – так уж вы, пожалуйста, будьте с ней милою, как вы умеете.

Анна Павловна. Да уж не учи, сами знаем. Кто ж это такая? Замужняя?

Гавриил. Да, была. Она уже замужем второй раз... Критская... Левченко...

Анна Павловна. Две фамилии сразу носит? И ты, мой батюшка, с ними заврался. Ну, да уж ладно, пойду комнату готовить. В диванную, что ли, положить? С мужем она?

Гавриил. Да, муж, кажется, после приедет. Мамочка, Мэри ее ужасно любит... И она на нее хорошо действует, – сразу веселеет... Да и она ничего, – славная, только взбалмошная немножко... Мэри с ней скучать не станет... А это главное...

Анна Павловна. А когда они приедут?

Гавриил. С дневным поездом.

Анна Павловна. Гаврюша, да что ж ты мне раньше не сказал? Ведь надо...

Гавриил. Только утром письмо пришло...

Анна Павловна, звеня ключами, поспешно уходит.

Гавриил (улыбаясь).хлопотунья ты, мама...

Из-за сцены доносится громкий, хозяйственный голос Кирилла.

Кирилл. Знаю я вас... За вами только недосмотр... Чтобы к вечеру было готово.

Слышен чей-то не то угодливый, не то насмешливый голос: «Да уж не извольте беспокоиться, барин».

Явление второе
Гавриил и Кирилл.

Кирилл – рослый, румяный брюнет, красивый, загорелый. Одет по-русски, в поддевку и высокие сапоги. Темно-русые, блестящие волосы на прямой пробор над высоким лбом.

Кирилл (шутливо). Ну, что, Гавриил, бацилл размышления культивируешь? Что, как у нас, на вольном воздухе, поди, не нравится? Стоят деревья, ни одно не занумеровано?

Гавриил. Ты все шутишь, а мне здесь, право, нравится. Кажется, так хорошо, что

Собрание пьес. книга 2. Фёдор Сологуб sologubfyodor.ru
мы сюда приехали. Мэри спит лучше, и вид гораздо лучше, и нервы. Все ее здесь радует – все нравится. А мне здесь удобно будет работать.

Кирилл. Работай, работай, корпи себе помаленьку. А меня эти лодыри так изводят, – иного так бы и разорвал пополам. Весь день верчусь, как в колесе. (Уходит.)

Явление третье
Гавриил и Мэри.

Мэри – стройная женщина, темноволосая, слегка смуглая; благодаря худощавости и девической манере одеваться кажется моложе своих лет. Очень женственная: легкая походка, легкие движения, быстрый взгляд. На ней недлинное полотняное платье с голубым матросским воротником; в руках вязка полевых цветов. Подходит к Гавриилу, кладет ему руку на плечо.

Мэри. А я на деревню ходила и в поле была, – как чудесно... Как жаль, что ты гулять не ходил... Цветов, цветов, – я никогда столько и не видала. Целый ворох колокольчиков и ромашек отнесла тебе в кабинет...

Гавриил (рассеянно). Спасибо... Только куда ты их поставила? Там у меня на столе все рукописи.

Мэри. Не беспокойся, все на месте. Я осторожно подвинула их.

Гавриил. Ну вот, я так и знал. Подвинула, – потом ищи. А по-моему, цветы гораздо лучше в поле.

Мэри (вспыхнув). Да? Я и забыла, что ты их не любишь. Я сама люблю. Прости. Я велю вынести.

Гавриил (спохватись). Нет, нет, зачем же... Я очень рад. (Целует ей руку.)

Мэри (задумчиво). Все, что мне нравится, – тебе – нет. Как странно...

Гавриил. Совсем не все. К цветам я просто равнодушен. Я занят другим, ты знаешь.

Мэри. Да, но одно другому не мешает. Впрочем... Который час?

Гавриил. Половина второго.

Мэри. Послали лошадей за Риммой? Ведь поезд в два часа приходит...

Гавриил. Наверное, – я, кажется, говорил. Впрочем, спроси. (Звонит.)

Явление четвертое
Те же и Глаша.

Мэри. Послали лошадей на станцию?

Глаша. Не могу знать. Здесь Павел за кучера. А он сейчас розы в грунт высаживает.

Мэри. Неужели забыли? (Гавриилу.) Ведь я просила тебя, уходя... Боже мой, да как же это... (Горничной.) Скорее беги, скажи Павлу... Да, впрочем, уже поздно. Пока залежатся... Какая досада...

Глаша уходит.

Явление пятое
Гавриил и Мэри.

Гавриил. Я маме сказал про комнату, а про лошадей, должно быть, забыл. Ну, прости меня, Мэричка.

Мэри (нервно ходит по террасе), Риммочка, конечно, не догадается у начальника станции лошадей спросить. Какая досада.

Гавриил (примирительно). Ну, твоя Риммочка догадается. Какого-нибудь мальчика

пошлет...

Мэри (про себя). И я опять вспыхнула, – так не красиво... Никогда не надо поддаваться... (Подходя к Гавриилу, целует его.) Прости...

Явление шестое

Те же и Аглая Семеновна.

Аглая Семеновна. Гавриил Алексеевич, вы сегодня будете диктовать?

Гавриил. Ах, простите, я и забыл о работе. Как же, как же, сейчас. (Спешно встает, целуя Мэри.) Мэричка, прости... Мне совершенно необходимо сегодня закончить главу, – меня очень интересует моя тема. (В дверях оборачивается.) Мэри, почему ты пением не занимаешься?

Мэри (коротко). У меня после болезни еще голос не восстановился.

Гавриил (в дверях). Может быть, этот рояль плох? Другой выписать?

Мэри. Нет, здешний рояль вполне приличен.

Мэри одна. Нервно ходит по террасе, часто подходит к ступенькам, смотрит вдаль.

Явление седьмое

Мэри и Анна Павловна.

Анна Павловна (входя). Ну вот, все готово, пусть едут... Мэри, когда поезд придет?

Мэри. Уже пришел, а лошадей не послали. Гавриил забыл сказать... (Улыбаясь.) Придется бедной Риммочке пешком с багажом тащиться.

Анна Павловна (добродушно). Ах ты, грех какой... Гаврюше-то не след было передавать, он ведь всегда мечтает, витает где-то... Он никогда хозяйством не интересовался. Я диву далась, когда он сам себе первый раз шляпу купил. Он и людей-то видит точно сквозь стекла разноцветные, – никогда ни к кому не подойдет сам, не подольстит. Что уж на него рассчитывать... Самой надо было распорядиться. Хозяйка ведь ты теперь...

Мэри. Ну, какая я хозяйка... Да я думала, сама вернусь, а ушла в поле, к реке, да там и увлеклась цветами... Какая уж я хозяйка... Но какие здесь луга дивные...

Анна Павловна (с гордостью). Заливные луга, волжские.

Мэри. Ах, как здесь чудесно, как хорошо. (Подходя к Анне Павловне.) Мама, я у вас здесь и на зиму останусь, – не прогоните?

Анна Павловна (ласково). Что ты, деточка, прогоним... Ведь это теперь все ваше – Гаврюшино да Кириюшино, – а я здесь у вас на хлебах жить стану. (Целуя Мэри.) Живите, Христос с вами, – здесь ведь у нас хорошо, правда? Гаврюша говорит, ты цветы любишь, вот розы высадим, зацветут...

Мэри. Цветы люблю безумно, у меня и зимой их всегда много, – гиацинты, тюльпаны, ландыши. Странное чувство, когда они в комнате, я точно не одна, точно кто-то живой здесь со мною. А то другой рал так скучно по вечерам одной. Я ведь все больше одна – пою, мечтаю... Иной раз такая тоска возьмет...

Анна Павловна (тихо и нежно). Деточек тебе надо бы, Мэричка.

Мэри (ласкаясь к Анне Павловне). Устрой мне тепличку, мама, вот у меня и будут деточки – розы, орхидеи... (Задумчиво.) А знаешь, я как-то не очень жалею, что у меня нет детей. Дети какие-то теперь все больше неприятные, резкие. Меня бы это огорчало. У наших всех знакомых... Я бы совсем иначе детей воспитывала... Что это?

Слышен звон бубенчиков. Мэри бежит со ступенек за клумбы, во двор. Анна Павловна тоже уходит.

Явление восьмое

Мэри, Критская и Левченко.

Критская – красивая, элегантная женщина, слегка подпудренная, с крашеными, темно-золотыми волосами, смеющимися карими глазами и яркими губами, экспансивная, кокетливая, но без всякой вульгарности. У нее приятный, звонкий голос. Носит яркие, смелые платья, много колец, украшений, браслеты.

Левченко – кудрявый блондин, отлично сложенный, высокий. Одеты по-дорожному; Критская несколько кричаще. Шум, поцелуи, приветствия.

Критская. Вот, позволь тебе представить, Мэричка, моего Мишука – Мишеньку... Или Левушку, – я его Левушкой зову – по фамилии. Он у меня славный – не кусается... С тобой познакомиться – спит и видит.

Мэри (протягивает руку). Я очень рада. Не угодно ли вам, господа, с дороги умыться? Ведь пыль ужасная.

Критская. Я была в таком восторге, что к тебе аду, Мэричка, что ничего не заметила... Дусенька... Дай на тебя поглядеть, какая ты стала... Ведь два года не виделись. (Берет лицо Мэри в руки.) Такой же цыганенок... (Целуются.)

Мэри. Да на каких же лошадях вы приехали? У нас такая глупость вышла...

Критская. Это уж его спросите (указывая на Левченко). Он всегда все достанет, узнает, из-под земли вызвать может... Он у меня за Марфу...

Мэри. А ты за Марию? (Смеется.)

Критская. Ну, уж Марией – это тебя нарекли от рождения. (Указывает на Левченко.) А ведь этот сэр экспромтом удрал, за неделю до отпуска...

Левченко (оправдываясь). Так опостылел город... Я ног под собой не чувствую от радости...

Явление девятое

Те же, Анна Павловна и Кирилл, здороваются.

Анна Павловна (входя). Очень, очень рада, что вы приехали. Мэри вас ждала, так много о вас говорила.

Римма. Мы с Мэричкой – давно друзья. А вот мой Мишук.

Анна Павловна. Милости просим. Очень рада. Гости дорогие, пожалуйста с дороги закусить. (Кириллу.) А ты, Кирюша, гостя спросил бы, не желает ли к себе пройти.

Кирилл (Левченко). Пойдемте, я вас провожу...

Уходят с Левченко.

Явление десятое

Мэри и Римма одни.

Римма (бросаясь на шею Мэри). Мэричка, Мэричка, что я тебе расскажу, что расскажу... На целую неделю хватит... Чего со мной за этот год не было...

Мэри. Ну, уж я думаю... А когда ж ты (указывая на волосы) успела шкурку переменить?

Римма (небрежно). Долго ли... Ведь так лучше, правда? Левке так нравится, а я теперь для него все.

Мэри. Любишь?

Римма. Безумно. То есть, понимаешь, по уши втюрилась. Это я-то, с моим характером! Не чудеса ли делаются? Но, если ты только его узнаешь, его нельзя не полюбить.

Мэри (обнимает ее; ходят по террасе вдвоем, обнявшись). Как я рада, Риммочка... Мне тоже тебе надо много, много рассказать. Здесь чудесно, и мне лучше гораздо.

Я с крестьянками познакомилась, – лечу их... Видишь, как здесь красиво... (Жест в сторону сада.) И цветов много, моих любимых. (Срывает и прикалывает ей к поясу пион.) А только все же порою тоска: все я одна – с моими думами и мечтами... Гавриил всегда в кабинете. Мама хоть и славная... Хочу пением серьезно заняться...

Уходят в сад, обнявшись.

Явление одиннадцатое

Анна Павловна (входя). Да где же они? Готово, исчезли. (Кричит в сад.) Мэри, Римма Николаевна, – обед подан... У нас по-деревенски, рано... (Уходит.)

Явление двенадцатое

Левченко и Гавриил выходят на террасу. Левченко переделался в светлый летний костюм.

Гавриил. Ну, как вам наше захолустье нравится?

Левченко. Очаровательно... Признаться, я так люблю Волгу – ведь я и сам в этих местах вырос, – что когда вырвусь сюда, прихожу прямо в экстаз. Эта спокойная, величавая река, эти милые березки, эти церкви, эти поля, эта скромность и прелесть чисто русского ландшафта, благодать...

Разговаривая, идут под руку навстречу Римме и Мэри, идущим обнявшись по аллее.

Явление тринадцатое

Те же, Мэри и Римма.

Мэри (Римме). После обеда, Риммочка, заберемся в липовую беседку, и там – до вечера, вдвоем. Хорошо, родная?

Римма (оглядываясь на аллею). Как здесь живописно... О, мы здесь поживем... На лодке, в лес, пикники, в теннис... (Мэри.) У вас и площадка, кажется, есть? (Гавриилу.) Вашу руку, сэр!

Гавриил дает руку Римме, Левченко – почтительно Мэри. Все уходит через террасу в дом.

Занавес.

Действие второе

«Диванная» комната в доме Воронцовых. По трем стенам – широкие пестрые ситцевые диваны покоем. Перед средним диваном – овальный стол, на нем целый сноп полевых цветов. Над столом высоко – квадратное окно с пестрой ситцевой драпировкой в тон обивки. Возле двери, в углу – старинный ореховый шкафчик с зеркалом. Над боковым диваном – полка с книгами. Между первым и вторым действиями прошло три дня.

Явление первое

Мэри и Римма, в домашних светлых платьях, несколько детского покроя, с широкими цветными кушаками-шарфами (у Риммы поярче), полулежат на диванах. Серенький денек; дождит.

Мэри. Я по твоим письмам совсем другим представляла себе Михаила Сергеевича... Каким-то увальнем, медведем.

Римма. Да? Ну, ведь ты знаешь, что такое мои письма... Я и вообще-то в правописании слаба... (Смеется.) Жду не дождусь, когда букву «Ъ» упразднят? А тут столько событий зараз. Ведь Левка меня от супруга буквально выкрал...

Мэри (с любопытством). Ну? Как?

Римма. Да так, очень просто. Я под Новый год в театр поехала, да оттуда с ним на поезде, прямо на Урал. Ищи там, в сугробах... А супруг меня добродетельно дома с шампанским дождался. (Смеется.)

Мэри. А тебе не было жаль... так... порвать отношения с мужем?..

Римма. Ну, какие там отношения... Одна шелуха оставалась...

Мэри. Да как же ты с Михаилом Сергеевичем познакомилась?

Римма (лаконично). В поезде.

Мэри (удивленно). Как в поезде?

Римма. Возвращалась из Ялты осенью домой, одна. В вагоне – мамаша с детками, два гимназиста и какая-то руина с красными лампасами... Тоска адская... Вдруг, в Лозовой, садится этот самый сэр, эlegantный, предупредительный. Сразу разговорились, потом обедали вместе в салоне... Ну, и так...

Мэри. Ну, а потом?

Римма. Он мне свой адрес записал на конфетной коробке и телефон, а я домой приехала, тут супруг, «дела домашние», – коробку Саша, конечно, выбросила, и потеряла я сеньора Левченко из виду... Потом, уж в октябре, встречаю в балете. Обрадовалась ему страшно, проводил он меня домой... Потом уж пошли встречи, то в театре, то в кафе, то у общих знакомых, то на выставках... И знаешь, чем он меня больше всего пленил? Всегда он какой-то праздничный, бодрый, смелый, «на все готов», как говорят английские бойскауты. С ним никогда не видишь будней жизни, никогда не распускаешься. А работать умеет... Все ночи за проектами просиживает... Ведь это у него за два года первый настоящий отпуск...

Мэри (задумчиво). Как странно, в поезде... Обычно такие нахалы...

Римма. Все это, деточка, старье, предрассудки, – я уж давно с ними не считаюсь. Я ведь уж пожила на свете, – так знаешь, к чему пришла?

Мэри. Ну?

Римма (говорит оживленно, с жестами). Собственно, это я от Левушки, – это он мне внушил. Ну, видишь ты, – жизнь, ее явления, движения всякие представляются мне в виде концентрических кругов в воде... Кто-то, неведомый, бросает по временам в спокойную глубину воды – сферу одновременно и движения, и застоя – камень, побольше, поменьше, – вода взбаламучивается, набегает круги, разбегаются, шире, дальше, – на воде необычное смятение, движение, оживление. Потом успокоится, – снова тишь да гладь, – мертвечина, плесень, обычное... И вот эти моменты – заметь, это всегда только моменты в сравнении с длительностью застоя, – и надо ценить выше всего на свете. В них радость, блеск, жизнь, – вся яркость и неизбывность всплеска, метаморфозы, окрашивающие целые столетия и эпохи отблеском своего пламени, искрами своих лучей... Так и в нашей личной, частной, маленькой жизни. Но тогда уже не надо считаться ни с какими предрассудками, надо отрешиться от всего старого, привычного, рутинного, ничего не жалеть, забыть обо всех сантиментах и носовых платках, быть, если хочешь, жестокой, упорной в достижении цели...

Мэри. О, как все это не для меня. (Задумчиво.) Ты знаешь, Римма, я часто о себе думаю – должно быть, я по ошибке теперь на свет родилась... В разговорах, вкусах, отношениях с людьми, – все кажутся мне такими неимоверно чужими, такими неимоверно Грубыми. Гавриил надо мною часто трунит – говорит, что когда я выхожу, мне надо лицо завешивать непроницаемой вуалью от человеческой грубости...

Римма. Ну, ты всегда была недотрогой, мечтательницей. Помнишь, как тебя еще гимназисты прозвали Мимозой... (Потягиваясь). Милая Мэричка, ты все еще та же детка, какой была в гимназии. Ты меня извини, – но что это у тебя за отношения с мужем? Какое-то миндальное молоко... (Твердо.) Мужчина должен быть или любовником, или товарищем, или господином, или рабом, а это что? Он тебе отец родной, что ли?

Мэри (вспыхнув). Я Гавриила очень уважаю и люблю. Он – замечательный человек, умный, чуткий, нежный... Если бы ты знала, сколько он перенес, сколько выстрадал... Видишь, мне очень трудно объяснить тебе наши отношения... Даже слова трудно подобрать... нужны какие-то полутона... как в музыке... Мы и ссоримся часто, разно на многое смотрим, а все же... он мне – какой-то родной и единственный... (Горячо.) Никогда, никогда я бы не могла его оставить и никого другого...

Римма (мягко). Детка дорогая, это все очень хорошо, но как-то нежизненно, отвлеченно, книжно... Где вы живете – на облаках, что ли? В отношениях людей надо

Собрание пьес. книга 2. Фёдор Сологуб sologubfyodor.ru
больше ясности, определенности, – ну, говоря грубо, больше материальности,
больше плоти...

Мэри (затыкая уши). Не говори мне этих слов. Я не хочу, чтобы моя умница,
Риммочка, говорила пошлости, какие позволительно только дамскому доктору...

Римма (вставая, ходит по комнате). Нет, Мэри, я и сама не выношу пошлости, но в твоих отношениях к жизни меня всегда поражала какая-то странная оторванность, утопичность, самообман, самогипноз какой-то. И это всегда твое пренебрежение к плоти, к телу, к тому, на чем, в конце концов, зиждутся наши бедные земные радости. Я расскажу тебе случай, который тебя повергнет в ужас, – оговорюсь заранее. Раз зимою, когда у меня особенно обострились отношения с супругом и все на свете осточертело, поехала я одна в оперу. Рядом со мною в кресле – изящный сэр, монокль, смокинг, – англичанин, как потом оказалось. Одет шикарно, и физиономия такая – презабавная... Сразу мне в душу вонзился... Сидим плечом к плечу, – мечтательный полумрак, там арию Надира какой-то тенор сладкогласный выводит, оркестр замирает, а он – на меня уставился в упор и весь акт и не взглянул на сцену. В антракте, возвращаясь я на свое кресло, – под муфтой – его карточка визитная, и определено: где, когда и прочее... Ты возмутишься, назовешь это скандалом, каботинством, – могло бы быть и так. Но представь себе, что на другой день я встретила его за файв-о-клоком в «Паласе», и мы провели с ним неделю... Это была сплошная музыка, – какая-то благоуханная поэма, сотканная из преклонения, нежности, благодарности. (Убежденно.) Никто, никогда из всех моих светских поклонников, художников, артистов, с которыми мы бессмысленно болтаем целые вечера в гостиных, – не смог бы мне дать того, что этот безвестный чужестранец, какой-то заезжий коммерсант...

Мэри (делая движение). Римма...

Римма (взволнованно, останавливаясь на ходу). Разве можно передать это словами? Надо почувствовать настроение этого вечера, тогда, когда, в полумраке, под эту музыку, мы, совсем не зная друг друга, увидясь, быть может, в первый и последний раз в жизни, с каким-то инстинктивным доверием двух жаждущих тел...

Мэри. Римма... Ради Бога...

Римма (опускаясь на диван, устало). Простите, госпожа Мимоза... Нет, Мэри, тебе этого не понять. Ты, которая никогда не изменяла... Но я, любя тебя так, как только можно любить друга, от души желаю тебе, ценою твоего спокойствия, ценою благополучия всех твоих близких, какой-то встряски, передряги, которая заставит тебя проснуться, раскрыть глаза, ощутить радость мгновения во всей ее полноте. (Шутливо напевает.)

Дитя, торопись, торопись...

Помни, что летом фиалок уж нет.

Мэри. Нет, Римма, я бы так не могла. Мне всегда чудилось какое-то страшное несоответствие между близостью физической и духовной. Какое-то огромное оскорбление, какая-то невероятная грубость в близости ко мне, в сущности, совершенно чужого человека. Я много об этом думала и верю, что когда-нибудь все это переменится, – как, не знаю, но только будет все иначе – красивее, цельнее, углубленнее. Люди поймут, что в основе физического влечения заложена какая-то огромная тайна, освящающая человеческие отношения. Почему этот – именно этот человек, а не другой, – эти губы, эти глаза, а не другие... Вот Гавриил увлечен сейчас своей теорией перевоспитания человечества. Он думает, что все огромное зло нашей жизни истекает из того, что нас в корне ложно воспитывают, что мы все – мелкие эгоисты, боимся лишений, бежим от страданий, тогда как радость и страдание – родные сестры и не должны чуждаться друг друга. (Вдохновенно.) Преодолеть все тяжелое, победить все темное, принять без ропота и без боязни крест жизни, – и вознести надо всем Бога своей души, – вот в чем задача будущего, истинного человечества. А мы – только мост к этому будущему и должны терпеть, страдать и расчищать путь иному, светлому...

Римма. Bravo, bravo, Мэричка... Тебе бы прямо лекции читать в университете Шинявского... Однако (смотрит в окно), что же это, дождь на весь день зарядил... (Зевает.) Какая тоска.

Мэри (обнимая ее). А я так рада дождю, – хоть удилось вдвоем побыть... а то целых три дня...

Римма. Как этот романс, который ты пела вчера?

Мэри. «Среди роз» Грига. (Напевает.)

В гробу неподвижно младенец лежал,
И мать повторяла, рыдая над ним:
«Мой сын – среди роз, среди ро-оз»...
Этот и Шопена «Грусть» – мои любимые. (Поет.)

Жаль мне себя, – своих погибших грез...
Римма. Уж очень меланхолично, печально... Ты, Мэри, в твоём Питере совсем декаденткой сделалась... (Идет к двери.) Куда же наши кавалеры делись? Левушка... Ау...

Мэри (задумчиво). Печаль – хорошо, печаль – Красиво... (В дверь легкий стук.) Войдите...

Явление второе
Те же и садовник Павел.

Павел (топчется мокрыми сапогами у двери). Так что, барин, Михаил Сергеевич, виноград изволили в лесу накопать для барыниного балкону... Когда сажать прикажете?

Мэри (вспыхнув). Какой виноград? Куда?

Павел. Так что, они сегодня с шести часов в лесу, накопили целую охапку. Оно бы в дождь сажать способнее, да я созвал баб на клубнику...

Римма (вскакивая). Узнаю Левку... Ты, Мэри, вчера в лесу восхищалась этими лианами дикого винограда, вот тебе и результаты...

Мэри (растерянно). Неужели... Ведь я только сказала, что хотела бы у моего балкона...

Павел (мнет фуражку). Так что, дозвольте до послеобеда посадку...

Мэри. Конечно, конечно, голубчик... Когда вам удобнее...

Павел. Покорнейше благодарим. (Уходит, осторожно ступая.)

За дверью крик Кирилла.

– Сколько раз тебе, болван, говорено, – с мокрыми сапогами не лезть.

Явление третье
Мэри, Римма, Гавриил, Кирилл, Левченко.

Кирилл (радостно Римме) А мы вас с Гаврюшей добрых четверть часа ищем... Я уж и в беседку бегал. Лодка готова...

Левченко (целует руку Мэри). С добрым утром, Мария Александровна.

Гавриил. Как, разве вы еще не виделись?

Римма. Тсс... Левушка сегодня захотел быть рыцарем, заслужить шарф Прекрасной Дамы... (Левченко.) Сэр, – ваша головная боль?

Левченко (слегка смущенный). Прошла безвозвратно. Рекомендую всем единственно верный способ избавиться от мигрени, неврастении и прочего, – вставать ежедневно в шесть утра и работать в лесу...

Мэри. Да, наша городская жизнь...

Гавриил (с любопытством). А, вы сегодня работали?

Римма (слегка насмешливо). О, и как продуктивно... Сейчас Павел приходил

Собрание пьес. книга 2. Фёдор Сологуб sologubfyodor.ru
жаловаться, что инженер Левченко успел за одно утро свезти весь лес в имение...

Гавриил. Ничего не понимаю...

Римма. Наши планы на сегодня, кажется, разрушены коварным неприятелем – дождем. Что ж, господа, давайте хоть чай пить, с горя...

Мэри. Я велю сюда подать. Здесь как-то интимнее... Да, Римма?

Римма. Восхитительно...

Мэри. Да что-то Глаша не торопится. Кирюша, распорядись...

Кирилл уходит.

Явление четвертое
Те же без Кирилла и Глаша.

Глаша вносит чай на подносе, расставляет на столе, где стоит букет, и в конце явления уходит. Все теснятся вокруг стола, тихо переговариваясь.

Мэри (во время суеты тихо Левченко). Я очень тронута...

Левченко (тихо, целуя ее руку). Я так счастлив, что мог...

За дверью голоса Кирилла и Анны Павловны.

Кирилл (за дверью). Мама, право, ты балуешь этих оборотов...

Анна Павловна. Ах, Кирюша, как же...

Явление пятое
Те же, без Глаши, Кирилл и Анна Павловна.

Анна Павловна. Что это вы, милые, словно цыплята в клетушку запрятались? Что ж, у нас столовой нет, что ли?

Мэри. Это я затеяла... Здесь уютнее...

Левченко (за нею). Интимнее.

Гавриил (Кириллу). Ну, что опять вышло?

Кирилл. Да, вот, мама мне все хозяйство портит. Кончали бабы в 8, а теперь она их в 7 отпускать распорядилась. Начинаем в 6 и кончаем в 7... Неслыханно... Так – ни у кого... Прямо разврат...

Анна Павловна (оправдываясь). Бабы просят – говорят, ребят прибрать некогда...

Римма (кокетливо Кириллу). А вы – строгий хозяин? Перун-громовец?

Кирилл. В хозяйстве нужна система, дисциплина, – иначе это просто дилетантство... (Громко.) Я в деревне вырос и мужиков как свои пять пальцев знаю. Им пальца в рот не клади – откусят.

Все смеются.

Анна Павловна (тихонько Римме). А сам мужику – последнее зерно готов ссыпать...

Гавриил (Левченко). Все дело в перевоспитании, как я уже вам говорил.

Левченко. Дорогой Гавриил Алексеевич, я с вами не совсем согласен. Вы находите, что нежизнеспособность нашей интеллигенции зависит от ее неустойчивости, неумения и нежелания преодолевать известные моральные и физические лишения. Но я опрошу вас, – разве народ наш не страдал, не преодолевал, бесконечно, безысходно, веками, муки горше крестных? И каковы результаты?

Гавриил. Вы сказали... безысходно – c'est le mot. Именно – безысходно, безропотно,
Страница 148

изумляя своим многовековым терпением народы и нации... Но не то требуется, поймите... Надо именно исход – не безысходность. Я смотрю гораздо шире. Глубоко убежден, что путь к совершенству, к идеалу, – если он только осуществим, – лежит через страдания, через Голгофу... Ничто так не очищает, не возвышает душу человеческую... Поэтому мне глубоко ненавистна вся эта квазиевропейская, мещанская «культура» берлинского жанра, все эти автобусы, автомоторы, машинки, подставки, имеющие целью избавить человека от всякого еле ощутимого неудобства и превратить его в автомат, нажимающий кнопки, – одну для рта, другую для ног, третью для рук... (Ходит по комнате, заложив руки в карманы.) В этом я вижу великую грядущую особенность России, что она найдет другой путь к свободе духа – никогда не создаст себе фетишей из вещей и быта. Дело не в том, – прожить ли жизнь с большим или меньшим комфортом, в рабстве у «вещей» – идеал всей мещанской Европы, а в том, чтобы прожить достойно, выявляя в каждом жизненном конфликте, общественном, личном, семейном, наивысшую степень человеческой духовности. Технический прогресс – вот идеал, вот все устремление мещанства... Материализм забил, чрезмерно упредил духовность – вот в чем трагедия современности. (Левченко внимательно слушает. Мэри и Римма шепчутся на диване.) Люди не хотят понять, что в силу неизбывных противоречий жизни, из коих первое – смерть, цель человечества не должна заключаться в достижении счастья. И что знаем мы вообще о счастье? Ведь то, что считалось радостью вчера, – потускнело сегодня, и счастье для меня – может быть несчастьем для Павла, Ивана и прочих... Нет никакого счастья, общего для всех. Мы можем только стремиться к достойному отношению к жизни и смерти – вот на что следует устремить внимание человечества... Нужны великие потрясения – война, революция, мировое землетрясение, – какая-нибудь колоссальная катастрофа, кровопролитие, несчетные жертвы, чтобы человечество спохватилось и поняло наконец, что оно на ложном пути. Мы, гуманисты, знаем, в каком мы живем зле, знаем, что лежит в основе всякого переворота, – страстная жажда очищения, великая тоска по идеалу.

Анна Павловна (вздыхая). Верно ты все говоришь, Гаврюша...

Левченко. Ненавистное вам мещанство – тоже ведь палка о двух концах... Все это, пожалуй, гораздо сложнее и запутаннее, чем нам кажется. Ведь это бюргерство покрыло Западную Европу сетью железных дорог, ввело всеобщую грамотность, рациональное сельское хозяйство, поняв, что элементарная культурность и благосостояние государства – синонимы... Посмотрите, – если вспыхнет война, как Отчаянно ринутся все эти бюргеры защищать свои очаги, именно в силу этого обожания своего мещанского уюта. А у нас, где же этот технический прогресс? Все, что вы сказали, если и справедливо, то только в отношении Европы. У нас же чудовищная Техническая отсталость, разрешающая нам только униженно тащиться в хвосте Европы. Все наши невероятные природные богатства лежат до сих пор под спудом... Я, как инженер, знаю, каких трудов стоило раскатать нашу горнопромышленность на Урале... Победить нашу органическую инертность...

Кирилл. Совсем не так безнадежно. Дайте мужику, во-первых, всеобщее образование, во-вторых, мелкий кредит и кооперативы, в-третьих, народные дома и читальни, – и вы через десять лет не узнаете наших лапотников...

Римма (Кириллу). О, да вы только кажетесь Громовержцем... А на деле – пай-мальчик... (Категорически.) Нет, впрочем, вы – Бова-Королевич...

Анна Павловна (с гордостью). Кирюша-то наш в земстве за грамотность – изо всех первый. (Тихо Римме.) А у вас деток своих нет?

Римма (небрежно). Был один мальчишка, да дрянь, отдала его в морской корпус.

Гавриил. У нашего несчастного народа все есть: и способности, и смекалка, и охота, надо только дать, – понимаете, дать ему возможность получить познания, дисциплинировать ум...

Левченко. В этом я с вами глубоко согласен. В моих поездках в глубь России, постоянно наталкиваясь на всевозможные экономические дефекты, я только одному поражаюсь...

Римма. Господа, помилосердствуйте... Вы здесь прямо заседание «Вольной экономики» устроили. (Подходит к окну.) Ура... Дождь кончился... Сейчас солнышко выглянет... Едем на лодке на тот берег – в сосновый бор...

Собрание пьес. книга 2. Фёдор Сологуб sologubfyodor.ru
Мэри (Левченко). Едем? Вы обещали грести...

Левченко (весело). «Всегда готов»...

Кирилл. Молодчина... (Римме.) Я вам завидую...

Римма. Это его девиз... Господа, я вам выдам секрет. (Подбегая к Левченко и взъерошивая ему волосы, смеясь.) У инженера Левченко, как у Самсона, вся сила в его шевелюре... Стоит только ему во сне ее обрезать, – и пропал мальчик...

Все смеются. Левченко смущенно отстраняет Римму.

Римма. Идем... (Запевает.) «Allons, enfants de la Patrie».

Кирилл (Римме, поднимая оброненный ею платок). Какие это у вас духи?

Римма. «White Rose»... (Лукаво взглядывает на Мэри.) Я с некоторых пор признаю только английские...

Мэри. А ты, Гавриил? Останешься?

Гавриил. Да, мне что-то нехорошо...

Мэри подходит к нему, целует его в голову.

Шумно уходят все – Кирилл, насвистывая «Из-за острова на стрежень», – кроме Гавриила и Анны Павловны.

Явление шестое

Гавриил, Анна Павловна, Аглая Семеновна.

Аглая Семеновна (просовывая в дверь голову). Гавриил Алексеевич, вы диктовать еще будете?

Гавриил. Ах, простите, Аглая Семеновна, сейчас приготовлю следующую главу. Попрошу вас минут через десять... Мама, дай мне порошок от головы...

Анна Павловна. Сейчас, сейчас, батюшка, тебе в кабинет принесу. Да ты уж второй день невесел...

Гавриил. Голова у меня болит невыносимо... (Уходит.)

Явление седьмое

Анна Павловна, Глаша.

Анна Павловна. Не нравится мне эта шмыгала... Чуть что – нос в дверь, нюхает... Пойти Гаврюше порошки поискать... (Уходит.)

Явление восьмое

Глаша убирает со стола. Аглая Семеновна, оглядываясь и видя, что никого нет, быстро идет к столу, мажет на хлеб варенье и торопливо ест.

Аглая Семеновна. Глаша, вы мою записочку Кириллу Алексеевичу на стол положили?

Глаша (небрежно). Положила.

Аглая Семеновна. На машинке написано, – он не догадается, от кого... Ну, я ему хорошо там эту ломанку расписала... Вы, Глаша, не говорите, от кого...

Глаша. Что ж это вас, барышня, с собой гулять не взяли?

Аглая Семеновна (скрывая обиду). Мне надо с Гавриилом Алексеевичем заниматься. Да я вовсе и не желаю... Мне совсем не интересно... Смотреть, как эта крашенная Кириллу Алексеевичу глаза строит, а ее-то муженек около Марии Александровны тает... Я – девушка серьезная, я всего этого...

Глаша. А зачем барину молодому записки пишете? Поди, через день по письму...

Аглая Семеновна (вспыхнув). Это не ваше дело, Глаша. Я ему пишу не какие-нибудь глупости...

Глаша (дразня ее). Вот-то вы и курсы покончили, и по-всякому пишете, а не возьмет вас никто замуж...

Аглая Семеновна. Дура. Может быть, я и сама не хочу...

Глаша. То-то не хотите... А вот нашей барыне, хочешь – не хочешь, чего, чего зимой ни присылают и знакомые, и незнакомые... И писем, и цветов...

Аглая Семеновна (жадно). Ну, и что ж, – она принимает?

Глаша (степенно). Как от кого, с разбором... А больше – письма посылному обратно, а цветы – в магазин...

Аглая Семеновна. Мужчины – дураки. Им бы только рожицу смазливенькую да ха-ха, хи-хи... А серьезную девушку... и не замечают... (Рассматривает себя в зеркало.) Чем я хуже этих красавиц?

Аглая Семеновна уходит.

Глаша. То-то, больно им твоя серьезность нужна. А сама к зеркалу так и липнет. Коки завивает. Туда же, – дурында... Куда ей с нашими сравниться. (Уходит с подносом.)

Явление девятое

Левченко и Мэри быстро входят, споря.

Левченко. Нет, кроме шуток, Мария Александровна... Если вы не перемените ваших туфелек, я с вами не ездок... Опять заболете, как прошлый год... Так сыро после дождя... Лодка вся мокрая...

Мэри (садясь на диван). Да ведь высокие ботинки целый час зашнуровывать...

Левченко. Ради Бога... Где ваши ботинки? Ручаюсь, что через пять минут мы их догоним.

Мэри. Вы слишком любезны... Я позову Глашу... Кажется, здесь, в этом шкафчике.

Левченко (вынимает из углового шкафчика высокие ботинки). Дозвольте мне, Мария Александровна... Я вас прошу... Я в одну минуту... (Становится на колени и почтительно, еле касаясь, ловко и быстро шнурует ботинки Мэри.)

Мэри (задумчиво). Откуда вы знаете о моей болезни?

Левченко. О, я все о вас знаю... Римма мне каждый пустяк передает. Знаю, какие ваши любимые книги, как вы любите цветы, какие стихи вы читаете. Даже мечты ваши стараюсь угадать.

Мэри (по-прежнему задумчиво). Да? Я люблю музыку, стихи... А вы? Тоже? (Оживляясь.) Давайте вместе читать... Сейчас... (Подходит к полке с книгами, берет томик в парчовом переплете.) Вот стихи фета.

Левченко. С каким бы я восторгом, здесь, сейчас... (Вспомнив.) А как же наша компания?

Мэри (вставая). Нет, нет, это не по-джентльменски... Они нас ждут. Идем... (Левченко подает ей тросточку.) Благодарю... Какой вы милый...

Уходят под руку.

Явление десятое

Аглая Семеновна (с тетрадкой в руке). Маркиз с маркизой... Как вам это нравится... Надо будет Гавриилу Алексеевичу написать... На машинке – не узнает, от кого... А то вчера весь вечер музицировали, романсы распевали... квартет изображали. Ночью, при луне, верхом, в амазонках... Сплошной карнавал какой-то. Вот уж погодите, заварится каша. (Уходит.)

Действие третье

Декорация первого акта. Вечер. Терраса и сад у террасы увешаны разноцветными фонариками. Аглая Семеновна и Кирилл зажигают их. Между вторым и третьим действием прошло полтора месяца.

Явление первое

Аглая Семеновна. Кирилл Алексеевич, будьте любезны, передайте мне еще фонарик.

Кирилл (не глядя на нее). К вашим услугам. (Передает.)

Аглая Семеновна. Как красиво... Вы, Кирилл Алексеевич, любите (жеманно) блеск жизни?

Кирилл. Я вас не понимаю, Аглая Семеновна, – какой блеск? Что вы под этим подразумеваете?

Аглая Семеновна. Ну вот, разные искусственные ухищрения, – наряды, духи, косметики, фейерверки...

Кирилл (коротко). Я люблю все красивое.

Аглая Семеновна. Я – тоже. Но только есть разница между естественным и...

Кирилл. Извините, – мне некогда, я обещал Римме Николаевне приготовить букеты... (Убегает.)

Аглая Семеновна (одна). Один разговор теперь у него: Римма да Римма... Невежа...

Явление второе

Аглая Семеновна и Гавриил.

Гавриил (бледный, осунувшийся, в пальто). Аглая Семеновна, будьте добры отыскать мне предпоследнюю главу. Я должен ее сегодня просмотреть...

Аглая Семеновна. Сию минуту, Гавриил Алексеевич. Разве вы сегодня будете работать?

Гавриил (рассеянно). А что сегодня?

Аглая Семеновна. Да как же, для дня рождения Марии Александровны зажгут иллюминацию... Фейерверк... Разве вы не хотите посмотреть?

Гавриил. Ах... Нет, я не могу, мне очень нездоровится... И работать надо, я и так уж запустил... (Хочет уйти, в дверях.) Аглая Семеновна, я вас очень прошу – не пишите мне никакого вздора и не позволяйте себе никогда затрагивать моих домашних. Иначе мы принуждены будем расстаться...

Аглая Семеновна (вспыхнув). Это вовсе не я.

Гавриил. Кто же, как не вы... Кто кроме вас здесь пишет на машинке? (Уходя.) Пожалуйста, не забудьте – главу.

Аглая Семеновна поспешно выходит.

Сцена мгновение пустая, потом за сценой голос Кирилла:

– Где же Павел? Павел, сколько раз я говорил...

Явление третье

Кирилл, с ворохом роз и левкоев в руках.

Кирилл. Ведь это надо придумать... Отлучиться без спросу сегодня, когда, как нарочно...

Глаша. На деревню старшина вызвал, – говорит, экстренно...

Кирилл. Что такое – экстренно? Я сейчас себе все руки об розы переколол... Вечная

Собрание пьес. книга 2. Фёдор Сологуб sologubfyodor.ru
история... Сказано, без спроса... Ступай – принеси ножницы...

Глаша уходит.

Явление четвертое

Римма, нарядная, в кружевном белом платье, оживленная.

Кирилл (навстречу ей). Римма Николаевна... простите, Павел куда-то отлучался, я не успел приготовить букеты... (Оглядывая ее.) Боже, как вы хороши... (Подает ей розу.)

Римма. Вы находите? (Ударяет его розой по руке.) У, бука... А кто вчера отказался со мной ночью на мельницу идти? Я из-за вас пари проиграла...

Кирилл (смотрит в землю, упрямо). Да, и отказался. Но вам легче было проиграть пари, чем мне пойти с вами.

Римма (кокетливо). Почему, господин Букин?

Кирилл (глухо). Римма Николаевна, вы мною играете... А я... этого не могу...

Римма (шутливо). Какие мы сердитые... (Берет Кирилла за руку, дружески.) Полноте, дружок, ведь так все было славно, – зачем это? (Смеясь.) Мы всегда влюбленным гимназистам говаривали: «Скушайте конфетку, и все пройдет»...

Кирилл (мрачно). Я не гимназист, Римма Николаевна, и конфетками вам меня кормить не придется... Вы меня совсем не знаете... (Взволнованно.) Я – человек прямой, цельный, – в жизни у меня не было никаких... авантур... Я никогда не любил... (Порывисто.) Римма Николаевна, я буду вашим рабом, буду целовать следы ваших ног, – возьмите меня таким, какой я есть...

Римма (как бы изумленно). Ну вот, ну вот, голубчик, зачем все это...

Кирилл (в том же тоне). Зачем же вы меня мучили, зачем все лето вы были со мной так ласковы, так милы, так очаровательны... Я теперь всю жизнь... (Наклоняется, хочет скрыть слезы.)

Римма (растроганно). Ай-ай-ай... Бова-Королевич... и плачет... Полно, полно, дружок... (Шутливо смахивает ему слезы своим платком.) А то и я заплачу... Сейчас сюда все придут... Вот – сюрприз для Мэриного рождения... Ну, я прошу моего милого рыцаря... (Нежно гладит ему лоб и волосы.) Сегодня не надо... А после – мы поговорим... (Напевает.) «Ты – дитя, жизнь еще не успела...»

Кирилл (смахнул слезы и стоит перед нею смущенный и взволнованный). Простите, ради Бога... Первый раз в жизни у меня слезы... Я не имел права... (Целует ей руку.) Мне не в чем вас винить... Вы – чудная, прекрасная, единственная... Я сам вообразил...

Римма (хочет переменить разговор). Давайте скорее сделаем букеты. Один для Мэри, другой для Гавриила Алексеевича. (Напевает.) «В том саду, где цвели хризантемы...» Как вы думаете, – он не рассердится? (Делают букеты, подбирая цветы.)

Кирилл (оправившись). Разве Гавриил может на что-нибудь сердиться? Это ангел, а не человек... Только он последние дни мне не нравится... Пожелтел, осунулся... Я маме давно говорю, – надо доктора пригласить.

Римма. Кажется, ведь доктор сегодня здесь, в гостях?

Кирилл. Да, Сергей Петрович, но вы не знаете Гавриила... Он ни за что не даст себя посмотреть, не захочет испортить другим настроения... Знаете, какой это человек... Пока Мэри спит, он из деликатности не решается сапог надеть... Другой раз до полудня...

Римма. Готово... (Отрывает букеты.) Ну и мы – молодцы... А где же сеньор Поль?

Кирилл. Его зачем-то в деревню вызвали...

Явление пятое

Через террасу входят Анна Павловна, Мэри, Левченко, Аглая Семеновна, доктор Куликов. Мэри в белом, в причёске 20-х годов с локонами, на шее медальон; она

Собрание пьес. книга 2. Фёдор Сологуб sologubfyodor.ru
бледнее обыкновенного. Доктор Куликов средних лет, заурядная наружность, в очках.

Куликов. Ба, да у вас сегодня форменное торжество... А я и не знал, что Мария Александровна с Гавриилом Алексеевичем к нам на все лето пожаловали...

Кирилл (зажигает последний фонарик). Ну, господа, бал начинается... Римма Николаевна, прошу вас на тур вальса...

Римма (радостно). Танцевать, танцевать... А кто же нам сыграет? (К Аглае Семеновне.) Может быть, вы?

Аглая Семеновна (сухо). Я не играю. И не танцую.

Анна Павловна. Ну, кто же, кто... Конечно, мать родная... Только я ведь одну старину знаю...

Идет в дом и играет старинный, медленный вальс; на террасе танцуют Левченко с Мэри и Кирилл с Риммой, Аглая Семеновна и Куликов смотрят.

Куликов. А вы что ж, барышня, не танцуете?

Аглая Семеновна (напыщенно). Меня это не интересует. У меня другие симпатии...

Куликов. Какие же? Можно узнать?

Аглая Семеновна (хочет заинтриговать). Разные... А вы – разве не танцуете?

Куликов. В год – раз. Нашему брату некогда. (Любуясь Мэри.) Боже, какая интересная стала Мария Александровна... Помню ее в год свадьбы... (Указывая на Левченко.) А кто сей красавец?

Аглая Семеновна. Гость... (Нерешительно.) Может быть, вы желаете со мной?

Куликов (добродушно). Почему бы и нет... Только я по старине...

Неловко берет Аглаю Семеновну за талию и танцует с нею вальс в три па. Аглая Семеновна сбивается и никак не может попасть в такт. Вальс продолжается.

Кирилл (сбегая с террасы, разгоряченный). Жарко...

Куликов (ему вслед). Bravo, bravo, Кириша... Вальсируешь, что твой ротмистр гвардейский...

Римма (подбегая к Мэри). В каком ухе звенит? Говори скорей, – да или нет?

Мэри (под руку с Левченко, Римме). Ну, конечно, – нет. Помнишь, Римма, этот вальс?... Мы еще гимназистками на катке под него катались... Боже, как это давно было...

Римма (грозит ей пальцем). Мэри, Мэри... Помнишь наш разговор, тогда, в диванной? (Левченко.) Сэр, не увлекайтесь... (Направляется с Кириллом под руку в аллею, напевая: «О милый друг, тебя я не ревную».)

Навстречу им кто-то бежит.

Явление шестое

Из аллеи появляются девочки-подростки в разноцветных местных костюмах.

Кирилл. Вы что, девчата?

Девчонки (хором). Барыню молодую поздравить...

Мэри. Спасибо, спасибо, милые... Побудьте с нами.

Римма. Как это живописно... Couleur locale.3 Ну что ж? Девушки, спляшите нам...

Девчонки. Парней нету... И гармошки нет... Парни все куда-то уехали.

Римма. А вы без парней, промеж себя...

Девчонки пляшут, прихлопывая в такт руками. Все тоже хлопают.

Римма (Кириллу). Какая это, крайняя, хорошенькая...

Кирилл. Здесь вообще народ красивый, ловкий, способный...

Девчонки. Без парней неладно... Скушено... (Разбегаются.)

Кирилл (им вслед). Ступайте на двор, гостинцев дадут...

Девчонки (на ходу). Покорнейше благодарим. (Убежали.)

Римма (у клумбы цветов, восторженно). Какая мочь... Как чудно, как сладко пахнут левкой... (Напевает.) «И ночь, и любовь, и луна»... Цветы, музыка, любовь... (Кириллу, возбужденно.) Знаете вы это настроение, когда хочется, чтобы время остановилось?

Кирилл (восхищенно глядя на нее). О, если бы вечно благоухали левкой, если бы вечно глядеть в ваши глаза...

Уходят в аллею.

Явление седьмое

Левченко и Мэри на площадке у террасы.

Левченко (не отрывая от Мэри глаз). Вы сегодня, в белом, похожи на ангела... И как вы пели...

Мэри (опускаясь на садовый диван, мечтательно). Сегодня мне 29 лет, – а я все еще чувствую себя молодой... Еще все чего-то жду, кажется, – вся жизнь еще впереди, я вся в предчувствиях, в ожидании... (Вдруг, быстро.) Какого еще чуда я жду?

Левченко. Перед вами вся жизнь... Вы молоды, прекрасны...

Мэри (задумчиво, себе самой). Когда я пою или мечтаю, весь мир кажется мне иным... Чувства – утонченными, романтичными, люди – изящными, нежными. (С горечью.) Почему все не так? (Пауза. В том же тоне.) Всегда, всегда, всю жизнь это странное ощущение, точно все это только прелюдия, а жизнь – прекрасная, таинственная, как сказка, как мечта, еще впереди... Я все еще чего-то жду, живу точно во сне, в волшебных грезах, волнуюсь необычайно... (Хочет уйти.)

Левченко (с мольбой). Побудьте здесь мгновенье... Весь день я вас не видел...

Мэри (с тоской, себе). Мой муж болен, я люблю его и знаю это, сердце мне говорит, я вся сжимаюсь от ужасного предчувствия какой-то беды... Весь день места себе не нахожу от гнетущей тоски, а сейчас, – о, как странно, я здесь, – с вами, смеюсь, танцую, мечтаю о невозможном...

На террасе никого нет, вальс все еще доносится.

Мэри (тихо, сжимая руки). О мечты мои...

Левченко. Мэри... (Берет ее за руку.)

Мэри (холодно отдергивая руку). Что с вами? Что со мной? (Медленно проводит по лбу, хочет встать.) Как все это странно...

Левченко (удерживая ее). Ради Бога... Мария Александровна... Я сошел с ума... Выслушайте меня... Вчера, в этой аллее, когда вы мне рассказали о себе, когда я понял, какой крест вы несете под этой вечно улыбочивой маской счастливой женщины...

Мэри (гордо). Я вам ничего не говорила о себе... Вы не поняли... (С горечью.) Конечно, я счастлива, – у меня чудный, талантливый муж, я здорова, обеспечена... Никому нет дела... (Вдруг, с отчаяньем.) Я ненавижу ложь... Вчера я в первый раз солгала Римме...

Левченко (серьезно). Лгать не надо... (Вдруг становясь нежным.) Зачем этот тон? Мэри... дорогая... За каждую вашу слезу я готов заплатить годами жизни... (Страстно.) Мэри, я без вас жить не могу... (Наклоняется к ней. Мэри, неожиданно для самой себя, словно во сне, берет его голову и, закрыв глаза, целует его в губы) Мэри...

Музыка обрывается.

Мэри (в ужасе, сжимая руки, глухим голосом). Кто сказал, что любовь – радость? Какая невыразимая грусть... (Встает, бледная, шатаясь.) Так вот что значила... эта тоска... это волнение...

Левченко (вставая, простирает к ней руки, в порыве). Мэри, мечта моя, Мэри...

Идет за Мэри бледный, словно ничего не сознавая. Мимо них из сада на террасу бегут Римма и Кирилл, весело возбужденные.

Римма (напевает). «Тебя любить, обнять и плакать над тобой»... (На террасе берет со стола позабытые букеты.) Букет новорожденной... Букет царице бала... (Подает Мэри букет, целуя ее.) Дуся... Ты сегодня похожа на лермонтовскую Тамару... Что с тобой? Бледна, как изваянье...

Мэри (с усилием над собой). Мне холодно, в саду сыро... (Берет букет, подносит к лицу.) Какая красота... А кому же другой?

Кирилл. Гавриилу предназначался. Да его что-то не видно.

Мэри (вдруг, словно очнувшись, вскрикивает). Где Гавриил? Где он? Что с ним?

Явление восьмое

На террасу выходят Анна Павловна и Куликов, чем-то тихо разговаривая. У Куликова в руках рецепт.

Анна Павловна (испуганно). Кто это вскрикнул?

Куликов. Господа, попрошу вас потише... Гавриилу Алексеевичу сейчас было худо... Он лежит...

Все. Что? Что такое?

Мэри (бросаясь). Пустите, я к нему...

Куликов. Не волнуйтесь, ради Бога... Ничего серьезного... Лучше попозже, – он, кажется, задремал...

Мэри, не слушая, убегает. Кирилл за ней.

Явление девятое

Анна Павловна. Вот и праздник, да невесело... (Крестится.) Господи, спаси и помилуй... Как на грех, надо в аптеку послать, а Павла все нет да нет...

Левченко. Позвольте, я съезжу верхом...

Анна Павловна. Зачем же вам, батюшка, беспокоиться...

Левченко (берет у нее рецепт). Я моментально слетаю... Через час буду обратно... (Поспешно уходит. Доктору.) Я не прощаюсь...

Явление десятое

Те же и Кирилл. На террасе Куликов, Анна Павловна, Римма. В саду фонарики гаснут.

Куликов. Ну, что больной?

Кирилл (спокойно). Ничего. Спит. Напрасно вы Мэри пустили. На ней лица нет...

Анна Павловна. Уж вы, Риммочка, – я вас попрошу, фейерверки-то нынче не пускайте... Ни к чему...

Кирилл. Отложим до Мэриных именин, – через три дня.

Римма. 22-го? Ну, что ж, отложим. Жаль только, – сегодня вечер такой дивный. А тогда можно живые картины... (Кириллу.) Вы любите фейерверк, Кирилл Алексеевич? Я обожаю...

Кирилл. Я – тоже...

Римма. Так призрачно, так похоже на сказку... Так уносит от действительности... Все, что повышает жизнеощущение...

Отходят в сторону, разговаривая.

Анна Павловна (доктору). С чего это, батюшка, с Гаврюшей случилось?

Куликов. Ослабление сердечной деятельности... Нервное переутомление, раздражение... Не было ли у Гавриила Алексеевича за эти дни какого-нибудь сильного огорчения, взволновавшего его известия, письма?

Анна Павловна. Кажется, ничего такого, батюшка... Эти-то, молодежь, все в гулянки, верхами да в мячики, а он, мой батюшка, и с мол оду-то не любил... все за книжками... (Плачет.)

Куликов. Ну, полно, Анна Павловна, уж от вас-то я не ожидал...

Явление одиннадцатое
Те же и Глаша.

Глаша (доктору). За вами нарочный прискакал. Говорит, пакет важный, – в присутствие вызывают...

Куликов. Ах, Боже мой, что там такое... (Вынимает часы.) Анна Павловна, я извиняюсь, должен ехать, вероятно, что-нибудь серьезное... Я полагаюсь на вас... Микстуру – через час по столовой ложке... В случае повторения – теплые компрессы на сердце и затылок. И ради Бога – не волнуйтесь... Я завтра заеду... (Уходит через аллею.) Чертова тьма! (Вскрикивает.) Кто тут?

Явление двенадцатое
Куликов, баба, Анна Павловна.

Баба (на дорожке сада, голосит). Батюшки-светы... И пришел конец свету белому... Ваську возьмут и Ваньку... (Ревет.)

Куликов. Да что ты, говори толком. Белены объелась, что ли?

Баба (размахивая руками). Батюшка, народ скликают... Мобилизацию расклеили... Идет на нас Антихрист, Ерман окаянный. Ваньку, Ваську возьму-ут сердце-ешных... (Ревет и убегает.)

Куликов. Мобилизация... Значит, – свершится? Потоки крови... (Поспешно убегает.)

Анна Павловна (закрыв лицо руками). Господи Боже, смилостивись над нами, грешными.

На балкон выбегает Аглая Семеновна, машет руками.

Аглая Семеновна. Скорее, скорее. Гавриилу Алексеевичу опять худо... Упал с кровати...

Анна Павловна бежит в дом. Откуда-то из темноты появляются Римма и Кирилл, оба встревоженные, и бегут на террасу.

Римма (взволнованно). Что такое? Кто здесь плакал?

Аглая Семеновна (кричит с балкона бесстрастно). Война объявлена... У Гавриила Алексеевича – удар...

Римма. Не может быть...

Все в смятении бегут в дом. На сцене пустота. В саду всходит низкая, красная луна. Из-за деревьев выходит Павел. Ему навстречу из-за кустов Глаша.

Явление тринадцатое
Павел и Глаша.

Глаша (тревожно). Ну, что, Павлушенька? А ежели и вправду с Ерманом воевать будем?

Павел (решительно, притворно-весело). Завтра утречком прощайте, Глафира Ивановна... Пойдем служить царю-батюшке...

Глаша (вскрикивает). Аи, батюшки-светы... На кого ж ты меня, Павлушенька, оставляешь... (Плачет.)

Павел (деланно-презрительно). Ну, бабье... Разве с вами можно о деле говорить... (Нежно.) Ну, Глаша, не плачь, я тебя не оставляю...

Уходят, обнявшись.

Явление четырнадцатое
На террасе Мэри, одна; сверх белого платья накинут черный плащ.

Мэри. Так вот к чему этот сон, это предчувствие... Вот отчего у меня щемило сердце... Вот где мой крест... (Крестится сквозь слезы.) Господи, – твоя воля...

Явление пятнадцатое
Мэри. На террасу из дому выходит Левченко.

Мэри (навстречу ему). А, это вы...

Смотрят друг на друга серьезно и прямо.

Левченко. Мэри... (Тихо, бережно берет ее за руку и ведет к скамье.) Мэри... Я все знаю... Доктор попался мне навстречу... Это не так опасно, – с этим живут годы... Гавриил Алексеевич перенесет, у него хорошее сердце... Мэри, я завтра уеду... Даю вам слово, что из-за меня вы не прольете больше ни одной слезы... (Мэри плачет. Нежно, тихо.) Дорогая, о чем же плакать? (Взволнованно.) Сегодня такой великий день.

Мэри. Сколько страданий, сколько слез...

Левченко (твердо). Но ведь вы сами говорили, что страданий не надо бояться, что страдания – очищают? Помните: «Очарование печали»? Мэри, я многому научился за это время от вас (нежно берет ее за пальчики), от этих нежных, хрупких цветков... Мэри, великие испытания ждут нашу страну... Мы все должны с радостью пойти навстречу ее судьбе.

Мэри. Радость печали? «Счастье – не цель жизни», – как говорит Гавриил.

Левченко. Сейчас, когда я ехал, один среди жуткого мрака леса, я пережил в один час столько, сколько, может быть, за всю жизнь не пережил... И вот изо всего этого, из сплетения всех этих печалей и радостей, ужаса и восторга, мне видится один исход, я слышу один завет: страдай, борись, неси крест свой...

Мэри. Я видела сегодня сон... Иду по лугу... Такой странный красноватый свет. Ни день, ни ночь... Все цветы завяли, поникли... (Вдруг громко, с горечью.) О, как могла я мечтать о мирной жизни здесь, о цветах, о розах, когда повсюду вокруг такая печаль, мы живем во зле. Вчера я возвращалась домой так беззаботно, с цветами... Вдруг возле лесной сторожки ужасный кашель... Зашла, – дочь лесника, молоденькая, в последнем градусе чахотки... Исхудалая... одни глаза... И вот она передо мною день и ночь...

Левченко (нежно). Вы слишком впечатлительны, милая Мэри. Простите, что я вас так называю, но ведь это последний вечер.

Мэри. Вы завтра уедете, вас призовут.

Левченко (взволнованно). А если нет, – неужели бы я мог спокойно оставаться здесь... Я с радостью пойду послужить родине в такой час. Умереть в открытом бою... (Задумчиво.) Я жил, я любил, я знаю, как прекрасна жизнь со всеми ее радостями, но прекрасны могут быть и смерть, и страдания... (Берет обе руки Мэри.) Мэри, попрошу у вас одного: разрешите мне вам писать... Ваш образ будет меня хранить... А если мне суждено... я унесу с собой память о том – единственном и последнем...

Мэри в тоске встает; Левченко целует ей руку, она целует его в лоб.

Мэри. Да хранит вас Бог... Я буду молиться за вас... (Левченко, бережно поддерживая ее, ведет ее на балкон.) Посмотрите на небо... Какая странная луна... Точно кровь.

Явление шестнадцатое
Те же и Кирилл.

Кирилл (участливо). Мэри, ему лучше после лекарства. Тебе нужно отдохнуть. Уже третий час... Мама тебя ищет...

Мэри прощается с обоими и покорно идет в дом.

Явление семнадцатое
Кирилл и Левченко, на ступеньках балкона, закуривают.

Кирилл (возбужденно). Что ж, сэр, завтра – в путь? «Война, подъяты знамена...»

Левченко. Да, с первым поездом... А вы?

Кирилл. Я еще не решил... пойду ли добровольцем или с земским санитарным отрядом... Вероятнее последнее, здесь скорее в дело... (Прислушивается. По реке слышен топот, – кто-то бежит.) Побегали наши иваны... Земля-мать позвала...

Левченко (смотрит вдаль). Уж светает... Великий день... Сколько судеб решается сейчас, где-то там, на страницах великой книги Бытия...

Кирилл. Не знаю, как вы, а я рад... Что-то много чего-то накопилось, – «судьба жертв искупительных просит...» А в опасности есть своя красота... Я на пожар в деревне, еще мальчиком, всегда рвался, как на праздник... Как это у поэта:

Все, все, что гибелью грозит,
Для сердца смертного таит
Неизъяснимы наслажденья,
Бессмертья, может быть, залог.
Красиво сказано, а? Послушайте, сэр, неужели вы спать пойдете?

Левченко (закуривая новую папиросу). Нет, – я сегодня спать не могу... Слишком много впечатлений...

Кирилл. Пойдемте к реке, пошатаемся... Когда еще на Волгу взглянуть придется...

Левченко (бросая папиросу). Вот отлично... Идем к Волге, прощаться.

Уходят вместе. Кирилл насвистывает «Что наша жизнь – игра».

Левченко (на ходу). Сколько сегодня людей не спит...

Занавес.

Действие четвертое
Кабинет Гавриила в усадьбе Воронцовых. Светлая, уютная комната с печкою в виде камина, уцелевшею старинною обстановкою и книжными шкафами. У большого окна в сад – пишущая машинка; на стене карта фронта. Яркое декабрьское утро. Между третьим и четвертым действиями прошло шесть месяцев.

Явление первое
Гавриил, постаревший; в глубоком кресле, с закутанными пледом ногами, близ

Собрание пьес. книга 2. Фёдор Сологуб sologubfyodor.ru
топящейся печки, читает газеты. Входит Анна Павловна, сильно похудевшая, в черном.

Анна Павловна. Ну что, Гаврюша, как ночь спал?

Гавриил. Превосходно. Право, мамочка, я скоро на балы смогу выезжать.

Анна Павловна (радостно). Услышал Господь наши молитвы... А только нынче, должно быть, уж не до балов нашим будет... Что в газетах пишут, Гавриил?

Гавриил. Да это старая... Наши войска отошли на новые позиции...

Анна Павловна. Что ж, Гаврюша, – это худо?

Гавриил. Ах, мама, вы все воображаете, что война – это прогулка церемониальным маршем к чужим столицам... Бывает и худо, бывает и хорошо... И вообще, ведь эта война вовсе уж не так внезапна, не так случайна, как кажется... Разве не чувствовалось еще задолго до нее во всех сферах – общественной, личной, семейной, – даже в литературе, в искусстве, что назревает какой-то колоссальный взрыв, надвигается мировая гроза, которой суждено или вырвать все с корнем, или изменить все основы жизни? Ведь мы все задыхались в этой атмосфере взаимной ненависти, вражды, злопыхательства, невероятной грубости... Чувствовалось, что дольше так жить нельзя. Война только выявила наружу, только освободила эти глухо-клокотавшие силы, все равно грозившие вырваться наружу.

Анна Павловна (не слушая его). От Кирюши писем что-то нет уж давно. Душа не на месте, – не случилось ли с ним чего. Не дай Бог, захворает.

Гавриил. А что, Михаил поехал за почтой? Где Мэри?

Анна Павловна. Почта скоро должна быть... Мэри у обедни, сейчас вернется...

Гавриил (перевортывает газету). Вот и здесь есть известие об учреждении этого Свободного Университета, куда меня зовут... Поистине неисповедимы пути твои, Россия... Кто бы подумал, что в разгар самых невероятных, самых кровопролитных битв в тылу будут возникать и множиться те культурные предприятия, в которых Россия нуждалась полвека тому назад... (Задумывается.) Кооперативы, народные дома, союзы, съезды...

Явление второе

Те же и Мэри. Она в простом, темном платье и белой кружевной косынке на плечах; в руках муфта. С морозу румяная, выглядит хорошо; вся как-то спокойнее, мягче. Целует Гавриила.

Мэри. Я потихоньку ушла, чтобы тебя не разбудить... Какой чудесный день. Ясно, солнечно, – снег чистый, словно сахар. Тебе бы надо покататься сегодня. Воздух чудный.

Гавриил (шутливо). О ком молилась, донна Анна?

Мэри (тоже шутя). «О всех плавающих, путешествующих, недугующих...» (Серьезно.) Свечу поставила за помин души нашего Павла...

Анна Павловна. Вот это дело сделала, Мэричка.

Мэри. Какую проповедь хорошую отец Николай сказал... «Больше сея любви никто же иметь...» (К Анне Павловне.) Ну, а что Глаша?

Анна Павловна. Все мучается, бедняга... Стонет – вся почернела. Ужо придет Куликов, – надо его попросить поглядеть...

Мэри. И зачем только ей письмо это дали... Неужели же Михаил не понимает, что беременной женщине нельзя...

Анна Павловна. Да уж я его ругала, ругала... Затвердил – последняя воля брата... Пойти Глашу проведать? (Выходит.)

Явление третье

Гавриил и Мэри.

Гавриил. Мэри, я тебе еще не говорил... Я получил предложение от нашего университетского кружка вступить в число лекторов учреждаемого в Москве Свободного Университета... Что ты на это скажешь?

Мэри. Что ж... Превосходная идея.

Гавриил. Если, Бог даст, я к Новому году совсем поправлюсь, мы можем, значит, в Москву перебраться... Поди, тебе уж в деревне прискучило?

Мэри (спокойно). Гавриил, – мне безразлично. Теперь надо сообразовываться с твоими, а не с моими желаниями... Мне и здесь – хорошо. Да и некогда скучать. Сначала твоя болезнь, потом заменяла учителя в школе, теперь писать тебе на машинке...

Гавриил (нахмурившись). Не нравится мне этот твой новый тон. Мэри, что ты – в сестры милосердия при мне поступила, что ли? Я давно хочу с тобой поговорить. Теперь скоро я буду на ногах, и нам предстоит решить вопрос о дальнейшем... (Мнется.) Я не хочу тебя ни в чем стеснять... Если у тебя есть намерения... Словом, – ты понимаешь, – для меня человеческая личность священна...

Мэри слушает, в конце речи Гавриила нежно целует в лоб.

Гавриил (неожиданно резко, отодвигая ее). Я еще не умер, чтобы меня целовали в лоб...

Мэри (удивленно). Гавриил, что ты говоришь? Я тебя не понимаю. О каких намерениях? Я никуда не собираюсь...

Гавриил (утих). Видишь ли... при нашей разнице лет, легко может случиться... Словом, – я считаю тебя свободною во всех отношениях.

Мэри. Гавриил, это совсем не твой стиль... (Быстро подходя к нему.) Давай объяснимся. Неужели ты думаешь, что... если бы со мной... что-нибудь «случилось», – я бы не сказала тебе первому? Неужели была бы способна проделывать безвкусную тривиальность, именуемую адюльтером? Скажи, – ты это подумал?

Гавриил (уклончиво). Ведь много есть моложе меня и интереснее.

Мэри (внезапно резко). И что же? Что же, ты меня на «конкурс мужской красоты» посылаешь? Чтобы я могла себе выбрать «резвого фокстерьера» по вкусу? Что случилось, Гавриил? Допустим даже, что вдруг каким-нибудь чудом я увлекусь кем-нибудь... достойным... Что же, – разве это изменит мое отношение к тебе, раз навсегда определившееся и непоколебимое... Разве наш союз для тебя не свят?

Гавриил (мягко). В этих-то случаях и происходят драмы...

Мэри. Пусть даже – трагедия, – так что ж? Я даже не представляю себе, как одни отношения, – если они подлинны и святы, могут быть вытеснены, заменены другими, – так же подлинными... Будет боль, будет тоска, будет внутренняя борьба, но – позабыть, предать, выключить из сознания. Ведь есть же у нас в душе святости...

Гавриил (радостно). Так, так, узнаю мою Мэри... (Заключает ее в объятия.) Ну, мне, старику, еще позволительно так думать, а тебе... Ведь ты и скрывать не способна...

Мэри (смеясь, закрывает ему рот поцелуем). Мы оба на это не способны...

Пауза. Ни звука; только дрова в печке трещат.

Мэри (отходя к окну, с горечью). Скоро, скоро, Гавриил, ты перестанешь за меня тревожиться... Еще каких-нибудь 3–4 года, и я перестану и мечтать, и тосковать, и петь...

Явление четвертое

Те же, Анна Павловна и Михаил с почтой.

Мэри (бежит навстречу). Ну, что, Михаил, мне письмо привез?

Михаил (ищет в сумке). Вам – целых два. Барыне – из действующей армии... Барину – газеты... Сказывают – наши даже много австрийцев в плен взяли. (Подает письма.)

Гавриил. Ну вот, мама, видишь, – не все худо...

Мэри (беря письма, взглядывает на Михаила). Как Глаша, Михаил?

Михаил. Известно что – ревет. (Спокойно.) Помрет, – должно, к вечеру.

Мэри (встревоженно). Что ты, Михаил, говоришь? Зачем помрет? Все рожают... Погоди, я погляжу, как она у вас лежит...

Михаил (уходя, угрюмо). Помирать, видно, никому не хочется...

Мэри и Михаил выходят.

Явление пятое

Гавриил разворачивает газеты. Анна Павловна раскрывает письмо.

Анна Павловна (вскрикивает). Кирюша... Кирюша мой... (Беспомощно опускается в кресло.)

Гавриил (хочет ей помочь, но встать один не может, кричит). Мэри... Мэри... Скорее... Кто там...

Явление шестое

Те же и Мэри.

Мэри (вбегает). Мама... Кирилл... Я знала... Я чувствовала, что больше его не увижу. (Дает Анне Павловне воды из графина.) Он убит... Я знаю... Он для того пошел... Мама, родная...

Анна Павловна (приходит в себя, смотрит на всех растерянно). Мой сын, мой Кирюша, такой чистый, такой светлый... Никого никогда... Никто не знает, какой он был чистый... Мой мальчик... (Плачет тихо, неудержимо, жалобно всхлипывая.)

Явление седьмое

Те же и доктор Куликов в военной форме. Останавливается, пораженный.

Куликов. В чем дело? (Видя письмо на коленях плачущей Анны Павловны, догадывается.) Господи, неужели? Кирюша...

Мэри берет письмо у Анны Павловны и молча передает его Гавриилу.

Гавриил (читает). «Имею честь уведомить, что 12-го сего месяца в земском санитарном отряде пал смертью храбрых ваш сын Кирилл Алексеевич Воронцов, самоотверженно, с явной опасностью для жизни выносивший раненых из сфер огня под обстрелом. Санитар Воронцов скончался на месте, пораженный разрывной пулей».

Пауза. Тяжелое молчание. Мэри закрывает лицо руками.

Куликов (громко сморкается). Что бы меня, старую собаку, вместо него на тот свет отправили... (Смахивает слезы.) Да нет, он должен был погибнуть... Не на войне, так на дуэли, защищая кого-нибудь или ради женщины... Слишком уж был он прост и горяч... (Вынимает папиросу.)

Анна Павловна (тихо плача). Он женщин и не знал, и боялся... Все говорил: мама, я никогда не женюсь, всегда с тобой буду. Так на суде Господнем и предстал чистый... (Плачет.)

Куликов (тихо). Берег себя для родины... Как жених для невесты.

Гавриил. Мама, что же нам плакать? Мы отдали родине все, что у нас было самого прекрасного, самого дорогого... Такие жертвы только и угодны Богу, только и ценны... Мама, – в твоём сердце – печаль и скорбь, но и радость, и гордость...

Мэри (смотрит куда-то далеко, про себя, вдохновенно). Там, где-то далеко,

далеко, лежит среди чужих на поле брани наш милый брат, погибший славной смертью, положивший душу свою и жизнь за родину. Не бьется больше горячее сердце, тихо легли послушные руки на груди, чужие закрыли ему глаза, смотревшие на мир с такою верою, с такою любовью.. А рядом, может быть, тысячи таких же юных, чистых душою и телом уснули сном праведных.. Что может быть прекраснее.

И поистине светло и свято

Дело величавое войны.

Серафимы, – ясны и крылаты,

За плечами воинов видны..

Куликов. Народ говорит, – души убитых прямо с поля смерти возносятся к престолу Господню.. (Вынимая часы.) Ну, мне в лазарет пора.. Нам сегодня новеньких привезут.. (Гавриилу.) Мне бы вас, голубчик, на моментик потревожить..

Гавриил. Да полно, батюшка.. Скоро, кажется, я вас лечить буду.. Если ноги позволят (раздраженно), я в Москве с Нового года курс лекций по теории истребления тевтонов начну читать..

Куликов. Давно пора.. (Взглядывает ему в лицо.) Да вы, право, молодцом.. Это вы на волжском воздухе.. Я, голубчик, сегодня вас мучить не стану.. (Прощается.)

Анна Павловна. Батюшка, погоди, взгляни на Глашу-то.. Ведь тоже мучается.. Пойду и я.. (Хочет встать.)

Мэри (тихо Гавриилу). Пусть идет.. Это ее отвлечет.. (Помогает Анне Павловне встать и провожает ее и доктора до двери.) В нашем доме уже вторая жертва. (Доктору, тихо.) Наш Павел?

Куликов. Смерть всех равняет..

Анна Павловна и Куликов уходят.

Явление восьмое

Гавриил и Мэри.

Мэри. Как маме тяжело..

Гавриил (не скрывая скорби). Кирюша, кирюша, мой маленький братик..

Мэри (отходит к окну). Кто бы подумал, что это последнее лето.. Такое оно было тревожное.. Никогда его не забыть..

Тяжелая пауза.

Гавриил (приходя в себя, притворно-равнодушно). Что тебе пишут?

Мэри (протягивая ему оба письма). На, читай.. Одно – из Москвы от Риммы, другое..

Гавриил (не берет). Мэри, я, кажется, никогда..

Мэри. Римма в восторге от своего лазарета.. устраивает сборы, спектакли.. В Москве очень оживленно.. Все дружно работают..

Гавриил (дружелюбно). А на фронте что?

Мэри (спокойно). Все как следует. Михаил Сергеевич там совсем обжился, находит, что только там и жизнь, а здесь у нас – прозябанье.. Пишет (читает по письму): «Вы вот все время на одной реке, а я – каждый день на разных..» Скучает, когда в бою долго не приходится быть. Пишет, что все мужчины должны всегда носить форму и отбывать даже в мирное время военную службу, – так режим и дисциплина нервы закаляют.. Такой бодрый тон.. Про неприятеля пишет: «Он нас пугает, а мы его – тоже».

Гавриил. Ну, а «крещенья» еще не получал? Или, как они называют, «подарка»?

Мэри. Нет пока. Да он уцелеет (задумчиво), он не такой.. Одни – жертвы, обреченные, ищут, чтобы умереть, чтобы погибнуть, вот – Павел, Кирилл наш, а другие – чтобы сражаться, чтобы победить, как Михаил Сергеевич..

Гавриил (проводит рукой по лбу). Ах, Кирилл... Не могу себе представить... Надо, Мэри, за его телом съездить... Он так любил родную землю... Маме будет хоть его могилка утешением...

Мэри. Я сегодня же выеду... А ты маму удержи... Ее нельзя пускать... (Пауза. Отходит к окну, смотрит в сад, тихо...). Как давно это все, кажется, было... (Про себя, напевает.) «Отцвели, о, давно отцвели...» Что это я? (Умолкает.)

Откуда-то снизу доносится слабый детский крик.

Явление девятое
Те же, Куликов и Анна Павловна.

Куликов (в дверях). Поздравляю вас с новым гражданином вселенной... У Глафиры Ивановны сын родился...

Мэри. Так скоро? Ну, а сама она как?

Куликов (шутливо). Через неделю рожь колотить сможет...

Анна Павловна. В год войны все мальчики родятся...

Гавриил. Над полем смерти – новые всходы...

Анна Павловна (со вздохом). Человек в муках рождается, в муках и умирает...

Мэри. Пойду взгляну на нового гражданина...

Явление десятое
Те же без Мэри.

Куликов (взял за руку Анну Павловну, которая ищет портрет Кирилла на письменном столе). Анна Павловна, дорогая... Вы должны гордиться... Голубушка, ведь так у России слез не хватит...

Анна Павловна (нашла портрет, заливаясь слезами). Кирюша, сын мой... Красавец... Если бы покойный знал...

Гавриил (строго). Отец завещал нам любить Россию... Он бы сам Кирилла благословил...

Анна Павловна (плача). Красавец мой... голубь чистый...

Явление одиннадцатое
Те же и Мэри с букетом белых лилий.

Мэри. Мама, дайте я ему цветов... (Ставит портрет в рамке на отдельный столик, – сбоку букет в вазе.) Все цветы мира – павшим за славу... (К Анне Павловне, утешая ее.) Мама, эти чудные, благоуханные лилии завтра тоже умрут, отцветут... Вырастут новые, еще прекраснее... Все очарование цветов – в мгновении их благоухания, в мимолетности их красоты... Чем прекраснее цветок, тем кратче его цветение... Мама, мы ведь не оплакиваем цветов... Мы благодарны им за краткую радость... Не надо плакать, надо молиться...

Анна Павловна (обнимая Мэри). Одни вы у меня теперь, дети...

Гавриил (задумчиво). Все великое приходит в мир вратами жертвенного подвига...

Занавес (медленно).

Конец.

<1915>

Любовь и верность
Трагедия

Собрание пьес. книга 2. Фёдор Сологуб sologubfyodor.ru
Сюжет заимствован из Шатобриана

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Абен-Гамет, из рода Абенсерагов.

Герцог де-Санта-Фе.

Бланка, его дочь.

Дон-Карлос, его сын.

Томас де-Лотрек, пленный французский рыцарь.

Дуэнья Бланки.

Проводник.

Подруги Бланки, девицы и дамы.

Слуга Абен-Гамета.

Картина первая

Раннее утро. Предмесье Гренады. Площадь. Чертог герцога де-Санта-Фе. Вдали видны здания города.

Входят Абен-Гамет в тюрбане, в мавританской одежде и с маврским оружием, и слуга, старик.

Слуга

Все будет так, как хочет Всемогущий.
Напрасно, господин, ты вышел рано
И в городе родном, но неизвестном,
От дома к дому ходишь в нетерпенье.
Твой проводник в назначенное время
К тебе придет.
Абен-Гамет

Мне утра не дожидаться.
Быть может, счастлив буду, и найду
Жилище предков, и врага увижу,
И отомщу.
Слуга

Так захотел Всевышний,
Чтобы Гренада перешла к испанцам,
И маврам путь он указал в пустыню, –
За что же мстить?
Абен-Гамет

Одной живу я страстью –
Найти потомков рыцаря, которым
Убит был на могиле предков старец
Абенсераг. Быть может, этот дом?
В передрагасветном сумраке неясны
Его немые очертанья; двери
И окна заперты. Быть может, здесь,
На этой площади пустой, давались
Те праздники, которыми Гренада
Так славилась. Здесь проходили пары,
Великолепную парчой одеты;
Драконы здесь огонь метали пастью,
В себе скрывали воинов: затея,
Изящная для радости и смеха.
Любовные здесь пелись песни. Ныне ж
Здесь мавританской не услышу речи,
Красавица не ждет Абенсерага,

И в тех домах, где жили мавры, спят
Завоеватели на пышных ложах,
С которых побежденные бежали.
А я, Абенсераг, здесь, у порога
Отеческих палат стою тоскуя.
Слуга

Но где стоит чертог Абенсерага,
Того Абен-Гамет еще не знает.
А день уж настает, и скоро должен
К тебе прийти твой проводник.
Абен-Гамет

Идем же.
Уходят.

С легким шумом открывается дверь. Выходит Бланка. Ее черный корсаж украшен агатами; юбка короткая, узкая, без складок; левою рукою она придерживает накиннутую на голову мантилью, тоже черную, перекрещенную и затянутую под подбородком. За Бланкою дуэнья. Перед Бланкою паж несет молитвенник. Двое слуг идут за Бланкою на некотором расстоянии.

Бланка

Мне кажется, мы слишком рано вышли.
Дуэнья

Вы сами торопились, донна Бланка.
Бланка

И правда. Почему – сама не знаю.
Мне кажется, сегодня будет встреча,
Которая обрадует меня.
Мне нынче сон такой приснился дивный...
Дуэнья

Уж не приснился ль Дон-Алонзо?
Бланка

Нет,
Он не способен сниться. Слишком гордый,
Не подойдет он ночью к изголовью.
А если б подошел, мне было б страшно
Смотреть на эту странную надменность.
Дуэнья

А может быть, Дон-Хозе вам приснился?
Бланка

Противный мальчик с девической тальей,
С коварною и хитрою улыбкой, –
Нет, мне он не по нраву. Эй, мальчишка,
Ты слушаешь чужие разговоры?
Смотри ты у меня, – я любопытства
Не выношу.
Паж

Простите, донна Бланка,
Не слушал я, – я повторял молитвы.
Бланка

Глаза твои не на небо глядели.
Паж

На отраженье неба в ясных взорах
Я восхищенный взор на миг лишь поднял.
Бланка

И опусти. Не ты мне ночью снился.
Закрутишь ус, так милую отыщешь,
На небе будешь, да и в преисподней.
Все говорят: жестокая любовь!
Но все спешат на зыбкие качели.
Дуэнья

Идете в церковь вы, а что на мыслях!
Бланка

В таких грехах раскаяться не трудно.
Возвращаясь, выходят Абен-Гамет и слуга.

Абен-Гамет

Кто это? Ангел Израфил или
Юнейшая из гурий Магомета?
Бланка смотрит на него с удивлением.

Бланка

Как он красив! Тюрбан и это платье
К фигуре благородной так подходят.
Дуэнья

Какой-то мавр... Нездешний.
Бланка

Подойдите.
Абен-Гамет подходит.

Бланка

Вы, кажется, недавно здесь, в Гренаде?
Вы заблудились?
Абен-Гамет

Султанша роз,
Рай взоров, христианская рабыня,
Прекраснейшая дев грузинских, верно
Сказала ты: чужой я здесь, в Гренаде,
Абен-Гамет зовусь. Мой дом далеко,
В пустынях Африки сухой и знойной.
Я – врач. Приехал я сюда, в Гренаду,
Чтоб собирать целительные травы.
Среди палат прекрасных затерявшись,
Пути не знаю в мавританский кан.
К тебе да снидет милость Магомета
За твой скитальцу ласковый привет!
Бланка (приятно улыбаясь)

Любезностью своей известны мавры,
Но не султаншу роз и не рабыню
Перед собой вы видите. Я – Бланка,
Дочь герцога де-Санта-Фе. На милость
Пророка вашего я не надеюсь.
Вот здесь вы, рыцарь, станьте и смотрите.
Отсюда виден мавританский кан.
Идет к окраине площади. Абен-Гамет за нею.

Абен-Гамет

Как сердце бьется! Не могу идти!
Остановись!
Пауза.

Дуэнья

Немой и неподвижный,
Глаза на город устремив, стоит.
Увидел мавр отечество свое
И этот для него священный город.
Пауза.

Абен-Гамет

Вот эти башни, что блестят, как звезды
Над рощею зеленой, это что?
Бланка

Альгамбра.
Абен-Гамет

А другой, вот этот замок,
На том холме?
Бланка

Генералифа. В этом
Роскошном замке миртовый есть сад.
Там, говорят, Абенсераг был пойман
С султаншей Алфаймой и казнен
За то, что оболъстил жену султана.
Там дальше, видите, Албаизин,
А ближе к нам – вершины Алых башен.
Абен-Гамет

Как горестно твои слова мне слушать!
И слово каждое пронзает сердце!
Как жестоко при помощи чужих
Узнать места, где наши предки жили,
И от людей, к нам равнодушных, слышать
Рассказ о том, что некогда здесь было.
Бланка

Так хочет Бог! Вы знаете, конечно,
У нас в плену франциск, король французский.
На все Господня воля.
Абен-Гамет

Это верно!
Ты знаешь мудрость утешений, дева.
Бланка

Абен-Гамет, мы будем рады, если
Вы посетите нас. Вот это – дом наш.
Уходит. Абен-Гамет смотрит за нею.

Слуга

Испанка в кан дорогу показала.
Пора идти домой, – там проводник..
Абен-Гамет (перебивая)

Сегодня день не для вражды и мести.
Сегодня о врагах не стану слушать.
Пойду на берега Хенила – травы
Сбирать, лелея в сердце светлый образ.
Слуга

А что же месть?
Абен-Гамет

Всевышний знает сроки.
Когда душа забудет голос Бланки,
Она опять услышит голос мести.
Картина вторая

Собрание пьес. книга 2. Фёдор Сологуб sologubfyodor.ru
Загородный дом на склоне холма Албаизина. Роща апельсиновых деревьев. За нею
дорога, обсаженная со стороны дома изгородью мирт. В роще Бланка и ее подруги.
Бланка держит гитару. В стороне две служанки и дуэнья.

Бланка (продолжая разговор)

И вот, все думаю об этом мавре,
И ночью мне приснится он порою.
Его зовут Абен-Гаметом.
Подруга

Так же,
Как и того, о ком поют романсы,
Кто был влюблен в султаншу Алфаиму.
Бланка

Хотела бы я знать, в кого влюблен
Абен-Гамет, кто ждет его в пустыне.
Подруга

Боюсь я, Бланка, ты его полюбишь.
Бланка

Когда б его ты видела, сама бы
Сказала ты, что он любви достоин.
Достоинство, любезность, красота
Обвеяны дыханием печали.
Быть может, он – Абенсераг?
Подруга

Не смел бы
Абенсераг в Гренаду показаться.
Бланка (поет, сама себе аккомпанируя на гитаре)

Рай души и радость света,
Алфаима, свет очей,
Полюби Абен-Гамета
Иль сама его убей.
Алфаима, пламенея,
Другу шепчет из окна:
«Ночью в миртовой аллее
Буду ждать тебя одна».
Взор пленительный и томный
И улыбка. Разошлись,
Но подслушал шепот скромный
Притаившийся Зегрис.
«Знай, султан, что здесь блуждает
Под личиной друга враг:
Алфаиму замышляет
Обольстить Абенсераг».
Алфаима обещала
Другу много нежных встреч,
Но прервал удар кинжала
Обольстительную речь.
Во время пения Абен-Гамет выходит на дорогу за миртовую изгородь. Он стоит и
слушает в необычайном волнении.

Абен-Гамет

Абенсераг! О гурия моя!
Я узнаю пленительный твой голос!
Абен-Гамет бросается сквозь миртовую изгородь. Подруги с криками испуга
разбегаются.

Бланка

А, это вы здесь, благородный мавр!

Не бойтесь, милые мои подруги.
Я встретила его сегодня утром
И показала мавританский кан,
А он сюда и сам нашел дорогу.
Добро пожаловать, прекрасный рыцарь!
Абен-Гамет

Улада гениев, тебя искал я,
Как бедуин воды в палящий полдень.
Я пробегал по берегам Хенила.
Там рано утром собирал я травы, –
Но тот цветок, которого искал я,
Цветет вот здесь, под тенью этих мирт.
Услышал я умильный звон гитары, –
Моей страны героя ты воспела.
И голос твой был так певуч и нежен,
Что я узнал тебя по звуку песни,
И вот к твоим ногам принес я сердце
Абен-Гамета.
Бланка

Думая о вас,
Романс я пела про Абенсерага.
Увидев вас, вообразила я,
Что эти мавританские герои
На вас похожи.
Подруга (тихо)

Ты краснеешь, Бланка?
Входит герцог Санта-Фе.

Герцог

Что здесь случилось? Что вас испугало?
Я слышал ваши крики?
Бланка

Мой отец,
Вот рыцарь мавританский, о котором
Я говорила вам. Он услышал,
Как я пою, меня он здесь увидел
И в сад зашел благодарить за то,
Что я ему дорогу показала.
Герцог

Приветствую вас, благородный рыцарь.
В моем доме мне видеть вас приятно,
Особенно сегодня. Это – день
Рожденья моего, и Бланка хочет
Меня забавить музыкою, пеньем
И танцами в уединенъи этом
Очаровательном. Садитесь здесь,
В кругу девиц любезных и прекрасных
И милых дам.
(Служанке.)

Беги скорей, скажи,
Ты, быстроглазая, чтобы подушки
Для господина мавра принесли.
Служанка убегает.

Подруги

Идите к нам, прекрасный рыцарь. Дайте
Полюбоваться нам на вашу саблю,
На ваш тюрбан, на ткань одежды вашей.
Как мягок этот шелк! Раскраска ткани, –
Лишь на востоке так умеют делать,

Испания и Франция не знают
Такой красы! А эта сталь! Конечно,
Дамасская! А ножны как роскошны!
Паж приносит две бархатные подушки. Абен-Гамет по-мавритански садится на них.

Бланка

Вы нам расскажете, прошу, что с вами
В пути случилось?
Абен-Гамет

Странника хранит
Аллах.
Дама

А злые люди?
Абен-Гамет

Эта сабля –
Мой друг надежный.
Слуги несут шоколад, фруктовые пастилки и белые малагские хлебцы.

Дама

В Африке далекой,
Мы слышали, и знойно, и пустынно.
Абен-Гамет

Аллах везде и благосклонен к тем,
Кто чтит Коран, кто молится усердно.
С тех пор, как Боабдил ушел в изгнание,
Мы расселились по разным странам,
О наших предках память сохраняя.
Одни другим враждебные, не вместе
И там Зегрисы и Абенсераги.
Живут Зегрисы на полях Марокко.
Абенсераги поселились там,
Где прежде были стены Карфагена.
Уж не войной Абенсераги славны,
А врачеваньем, – собирают травы,
Враждебные отравам и укусам
Змеиным и врачующие раны.
Прекрасно там, но милый рай Гренады
Все в нашей памяти живет доньине,
И матери, баюкая младенцев,
Поют им песни про Абенсерагов.
Блестит солнце там, и льются воды,
И ветер стройные колеблет пальмы,
Но нас, вдали от здешних Алых башен,
Ни солнце знойное не утешает,
Ни пальмы в тень ветвей своих не манят,
И струи родников для нас не сладки.
Бланка

Твои слова такую грустью полны,
Что вся душа моя полна тревогой.
Ты говоришь, и на устах улыбка,
А у меня в очах источник полный
И вылиться уже совсем готовый.
О, если б эти воды были сладки,
Я для тебя их пролила бы много!
Подруга

О, нет, не плачь, – засмейся лучше, Бланка,
Твой смех верней и сладостней утешит.
Дама

Танцуй нам, Бланка, ты гитан искусней.

Подруги

Да, Бланка милая, мы просим, просим.
Абен-Гамет молчит, но смотрит на Бланку умоляющим взглядом.

Бланка

я замбру буду танцевать. У мавров
Испанцы взяли этот танец.
Подруга играет на гитаре мелодию замбры. Бланка скидывает покрывало. Паж подает
ей кастаньеты. Бланка привязывает их к ладоням. Ее темные кудри рассыпаются
вокруг шеи; она улыбается; взволнована. Ударяет в кастаньеты, поет и пляшет.

Бланка

Огнем желанья
Зажглася кровь.
Устам – лобзанья,
Сердцам – любовь.
У друга очи
Темнее ночи,
Но для меня
Яснее дня.
О, будь смелее,
Не убегай
И горячее
Меня лобзай!
Лови мгновенья,
Для наслажденья
Меня возьми
И утоми.
Усталая, садится на свое место. Подруги смеются и рукоплещут.

Абен-Гамет

Благодарю тебя, о Бланка. Страсть
и радость так соединились дружно
и в пении твоём, и в дивном танце!
До глубины души моей проникло
Очарование зовущих взоров.
Теперь прощай, – тебя я не забуду.
Герцог

Но я надеюсь, мы часто будем
Вас видеть. Приходите развлекать
Об Африке рассказом Бланку.
Она сама рассказов много знает
и чужестранца умною беседой
Занять сумеет. Если же наскучит
Вам разговор и вас потянет в поле,
От вас, поверьте, Бланка не отстанет
На быстром андалузском скакуне.
Абен-Гамет прижимает руку к сердцу и кланяется.

Бланка

я вашей проводницею однажды
уже была, хотя и ненадолго.
Вы из Гренады родом? Вам приятно
Дворец султанов ваших посетить?
Хотела б вам я показать Альгамбру.
Хотите, – завтра мы поедем вместе?
Абен-Гамет (смотрит на нее с восторгом, кланяется)

Но что ж на свете может быть приятней, –
Клянусь пророком, – быть с тобою, Бланка!
Картина третья
Альгамбра. Львиный двор.

Абен-Гамет и Бланка.

Абен-Гамет

Когда бы ты, прекрасная, души
Моей утехами не напоила,
С какой печалью спрашивал бы я
Тебя, испанку, о жилищах этих!
Ах, это все воздвигнуто, чтоб быть
Убежищем для счастья наших предков,
А ныне здесь безмолвные руины!
Среди мозаик имя Боабдила
Начертано, я вижу. О султан мой!
Что случилось с тобою? Где найду я
Тебя в твоей, теперь немой, Альгамбре?
Закрывает глаза руками и плачет.

Бланка

О мавр, бывшие государи ваши
Или, верней, султаны ваших предков
Неблагодарны были.
Абен-Гамет

Что ж такое!
Они несчастны были!
Бланка

Посмотрите
Внимательно, Абен-Гамет, на этот
Фонтан: здесь головы Абенсерагов
Обезображенные пали. Пятна
Их крови мрамор все еще хранит.
Их Боабдил казнил, подозревая
В измене всех, за то, что лишь один
К его жене пылал любовью страстной.
Абен-Гамет склоняется и благоговейно целует следы крови своих предков.
Поднимается.

Абен-Гамет

О Бланка! Я клянуся кровью этих
Отважных воинов, – любить я буду
Тебя так верно, преданно и страстно,
Как встарь любили жен Абенсераги.
Бланка (всплескивая руками и поднимая глаза к небу)

Вы любите меня? Но вы забыли,
Что вы – неверный, мавр, наш враг, а я –
Испанка, христианка.
Абен-Гамет

Бланка, слушай!
Люби меня! Клянусь, я буду верен..
Бланка (прерывая его)

Вы – враг Христа, вы истину отвергли,
Как я могу поверить вашим клятвам?
И вы уверены ли в том, что я
Вас полюбила? Кто же дал вам право
Со мной так говорить?
Абен-Гамет (пораженный)

Да, это верно,
Я – только раб твой; да, не избирала
Ты рыцарем своим меня.

Бланка

Оставь

Свое притворство, мавр; прочесть сумел ты
В моих глазах, что я тебя люблю,
И страсть моя к тебе превыше меры.
Не знала я, что можно так любить,
Что можно так тоской любви томиться!
И быстро так любовь закралась в душу,
Что не успела я огородиться
Ни размышленьем, ни святой молитвой.
Будь христианином, тогда ничто
Не помешает нам соединиться.
На край земли с тобой идти готова.
Когда дочь герцога де-Санта-фе
С тобою говорит так откровенно,
Из этого поймешь ты, что она
И победить любовь свою сумеет,
И враг Христов не будет ей супругом.
Абен-Гамет (в порыве страсти схватывая руки Бланки, прижимая их к тюрбану и
затем к сердцу)

Аллах велик, Абен-Гамет безмерно
Счастлив! О Магомет! Пусть только эта
Испанка твой святой закон познает,
И нас тогда ничто не разлучит.
Бланка

Ты богохульствуешь! Молчи, не надо!
Пауза.

Когда гляжу я на твою одежду,
На пестрый твой тюрбан, на эту саблю,
И слушаю, что тихо шепчет сердце,
Мне кажется, передо мною тень
Абенсерага: здесь идет он тихо
С прекрасною, несчастной Алфаймой.
Начертаны на мраморе фонтана
Арабские слова; но ваш язык
Мне непонятен; прочитай мне надпись
И объясни.
Абен-Гамет (читает)

Прекрасная принцесса,
В наряде многоценном здесь гуляя,
Так умножает чары красоты...
Бланка

Так умножает! Что же дальше?
Абен-Гамет

Надпись

Едва видна. Конец ее изглажен.
Но о тебе она, моя султанша.
Таких господ прекрасных не имели
Чертоги эти в дни их пышной славы,
Какую видят ныне их руины.
Послушай плеск ручья, седыми мхами
Похищенного; посмотри на сад,
Который виден сквозь аркады эти
Полуразрушенные; видишь солнце,
Там заходящее? Блуждать с тобою
Так сладостно мне здесь. Твои слова,
Как розы брачные, благоухают.
Я слышу радостно, что в речь твою
Слова отцов моих порой вплетутся,
И колыханье платья твоего
На этих мраморах во мне рождает

Такой отрадный трепет! Ароматен
Здесь воздух потому, что он лобзает
Кудрей твоих роскошную волну.
Как гений родины моей, прекрасна
Ты посреди развалин этих милых.
Но может ли Абен-Гамет питать
Надежду сладкую, что сердце Бланки
Привяжет он? Что он перед тобою?
С отцом своим он шел по горным склонам,
Он изучал растения пустыни, –
Но между ними нет, увы! такого,
Которое могло бы исцелить
Им от тебя полученную рану!
Я говорил себе: вода морская,
Что за скалою спит, нема, спокойна,
Тогда как тут же, рядом с нею, море
Волнуется, шумит. Абен-Гамет,
Так жизнь твоя да будет молчалива,
Неведома, тиха в дали пустыни,
Меж тем как двор султана потрясают
Невзгоды. Так я думал, христианка,
Но доказала ты, что буря может
И в тихой заводи волну встревожить.
Я говорю себе теперь: зачем же
Я не блистательный Абенсераг!
Бланка

Ты нравился бы мне гораздо меньше.
Мне за тебя тревожиться пришлось бы.
Будь неизвестен, для меня живи.
Прославленные рыцари нередко
Любовь для славы забывали.
Абен-Гамет (живо)

Бланка,
Тебе б опасность эта не грозила.
Бланка

А как бы ты, скажи, любил меня,
Когда б ты был рожден Абенсерагом?
Абен-Гамет

Любил бы больше славы, меньше чести.
В это время солнце уже зашло; восходит луна. Ее белые лучи вырисовывают на газоне цветников и на стенах зал причудливые узоры, очертания куполов, фонтанных струй и кустов. Слышно пение соловья на кипарисе. Абен-Гамет чертит на мраморе стены имя Бланки. Оно таинственно светится в лучах луны. Бланка смотрит на него со страхом.

Бланка

Боюсь. Места зловещи эти, мавр.
Уйдем отсюда. Решена навеки
Судьба моя. Запомни, что скажу я:
Останешься ты мусульманин, я
Не разлюблю тебя, но без надежды
На счастье тебя любить я буду.
Христианином будешь, я – твоя
Счастливая и верная супруга.
Абен-Гамет

И ты слова мои запомни, Бланка:
Останешься ты христианкой, я
Твоим рабом пребуду безутешным.
Ты мусульманкой станешь, буду я
Твоим супругом гордым и счастливым.
Бланка

Единственно спасительная вера
Есть наша вера; вот тому порука:
Христос, за нас страдавший и воскресший,
Победу дал над маврами испанцам.
Абен-Гамет

Так Бог судил, а я заветы предков
Нарушить не могу, не смею, Бланка.
Теперь тебе мое открою горе.
Сегодня днем гонец из дома прибыл
И весть принес, что мать моя смертельно
Занемогла и ждет меня, чтоб я
Закрыв ее глаза. Я еду завтра.
Свою любовь ко мне ты сохранишь ли?
Бланка

Меня ты покидаешь? Навсегда ли?
Увижу ли тебя когда-нибудь?
Абен-Гамет

Друг другу клятвы мы дадим такие,
Которые лишь смерть нарушить может.
Я прахом предков здесь тебе клянусь
Тебя любить до самой той минуты,
Как ангел смерти призовет меня
К судилищу Аллаха. Я клянусь,
Что сердце не отдам иной жене
И что возьму тебя женой тотчас же,
Как ты святой закон пророка примешь.
И каждый год я в это время буду
В Гренаду возвращаться, чтобы видеть,
Хранишь ли ты ко мне любовь и верность
И не познала ль истину святую.
Бланка (в слезах),

Тебя я дожидаться буду; верность,
Клянусь, к тебе я сохраню до гроба,
И в тот же час возьму тебя супругом,
Когда Господь наш просветит тебя.

Картина четвертая

Зал во дворце герцога де-Санта-фе. Бланка, Лотрек, Дон-Карлос. Лотрек сидит у ног Бланки и смотрит на нее с восхищением. Он одет в штаны и камзол буйволовой кожи, стянутые пояском, на котором висит шпага с изображением лилий. На плечах – шелковый плащ, на голове – шляпа с маленькими полями, с перьями. Кружевной воротник, вырезанный на груди, открывает шею. Черные усы. Сборчатые сапоги с золотыми шпорами. Дон-Карлос стоит в стороне, опираясь на железную крестообразную рукоять длинной шпаги. Одет, как Лотрек; старше его. На его одежде вышит красный крест Калатравы.

Бланка

Я рада, рыцарь, что моя газель
Понравилась вам. Она – подарок
Абен-Гамета. Здесь его рукою
На золотом ошейнике начертан
Девиз и имя: Бланка.
Лотрек

Мы немало
Об этом мавре слышали от вас.
Хотел бы я хоть раз его увидеть.
Дон-Карлос

Пусть в Африке свои собирает травы.
Гренаду мавры лучше б позабыли.
Бланка

Два раза он в Гренаду возвращался
И ныне он вернется в третий раз.
Входит Абен-Гамет. Увидев его, Бланка невольно вскрикивает. Потом улыбается и
говорит спокойно:

Абен-Гамет, о вас беседа наша
Была сейчас, а вы и сами здесь.
Вот, рыцари, неверный, о котором
я столько говорила: опасайтесь,
чтобы он здесь не одержал победы.
Абенсераги на него похожи,
А их никто не превзошел в отваге,
Учтивости и верности.
Дон-Карлос (подходя к Абен-Гамету)

Добро
Пожаловать, отважный мавр; моя
Сестра и мой отец мне рассказали
О вас и имя ваше мне назвали.
Они считают вас потомком храбрых
И славных мавров; сами вы известны
Учтивостью. Объявит вскоре наш
Король войну Тунису; я надеюсь,
что встретимся мы с вами в поле чести.
А вот мой друг и гость, Томас Лотрек.
Лотрек

Судьбой мы равны. С королем Франциском
Пленен я, – ваши предки с Боабдилом
Ушли в изгнание, потеряв Гренаду.
Франциск освобожден, я здесь остался.
Мой страж в плену – не воин с алебардой,
А слово чести доблестного друга.
Абен-Гамет молча прижимает руку к сердцу и садится на землю, устремив взор на
Бланку и Лотрека. Бланка смотрит на него нежно. После краткого молчания
Абен-Гамет встает, кланяется Бланке и выходит.

Лотрек

Безмолвен и суров. Хочу узнать я,
Всегда ли нем восточный этот воин.
Пойду за ним. Но слышу стук копыт.
Его теперь, пожалуй, не догонишь.
Бланка

Его найдете в мавританском кане.
Любой мальчишка скажет вам дорогу.
Я вас прошу, Лотрек, скажите мавру,
что я хочу его сегодня ж видеть.
Лотрек

Я упрошу его со мной вернуться.
Уходит.

Дон-Карлос

Что это значит, Бланка? Объясните, –
что причинило ваше беспокойство,
когда вы чужестранца увидели?
Бланка

Мой брат, Абен-Гамета я люблю,
И, если перейдет он в христианство,
Моя рука ему принадлежит.
Дон-Карлос

Вы, Бланка, любите Абен-Гамета?
Вы, дочь Биваров, любите врага,

Магометанина и мавра, предков
которого изгнали мы отсюда?
Бланка

Дон-Карлос, я люблю Абен-Гамета.
И любит он меня. Уже три года
Он ждет, но от религии Пророка
Не хочет отказаться; от меня
Откажется скорее; честь и вера
Ему любви дороже. Благородство,
Отвага, честь – вот качества его.
До моего последнего дыханья
Я буду обожать Абен-Гамета.
Дон-Карлос

Несчастливая, но что ж с тобою будет?
Я так надеялся, что мой приятель
Лотрек мне станет братом.
Бланка

Ты ошибся,
Мой брат, – я не могу любить Лотрека.
Любовь моя к Абен-Гамету, – разве
Отчет кому-нибудь давать должна я?
Моя душа открыта только Богу.
Ты клятвам рыцарским останься верен,
А я верна любви моей обетам,
Я в утешение тебе скажу,
Что я женой неверного не стану,
Но и другого мужа не познаю.
Дон-Карлос

Тогда наш род с лица земли исчезнет.
Бланка

Продолжи сам его. А впрочем, что же
Тебе до сыновей? Они ни славы,
Ни чести нам прибавить уж не могут.
Я чувствую, Дон-Карлос, – я и вы –
Последние в роду Биваров. Слишком
Наш род порядок общий перевысил,
Чтобы и после нас он мог цвести:
Наш предок – Сид; в преданьях славы громкой
И доблести он нас переживет.
Уходит. Дон-Карлос стоит в глубокой задумчивости.

Дон-Карлос

В краях далеких, в царстве Монтезумы,
Я видел смерть. Я пролил много крови
И диких мексиканцев, и французов.
Падение величий видел я,
И знаю я, что все на свете тленно,
Все призрачно, все – мимолетный сон,
И не спасет от гибели и смерти
Ничто героя. Хоть бы только имя
И память сохранить в потомстве славном!
Входят Лотрек и Абен-Гамет.

Лотрек

Пришли мы вместе. Дружеской беседой
Любезный мавр почтил меня в дороге.
Дон-Карлос (тихо)

Лотрек, я вас прошу, побудьте с Бланкой.
Поговорить мне надо с этим мавром.
Лотрек уходит.

Дон-Карлос

Абен-Гамет, ты должен отказаться
От Бланки или вызов мой принять.
Абен-Гамет

Сестры ль твоей ты волю исполняешь?
Она ль свои нарушить клятвы хочет?
Дон-Карлос

Нет, мавр, – она тебя, как прежде, любит.
Абен-Гамет

Благословляю этот светлый день!
Абен-Гамет так счастлив! Я уж думал,
что изменила Бланка мне и любит
Того, другого...
Дон-Карлос (гневно)

В том твое несчастье.
Лотрек – мой друг. Не будь тебя, он стал бы
Мне братом. Ты заплатишь мне за слезы,
которые семья моя прольет
Из-за тебя.
Абен-Гамет

Согласен.
Дон-Карлос (подходя к окну)

В эти окна
Взгляни: под той сосной Малек Алабес
С Леонским Понсом бился; здесь великий
Магистер Калатравы поразил
На смерть Абайядоса. Еще видны
Висящие там на ветвях обломки
Доспехов крепких мавра. Подражая
Отважному неверному, прими
Здесь от руки моей крещение смерти.
Абен-Гамет

Быть может, смерть, но не крещение, – жив
Аллах, и Магомет – пророк его!
Занимают места и яростно бросаются друг на друга со шпагами. Сражаются долго и
упорно. Наконец шпага Дон-Карлоса ломается о дамасскую сталь Абен-Гамета.

Дон-Карлос (в ярости)

Ударь же, мавр! Дон-Карлос безоружный
Неверную породу презирает.
Абен-Гамет

Дон-Карлос, мог бы ты меня убить,
Но и малейшей раны я не думал
Тебе нанести в бою; хотел я только,
чтоб ты меня не презирал и видел,
что братом стать твоим и я достоин.
Поспешно входят Лотрек и Бланка.

Дон-Карлос

я побежден, и подарил мне жизнь
Вот этот рыцарь. Вы, Лотрек, быть может,
Окажетесь счастливее меня.
Лотрек

Мои в боях полученные раны
Позволят мне не звать на поединок

Абен-Гамета. Не хочу я знать
Причину вашей ссоры и проникнуть
В чужую тайну, – может быть, она
Мне в сердце нанесет удар смертельный.
И что вам ссориться? Уеду скоро
От вас далеко, если только Бланка
У ног ее остаться не прикажет.
Бланка

Лотрек, с моим останетесь вы братом,
Меня же за сестру свою считайте.
Мы здесь печаль испытываем все:
От нас, отважный рыцарь, научитесь
Переносить житейские невзгоды;
Теперь друг другу руки протяните.
Дон-Карлос

Нет, никогда! Я ненавижу мавра.
Лотрек

Нет, никогда! Завидую ему!
Абен-Гамет

И я, – Дон-Карлоса я уважаю,
Лотрека я жалею, но любить
Их не сумею.
Бланка

Будем постоянно
Друг с другом видеться, и скоро дружба
Последует за уважением. Пусть
Забудется, что здесь сейчас случилось,
И только вечными всегда пребудут
Любовь и верность.
Абен-Гамет

Да, любовь и верность,
Две светлых гурии земного рая,
Но подозренье черное коварно
Ползет за ними, как змея пустыни.
Бланка

Скажите мне, мой друг, что вас тревожит.
На все вопросы ваши я отвечу.
Абен-Гамет молча смотрит на Дон-Карлоса и Лотрека.

Бланка улыбается.

Бланка

Друзья, не видела Абен-Гамета
Я целый год. Сказать так много надо.
Дон-Карлос и Лотрек уходят.

Абен-Гамет

я не нашел тебя на побережье,
И лишь твое письмо мне возвестило,
что твой отец в Мадриде, что в Гренаду
Твой брат приехал вместе с другом, пленным
французским рыцарем, и что тебе
Гостей оставить было б неприлично.
Письмо я прочитал, и сердце сжалось.
Предчувствия беды меня томили,
Пустынный путь рождал в душе тоску.
Бланка

Уже семь лет не видела я брата,

И не могла я от него уехать.
Я так его люблю, и он так ласков
Ко мне. Он в Мексике сражался долго,
Он на костре увидел Монтезуму
И короля французского в плену.
Тоскует дух его, и он не хочет
Любви восторгам предаваться в мире.
Вступивши в славный орден Калатравы,
Он произнес безбрачия обет
И мне отдать свое наследство хочет.
Когда бы он приехал без меня
И дом пустой застал, мне было б больно.
Абен-Гамет

Вчера приехал я и не решался
К тебе идти. Уж вечер был. Услышал
Я звон к молитве вашей и подумал:
Уж не пойти ли в храм мне к Богу Бланки?
И к Господу вселенной не воззвать ли?
Вошел я в храм, когда-то бывший нашим.
Поймешь ли ты печаль моей души?
Молитва кончилась, все было тихо.
Пред алтарем еще горели свечи.
Мои шаги под сводами звучали.
И вдруг я у подножия колонны
Увидел, что какой-то юный рыцарь
Смирненно милости у Бога молит.
Уже прославленный отвагой воин
Здесь душу простирает перед Богом,
Смирнейшему из людей подобясь.
И я пред Богом рыцарей и славы
Склонился, чтоб молиться. Вдруг я вижу
При свете догорающей лампы
Уже полуизглаженные буквы
Арабские. Начертан стих Корана.
Абен-Гамет! Ужели ты изменишь
Отечеству и вере? И поспешно
Из храма вышел я, но на пороге
Тебя увидел. Я посторонился.
Ты не заметила меня. Сегодня
Я рыцаря узнал, – то был Лотрек,
И в этот храм ходила ты к Лотреку.
Бланка

О, эта ревность! Как она презренна!
Оставь ее в терзанье низким душам,
А нас с тобою ревность не достойна.
Когда б тебя я разлюбила, прямо
Тебе бы я открылась; ненавистно
Мне было бы обманывать тебя!
Я за тебя вчера пошла молиться.
Других молитв в душе моей уж нет, –
Я для твоей души свою забыла.
Ах, для чего любви своей отравой
Ты опьянил меня, Абен-Гамет?
И для чего, меня зажегши страстью,
Не хочешь моему молиться Богу?
Ты всей моей семьи покой нарушил.
Отец мой горем удручен, а брат мой
Тебя возненавидел, потому что
Себе супруга взять я не хочу.
Не видишь ты, как я в тоске бледнею?
Там, возле храма, мирное кладбище,
И мысль о нем уже меня чарует.
Я успокоюсь здесь скоро, если
Ты не признаешь истину святую,
Учение распятого Христа.
Мои так быстро убывают силы,

я так слаба! Абен-Гамет, подумай,
Не сам ли ты сказал бы, что огонь,
Воспламенивший факел, тот же самый
Огонь, который сожигает факел.
Прекрасно пламя, но зола печальна.
Огонь любви дорогу освещает,
Но пепел ветром взвевается – и никнет.
Храни огонь, пока еще он ясен,
Чтоб горький пепел очи не засыпал.
Уходит.

Абен-Гамет

Довольно я с моим боролся сердцем!
Ужели я в гробу увижу Бланку?
Но мне об этом и подумать страшно.
Христос – Господь могучих и достойных.
Он – Бог Лотрека, Карлоса и Бланки,
И мне пред ним не стыдно преклониться.
Картина пятая
Зала в Генералифе. На стенах портреты принцев и рыцарей. Под ними шпага
Боабдила, последнего короля Гренады. Накрытый стол. Африканские и испанские
плоды. Вино. За столом Бланка, Дон-Карлос и Лотрек. Музыка. Танец гитан.

Входят во время танца Абен-Гамет и проводник. Останавливаются в полусвете у
входа.

Проводник

Вот в этой зале господин Лотрек
Устраивает праздник. Здесь по стенам
Портреты рыцарей, Пеласга, Сида,
Гонзальва из Кордовы, а под ними
Меч Боабдила, короля Гренады.
Абен-Гамет

Мы, мавры, не умели рисовать.
Бланка

Абен-Гамет! Вот это очень мило,
что вы пришли, любезный рыцарь, к нам.
Дон-Карлос

Мы рады видеть вас. Прошу, садитесь
за стол. На что вы смотрите?
Абен-Гамет не может отвести глаз от шпаги Боабдила.

Лотрек

О, если б
Предвидел я, Абен-Гамет, что вы
окажете мне честь и посетите
мой праздник, я б не здесь его устроил.
Превратно счастье войны: при мне
Храбрейшему из королей пришлось
счастливому врагу отдать оружие.
Темнеет. Приносят факелы.

Абен-Гамет

Да, шпагу потерять, как ваш Франциск,
и храбрый воин мог бы, – Боабдilu ж
сказала мать: «Как дева то оплачь,
за что не мог ты биться как мужчина!»
Дон-Карлос

я слышал скорбный возглас Монтезумы,

Когда он на костре лежал, а рядом
Вопил, сжигаемый, его вельможа.
Я был мальчишка, засмеялся я,
Спросил я связанного мексиканца,
Что говорит его король. Как серна,
Он глянул на меня и тихо молвил:
«Наш царь на вопль ответил мудрым словом:
„Мой друг, и я покоюсь не на розах“».
Тоска рукой железной сжала сердце,
И с той поры я не умел смеяться.
Лотрек (поет романс)

Как мы сладко вспоминаем
Край, где утро дней встречаем!
Грустно мы в чужом краю
Умираем.

Я про Францию мою
Проюю.

О сестра, мой ангел ясный!
Песню родине прекрасной,
Песню Франции моей
В день ненастный
Я пою. Будь веселей,
Слез не лей.

Нас ласкала мать родная,
Деток к сердцу прижимая,
И заботой, и трудом
Украшая

Утром, вечером и днем
Бедный дом.

Помнишь пламя нашей печки,
Помнишь сказки на крылечке,
Травы в росном серебре,
Плеск на речке,
Звуки рога на горе
По заре?

Помнишь, – темны были боры,
Сини горные озера.

Раздвигая тростники,
На просторы
Выносились челноки,
Так легки!

Ах, в тоске неутолимой
Как забыть нам край родимый,
Как забыть наш милый край?
Край любимый,
Ты в душе не умирай,
Ясный рай.

Бланка

Какая песня грустная! Как нежно
Она волнует сердце и тревожит!
Абен-Гамет, созвучно ваше сердце
С тоскою пленника, – я это вижу.
И вы, как он, далеки от отчизны.
Прошу, и вашу нам пропойте песню.
Абен-Гамет

Но извиниться должен я, – я знаю
Всего один романс; он христианам,
Уверен я, не может быть приятен.
Дон-Карлос (презрительно)

О, если то – неверные, о наших
Победах воздыхающие, что же,
Пропеть вы можете: ведь побежденным
Позволено рыдать и плакать вволю.
Бланка

Вот потому и наши предки, прежде
Страдавшие под игом мавров, спели
Так много трогательных, грустных песен.
Итак, мы ждем; возьмите же гитару.
Абен-Гамет

Поэт из племени Абенсерагов
Сложил балладу эту. Научился
Я петь ее, мечтая о Гренаде.
Берет гитару и поет:

Король Жуан холмами
Куда-то ехал; вдруг
Он видит над горами
Гренады полукруг.
Он вздумал подольститься:
«Мой милый городок!
Со мною обручиться
Не хочешь ли, дружок?
С тобою повенчаюсь,
У ног твоей горы
Сложить я обещаюсь
Жемчужные дары,
И лучшую обнову
Тебе я припасу:
Севилью и Кордову
В подарок поднесу».
Ответила Гренада:
«Да у меня уж есть
Супруг; тебя не надо,
Благодарю за честь.
Меня, король Леона,
Прельщать тебе к чему ж?
Есть у меня корона,
Отважный мавр – мой муж»,
Вот, как ты говорила,
Но верить ли словам?
Так скоро изменила,
Коварная, ты нам.
Нас не спасла отвага, –
Берет испанец злой
Чертог Абенсерага:
Так велено судьбой!
Хаджи из дальней Мекки
Уж не спешат сюда
И на родные реки
Не взглянут никогда.
Нас не спасла отвага.
Живет испанец злой
В домах Абенсерага:
Так велено судьбой!
Прекрасная Альгамбра!
Святылища Аллы!
Долин цветущих амбра!
Зеленые холмы!
Чертог Абенсерага
Сквернит испанец злой.
Нас не спасла отвага:
Так велено судьбой!
Бланка

Как хорошо! Не правда ли, Дон-Карлос?
Дон-Карлос

Достоинно простодушных бедуинов,
Но все ж, признаюсь, трогательно очень.
К испанцам ненависть понятна в мавре,

Но стон тоски к душе легко доходит.
Бланка

Теперь, Дон-Карлос, ждем мы вашей песни.
Дон-Карлос

Не хочется мне, донна Бланка.
Бланка

Если
Не для меня, не для Абен-Гамета,
То из учтивости к Лотреку.
Дон-Карлос

Правда.
Он пел, я не хочу его обидеть.
Абен-Гамет передает гитару Дон-Карлосу.

Дон-Карлос (поет)

Уже готов отплыть к руинам Карфагена.
Вооружившись на праведную месть,
Берет гитару Сид, – и слушает Химена, –
У ног ее поет, ему диктует честь.
Химена мне твердит: ты должен, славный воин,
Опять над маврами победу нам принести.
Ты, Родриг, потому любви моей достоин,
Что предпочел любви ты рыцарскую честь.
Несите мне мой шлем, копье мое несите.
Увидите вы все, – у Сида доблесть есть.
На битву славную за мною поспешите.
Мой громок будет клич, – за даму и за честь.
Пускай любезностью своею мавр гордится, –
Услышишь про меня, Испания, ты весть.
Чья голова тогда восторгом не вскружится?
То будет песнь любви, одушевившей честь.
И в Андалузии, среди долины милой,
Мне старцы поспешат венец похвал заплести.
Они споют: сойти он рад к дверям могилы
За Бога, короля, Химену и за честь.
Лотрек

Прекрасно, милый друг! Казалось мне,
Что Сида самого я здесь услышал, –
Такою доблестью звучала песня,
Так звучно отдавалась в этих сводах!
О доблесть рыцаря! Всего дороже
На свете ты!
Бланка

Абен-Гамет, что с вами?
Вы побледнели?
Абен-Гамет

Сид, отважный рыцарь,
Слышет он у испанцев Цветом битв,
А мы его зовем жестоким. Если б
Его великодушие равнялось
Его отваге...
Дон-Карлос (прерывая)

Нет, отваги ярче
Его великодушие сияло,
И только мавры могут клеветать
На рыцаря, которому весь род наш
Обязан жизнью!
Абен-Гамет (вскакивая с места)

Что ты говоришь!
Ты говоришь, что Сид – твой предок?
Дон-Карлос

Да,
Я чувствую, что кровь его во мне,
И рад я благородной этой крови, –
Та ненависть, которая пылает
Здесь, в этом сердце, против нечестивых
Той благородной кровью зажжена.
Абен-Гамет (глядя на Бланку)

Так, значит, вы принадлежите к роду
Биваров, тех, что завладели домом
Абенсерагов и убили старца,
Который защищал могилы предков?
Дон-Карлос (гневно)

Знай, мавр, что не позволю я себя
Допрашивать! Ведь, если я владею
Теперь наследием Абенсерагов,
То это потому, что предки наши
Приобрели его ценою крови, –
Обязаны мы этим только шпаге
И доблести своей.
Абен-Гамет (все более волнуясь)

Одно лишь слово, –
В изгнание нашем было неизвестно,
Что вы, Бивары, получили имя
Де-Санта-фе, – вот что причиной было
Моей ошибки.
Дон-Карлос

Фердинанд Католик
Дал титул герцога тому Бивару,
Который победил Абенсерагов.
Абен-Гамет (склонив голову)

Потоки слез из глаз моих струятся.
Простите! Знаю, – муж не должен плакать.
Но слез моих уж не увидит свет,
Хоть мне придется плакать бесконечно.
Прошу вас выслушать меня. О Бланка,
Любовь моя, поверь мне, горячее,
Чем зной ветров Аравии. Любовью
Я побежден был; без тебя жить дольше
Не мог я. В церкви, где тебя я встретил,
Молитва рыцаря и то, что ты
Сказала мне потом, меня склонило,
К тому, чтоб Бога христиан познать
И то, во что я верил, принести
Любви моей безмерной в жертву.
Бланка радостно всплескивает руками. Дон-Карлос смотрит на Абен-Гамета с
изумлением. Лотрек закрывает лицо обеими руками.

Абен-Гамет (Лотреку, скорбно улыбаясь)

Рыцарь,
Мужайся и надейся; ты же, Бланка,
В последний раз оплачь, и навсегда,
Меня, последнего Абенсерага.
Лотрек

Абенсераг!
Дон-Карлос

Абенсераг!

Бланка

О Боже!
Общее движение; пауза. Бланка падает на колени.

О милосердный БОГ! Ты оправдал
Мой выбор, – полюбила я потомка
Героев. Быть иным не мог мой выбор.
Дон-Карлос (с раздражением)

Сестра моя, подумайте, что здесь
Лотрек!
Абен-Гамет

Умерь свой гнев, Дон-Карлос. Скоро
я вам верну покой.
Бланка опять садится на свое место.

Абен-Гамет

Абен-Гамета
Навек считай твоим рабом, о Бланка,
О гурия небесная, о гений
Любви и красоты! Но ты узнаешь
Всю глубину несчастья его.
Старик, которого убил твой предок,
Когда он защищал родной очаг,
Мой дед был. И еще открою тайну,
Которую скрывал я от тебя
И, сам ее забыв, тобой плененный.
Когда приехал я впервые в этот,
Столь горестный мне, город, я хотел
Найти здесь одного из сыновей
Биваров, чтоб он мне ответил кровью
За кровь, пролитую его отцами.
И вот где я нашел врага, Бивара!
Бланка (горестно, но сдержанно)

Какое же теперь твое решенье?
Абен-Гамет

Единственно достойное тебя:
Освободить тебя от вечной клятвы,
И то, к чему обязывает нас
Вражда богов, семейств, отечеств наших
Исполнить, – вечною с тобой разлукой
И смертью далеко от тебя.
Когда из сердца твоего мой образ
Изгладится и время унесет
Из памяти твоей Абенсерага,
Пускай французский рыцарь... Ты должна
Обрадовать такую жертвой брата.
Лотрек (порывисто поднявшись, обнимает Абен-Гамета)

Абен-Гамет, не думай победить
Великодушием меня, француза.
Я посвящен был в рыцари Баярдом.
Я пролил кровь за Францию мою.
Как восприемник мой, как мой властитель,
Я рыцарем без страха и упрека
Хочу прожить. Когда ты между нами
Останешься, Дон-Карлоса молить
я буду, чтоб тебе он отдал руку
Его сестры; когда же ты покинешь
Гренаду, никогда моя любовь
Ничем не возмутит ее покоя.
С собой в изгнанье ты не унесешь
Печальной мысли, что Лотрек захочет

В твоём несчастье счастье добыть
и рыцарскую доблесть позабудет.
Опять пылко обнимает Абен-Гамета.

Дон-Карлос

Не ожидал я, рыцари, иного.
Обязывает доблесть ваших предков
к тому и вас. Абен-Гамет, скажите,
чем вы докажете, что точно вы –
Абенсераг?
Абен-Гамет

Поступками моими.
Дон-Карлос

Пред ними преклонюсь я; но прежде
чем я скажу, что я ответить должен,
хочу я видеть несомненный знак
происхожденья вашего.
Абен-Гамет

Смотрите.
Вынимает из-за одежды надетую на шею золотую цепь и показывает висящий на этой
цепи наследственный перстень Абенсерагов. Дон-Карлос протягивает ему руку.

Дон-Карлос

Я вас считаю человеком чести
и сыном королей. Вы оказали
мне честь, желая породниться с нами;
искали поединка вы, – готов я
его принять, и если в поединке
я буду побежден, мои богатства –
наследие Абенсерагов – будут
все переданы вам. Но если вы
сражаться не хотите, то примите,
что вам я предложу, на что вы сами
уже готовы были, – перейдите
в святую веру нашу, и тогда,
склонялся к желанию Лотрека,
я соглашусь отдать вам руку Бланки.
Абен-Гамет

Велик соблазн, но сил моих не выше.
Любовь могучая взывает к сердцу,
но с ужасом я думаю о том,
чтоб кровь униженных и угнетенных
соединить с надменной кровью вражьей.
Подумай сам, – когда б на край твой милый
обрушились жестокие вандалы,
терзая старцев, юных дев позоря
и оскверняя все, что сердцу свято,
а там, хотя б чрез много поколений,
к тебе, почившему на чужбине,
донес бы ветер стороны родимой,
что твой потомок позабыл отчизну,
что очарован он вандальской девой,
которой прелести достойны рая,
душа – достойна вечного блаженства,
и с нею заключить навек он хочет
союз, противный всем законам рода,
колеблющий основы мировые,
святую связь гражданского порядка
безумно оскорбляющий, – не правда ль,
душа твоя воспрянула б из гроба,
расторгнув сладкий сон блаженной смерти,
и стала б, угрожая, пред потомком.

Соединишь ли ланью кровь с тигровой?
Иль змея сочетаешь с голубицей?
Союз, противный Божьему закону,
Карают Бог проклятьем и бесплодьем
Или дает безумное потомство,
Жестокое, уродливое, злое.
Нет, лучше умереть и даже роду
Угаснуть дать, когда судьба так хочет.
Бланка

О, горе мне! Любимая тобою,
я для тебя, как чаша с горьким ядом!
Абен-Гамет

Ах, для того ли здесь я встретил много
Возвышенных и благородных чувств,
чтоб ощутить яснее, что теряю.
Быть может, я не прав; пусть Бланка скажет,
что должен сделать я, чтоб оказаться
Любви ее достойным.
Бланка

Я до гроба
Верна тебе останусь; но с тобою
Господь нас разлучил. Иди в пустыню.
Плачет.

Абен-Гамет

Так, возлюбивши Бланку больше неба,
Ее Абен-Гамет навек оставит.
Склонившись перед Бланкою низко, уходит.

Картина шестая
Знойная и пустынная равнина. Жгучий полдень. Под звуки печальной, но
торжественной музыки медленно проходит процессия пилигримов, – в задних рядах
Абен-Гамет с высоко поднятой головой.

Картина седьмая
Утес над морем. Безоблачное небо. Дальний горизонт. Закат солнца. Вьются чайки.
Бланка, на скале, всматривается вдаль. Тихая, грустная мелодия. Чуть белеет
вдалеке парус. Бланка, увидев его, простирает к нему руки, крестит его и на
коленях молится.

Занавес медленно.

Конец.

<Не позднее 1917>

Узор из роз
Драма в пяти действиях и семи картинах
ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Ворожбинин, Николай Степанович, помещик, отставной майор.

Ворожбинина, Надежда Сергеевна, его жена.

Лиза, их дочь.

Ремницына, Елизавета Павловна, мать Ворожбининой.

Львицын, Алексей Павлович, Лизин жених.

Калганов, отставной капитан, Лизин опекун.

Приклонский, Андрей Петрович, полковник.

Предводитель дворянства.

Приживальщик 1-й, Вукол Савич.

Приживальщик 2-й.

Нянька Лизина.

Лушка и Степанида, Лизины служанки.

Марфушка, вышивальщица ослепшая.

Елевферий, повар.

Шутиха.

Дмитрий, кучер.

Лакей.

Девки.

Казачки.

Персонажи Лизиных снов:

Пастухи, Пастушки, Арапы, Кавалеры, Дамы, Медведи и Серый Волк.

действие происходит в барской усадьбе села Ворожбина в начале тридцатых годов 19-го века.

действие первое

Начало мая. Раннее утро.

Покои в доме Ворожбининых. Гостиная, соединенная яркой со столовой. Из столовой дверь в девичью, дверь во внутренние комнаты и внутренняя лестница наверх. Гостиная выходит на террасу и в сад. В окна обеих комнат виден сад. В столовой накрыт утренний чай. Ждут выхода господ Ворожбининых. Слуги тихо спуют, производя видимость какого-то домашнего дела. Занавески еще задернуты, в столовой полутемно.

Лиза выходит сверху по внутренней лестнице, быстро и легко постукивая каблучками. Она – девушка высокая, тоненькая, стройная. У нее черные, пламенные, веселые глаза; черные, как вороново крыло, слегка вьющиеся волосы; густые, черные брови, которые сходятся вместе, когда она хмурится; лицо смуглое.

Лушка, веселая, круглолицая, краснощекая, идет за ней, оправляет ей платье.

Лиза. Погода хороша ль сегодня? Да нет ли ветра?

Лушка. Уж так-то ясно да тепло, ветриночки не веет.

Лиза. Отдерни занавески, раскрой окошки. Ах, еще бы немножечко поспать!

Лушка открывает окна. Становится светло. В комнаты вливается птичий щебет.

Лушка. Еще бы чуточку поспали, так барин с барыней раньше нас к чаю бы пожаловали. И то, слышно, встают, сейчас сюда будут.

Лиза внимательно оглядывает себя в зеркало. Весело улыбается и посылает тоненькими пальчиками воздушный поцелуй своему отражению. Входит из сада приживальщик, седенький, плешивый старичок с длинным носом; у него в руках букет цветов. Лиза приветливо идет к нему.

Лиза. С добрым утром, Вукол Савич.

Приживальщик. Приветствую вас с добрым утром, Елизавета Николаевна. Позвольте вам преподнести цветы, мной собственноручно для вас собранные нонче утром. Все ваши любимые, свежи и прелестны, как вы, и обрызганы росой утренней. (Подносит цветы.)

Лиза. Благодарю вас, Вукол Савич. Вы очень милы.

Приживальщик. Как здоровье ваше? Что-то вы бледненьки.

Лушка. Барышня встали веселенькие.

Лиза. Странный сон мне приснился. Кажется мне, что в ушах все еще звучит смех приснившихся черных арапов. Такой пасмурно-фиолетовый свет в чертоге. (Умолкает, улыбается.)

Приживальщик. Что же вам снилось?

Лиза. Пустяки. Говорить не стоит. (Подходит к окну. Мечтательно смотрит в сад.) Как хорошо в саду! Солнце еще не высоко, не жарко, и свет его точно росой обмыт. И на траве росинки. И птички так мило чирикают! Лушка мне сегодня такой холодной воды принесла!

Приживальщик. Николай Степанович изволили мне изъяснять намерения, что умывание поутру холодной ключевой водой много способствует для свежести и для здоровья.

Лиза. Львицын говорил мне: «Рано или поздно взойдет день внезапный». Непонятные слова! Я не раз над ними призадумывалась. А разве теперь ночь?

Приживальщик. Теперь – ясное утро.

Лиза (улыбаясь). А если ночь и впрямь, то где же над нами звезды? Ведь мы-то сами ничем не блесним. Живем себе смирно.

Приживальщик. Алексей Павлович – человек великого ума. Что говорит, нам трудно понять, и дивно кажется подчас.

Лиза. Он был в чужих странах, а там живут не по-нашему.

Входит Степанида.

Лиза. Папенька с маменькой встали?

Степанида. Барин с барыней идут кушать чай. Почивали хорошо, встали веселеньки.

Лиза. А я-то едва успела спуститься. Что же это я так заспалась нынче?

Лушка (простодушно). Видно, хороши сны снились, барышня.

Лиза (хмуря брови, строго). Тебя видела. А вот ты, Лушка, болтаешь много. И в поварню бегаешь не за делом. Елевферий хоть и читает Евангелие, а все же знать никак не может того, что кому на том свете будет.

Приживальщик слушает с любопытством.

Входят в столовую Ворожбинин и Ворожбинина. Любовно смотрят на Лизу. Ворожбинина улыбается Лизе. Лиза бежит им навстречу. Целует руки отцу и матери. Приживальщик низко кланяется и тихонько уходит по лестнице вверх. Степанида и Лушка уходят в девичью.

Лиза. С добрым утром, маменька! С добрым утром, папенька! Уж и сливки на столе, густые, превкусные, да и мед самотек.

Все идут к столу.

Ворожбинина. Дочка-то у нас какая выросла! Ворожбинин. Хороша, хороша! Глазки веселенькие, личико смуглое, локоны выются так мило!

Лиза улыбается и мечтательно смотрит в окно. Ей грезится, что мимо проходит ее Алексис, изысканно одетый и погруженный в меланхолические мечтания.

Ворожбинина. Да что ты, Лизанька, все в окошко смотришь? Что ты там занятного нашла?

Лиза (вздвогнув от неожиданного вопроса и смешавшись). Так точно, маменька.

Ворожбинина (посмотрев на нее с удивлением). Что с тобой, Лизанька? Отвечаешь невпопад, как сонная.

Ворожбинин нюхает табак из серебряной табакерки и глядит на Лизу посмеиваясь, отчего Лиза еще более смущается.

Лиза (со смущением). Я сегодня странный сон видела, маменька. А к чему он, не знаю. С вечера я долго не могла заснуть, все в окно глядела. Над рекой клубился туман, луна скользила в небе. А потом я заснула, и приснился странный сон, лиловый. (Смеется.)

Ворожбинина (недовольным голосом, но с немалым любопытством). Что за сон? Не нравится мне, что ты стала часто видеть странные сны. Даже неприлично для барышни. Даже трудно по соннику разгадать. И не поймешь, к чему они, к радости или к печали.

Ворожбинин (с неудовольствием). Пошли сны свои рассказывать да разгадывать. Сколько лет я тебе, мать моя, твержу одно и то же, все в толк взять не можешь, что никакого предвещательного значения сон не имеет. О чем днем думаешь, то ночью и снится, а разгадывать сны пристойно деревенским бабам. Господин Вольтер уже давно осмеял это прискорбное суеверие.

Ворожбинина. Что ты, Николай Степанович! Иной раз то увидишь во сне, о чем и думать-то давно позабыла, а то так никогда и в голову не приходило.

Ворожбинин. Да вот позабыла, не думала, а тут вот взяла да и подумала, засыпая.

Ворожбинина (с досадой). Ну, батюшка, понес свое. Знаю я тебя, – ведомый вольнодумец. Сказывай, Лизанька, какой же ты сон видела!

Лиза (краснея). Ах, маменька, право, глупости. И говорить не стоит.

Ворожбинина (построже). Изволь рассказывать, сударыня.

Лиза (слегка смутившись). Сначала снилось мне что-то совсем непонятное. Я уж даже и позабыла. Потом пришел арап, сам черный весь с головы до ног, как гуща кофейная, а губы красные-красные, на голове пунцовый тюрбан. И говорит мне громко: «Собирайся бесперечь, Лизавета Николаевна, к славному и великому королю Крысиному».

Ворожбинина (с неудовольствием). Такого и короля нет.

Лиза. Ах, маменька, да ведь это во сне!

Ворожбинин (нюхая табак и неодобрительно покачивая головой, ворчит). Обоих бы вас послать королю Крысиному на выучку.

Нянька (старушка старая, выходя из девичьей, становится у дверей). Что за сон? Дай-ка я послушаю. Девки-вышивальщицы без меня заленятся, только сон не выслушать мне никак нельзя.

Стоит, слушает, качает головой, бормочет что-то невнятное. В это время в дверях столовой собираются понемногу девки, слушая сон. Среди них, скатившись сверху и протолкавшись вперед, горбатая шутиха слушает с нелепыми ужимками.

Лиза. Ну вот, иду я будто бы в королевский чертог. Дорога гладкая, как скатерть, синелью вышита и бисером, а идти по ней страх как трудно. По сторонам дороги ученые медведи пляшут, а передо мной арап идет. Идет, а сам все оборачивается, страшный такой, за красными губами зубы белые сверкают. В чертоге богато и пышно, колонны высокие, много свеч горит, свечи желтые, как медь, а свет от них

Собрание пьес. книга 2. Фёдор Сологуб sologubfyodor.ru
лиловый и дымный. У дверей арапы стоят и придворные кавалеры. Вот взошла я в тронный зал, смотрю, а на троне сидит Лушка. На ней корона и порфира и башмаки золотом шитые. А сама румяная, смеется во весь рот. На себя смотрю, – я в сарафане, как простая девка. Да и сарафанишко-то совсем плохонький, рваный.

Ворожбинина (сердито). Ну и сон!

Лиза. Лушка мне говорит: «Здесь первые станут последними, как в Евангелии сказано, а ты, барышня, целуй мою ручку, а потом воду носить будешь».

Ворожбинина (всплеснув руками). Ах она, подлянка! Да как же это она осмелилась! Да что ж ты ее не уняла, Лизанька?

Ворожбинин (сердито глянув на дверь). Во сне унимать нечего. Что приснится, то и смотри. А вот наяву построже бы за ними глядели, чтобы не стояли в дверях, господские разговоры подслушивая.

Спугнутые этими словами, девки убегают, только слышен топот их ног.

Нянька (ворчит). Экие вы, девки, прогневили барина! Всё-то непорядки! Что вы за работницы! (Уходит вслед за ними.)

Ворожбинина (гневно). Подошла бы к подлянке да по щекам бы ее, по щекам!

Лиза. Мне так стыдно стало, что я проснулась.

Ворожбинина. Ну, еще бы! Лушкину руку целовать!

Горбатая шутиха катится горошком и вскатывается по внутренней лестнице наверх.

Шутиха. Надо старой барыне поскорее рассказать, пусть прикажет Лушку да и Елевферия строго наказать. Да и барышне надо попенять. (Исчезает наверху.)

Ворожбинина. Ну уж, матушка, и сон! Хорош, нечего сказать! Постыдилась бы такие сны видеть!

Лиза. Да разве я виновата, маменька! Ведь я не нарочно.

Ворожбинин (постучав табакеркой по столу, внушительно). А ты, сударыня, матери не отвечай. Не дело. Наставление родителей выслушивай с покорностью и со вниманием. О чем ненужно думаешь, такие и сны видишь.

Лиза опасливо взглядывает на отца.

(Постукивая по табакерке, ворчливо). Вот вам нынешнее воспитание! В мое время девицы таких снов не смели видеть. У них благородные были мысли, и сны им снились благопристойные.

Лиза потупилась и зарделась. Ей так стыдно, что она чуть не плачет.

Ворожбинина (сердито). Ты на красных каблучках ходишь, а она голыми пятками постукивает, так тебе с ней даже и во сне равняться не стать. Все это Елевферкин яд. Давно тебе говорю, Николай Степанович, унять его надобно. У наших хамов ни стыда, ни совести нет. Если бы им дать волю, так они бы себя показали. До сей поры Емельку Пугачева, поди, забыть не могут.

Ворожбинин. С Еливферием я и сам собирался поговорить сегодня же утром. Постращать надо. Знаю, что запьет опять. Да пусть лучше иногда выпьет человек, чем книги читать. Водка – слабость, простому русскому человеку весьма свойственная. Да я до крайности не допущу и пресеку во благовремени. Пристрастие же к чтению – от высокоумия и гордости, а гордость – грех смертный. Сей бес, однажды в человека вошедший, изгоняется не легко.

Степанида (вбегая). Старая барыня изволят пожаловать.

Общее движение. Все встают и оборачиваются к лестнице, ведущей наверх.

Ворожбинина. Вот и кстати, Лизанька, что маменька изволила сойти сверху, верно,

Собрание пьес. книга 2. Фёдор Сологуб sologubfyodor.ru
посоветует, как тут быть. А то что-то повадилась ты, милая, неподобные сны
видеть.

Лиза видимо робеет.

Ворожбинин (сердито ворчит, нюхая табак), Ждут оракула своего. Ох уж эти мне
бабы!

Суета, движение на лестнице. Спускается Ремницына, поддерживаемая двумя девками.
Она уж очень старая, но еще совсем бодрая. Лицо свежее, почти без морщин. Из-под
кружевного белого чепца с синими бантами видны седые букли. Одета парадно.
Лиловый шелковый капот. Через правое плечо перекинута старая желтоватая, цвета
апельсиновой завялой корки, турецкая шаль. В руке костыль, в другой ридикуль.
Около нее катится горошком горбатая шутиха, что-то продолжая ей нашептывать.
Слышно ее шипение.

Шутиха. Елевферка-то! Да и Лушка-то! Да и барышня!

Все кланяются Ремницыной и спешат ей навстречу. Лиза присела очень низко,
придерживая юбочку пальчиками опущенных и разведенных рук. Ремницына ласково
треплет ее по щеке. Ворожбинин и Ворожбинина берут бабушку под руки, ведут к
столу, усаживают в кресло. Лиза несет бабушкин ридикуль. Сзади вкрадчиво входит
приживальщик.

Ремницына. Ох, устала! Знаю, знаю, – все уж мне сказали Вукол Савич и шутиха.
(Властным тоном.) Знаю, отчего эти сны, – от Елевферкиных сказов. Елевферку
давно пора пробрать хорошенечко. Лушке строго сказать, чтобы не смела барышне
сниться. Не уймется – наказать построже. А тебя, сударыня...

Внимательно смотрит на Лизу с неопределенным выражением не то усмешки, не то
угрозы. Лиза чинно стоит перед бабушкой.

Лиза (испуганно). Я, бабушка... Простите, бабушка... Не буду, бабушка...

Ремницына. Ты, ветренница, книжки читаешь, я слышала. Отец научил, старый
вольнодумец. Вышивала бы лучше бисером или синелью. От книжек сны глупые.
Вышивай, – слышишь?

Лиза (робко). Слушаю, бабушка. Я и то вышиваю в пальяцах.

Ремницына. Вышиваешь, да не кончаешь. Кажется, уж скоро полгода будет, как
начала подушку вышивать, а всего еще полвечерка роз вышито. Ты не думай, – ведь
я все знаю, что у вас делается. Хоть и редко здесь у вас бываю, а знаю все. Уж
больно ты веселая да непоседливая; своевольница ты, шалунья. Ну, я пойду, устала
с вами. Ты, Наденька, и ты, Лизанька, идите-ка со мной, проводите меня, а ты,
мой друг, останься. Ты мне не нужен.

Уходит вверх. Ворожбинина и Лиза ведут ее под руки. Шутиха катится горошком
сбоку и немного позади них.

Ворожбинин. Что скажешь, Вукол Савич?

Приживальщик (почтительно). Высокий ум-с!

Ворожбинин. Да, вздорная бабенка, а поперечить ей нельзя. Приходится за ней
ухаживать и слушаться ее. В нашей же губернии у нее собственная деревня. Все
свое имение оставит Лизе, хоть и другие внуки и внучки есть. Всех больше любит
нашу Лизаньку. Невелик кусок, а все же Лизаньке пригодится. Правда, побранила
Лизу сегодня, да видно, что не сердится. Да и что за шалунья Лиза! Невинные
детские забавы и резвости.

Приживальщик. Да как бы и могло быть иначе? Не почтите за лесть, правду скажу, у
таких добрых и почтенных родителей, всеми в окрестности уважаемых не только за
их любезность и радушие, но и за семейственные их добродетели, и дочка выросла
на утешение.

Ворожбинин. Добродетель в жизни – первейшая наша должность. А у нашей Лизаньки –
золотое сердечко, и строжить ее не за что. Да и она еще почти ребенок, только

Собрание пьес. книга 2. Фёдор Сологуб sologubfyodor.ru
что семнадцатый год пошел. Ну, теперь я управлением займусь и свершу правосудие.
(Кричит.) Эй, кто там!

Выскакивают из разных дверей казачок, лакей и девка.

– Позвать-ка Елевферия!

Вбежавшие так же быстро исчезают. За сценой слышны их удаляющиеся голоса:

– Елевферия, Елевферия к барину!

Ворожбинин. Да, все это – Елевферкин яд. Не раз уже я бранил Елевферия за его пристрастие к чтению. Повар он хороший, я им отменно доволен, но чтение требует не хамского ума. Вчера вечером бурмистр Титыч доложил мне, что к Елевферию ходят дворовые люди и девки, а он им читает Евангелие и объясняет, будто бы на том свете первые будут последними.

Приживальщик. Высокоумие, хамскому состоянию не приличное.

Ворожбинин. Это еще на том свете будет. Однако я велел Титычу сказать, чтобы к нему ходить не смели, да и он чтобы не смел читать другим и учить.

Приживальщик. Не его ума дело.

Ворожбинин. Хотел сегодня утром сам все это разобрать. Но знаю верность и преданность моих холопов, да и обуздать своеволие своих подданных всегда сумею, потому и не был обеспокоен Титычевым донесением. К утру чуть было не позабыл о нем. Быть может, так бы Елевферию и прошло на этот раз, – встал я сегодня в хорошем расположении и не склонен был судить и наказывать.

Приживальщик (умиленно). Великодушие отменное!

Ворожбинин. Но Лизин сон заставляет меня думать, что Елевфериевы речи мутят дворню. Видно, Лизаньке девки шепнули, чего ей не надобно было слушать, она, ложась спать, думала об этом, вот ей и приснилась эта белиберда, от которой пришла она в немалое расстройство.

Входит повар Елевферий, высокий, красивый, благообразный старик. Только красный нос портит его лицо. Борода старательно пробрита; бакенбарды холеные, седые, пушистые. Степенно кланяется барину в пояс, коснувшись рукой пола.

Ворожбинин (строго). Ты что же это, Елевферий, моих людей мутить вздумал? Чему ты их учишь, скажи, сделай милость!

Елевферий кланяется барину в ноги степенно, словно свершая значительный обряд.

Елевферий (поднявшись, чинно). От священного Писания изъясняю.

Ворожбинин. А кто тебя поставил изъяснять? Ты – повар, так и пеки пироги. Эй, Елевферий, смотри, не доведет тебя до добра твое пристрастие к чтению. Я и больше тебя разума имею, как господин прирожденный, да и то книг не читаю, кроме иногда книг Вольтеровых, – на что всякие книги надобны? А ты – хамово отродье, и разум у тебя худой, хоть руки у тебя и золотые. Читанное тобой ты можешь понять превратно, отчего и делается в тебе повреждение. Тогда куда ты годишься, сам подумай! Господам поврежденный повар опасен. А на другую работу ни на какую ты уж и не способен. (Нюхает табак.)

Елевферий. Позвольте доложить, барин, что я пустых книг не читаю, а читаю токмо то, что к спасению души относится, ища, как угодити Богу паче человек.

Ворожбинин (покачивая головой). А ты знаешь, кто Библию прочтет всю насквозь, от доски до доски, тот с ума сойдет? Слышал ли ты это?

Елевферий (понятливо усмехаясь). Я тоже с пониманием читаю, барин. Апокалипс я и не читаю, не нашей мудрости требует эта книга. А Евангелия чтение пресладостно и преплезно и простецам понятно, потому что и сам Господь наш Иисус Христос проповедовал простому люду, неученым рыбарям, и ловцами человеков поставил их.

Ворожбинин. Смотри, Елевферий, – говорю с тобой добром, жалеючи тебя за то, что дело свое гораздо разумеешь, – эй, говорю, не предавайся сим высокоумным упражнением. На то есть ученые люди; попы в церкви тебе все прочтут и пропоют, что надобно, да еще и ладаном надымят. А тебе это ни к чему. (Понюхав табак и помолчав, внушительно.) Елевферий, помни, – не послушаешь словца, так отведаешь дубца. Я – хозяин ласковый, угостить сумею так, что прибавки не попросишь. Не учась, в попы не ставят, так-то вот, любезный. А тебя всяческим риторикам да философиям кто учил?

Елевферий (степенно). Как есть у меня свое понимание...

Ворожбинин. А ты помолчи. Понимание у тебя дурное, и изъяснять ты никому ничего не можешь. Слепой слепого поведет, оба в яму свалятся, только и всего прибытку. Ну, вот скажи, к примеру, что есть писано страфокомил? (С торжествующим видом смотрит на Елевферия. Но когда Елевферий начинает говорить, Ворожбинин смотрит на него с изумлением и с досадой.)

Елевферий. Страфокомил, сиречь строфус, – кур пустыни, ростом ужасен, нравом кроток, пером курчав, телом тяжел и потому летать не может, а бежит по пескам втрикраты быстрее ветра, вопия гласом велием. Дает перо для украшения рыцарских шлемов, но без великой хитрости иман быть не может, ибо, скрыв голову под крыло, становится незрим.

Ворожбинин (наставительно). То-то вот – без великой хитрости не токма что строфокомила, сиречь строуса, не понимаешь, но и прочих дел никак не сообразишь. А ты в какие рассуждения втяпался? Кто мы, благородные, и кто вы, холопы наши? Ты это понимаешь ли, кур кухонный? Ростом и ты ужасен, и волосом пушист, а есть ты сущий хам и остолоп, телепень ты этакий несосветимый! Ты что там толкуешь? Мы, господа, на том свете будем позади, а вы, рабье племя, вперед пойдете? Так, что ли, по-твоему?

Елевферий (опустив глаза, вздохнув, степенно). Есть на земле ваша господская над нами воля, а только что действительно обещано в Писании, что в царствии Божием несть слуга, ни господин.

Приживальщик исчезает так незаметно, словно он испарился в воздухе.

Ворожбинин (нервически постукивая табакеркой по красного дерева круглому столику, у окна стоящему). Ты, что ж, рыцарь слоеный, на коня сядешь, а я тебе стремя держать буду? Ты в шлафроке на диване развалишься, а я тебе трубку подавать стану?

Елевферий (не поднимая глаз, смиренно, но упрямо). Здесь, на этом свете, есть ваша господская воля, а там, по грехам нашим и по великой милости Божьей, воздается коемуждо делам его.

Ворожбинин (вставши, гневно). Я тебе покажу коемуждо! Я тебе воздам! Титыча позвать!

Голоса. Титыч! Титыч! Титыча к барину зовут!

Казачки и девки вихрем мчатся во все стороны искать Титыча. В это время в столовую входят сверху Ворожбинина и Лиза, а из девичьей бежит запыхавшаяся Степанида.

Степанида (кричит). Барыня, едут! Гости едут, гости, от Заозерья!

Ворожбинина. Что кричишь, оглашенная! Не можешь доложить спокойно? Может быть, еще и мимо едут, не к нам.

Лиза бежит к окну. Ворожбинина суетливо идет в гостиную к зеркалу и тревожно оглядывает себя с головы до ног, нет ли какой неисправности в туалете. Слышен звон бубенчиков, все приближающийся.

Ворожбинин (Елевферию). Я с тобой вечером разделаюсь.

Елевферий кланяется барину в ноги и уходит.

Собрание пьес. Книга 2. Фёдор Сологуб sologubfyodor.ru
(Быстро проходя по гостиной и по столовой.) Ну вы, засони! Везде непорядки!

Но все везде в порядке, и Ворожбинин опять приходит в хорошее настроение. Возвращается в гостиную. Ворожбинина садится в гостиной на диван с рукоделием в руках, опираясь локтем на вышитую подушку. Лиза у окна, отодвинув пальчиками край кисейного занавеса, а левой рукой трепетно держась за один из стволов бронзового канделябра, стоящего на маленьком овальном столике, выглядывает на дорогу.

Ворожбинина (улыбаясь). Что смотришь, Лизанька? Кто едет?

Лиза. Не видно, маменька.

Ворожбинин (посмеиваясь). Видать сразу, что Львицын молодой едет.

Лиза бросает на отца стыдливый умоляющий взгляд. Ворожбинин грозит ей пальцем и смеется.

Ворожбинин. Все вижу, плутовка черноглазая. От меня и под землей не скроешься.

Лиза смеется и убегает.

Ворожбинин (подмигнув жене). Пошла наша Лизанька прихорашиваться.

Ворожбинина. Дело девичье.

Ворожбинин (у окна). Львицын и есть. Почтенных родителей сынок, – дай Бог им царствие небесное, – и ведет себя скромненько, а все что-то странное в нем есть. Служить нигде не служит и не хочет служить, хозяйством своим не занимается, ездит с места на место, смотрит, где лучше. Чужие края хвалит, а наши порядки ему не нравятся.

Ворожбинина. Вот женится, переменится, привяжется к месту, остепенится.

Ворожбинин. А кто же молодого человека привяжет к месту?

Ворожбинина. Никто, как наша Лизанька. Богатая наследница, завидная невеста, единственная дочка, все наше ей достанется, и Ворожбину, и Ремницы, и Сухой Плес, да и от бабушки.

Молодой курносый лакей в кафтане горохового цвета с пуговицами входит и докладывает.

Лакей. Алексей Павлович Львицын.

Ворожбинины. Проси, проси!

Лакей отворяет дверь и уходит. Входит Львицын. У него длинные, до плеч, волосы, волнистые, русые. Томный взор, слегка презрительный и насмешливый. Одет в серый фрак. Галстук повязан небрежно, но красиво. Ворожбинин его встречает. Церемонные поклоны, тихие приветствия. Львицын целует руку Ворожбининой. Разговаривают вполголоса.

Львицын (вынимая из бокового кармана своего фрака письмо). С вашего позволения я прочту вам несколько строк из сего письма. Из них вы изволите усмотреть, почему чужие края меня привлекают и почему в глазах европейца самое имя России есть синоним варварства.

Ворожбинин. Однако эти самые варвары освободили сих пресловутых европейцев от несносного деспотизма Наполеона.

Львицын. Чем других спасать, «не лучше ль на себя оборотиться». Вот что пишет мне из Петербурга мой дядюшка...

Ворожбинин (почтительно). Его превосходительство Григорий Алексеевич?

Львицын. Так точно.

Собрание пьес. книга 2. Фёдор Сологуб sologubfyodor.ru
Ворожбинин. Его превосходительство все в добром ли здоровье?

Львицын (поспешно и невнимательно). Я думаю.

Ворожбинин. А как ее превосходительство Елена Александровна изволит здравствовать?

Львицын. Недурно, кажется.

Ворожбинин. А деточки его превосходительства здоровы ли?

Львицын. Да что им станется! Балбесы презрительные. Так вот что пишет мне дядюшка: «Расскажу тебе прекуриозное происшествие, приключившееся здесь недавно. Некая молодая и красивая собой девица Амалия К... (фамилию позволите умолчать) проживала у старшей своей сестры, которая имела любезного и нередко ревновала его к сестре. Однажды сия чета, воспользовавшись хорошим днем, отлучилась из квартиры погулять; в отсутствии их и Амалия ушла к своей тетке. Добрая женщина отлично знала, что житье молодой ее племянницы у старшей сестры не блистательное, что она исполняет часто обязанности служанки и живет с ней потому лишь, что некуда деться. При прощании она дала ей сорок копеек, которые Амалия завернула в один из углов платка. Возвратясь домой, старшая К. не нашла ночного капота и придралась к сестре; та ударилась в слезы. Понадобилось ей вытереть глаза; доставая из кармана платок, она выронила подаренные теткой монеты. Эти несчастные деньги были причиной, что старшая К. обвинила младшую в краже капота, который она будто бы продала за сорок копеек. Напрасно последняя ссылалась на тетку; это ей на суде не послужило в пользу, так как тетки в столице не оказалось: она отправилась на богомолье во внутренние губернии. Заподозренная в краже, Амалия не знала ни того, откуда она родом, ни к какому состоянию принадлежит по рождению, почему уголовная палата и присудила ее к наказанию розгами. После исполнения над Амалией наказания в управу благочинья присланы были документы, удостоверяющие дворянское происхождение Амалии; к тому же времени вернулась с богомолья тетка, которая подтвердила ее показание. Несчастливая Амалия покорилась своей участи и не искала за бесчестье, но чиновники палаты, движимые состраданием к молодой и красивой особе, пострадавшей из-за ревности сестры, сложились и вручили ей сто пятьдесят рублей».

Ворожбинина (с соболезнаванием покачивая головой, во время чтения приговаривает). Ах, бедная Амалия! Ах, несчастная!

Ворожбинин (внушительно). Поторопились судьи напрасно. Жаль бедную девушку, – такого стыда деньгами не искупишь. Впрочем, нет худа без добра, – девица получила хорошее приданое. Я чаю, что и женишок ей скоро найдется, если она точно столь хороша собой, – из тех же чиновников, пожалуй, кто-нибудь.

Входит в гостиную Лиза, в белом кисейном платье. Львицын встает и учтиво кланяется ей. Лиза, взглянув на него, застенчиво краснеет и скромно садится рядом с матерью на стул под портретом воинственного полковника с величавой осанкой.

Львицын (не сводя глаз с Лизы). Чувствующему и размышляющему человеку ненавистны эти проклятые потемки, в которых держат нас.

Ворожбинин. Но кто же нас держит? Да и какие у нас потемки? Россия имеет людей весьма просвещенных.

Львицын. Просвещенный человек, истинный гражданин и сын отечества, питает ненависть к деспотизму. А мы, скитающиеся по сей обширной и безвыходной пустыне, к сему деспотизму так привыкли, что уже и не возмущаемся им. (Бросает нежный и томный взгляд на Лизу.) Намерен я вскорости поехать в Германию.

Лиза краснеет и досадливо хмурится.

Ворожбинина. Батюшка Алексей Павлович, да зачем так далеко вам ездить? Разве же у нас вам худо? Я бы с этими немцами и дня не прожила, – говорят не по-нашему и едят не по-нашему, – легко ли к чужим порядкам привыкать?

Львицын. Там нет ужасных позорищ, извлекающих у чувствительных сердец слезы сострадания и при которых истинный друг человечества содрогается. Там

Собрание пьес. книга 2. Фёдор Сологуб sologubfyodor.ru
добродетель освещается не вечерним светом правды и народы прислушиваются к голосу философов и поэтов. Там хочу я упражняться в добродетели и в науках.

Ворожбинин (понюхав табаку). Дело семинаристов. Дворянские занятия – военная служба, охота, имение управить. Об этом в Лизанькином песеннике я вычитал очень хороший стишок. (С чувством.)

Деревенское житье –
Счастье непорочно.
Упражнение мое
Мне с друзьями прочно.
Время с пользой провожу,
Дальних бед не вижу,
Все забавы нахожу,
Ближних не обижаю.
Львицын. Вы, Николай Степанович, как почитатель великого Вольтера и как человек глубокого ума, не можете не видеть, что в сей стране слепых господствуют кривые.

Ворожбинин (тонко улыбаясь, польщенный словами Львицына). Кривые-то, сударь мой, все же лучше видят, чем совсем слепые. Недалеко ходить, наш Вукол Савич. Поговорите с ним. (Зовёт.) Эй! Вукол Савич, пожалуйста-ка к нам.

Входит приживальщик, кланяется робко.

Ворожбинин (усмехаясь). Скажите, Вукол Савич, как супруга ваша поживает? Все ли в добром здоровье?

Приживальщик (махнув рукой и сморщившись). Что ей делается! Живет у матери своей. Меня ведь насильно с ней обвенчали.

Ворожбинин. Да как же так? Ведь священник спрашивал же вас: «Имаши ли благое и непринужденное произволение пояти себе в жену юже пред собою видиши».

Приживальщик. Да, теперь помнится, у меня что-то такое спрашивали: да тогда я не спохватился отвечать, а нынче уж поздно, не воротись. Вот мы недавно отпраздновали и серебряную свадьбу у тещи в деревне. Бог с ней совсем!

Ворожбинин. Его насильно обвенчали! Ведь вот чудак!

Смеется и тихо говорит с приживальщиком. Меж тем Ворожбинина уходит. Львицын подходит к Лизе.

Лиза. Зачем вы хотите уехать? Если все уедут, будет скучно. Не уезжайте, Алексис.

Львицын. Прикажете, так я останусь.

Лиза (нежно). Оставайтесь, Алексис.

Львицын подает ей руку. Они выходят в сад.

Занавес.

Действие второе
Картина первая
Терраса перед домом Ворожбининых. Часть сада между домом и прудом. Неглубокий продолговатый пруд. Березовые аллеи. Перед террасой цветники. Тихий и ясный весенний день.

Лиза и Львицын около пруда. Ворожбинина сидит в уютном уголке за трельяжем на террасе с вязаньем в руках; дремлет.

Лиза. Смотрите, Алексис, какая здесь прозрачная вода. Песок на дне и рыбы ясно видны.

Львицын. Вода здесь так же прозрачна и ясна, как ясна и прозрачна ваша, Лиза,
Страница 199

Собрание пьес. книга 2. Фёдор Сологуб sologubfyodor.ru
невинная душа, в которой я вижу, мне кажется, все ваши непорочные чувства.

Лиза (зардевшись и потупясь). Зимой здесь катаются с горки, а летом я ужу здесь рыбу. Кроме меня папенька никому не позволяет здесь ловить рыбу. (С невинным выражением обращается к Львицыну.) Скажите, Алексис, за что я так люблю березку? Кажется, нет в ней ничего особенного, а ее вид всегда меня радует, и запах ее листочков по весне.

Львицын. Береза мила нашему сердцу потому, что это – наше национальное северное растение, к которому привыкли мы с детства! Как жители пышного юга веселят его гордые пальмы, так нас веселит наша скромная родная березка.

Лиза. А вы знаете, я и дождик люблю. Летний дождик очень веселый.

Львицын (волнуясь необычайно). Лиза, я вижу, что вы всегда говорите со мной доверчиво и чистосердечно. Я вижу, что мои посещения не противны вам.

Лиза. Да, Алексис, я бываю очень рада, когда вы к нам приезжаете.

Львицын. Откройте мне ваше сердце, будьте совершенно доверчивы со мной. Ваши милые глаза сияют, когда вы встречаете меня, и улыбка на ваших очаровательных устах выдает тогда радость и волнение. По этим признакам могу ли я заключить, что я любим? Новая заря моей жизни пылает ярко, но не обманчиво ли? Взгляни, Лиза, на эти растущие рядом два цветка, – они сильнее благоухают оттого, что они вместе. Я люблю тебя, Лиза, ты это знаешь, ты не можешь этого не знать.

Раскрасневшаяся Лиза потупилась и молчит.

Львицын (страстно и нежно). Елизавета Николаевна, вы с первого взгляда завладели моим сердцем, и если бы я осмелился предложить вам мое преданное и верное сердце, а также и руку, то что бы вы мне ответили на это?

Лиза (едва сдерживая волнение). Очень благодарю вас, Алексей Павлович, за ваши чувства и за честь, мне вами оказываемую, но я не завишу от себя, у меня есть папенька и маменька, и я должна прежде просить их разрешения.

Львицын (радостно улыбаясь). О, я только хотел прежде знать ваше согласие, Лиза, а тогда, конечно, буду и у них просить вашей руки. Но вы-то сами что скажете мне на мое предложение, от чистого и верного сердца исходящее?

Лиза (очень тихо, задрожавшими губами). Я согласна.

Львицын (нежно целуя Лизину руку, шепчет голосом, полным волнения и любви). В этот сладостный час земля и небо исчезли перед нами. Благодарю, небесное создание, тысячу раз благодарю. Мы должны немедленно открыться твоим родителям. Как сожалею я, что мои возлюбленные родители не дожили до этого блаженного дня! Как бы радовались они моему блаженству!

Идут к дому рука об руку. Уже любопытствующая дворня понемногу начинает скопляться за углами, за кустами, за дверьми, подглядывая, подслушивая.

Львицын (казачку). Где Николай Степанович?

Казачок. Изволили вернуться с поля, пошли к себе переодеться и выпить квасу. Сейчас пожалуют сюда, в гостиную.

Львицын идет через террасу в гостиную. Лиза спешит на террасу к матери. Тем временем Ворожбинина, выведенная из своей дремоты шорохами и шепотами, разливающимися по дому и по саду и несущими напряжение любопытства, раскрывает глаза, выпрямляется, осматривается. Лиза бросается к ней на шею.

Лиза. Ах, маменька, он меня любит! (И заливается слезами.)

Ворожбинина (глядя ее по голове, радостно). Ну, и слава Богу! Слава Богу!

И сама плачет, но лицо веселое. В гостиной Ворожбинин и Львицын тихо разговаривают. Ворожбинина и Лиза прислушиваются к их словам. Ворожбинин и Львицын выходят в сад. Девки толпятся в дверях гостиной и за кустами, таясь и

Собрание пьес. книга 2. Фёдор Сологуб sologubfyodor.ru
прислушиваясь с жадным любопытством.

Ворожбинин. Я очень рад за Лизаньку, и лучшего мужа я ей не желаю. Но в этом предмете решение принадлежит ей самой, – надобно ее спросить.

Львицын. Я уже спрашивал, – Елизавета Николаевна согласна.

Ворожбинин. Если дочь моя избрала вас, то и я также избираю и вручаю ее вам, сделайте ее счастье. Она у нас единственная дочь. Мы в ней души не чаяли. (Хочет быть спокойным и важным, но растроган и прослезился.) Надо спросить и у матери. Эй, кто там! Барыню сюда просите.

Ворожбинина встает и подходит к мужу. Ведет за руку Лизу. Лиза упирается, стыдится, смеется и плачет в одно и то же время. Львицын берет ее за руку. Ворожбинин и Ворожбинина становятся рядом, Львицын и Лиза опускаются перед ними на колени. Девки набегают со всех сторон, радостные и любопытные. Горбатая шутиха катается горошком. Нянька кого-то унимает.

Картина вторая

Вечер. Лизина спальня наверху. Кровать с кисейным пологом. Из окна видны деревья сада, река, поля. Лиза разговаривает со своими служанками. Лушка ее раздевает, Степанида рассказывает новости. Нянька сидит в углу, вяжет и дремлет.

Степанида. А деревенские девки сегодня поутру повстречали лешачиху. Уж так-то испугались, едва добрались домой.

Лиза. Что за лешачиха? И почему они так перепутались?

Степанида. А лешачиха ходит голая и живет о край болота. Ростом она с самое высокое дерево, волосы у нее косматые, серые, а лица вовсе не видно.

Лиза (смеясь). Какие глупости! Это все – суеверие, никаких леших и лешачих на свете нет, и бояться их нечего. Девкам старая береза спросонок за лешачиху показала.

Степанида. Не знаю, барышня, что мне сказали, то и я передаю. Сама не видела, врать не стану, а девки на селе болтают. Сегодня утром с Елевферием барин разговаривали. Барин хотел его наказать, да для сегодняшней радости помиловали. Мудрит выше головы наш Елевферий. На том свете что еще будет, про то нам неизвестно, а на этом свете надобно господам угождать. Будешь господам хорош, и тебе будет хорошо, а иначе не прогневайся, – сама себя раба бьет, коли не чисто жнет.

Лиза благосклонно улыбается Степаниде.

Лушка (с насмешливой ужимкой). А сама небось к Елевферию ходила, сказы его слушала. Почитай, Елевфрушка, растолкуй, Елевфрушка, сами-то мы, вишь, глупые.

Степанида (смущенно). Экая ты язва, Лушка!

Лиза (нахмутив брови). Замолчите обе. Еще мне ваши свары слушать! Смотри, Лушка, ты мне опять сегодня не вздумай присниться – маменьке пожалуюсь.

Лушка. Да уж будьте спокойны, барышня, спите себе с Богом.

Степанида (злорадно усмехаясь). Достанется уж!

Лиза. Идите, девушки, – я спать хочу.

Лушка и Степанида уходят. Лиза садится к окну, мечтает, глядя на ясные полуночные звезды. Из-за ближнего леса медленно всходит багровый полумесяц.

Лиза. Няня, знаешь, для чего луна?

Нянька (встрепенувшись). Ну, для чего?

Лиза. В моем песеннике сказано:

Луг сделан для овец,
Для луга чисты воды,
Луна для всей природы,
Любовь для всех сердец.

(Со слезами на глазах.) Какая радость у меня в сердце! Сколь счастливая буду с Алексисом! Ах, нянечка, как приятно мне будет сегодня повернуться на правый бок, закрыть глаза и предаться мечтаниям, неприметно переходящим в сон.

Нянька. Ложись, ложись, Лизанька. Да и я пойду спать.

Укладывает Лизу в постель и уходит. Лиза закрывает глаза. Проходят ее сны. Сначала чувствительные и благодетельные.

Первый сон

Лизе снятся милые девушки-пастушки и любезные юноши-пастушки, чрезвычайно чисто вымытые и необыкновенно тонко чувствующие. Их танцы и галантные пантомимы.

Второй сон

Палаты царя Афрона. Лиза и Львицын сидят рядом, на троне, она в образе Елены Прекрасной, а он – Алексис – царевич. Его рыцарские доспехи лежат на скамье. Лиза и Львицын нежно беседуют. Серый волк мирно щиплет травку на лужайке. Танцы придворных дам и кавалеров. Лиза просыпается, нежно-веселая. В окно заря. Набегают тучи. Становится пасмурно. Лиза засыпает.

Третий сон

Снится с такой реальностью, что не разобрать, сон это или явь. Лизина спальня совсем пропала в мелькающей смене утр, дней, вечеров, разных видов, явлений, лиц и действий. Является наконец устойчивость картины, и это – фруктовый сад. Скворцы тучами налетают на вишни. Дворовый мальчишка с деревянной трещоткой в руках пробегает, прогоняя птиц. Лиза бежит по дорожкам. У нее на руках собачка, маменькина болонка; Лиза ее ласкает. Подходит Львицын.

Лиза. Смотрите, Алексис, какая милая собачка! Погладьте ее, ничего, она не укусит. Какая у нее мягкая шерстка!

Подносит собачку к Львицыну. Собачка на него лает. Он отворачивается с неудовольствием.

Лиза (с удивлением). Что с вами, Алексис? Чем вы так расстроены?

Львицын. Я вас очень прошу, милая Лиза, не носить собачку на руках.

Лиза (хмурясь). Почему же мне не носить ее, ежели мне это нравится?

Львицын. Сделайте мне приятное, милая Лиза, и отпустите собачку. Вам это непристойно. Возясь с этой собачонкой, вы теряете то нежное очарование, которое влечет меня к вам, и от этого душе моей нестерпимо больно.

Лиза. Да зачем же мне ее отпускать! Ведь я же не делаю ей больно. Я ласкаю ее.

Львицын. Неприятно смотреть, когда девица вашего возраста возится с собаками. Это – неженственно и более идет охотнику, чем благовоспитанной барышне.

Лиза (с досадой). Папенька и маменька мне этого не запрещают.

Львицын. Но если я вас прошу, Лиза!

Лиза молчит, ласкает собачку.

Львицын. Милая Лиза, оставьте ее. Я вас очень прошу об этом.

Лиза (упрямо). Я люблю эту собачку, и вы, Алексис, должны полюбить ее, если любите меня.

Львицын. Не может быть, чтобы ваше расположение внезапное к этой собачке было столь сильно, чтобы вы не могли ее оставить, когда вас об этом просят. Поверьте, что этот вид весьма не идет к вам и весьма меня огорчает.

Лиза (с насмешкой). Разве это – грех?

Львицын. Кого любишь, того и слушаешь во всем с удовольствием, хотя не всегда бываешь одинаково расположен. Носить собаку на руках – не грех. Но это – неженственно.

Лиза упрямо молчит.

Львицын (с огорчением). Лиза, ты не уважаешь моей просьбы! Мои слова для тебя ничто! Ты относишься к моим словам небрежно и без всякого внимания. Но жизнь есть воспитание. Все в ней служит уроком.

Лиза (упрямо). Я не нуждаюсь в уроках.

Львицын (печально). Я не ожидал найти в тебе такого своенравия! Не хотеть пожертвовать таким вздорным удовольствием!

Лиза (обиженно). Вот вы какой! Вы ни в чем не хотите дать мне воли! Что же будет, когда я стану вашей женой? Вы будете жестоким тираном.

Львицын (с великим огорчением). Нет, Лиза, я не хочу быть вашим тираном. Я полагаю мое высшее счастье в вашей благосклонности, Лиза, – могу ли я при этом быть вашим тираном?

Лиза гладит собачку. Львицын вертит в руках алый цветок шиповника.

Львицын. Всякий твой недостаток, Лиза, удивляет меня потому, что я ценю тебя отменно много.

Лиза. Вам ничто не нравится, вы только немцев хвалите.

Львицын. Не скрою, Лиза, ты сегодня произвела надо мной неприятное впечатление.

Лиза (пылко). А вы хотели произвести надо мной неприятное тиранство. Ни папенька, ни маменька так со мной не обходятся. Я не привыкла к тому, чтобы меня обижали.

Львицын (стараясь казаться спокойным, но с трудом сдерживая проявления досады и огорчения). Я вижу, Лиза, что сегодня ты находишься в дурном расположении духа, и потому мне лучше удалиться. Надеюсь, что ты сама оценишь свой поступок, когда захочешь подумать о нем внимательно и спокойно.

Лиза молчит. Львицын кланяется холодно и уходит. Лиза, оставшись одна, скидывает с колен собачку.

Лиза. Противная, убирайся прочь!

И заливается слезами. Погода меняется. Дождь. Лиза бежит к себе. Является опять спальня. В стекла бьет сильный дождь, стучат ветки березок. Лиза дрожит под одеялом в своей постели.

Четвертый сон

Дворец короля Крысиного, соответствующий рассказу Лизы о ее сне. У дверей стоят арапы и кавалеры. На золотом кресле сидит Лушка. На ней корона, порфира, богатые уборы, золотом шитые башмаки. Пляшут ученые медведи. Арап ведет Лизу. Лиза в рваном сарафане.

Лушка (важничая, строго). Лизавета, красная краса, черная коса, возьми мою тявку-собачку, веди ее погулять да смотри, гляди за ней в оба, чтобы с нее шерстиночки не упало, а не то я отдам тебя драбантам, они тебя невежливо поучат.

Злая тявка-собачка норовит укусить Лизу. Глаз у нее не видно из белой пушистой шерсти, а зубки беленькие да острые. Лиза просыпается, кричит, вскакивает с постели. Уже светло, за окнами опять ясное небо. Входит нянька, вбегают Лушка и Степанида.

Нянька. Ой, девки ленивые! Худо смотрят за барышней. Что с тобой, Лизанька? Да никак ты занедужилась, моя ласточка?

Лиза (скучным голосом). Ничего, нянечка, это пройдет. Я полежу немного и потом тотчас встану. Няня, ты ничего не говори маменьке, чтобы ее попусту не расстраивать.

Нянька. Ахти, напасть какая! Потеплее барышню укрой, Лушка. (Проворно выходит.)

Степанида. Уж видно, что Лушка барышне приснилась, барышню испугала.

Лушка. А ты помолчала бы!

Степанида. Вишь ты, какая заказчица! Сама помолчи!

Лиза. Молчите вы обе.

Лушка и Степанида укладывают Лизу в постель, укутывают ее. Скоро возвращается Нянька с чашкой в дрожащих от старости и от усердия руках. В чашке дымитя только что заваренный напиток. Степанида тихонько уходит.

Нянька (заботливо наклоняясь над Лизой). Выкушай, Лизанька, пропотеешь, и все как рукой снимет. Верно, простудилась как-нибудь. Вчера вечером сыренько было.

Лиза. Не хочу я, няня. Ничего ни есть, ни пить не хочу.

Нянька. Выпей, выпей, Лизанька. Горяченько, вкусненько.

Лиза. Да что это такое?

Нянька. Липов цвет. Только что заварила.

Лиза пьет. Нянька тщательно укутывает ее.

Нянька (Лушке). За барышней недосмотрели. Ну что за девки! Где же Степанида?

Входит Ворожбинина. За ней идет Степанида с видом сплетницы.

Ворожбинина. Что, Лизанька, как почивала? Сказывала Степанида, что беспокойно почивала, вскидываться изволила. Правда ли?

Лиза (хмуря брови). Опять мне Лушка приснилась.

Ворожбинина (гневно краснея). Рассказывай, сударыня, твой сон. Я чаю, опять пустяки видела.

Лиза. Совсем осмелела Лушка. Сидит на раззолоченном стуле, одета в богатые уборы, важничает необычайно и строго приказала мне взять тявку-собачку и вести ее погулять. А если что с тявкой случится, то она грозила отдать меня драбантам. А тявка-собачка злая-презлая, и глаз у нее не видно из белой пушистой шерстки, а зубки беленькие и острые. Так и норовит, как бы укусить.

Ворожбинина. Лушка, ты что ж это повадилась каждую ночь барышне сниться? Белены объелась, бесстыдная? Думаешь, что на тебя и управы не найдется?

Лушка (поклонившись барыне в ноги). Помилуйте, матушка барыня, но только я тому делу не причина. Хоть что хотите со мной делайте, а только я ни в чем не виновата.

Ворожбинина (с изумлением). Да ты дерзить!

Лушка. Дерзить я не согласна, а только и в уме у меня того не было, чтобы сниться барышне. Да нешто я училась, чтобы кому сниться? Да у нас и в роду никого не было, кто бы такие дела знал.

Степанида (стоя у дверей, злорадно). Яд девка! Как только господа терпят! Да я бы на месте господ такого ей жару задала – небось перестала бы барышне сниться!

Собрание пьес. книга 2. Фёдор Сологуб sologubfyodor.ru
Ворожбинина. А ты, подлиза, помолчи! Без тебя знают, что делать надобно. Уж не взыщи, Лушка, – раз простила, другой не прощу. Веди ее в девичью, Степанида.

Степанида подходит к Лушке и хватает ее за руку.

Лушка (грубо Степаниде). Ты не толкайся. Сама пойду.

Лушка и Степанида уходят.

Ворожбинина (Лизе). Голубушка, засни! Господь тебя храни. (Уходит.)

Лиза. Ах, зачем я не послушалась Алексиса!

Нянька. Да когда же, Лизанька, ты его не послушалась?

Лиза. Да и правда, нянечка, это мне тоже во сне приснилось.

Нянька. Что еще за сон?

Лиза. Будто я собачку на руках носила, а Алексису это не нравилось, и будто мы поссорились. Или все это было наяву, а, нянечка?

Нянька. Спи, спи себе с Богом. Никогда ты с ним не ссорилась.

Лиза. А я и собак-то вовсе не люблю, даже маминой болонки не ласкаю. А тут вдруг на меня каприз нашел.

Нянька. Спи, Лизанька, спи, – сном все пройдет.

Доносятся издали отчаянные вопли и визги Лушкины.

Лиза. Из-за меня Лушку наказывают.

Нянька. Так ей и надо.

Лиза. А может быть, она и не виновата вовсе? Как тягостна мне эта мысль! Скорее бы Алексис приехал! Возьму сегодня нарочно мамину болонку, – рассердится ли он, велит ли оставить собачку? Нет, ни за что не уступлю!

Нянька. Экая ты характерная, Лизанька! Никому не уважишь.

Лиза. Правда, нянечка, это нехорошо. Нет, я не буду его огорчать.

Действие третье

Сад Ворожбининых. Ворожбинин, Ворожбинина, Львицын прогуливаются вместе. Девки, собирающие ягоды, поют. Лиза в садовой беседке читает книжку. Львицын тихо подходит к ней. Лиза поднимает на него глаза.

Львицын (нежно). Милая Лиза, о чем эти слезы на ваших глазах?

Лиза (протягивая ему раскрытую книгу). Ах, несчастная Амалия! Ах, злополучный Адольф! Жесткие родители противятся их счастью. (Заливается слезами.)

Львицын (с умилением). Ангел Лиза! В вашем нежном сердце столько сострадания к бедствиям людей!

Кладет книгу на скамейку и целует Лизину руку. Бабочка вьется в воздухе и садится на книгу. Львицын задумчиво смотрит на нее. Лиза трогает локоть его руки.

Лиза. О чем вы так глубоко задумались, милый Алексис? Вы обо мне забыли.

Львицын. Я смотрел на эту бабочку и воображал бессмертие! Крылышки ее слабо вздрагивали, и усики ее шевелились, и мнилось, что на ней почиет исходящее из книги очарование красных вымыслов. Я смотрел на бабочку и забыл все на свете, и самую даже свою любовь.

Ворожбинин (подходя к ним). Воркуют, словно голубки.

Ворожбинина. Ну, что же, дело молодое!

Идут все вместе по дорожке. Из-за куста выбегает Лушка с корзиной только что собранной земляники. С разбега она не успевает вовремя свернуть с дороги и едва не задевает за локоть Львицына, который слегка вздрагивает от неожиданности.

Ворожбинина (строго глядя на Лушку, не повышая голоса, но внушительно). Ты, валанда глупая, чего под ноги суешься? Или уже забыла вчерашнее наказание?

Лушка, застыдившись, закрывает глаза рукавом сорочки и убегает. Лиза смущена и сильно покраснела.

Львицын (тихо, наклонившись к Лизе). Не знаете ли вы, Лиза, за что наказывали вчера эту усердную девушку?

Лиза (отойдя в сторону вместе с Львицыным). Лушка мне трижды снилась, Алексис. Я уже вам рассказывала этот тяжелый, неприятный сон. На первый раз Лушку простили, но она не перестала сниться. Вчера она мне приснилась в третий раз. Ее за это опять наказали.

Львицын (выпустив из своих рук Лизину руку и подняв глаза к небу). О, бесчеловечное обращение! Доколе ты, Господи, терпишь это унижение образа и подобия Твоего в рабском зраке? Увидим ли мы народ освобожденный и рабство падшее? Просвещенная свобода, взойдет ли над отечеством нашим твоя прекрасная заря?

Лиза (нежным голосом). Алексис, неужели ты думаешь, что я сама захотела увидеть ее во сне? Ей уже говорили, чтобы она мне не снилась. Непослушных детей наказывают, а для помещика крепостные как дети. Ведь и меня бы папенька и маменька не похвалили, вздумай я их не слушаться. И притом я не жаловалась на нее. Маменька приказала мне рассказать мой сон, я повиновалась, в чем же я виновата перед вами, скажите, Алексис?

Львицын (с огорчением). Знайте, Лиза, – бессмертная душа человека живет и в сих, подвластных родителям вашим, людях, несчастных не по причине своей вины, а по неравенству, самими людьми учрежденному.

Лиза. Сам Бог создал мир так, что в нем одни – господа, а другие – рабы. И в Писании сказано: «Несть власть, аще не от Бога, всякая же душа властем предержавшим да повинуется».

Львицын. Пошлюсь на самого батюшку твоего, Лиза. Как почитатель великого Вольтера, он скажет тебе, конечно, что из рук матери-природы все люди выходят равными.

Подходят к Ворожбинину.

Лиза (отцу). Скажите, папенька, неужели я виновата в том, что Лушка мне снится и что ее за это дважды наказывали?

Львицын. Из рук матери-природы все люди вышли равными, и крепостные наши братья, такие же люди, как мы. За то, что приснилось госпоже, возможно ли наказывать рабыню?

Ворожбинин (внимательно выслушав обоих). Точно, природа создала людей равными, и все мы, господа и рабы, от одного и того же древнего Адама происходим. Но различие способностей и занятий повело к учреждению разных состояний. Всяк, в своей семье и в обществе себе равных имея обращение, приемлет нравы и понятия, его состоянию свойственные, и все люди от родителей своих с молоком матери всасывают свойства их. От самых младых ногтей каждый к своему состоянию приобывает. Как яблоки рождаются на яблоне, а не на рябине и не на осине, так и в людях повелось, что от дворян рождаются благородные, а от хамов подлые. (Понюхав табак и с видом наставительным обращаясь к Львицыну.) Что же касается книг Вольтеровых, почитателем коего быть не стыжуся, то сказать вам могу, любезнейший будущий зятек мой, что хотя в них много содержится преострого и поистине курьезного, но все ж таки всего без рассуждения принять отнюдь не можно. И Вольтеров острый разум затмевался иногда тучами ложных и суетных

Собрание пьес. книга 2. Фёдор Сологуб sologubfyodor.ru
предрассуждений. Поживите с мое, государь мой, тогда сами увидите, что с этим народом без грозы обойтись никак нельзя, для их же пользы, которой сами они не понимают. Сама государыня-матушка, покойная императрица, премудрая Екатерина Великая, сия северная Семирамида, хотя и быть изволила в переписке с сим преславным отшельником фернейским, однако, когда супруга ее бывшего фаворита вздумала похвалиться с дерзостью, что я, дескать, от самой государыни муженька отбила, то повелела, сказывают, с этой особой поступить так же, как вчера поступлено было с Лушкой, и повеленное, сказывают, исполнено было неленостно.

Львицын (покраснев от негодования, пылко). Сей способ наказания унижает человека весьма и употребляем над людьми быть не должен.

Ворожбинин (с благосклонной улыбкой). А пусть человек не превозносится. Пылкость вашу я считаю следствием незнания людей и обстоятельств.

Песня девок, собирающих ягоды, приближается и заглушает разговор. Львицын с огорченным лицом идет к беседке. Лиза следует за ним и тихо говорит что-то. Ворожбинин и Ворожбинина уходят в дом. По садовой дорожке идет Марфушка странно колеблющимся шагом, придерживаясь за кусты.

Лиза. Что, Марфушка, зачем ты здесь?

Марфушка. Пришла, барышня, с подружками побывать.

Лиза. Ты им мешаешь работать своими разговорами. Иди себе домой.

Марфушка идет обратно.

Лиза (Львицыну). Такая досада – Марфушка ослепла. В глаза ей сор попал, и она теперь едва видит, как сквозь тонкое ситечко. Ходит, на людей натывается и вышивать не может. А самая искусная у нас была вышивальщица. И такая усердная – ночей недосыпала. Другие девки давно уж носом клюют, а она знай себе шьет.

Львицын. Позвольте, Лиза, посмотреть на ваших вышивальщиц.

Лиза. Я покажу их вам охотно. Пойдемте, Алексис, в девичью.

Лиза и Львицын идут в девичью.

Песня вышивальщиц.

Львицын и Лиза возвращаются в сад.

Львицын. Мне показалось, Лиза, что у всех здешних вышивальщиц и кружевниц глаза покраснели и слезятся. Я прошел между их станками, – работа мелкая и трудная, иные сидят далеко от окон, и свету падает немного. Рисунок исполнен так точно и так тона подобраны, что видно, сидящие здесь девушки недаром едят хлеб свой. Я вижу, что эти девушки работают всякий день слишком долго, что вредит их зрению. Можно бы и не так торопить с этой работой. Разве необходимо, чтобы непременно все было готово ко дню нашей свадьбы?

Лиза (с неудовольствием). Я не хочу войти в твой дом как какая-нибудь бесприданница.

Львицын. Из-за пустого тщеславия, Лиза, ты допускаешь, что служанки твои слепнут над чрезмерной работой. Ты не хочешь быть для них госпожой милостивой.

Лиза (с живостью). Марфушка не от работы ослепла, а от ветру, который нанес ей сору в глаза. У нас на селе есть девка слепая, Аннушка, дочь Мирона кузнеца, – что ж, ведь она и не вышивала, да ослепла.

Львицын. Посмотри на твоих кружевниц, Лиза, – у них у всех глаза красные.

Лиза. Вот кончат мое приданое, тогда не будет спешной работы, а теперь пусть немного потрудятся для меня. Разве я уж не стою того, чтобы для меня поработали? Зато у меня будут вещи, которым всякая хозяйка позавидует. Лучше наших вышивальщиц и кружевниц во всей губернии не найти.

Львицын. Нет, Лиза, я не хочу, чтобы в мой дом вошли вещи, над которыми теряли зрение эти несчастные. Человеколюбие запрещает мне участвовать в этом.

Лиза (с упрямством). Она не оттого ослепла, что много работала, а оттого, что ей сор в глаза попал. Она это сама говорит. Притом же ведь наши хамы для нас и созданы. Ведь ее будут кормить всю жизнь, хоть бы она ничего не работала. Какой нам прибыль от слепой?

Львицын. Человек создан Богом для иных, возвышенных целей, а не для наших пустых удовольствий.

Лиза (с огорчением). По-вашему – я пустая и жестокая. Для вас Марфушка дороже меня.

Идет к дому. Любопытные девки уж тут как тут, подслушивают, тихо переговариваются.

Лушка. Барышня на жениха сердится.

Степанида. Бровки-то как нахмурила, всю родню свела наша барышня.

Лушка. С чего началось? Приданое, что ли, ему не показалось?

Степанида. Женишок-то что-то поперек сказал, а барышня у нас характерная, никому не уважит.

Ворожбинина выходит навстречу Лизе, потом и Ворожбинин.

Ворожбинина. Лизанька, куда ты?

Лиза. К себе пойду, маменька.

Ворожбинина. Лизанька, да что ж ты жениха оставила?

Лиза. Ему Марфушка меня дороже, пусть он с ней разговаривает.

Ворожбинина. Господи помилуй! Да что с тобой, голубушка?

Львицын. Елизавета Николаевна не уважает моим просьбам. Я не заслужил ее доверия.

Лиза. Алексей Павлович предпочитает мне Марфушку.

Ворожбинин (посмеиваясь). Милые бранятся, только тешатся. То-то молодо, зелено.

Львицын. Как я обманулся в вас! Вы казались мне ангелом небесным, а на самом деле вы – пустая девушка с холодным сердцем.

Ворожбинина. Ах, Боже мой! За что вдруг такая немилость!

Лиза. Из-за дворовой девки такие гневные упреки! Так вот ваша любовь!

Львицын. Моя любовь не способна погаснуть, но я пламенно ненавижу деспотизм. Я должен подавить мою любовь и расстаться с вами. Вследствие разности наших понятий я не осмеливаюсь принять имя вашего супруга. С душевным прискорбием возвращаю вам обручальное кольцо и желаю вам совершенного счастья с другим, кто мыслит с вами сходно.

Возвращает Лизе кольцо. Лиза молчит.

Ворожбинин (гневно). За что же, милостивый государь мой, вы отвергаете вашу невесту?

Львицын. Отвергнут я. Елизавета Николаевна пренебрегла моими чувствами.

Ворожбинин. Непохвально, сударь, и чести вам не прибавляет. Напрасно дал я согласие человеку со столь свободными мыслями, понадеявшись на ваше позднейшее исправление. То-то огорчились бы ваши почтеннейшие родители, будь они в живых!

Ворожбинина (плача). Ах, батюшка Алексей Павлович, в чужие края вы ездили, у немцев добродетели обучались, то-то по-хорошему поступаете! За что нашу Лизаньку обидели?

Лиза (снимая с пальца кольцо). Когда вы так хотите, возьмите ваше кольцо и будьте счастливы с другой. На свете много есть девиц, прекраснее меня и добрее.

Львицын. Сердце мое разбито, я никого никогда уже не полюблю. Я Бога молю об одном, чтобы глаза души вашей открылись для невечернего света правды. (Кланяется и поспешно уходит.)

Ворожбинин. Вот и упражнялся в науках! Вот и ездил по чужим краям! Науки-то эти да поездки чужедальние до добра не доведут.

Лиза плачет.

Ворожбинина (лаская Лизу). Ты, Лизанька, не плачь, не кручинься, голубка, – полюбишь другого, еще милее тебе он будет, не будет учить да осуждать, как этот ферлакур.

Лиза (принужденно смеясь). Досадно мне, – я не от горя заплакала. Да вот я уже и не плачу вовсе. Вот видите, смеюсь. Я о Львицыне так же мало буду думать, как о прошлогоднем снеге.

Ворожбинин. Лизанька, не беспокойся об этом нимало, держись Панглосовой системы, – все, что ни делается, все к лучшему. Женишка мы тебе найдем на славу.

Лиза. Мне, право, папенька, смешно. Подумайте, из-за Марфушки он вздумал на меня сердиться. Я стала у него виновата, что она ослепла!

Ворожбинин. А где же он ее увидел?

Лиза. Мы сидели с ним на скамейке, а Марфушка брела в девичью, хотела побеседовать с подружками.

Ворожбинин. Зачем совалась, куда ее не звали?

Ворожбинина. Так надо наказать негодяйку построже! Эй, Степанида!

Лиза. Нет, маменька, на этот раз вы простите Марфушку. Ее сам Бог наказал, маменька.

Ворожбинина (растроганно). У нашей Лизаньки золотое сердечко.

Лиза. Маменька, он говорил, что кружевницы и вышивальщицы работают слишком много, что у них глаза красные.

Ворожбинина. Слушай его, он тебе наговорит. Что ж, их даром поить, кормить? У немцев, поди-ка, никто ничего не делает, у молочных рек на кисельных берегах сидят.

Лиза. Он говорит, что я не хочу быть им милостивой госпожой.

Ворожбинина. Да что ж мы, шкуру с них дерем, что ли?

Лиза. Чем же им здесь худо? Сидят в тепле и в покое, работа не тяжелая, не то что жать в поле рожь. Что же еще надобно сделать для них, чтобы стать милостивой госпожой?

Ворожбинин. Да не думай ты о нем, Лиза. О нас никто дурного слова не скажет, кого хочешь спроси.

Ворожбинина. Пойдем, Лизанька, к бабушке.

Лиза. Слушаю, маменька. Только позвольте мне сначала погулять одной с полчаса в саду.

Собрание пьес. книга 2. Фёдор Сологуб sologubfyodor.ru
Ворожбинина. Ну, погуляй, погуляй, Лизанька, а я пока пойду к маменьке. Надо ей сказать, посоветоваться.

Ворожбинин и Ворожбинина уходят.

Лиза (в окно девичьей). Довольно, девушки, работать. Теперь приданое не к спеху, раздумала я выходить замуж. Сойдите в сад, спойте мне песню.

Кружевницы выходят в сад, поют. С ними выходит Нянька. Лиза плачет.

Лиза. Подумай, нянечка, он говорил, что я – жестокая, тщеславная, суетная девушка. Какой он злой!

Нянька. Полно, Лизанька, что ты о нем все думаешь! И лучше жених найдется.

Лиза. Не надо мне лучше. Нянюшка, знаешь что, – я сяду за пяльцы, большое покрывало вышью, узор красивый, красивый, все розы, розы, алые, белые, пунцовые. Венки и гирлянды, узор из роз! Все сама вышью, все покрывало.

Нянька. Зачем тебе трудиться, Лизанька? Дай узор, девки вышьют.

Лиза. Сама вышью. Зачем, сама еще не знаю, но надо мне, надо над пяльцами согнуться, годы над узором сидеть. (Плачет.)

Нянька (лаская ее). Ласточка, касаточка, ненаглядная моя голубушка, Лизанька, душа, да кто Лизаньку обидит, не дай Бог тому человеку счастья, и пусть он..

Лиза (перебивая). Нет, нет, нянечка, не надо. Никому зла не хочу, а ему, моему милому, много, много счастья пусть пошлет Бог.

Когда девки кончили песню, Лиза вытирает слезы и подходит к девкам.

Лиза. Скажите, девушки, вам у нас разве худо живется?

Девки. Да что вы, барышня! Уж так ли хорошо! Сидишь себе в покое да поешь песенки, работа не тяжелая, не мужицкая, чистая работа, легкая.

Степанида. А барышня к нам ласковая да такая добрая!

Лиза (рыдая, падает на скамейку и кричит). Молчи, молчи, негодная! Я – злая, я, как змея подколодная, я у девок из очей свет пью! Господи Боже мой, сжался надо мною, не разлучи меня навек с моим милым, научи меня быть милостивой госпожой!

Стоны и вопли ее все громче. Сбегаются девки, катается горошком горбатая шутиха, бежит встревоженная и плачущая Ворожбинина.

Действие четвертое

Картина первая

Прошло два с половиной года. Зима. Вечер. Обстановка первого действия. Столовая освещена, в гостиной темно. В столовой Калганов и два приживальщика пьют вино и беседуют. Калганов наливает себе часто, приживальщикам пореже.

Калганов. Ну, что, старички, жалко вам покойников?

Первый приживальщик. Царство им небесное, почтеннейшие были люди.

Второй. Почтеннейшие и добрейшие.

Калганов. У них был дом, как монастырь, а я люблю веселое житье.

Первый приживальщик. Николай Степаныч – великого ума был человек.

Второй (с уважением). Вольтерианец.

Калганов. А наливки хороши.

Второй приживальщик. Покойница Надежда Сергеевна хозяйка была отменная.

Первый. Как пошло и пошло: сперва бабушка Лизанькина скончалась, почтеннейшая Елизавета Павловна, потом осенью Николай Степаныч простудился на охоте и умер, а после него поболела немного Надежда Сергеевна и за супругом возлюбленным отправилась.

Второй. Одна осталась Лизанька наша. Двадцатый год идет, а замуж еще не вышла.

Калганов. И хорошо сделала. Муж какой еще попался бы, имение разорить бы мог. Лучше пусть мне, дяде и опекуну, передаст малость.

Первый приживальщик. А много женихов сваталось, все хорошие, подходящие по-своему.

Второй. Да Лизанька первого жениха забыть не могла. Николай Степаныч говаривал ей не однажды: «Смотри, невеста разборчивая, засидишься в девках, придется тогда идти за первого, кто посватается, за какого-нибудь колченого капитан-исправника».

Первый. Два раза по зимам в Москву возили, но и московские женихи блестящие не снискали ее расположения.

Калганов. Здесь я видел много пригожих дворовых и сенных девок и уже предвкушаю блаженство. В моей деревне я согнал изрядное количество пригожих девок в дворню, но здесь их больше. Люблю веселое житье! Порою летом поедешь по реке на лодке, возьмешь с собою голых девок. Иная с непривычки стыдится, лицо воротит от идущих по берегу, послушаться, однако же, не смеет, знает, спуску не дам.

Приживальщики смеются.

Первый. Здесь к этому не привыкли. Николай Степаныч на девок и смотреть не изволили.

Калганов. И здесь привыкнут. Как опекун Лизеты, я здесь владыка и хозяин.

Входит Лиза в трауре, печальная, заплаканная.

Калганов. А вот и сама Лизеточка пришла – легка на помине. Садись, Лизета, к нам за стол, покушай да выпей наливки.

Лиза (садясь за стол). Я, дядюшка, не пью.

Калганов. Ты слушайся старших, Лизета. Не хочешь пить, так хотя пригубь. (Наливает ей вино.) Все тоскуешь о родителях да о своей покойной бабушке? Выпей за упокой их душ, печаль-то и пройдет.

Лиза плачет.

Калганов. Здесь все напоминает тебе, Лизета, о твоих покойных родителях, а девушке в твоём возрасте не следует предаваться меланхолии. Я придумал, как нам быть: ты для рассеяния скорби поезжай в другую деревню. Я провожу тебя, друг мой, в Ремницы и устрою там, а сам опять буду сюда, твое добро стеречь и прибытки тебе делать.

Лиза (почтительно, но твердо). Простите меня, дяденька, но этого дома, где скончались мои дорогие родители, и того места, где почивают их священные для меня останки, я не оставляю.

Калганов (стукнув по столу стаканом и сердито глядя на перепуганную Лизу). Ты еще молода, сударыня, чтобы со старшими спорить. Я твой дядя и попечитель, и ты будешь делать все то, что я тебе прикажу, без всяких разговоров.

Лиза (быстро оправаясь от внезапного испуга, с усмешкой). Я, дяденька, буду оказывать вам должное повиновение, но только я и при покойнике папеньке делала то, что мне самой хотелось. Прикажите мне услужить вам чем-нибудь, я это сделаю охотно, а из этого моего дому выехать ни за что не хочу.

Калганов (грозно, побагровев от гнева). Больно ты бойка, Елизавета Николаевна, да

Собрание пьес. книга 2. Фёдор Сологуб sologubfyodor.ru
мы и не таких норовистых объезжали. Иди-ка, сударыня, спать, да свечу не жечь понапрасну. У вас тут, сказывали мне, Вольтерами пахнет, а я Вольтерова духа недолюбливаю.

Лиза послушно встает из-за стола.

Лиза. Я повинюсь вам, дядюшка, в пределах должного и потому не стану жечь свечи. Когда Лушка меня разденет, я тотчас погашу свечу. Спокойной ночи, дядя. Постель для вас приготовлена в папенькином кабинете. (Уходит.)

Калганов. Строптивная девица!

Первый приживальщик. С характером.

Второй. Покойники избаловали. Души в ней не чаяли.

Первый. Чуть что не по ней, нахмурит брови, всю родню сведет, как говорят здесь в деревне, – добра не жди. Такая своевольница!

Калганов. Я усмирю ее. Я принужу ее к повиновению. Завтра же, добром или неволей, я увезу ее, да и не в Ремницы, а в свою деревню, – там за ней лучше присмотрят. Что, старички, не пора ли вам спать?

Приживальщики кланяются и уходят. Калганов пьет. Проходя по неосвещенной гостиной, приживальщики ворчат.

Первый. Кутила, пьяница!

Второй. Картежник, мот!

Первый. Как это дворянская опека назначила его Лизиним попечителем!

Второй. Вздорный человек. Своя деревушка запущена, крестьян утеснил.

Первый. Что-то я его здесь не видел.

Второй. Покойный Николай Степаныч не хотел с ним близко знаться по причине непорядочного образа жизни сего бравого вояки. Покойник, дай Бог ему царство небесное, непотребству с дворовыми девками даже и в молодые свои годы не предавался.

Первый. Может быть, Лизы постеснится.

Второй. Слышал, увезти отсюда хочет!

Первый. Как-то капитан с Лизой справится, если она упрется, не захочет ехать?

Второй. Да, будут стычки с ней. Она отсюда ни за что не поедет.

Первый. Заговорил с Лизой, как с капралом своей роты. Того и жди, прибьет.

Второй. Ну, Лиза не уступит, а ему не удастся здесь водвориться.

Первый. Будет он калиф на час.

Смеются и уходят. Меж тем Калганов поспешно осушает оставшиеся бутылки.

Калганов (бормочет). Все выпито. Старички тоже не дураки выпить. Пора на боковую. Уж поздно. (Зовет вполголоса.) Эй, девушки, которая свободна? (Бормочет.) На первый раз некстати выбирать да раздирать. (Берет свечу, идет, пошатываясь, по столовой, по гостиной, в девичью. Свеча в его руках дрожит и оплывает, порой едва не гаснет.) Ну, девки, где же вы? Кричать – прибежит Лизета. Сам поищу.

Входит в каморку под лестницей, оставив свечу на стуле. Слышна возня. Выходит, таща Лушку, которая изо всех сил отбивается.

Калганов (тихо). Иди, иди, красотка! Пойдем ко мне – не обижу.

Тащит Лушку к двери во внутренние комнаты. Лушка визжит.

Лушка. Спасите, помогите!

Вырывается, укусив руку Калганова, и бежит по комнатам, испуская громкий визг. Калганов хватается за сорочку. Пытается зажать рот.

Калганов. Молчи, молчи! Отправлю на конюшню!

Со всех сторон сбегаются полуодетые люди, держащие свечи и фонари. В недоумении жмутся по стенам, переговариваясь вполголоса. Калганов продолжает нападать, Лушка отбивается с громкими криками. Сверху быстро сбегает Лиза, в утреннем капоте, босая, испуганная.

Лиза. Что здесь случилось? Уж не пожар ли, Боже упаси?

Калганов останавливается, смущенный, пьяный. Еле держится на ногах. От возни и вина его совсем развезло. Лушка бросается к Лизиным ногам, целует их, плачет.

Лушка. Ой, барышня, спасите, защитите!

Лиза. Что это значит, дяденька? От какого насилия ищет Лушка защиты у моих ног? Разве одно пребывание мое в этом доме не служит для всех достаточной защитой?

Калганов (приосанясь и покручивая усы, хотя и с немалым трудом держась на ногах, говорит запинаясь). Эта тварь, того, покушалась, да, покушалась на мою жизнь, а я ее, того, за косы.

Лушка (с отчаянием). Напраслина, матушка барышня, звездочка наша ясная, напраслина. Я спала себе смирихонько, ничего не знала, а барин пришли ко мне в каморку и стали охальничать.

Девки смеются, зажимая рты и унимая друг дружку.

Лиза. Этого не могло быть, – Лушка у меня девка смирная и покушаться на вас ей не за что. Вы, люди, идите спать. Лушка, дай барину свечку, видишь, его-то погасла. А сама спать иди.

Все дворовые уходят.

Лиза. Такого поведения в моем доме я не потерплю. В попечителе я нимало не нуждаюсь и управлю своим имением сама. А вас прошу уехать сегодня же.

Калганов (принимая грозный вид). Одумайся, Лизета! Я – твой законный опекун и имею права и над тобой, и над имением твоим.

Лиза. Жалуйтесь на меня кому хотите, я своего решения переменить не могу, да и не хочу. Я и сама имею основание к жалобам. Только что вчера утром вы приехали, а уже вечером вы приказывали мне ехать прочь из моего дома, ночью хотели обидеть мою крепостную, – обижайте меня, если хотите, а моих подданных я никому в обиду не дам.

Калганов. Лизета, не сердись на меня, вышла ошибка. Я выпил на новоселье много вина и ошибся дверью. Я думал, что попал к себе, и хотел удалить с моей постели дерзкую девку.

Лиза (настойчиво). Я, дядюшка, решила, что в моем доме вы не останетесь. Прошу вас собираться. Лошади готовы будут для вас тотчас после обеда, я строго прикажу это людям.

Уходит. Калганов крутит усы и ворчит.

Калганов. Строптивная девка! Придется уехать. Заспоришь – она разболтает, будут смеяться.

Картина вторая

Прошло еще два с половиной года. Середина лета. Гостиная, рядом с ней девичья. В

Собрание пьес. книга 2. Фёдор Сологуб sologubfyodor.ru
девичьей девки сидят за пяльцами, тихо разговаривают. Один станок не занят, – там вышиваемое Лизой покрывало. У окна сидит нянька, вяжет чулок. Из окон девичьей видна часть сада и речка. В гостиной Лиза и предводитель дворянства, почтенный старик, отставной полковник, служивший в войсках под командованием Суворова и Кутузова. Около порога смиренно торчит приживальщик. Лиза сильно изменилась; она уже не та легкомысленная, веселая шалунья и своевольница, как в первых трех действиях; она – стройная, печальная девушка; ее лицо, сильно загорелое, неизъяснимо трогательно и прекрасно.

Предводитель. Обед отменно хорош был, еще приятнее любезная беседа ваша и гостеприимное радушие.

Лиза. Я очень рада, что вам умела угодить.

Предводитель. Но должен я просить извинения вашего, Елизавета Николаевна, так как имею необходимость поговорить с вами серьезно. Надеюсь, лишние угли не слушают.

Лиза взглядывает на дверь, приживальщик испаряется и за дверьми хлопчет, чтобы никого близ не было, а сам располагается подслушивать с удобством.

Лиза. Я готова выслушать вас, Сергей Ильич.

Предводитель. Смущение производите, сударыня. Являетесь противницей своей братии, дворян. Опекунa вы удалили, никого не спросясь. Крестьяне всячески поощряются вами к самовольству, а соседние дворяне ропщут, поговаривают, что надобно учредить над вами опеку.

Лиза. Я управляю моим имением, как умею, с Божией помощью и по силе, принадлежащей мне, как наследственной помещице, власти.

Предводитель. Нехорошо, сударыня, то, что вы балуете ваших девок, сами работаете вместе с ними и даже в поле жнете. Поете с ними песни, водите хороводы. Вы с хамами обращаетесь запанибрата, как говорится.

Лиза. Эти хама даны мне Богом. Я за них пред Богом в ответе. Хочу знать, как они живут, что чувствуют. Непрестанно думаю о том, что надлежит делать и знать помещице, чтобы стать госпожой милостивой. Поверьте, что крестьяне разоренные и дворовые, непосильным трудом угнетенные, помещику прибýtка не дают.

Предводитель (строго нахмутив брови). Да в низость–то зачем вам, благородной госпоже, опускаться, милостивая государыня моя?

Лиза (смиренно). Помещику надобно в точности знать свое хозяйство. Я не хочу, чтобы меня бурмистр да приказчик обманывали, – хочу все в хозяйстве знать, во все сама вникаю. Какой же кому от этого вред? Разве я обязана разоряться, доверившись людям и ни во что не вникая?

Предводитель. Я вас предупредил, теперь сами смотрите. Ежели это дойдет до высшей власти, тогда возможно, что вашу вотчину возьмут в опеку.

Лиза. Но вы за меня заступитесь, конечно? Вы видели, в каком порядке все мое хозяйство.

Предводитель прощается с Лизой. Лиза идет в девичью, садится за пяльцы. Около дверей, появившись, семенит приживальщик.

Предводитель (приживальщику). Вот оно, нынешнее–то воспитание! Возил папенька ее в Москву, – то–то много хорошего набралась там девица. И не сговоришь с ней, – я ей слово, она мне десять.

Приживальщик. Да, непорядок, непорядок! Бурмистр Степан Титыч в глаза ей говорит: «Непорядок, барышня! Девка, говорит, должна знать свое место, а господа – свое».

Предводитель. Умный мужик!

Собрание пьес. книга 2. Фёдор Сологуб sologubfyodor.ru

Приживальщик. А она только посмеялась и продолжала свои чудачества. И в округе нашей все говорят, что дурит наша Лиза. А она ни на кого не обращает внимания, показала свое своеволие. И одеваться стала, как крепостная, и с девками сидит за вышиванием. С раннего утра на ногах. Девки рады, старые мужики ворчат: непорядок. Какое-то большое покрывало затеяла сама зачем-то вышить. Видел я краешком глаза, – розы по белому шелку цветными шелками, очень сложный и красивый узор.

Предводитель. Хотя бы взять ее поступок с опекуном, – Калганов, правда, мот, кутила, развратник, но все же она поступила предерзко, приказав ему, своему попечителю, покинуть дом. Ну, можно ли взять так много воли! Так это мне правду говорили, что она в поле работает с серпом?

Приживальщик. Да, в сарафане и босая, совсем как простая девка. Мне даже, право, не понять, как ей не стыдно. И своих дворовых девок заставляет жать – барщинным бабам, говорит, легче будет.

Предводитель. Непорядок!

Приживальщик. Дворовые девки к полевой работе непривычны, толку от их работы мало, да с Елизаветой Николаевной не заспоришь, – характерная барышня.

Предводитель. Хоть бы замуж вышла поскорее.

Приживальщик. Сватались многие. Всем отказала. Подумает, поплачет да и откажет. А именице-то завидное, – самые первые женихи приезжали.

Предводитель. Надо еще немного подождать. Оставим ее пока в покое. Там видно будет, одумается ли она, угодно ли ей будет внять моим советам.

Уходят.

Лиза. Ну, девушки, идите, сегодня вы довольно работали.

Девки. А на качелях можно покачаться? А погадать на речке?

Лиза. Качайтесь, милые, играйте, гадайте. Делайте что хотите. А я еще останусь поработать.

Девки уходят.

Нянька. Что ты, Лизанька, все за работой! Отдохнула бы, погуляла бы.

Лиза. Скоро кончу, няня. Сiju, вышиваю, сама думаю. Ах, незабвенные встречи! Год за годом проходит, а мне Алексисовых речей не забыть никогда!

Нянька. Сидишь ночи напролет, спину гнешь, глазки тратишь. Глазки-то покраснели. Спишь совсем мало.

Лиза. Когда не работаю, нянечка, мне хуже. Томлюсь, жду, ишу чего-то. Хожу по полям, по рошицам, вспоминаю незабвенные встречи и беседы. Жду чего-то, – уж не новой ли радостной встречи?

Нянька. Сказывали, собирался Алексей Павлович нонче к Троице приехать. Говорили, недолго пробудет, опять в чужие края, на теплые воды собирается. Ждали, да не дождались.

Лиза. Ведь я теперь совсем не такая, как тогда, не та пустая и капризная девушка, какой знал меня Алексис.

Нянька. Как была своевольница, так и осталась. Только к людям стала больно жалостлива. Степанидку давно бы надо выстегать, а ты побранишь да и простишь. А они разве слова понимают! С ними говорить, – воду в ступе толочь.

Лиза. Живу, как во сне. Неужели Алексис не вернется? Неужели он так и не увидит плодов моего великого усердия?

Нянька. Пять лет ждала, еще подожди малость. Бог твое терпение видит, он тебя не

Собрание пьес. книга 2. Фёдор Сологуб sologubfyodor.ru
оставит, вернет тебе твоего милого.

Лиза. Я его не достойна.

Лакей (входит и докладывает). Андрей Петрович Приклонский.

Лиза (радостно оживившись). Проси.

Лакей уходит. В саду слышна песня девок. Лиза, чрезвычайно взволнованная, встает от пялец и торопливо, но тщательно закрывает вышивание.

Лиза. Он служит в столице, нянечка. Он мог видеть Алексиса. Няня, няня, он мог разговаривать с Алексисом! Нянечка, как сердце бьется!

Нянька подходит к Лизе, ласкает ее.

Нянька. Бог с тобой, голубушка моя! Иди, ничего не бойся, хорошие вести услышишь.

Лиза идет в гостиную навстречу гостю. Входит полковник Приклонский, человек еще молодой, красивый и ловкий. Взаимные приветы. Тихий разговор, заглушаемый пением в саду. Пение удаляется, затихает.

Приклонский. Давно я отсюда уехал. Я помню вас резвым ребенком. Ваших покойных родителей я вспоминаю с великим уважением, – я часто был обласкан ими. У меня уже пробивались усы, и уже пробуждались во мне чувства, а вы были еще малюткой и ходили в обшитых кружевами длинных панталончиках. Среди удовольствий и приятностей светской жизни я не раз мечтал о деревне. Я бы охотно женился вторично на здешней барышне.

Лиза. Не встречали ли вы где-нибудь Алексея Львицына?

Приклонский (с выражением приятных воспоминаний). Как же! Приводилось встречать прошлую зиму не однажды и вести беседы о всяких материях с немалой пользой для ума и для сердца.

Лиза (тщето стараясь скрыть волнение). А он женат? На ком?

Приклонский (учтиво). Нет, Елизавета Николаевна, еще Алексей Павлович не женат, да, кажется, вряд ли и собирается жениться. Барышни на него засматриваются; многие девицы и дамы нашего круга восторгаются его умом и всей его особой и говорят, что ему равного не встречали во всю свою жизнь. Но он всегда погружен в меланхолию, как бы тая в душе неясную страсть к неведомой никому деве или мечтаая о сказочной Царь-девице.

Лиза (смутившись и опустив глаза, дрожащим голосом). А вы, Андрей Петрович, скоро ли едете в Петербург?

Приклонский (с неопределенным выражением не то удовольствия, не то сожаления). Уже на будущей неделе. Хотя я и привык к своему полку, к своим товарищам, к светским отношениям и к утехам военного честолюбия, но я нахожу большую приятность и в деревне, на родине моей. Я был бы не прочь остаться, когда бы одна любезная девица отвечала желаниям моим. Но, кажется, она...

Лиза. Отчего же так скоро вы от нас уезжаете?

Приклонский. Призывает служба царская. А по мне, я бы с превеликим удовольствием остался долго в этих местах, где протекало мое мирное детство, где безмятежно играл я с братьями и сверстниками моими.

Лиза (нежным голосом). Можете ли вы, Андрей Петрович, исполнить то, о чем я буду вас просить?

Приклонский. Все, что в моих силах, исполню с превеликим удовольствием.

Лиза (помолчав немного). Передайте, пожалуйста, как-нибудь при встрече господину Львицыну, что я вышиваю покрывало разноцветными шелками и что я надеюсь нынче окончить его.

Приклонский слушает молча и внимательно.

Пожалуйста, не забудьте передать это ему от меня, – мне чрезвычайно надобно, чтобы он знал об этом. Очень красивый и трудный узор, – я сама его выбирала и сама вышиваю. Этот рисунок доставил мне много забот и требовал большого внимания, ни на минуту не ослабевающего. Чтобы соблюсти точность в частях и гармонию в целом, надобно было тщательно подбирать тончайшие оттенки шелков. (Смотрит на Приклонского с нежно-молящим выражением.)

Приклонский (не показывая удивления). Будьте уверены, Елизавета Николаевна, что передам я это непременно, точно и с отменным моим удовольствием. Но слышал я, что он сам хочет приехать сюда ненадолго.

Встает и откланивается. Лиза провожает его до двери. Песня девок. Лиза возвращается в девичью. Подходит к окну, где стоят ее пальцы, усердно работает, по временам взглядывает в окно.

Лиза. Няня, слышишь, как птички в синеве заливаются?

Нянька. Всякая пташка хвалит Господа по-своему.

Лиза. Тонкий крик жаворонка в безмятежной лазури зовет меня далеко, куда-то в высь, к ненаглядному умчаться. Но ах, где же вы, крылья, на которых мчатся бы высоко над землей?

Нянька. Человеку, Лизанька, летать не положено.

Лиза. Да и где мне! Надо кончать покрывало. Год за годом, три года я вышивала его. Вот еще один только лепесточек, и окончу работу.

Нянька. Ну и слава Богу! Хоть отдохнет моя Лизанька, глазки свои ясные трудить не станет.

Лиза. Вот когда я поняла, чего стоит подневольная работа вышивальщиц и кружевниц, как ноет спина, как в натруженных глазах тает мир! Как в глазах потемнело! Фиолетовые, желтые, зеленые плывут пятна и все заслоняют.

Кончила работу. Плачет. Входят с песней девки, окружают Лизу.

Девки. Барышня кончила! Закрепила последнюю шелковинку! Барышня пальчик уколола! Кровинка на пальчике выступила! Нянюшка, няня! Барышня иголкой пальчик уколола.

Нянька (озабоченно подходя к Лизе). Экие вы девки! Опять недоглядели! (Перевязывает Лизин палец.)

Лиза. Игла заторопилась, – знает, что давно пора кончать. Как потемнело в глазах! Как темно на сердце! Кончила мое покрывало, но все мне быть одной, – милый мой далеко. Перед глазами плывут лиловые пятна. В глазах багряно и туманно, голова кружится. Напрасно ты торопилась, милая игла! (Плачет.)

Степанида. Не плачьте, барышня, – приедет милый. Хотите погадать на свечке?

Лиза. Какое же теперь гаданье? Ведь не зима!

Степанида. Мы возьмем жестяной коробок, поставим в него восковую свечку, на речку спустим, пускай плывет, покуда видно. Коли свеча не погаснет, вернется милый скоро.

Лиза. А где же коробок?

Степанида. У нас уже все готово, – вот Дашка коробок держит.

Лиза и девки идут в сад к речке. Слышна их песня. На берегу Лиза своими руками затепливает свечку, становится на колени на песок и спускает в речку коробок с зажженной свечой.

Девки (кричат тревожно и взволнованно). Плывет, плывет! Мелькает огонек!

Собрание пьес. книга 2. Фёдор Сологуб sologubfyodor.ru
Ветерком его качает! А вдруг задует? Погас? Нет, нет, горит! Горит, горит! Вот уж он за поворотом. Не погас!

Смех, громкие крики. Девки возвращаются с веселой песней. Потом входит Лиза с только что срезанными ей в саду цветами. Разбирает их и ставит в две вазы.

Лиза. А где же Лушка?

Степанида. Да в Заозерье, видно, побежала. Там садовник молодой уж больно красив, – все к нему Лушка бегаёт полюбоваться, помиловать, поцеловаться.

Нянька. Ты знай себя! Что о других болтаешь? Ты расскажи-ка лучше барышне, зачем ты к Дмитрию ходила.

Степанида. Тебе-то что за дело?

Лиза. Ты, Степанида, не груби. Молчи.

Вбегаёт Лушка, запыхавшись.

Лушка. Барышня, барышня!

Лиза. Что ты, Лушка?

Лушка. Барышня, молодой барин Львицын, сказывают, сейчас приехал. Да как постарел! Да как подурнел!

Лиза (растерянно глядя на Лушку). Молчи, глупая, молчи! (чувствуя себя внезапно ослабевшей, садится на стул.)

Нянька (ворчит). Ну что ты, оглашенная, прибежала, испугала барышню. Разве так можно?

Лиза (быстро подходя к покрывалу). Девушки, разверните мое покрывало во всю длину. Посмотрю его еще раз и отправлю соседу в подарок на память. Скажи-ка, Лушка, пусть Дмитрий собирается ехать на телеге в Заозерье.

Лушка уходит. Степанида смотрит на нее сердито. Девки развертывают покрывало во всю длину и подносят его Лизе.

Девки (толпясь вокруг Лизы). Да и хорошо же вышивание-то! Ну уж и искусница барышня-то наша! Вот-то уж золотые ручки у барышни нашей! Ручки золотые, глазки ясные!

Лиза. Узор отменно красив, но я плохо различаю краски. Все оттенки смешались в моих глазах в одно пестрое пятно. Ну, девушки, сложим покрывало, – сначала вдвое, так, в длину, да осторожнее. Теперь свернемте его в несколько оборотов вокруг этой досточки, чтобы оно лежало гладко, не терлось и не гнулось. Теперь заверните его в полотно. Дайте шелковый шнурок, я сама завяжу узел. Надо в сохранном виде послать его соседу в подарок. Пока Дмитрий запрыгает, я напишу письмо.

Так говоря, Лиза при помощи девок свертывает покрывало и завертывает его в полотно. Девки тихо расходятся. Лиза идет в гостиную и садится писать письмо за маменькиным столом красного дерева с бронзовыми полосками. Пишет и перечитывает. На нее падают лучи клонящегося к закату солнца. Нянька идет в гостиную, садится у окна.

Нянька (ворчит). Сколько времени сидела, спину гнула, а теперь соседу отдать. Послала бы ему медку нашего, да и будет с него.

Лиза. Правда, нянечка. Надо и меду ему послать.

Звонит. Входит Степанида.

Лиза. Степанида, сходи к Пахомовне, возьми меду, выбери кадушку покрасивее да мед самый чистый, пусть Дмитрий отвезет его в Заозерье вместе с покрывалом. Потом сюда приди, заверни цветы, что я сейчас срезала, да чтоб они не мялись, не

сохнули.

Степанида. Слушаю, барышня.

Уходит. Лиза продолжает писать. Часто вытирает слезы.

Нянька. Да ты бы, Лизанька, завтра ему написала. Вишь, ручки-то у тебя как дрожат. Встревожилась очень, а за ночь и прошло бы. Недаром говорится: утро вечера мудренее.

Лиза. Ах, няня, не мешай! Хочу излить мои чувства, боюсь показаться смешной или навязчивой.

Нянька. Пишешь, а сама плачешь. Да не плачь ты, Лизанька!

Лиза. Нянечка, не мешай! И так слезы свет застыт, буквы прыгают, строки мешаются.

Нянька (помолчав). Что пишешь-то больно много, Лизанька?

Лиза. Погоди, нянечка. Ну, слушай, я прочту тебе мое письмо. (Читает): «Милый Алексис! Я услышала, что вы приехали в Заозерье, и минувшие дни предстали вдруг предо мной, как смутный, но сладостный сон. Не сердитесь на то, что я пишу к вам. В память былой дружбы нашей примите от меня этот непышный дар, покрывало, над которым блуждали мои бедные руки, мои усталые глаза, мои печальные мечты. Примите и вспомните ту, которую вас никогда не могла забыть. Также взгляните благосклонно на цветы, срезанные мной, и да будет вам сладок мед, произведение скромного хозяйства моего. Я буду очень рада, если вы приедете пообедать со мной и взглянуть на то, как живу я, горестно осиротевшая, так внезапно потерявшая любимых родителей. О том, как мне это было больно, нечего и говорить. Впрочем, если неприятны вам воспоминания о днях, для меня незабвенных, то прошу вас не стесняться себя просьбой моей. Я же воспоминания о вас навсегда замкну в сердце моем, не имеющем иных радостей, кроме воспоминаний. От всего сердца желающая вам счастья, Лиза Ворожбинина».

Нянька слушает и плачет.

Лиза. Хорошо, нянечка?

Нянька. Уж так жалостно, и сказать нельзя.

Степанида приносит связанные и завернутые цветы. Лиза их внимательно рассматривает, поправляет.

Лиза. Спасибо, Степанида.

Звонит. Подходит Лушка.

Лиза. Готов ли Дмитрий?

Лушка. Он здесь.

Входит Дмитрий, молодой, красивый, черноусый, кланяется.

Лиза. Что, Дмитрий, дала тебе Пахомовна мед?

Дмитрий. Да уж Степанида его в тележку уложила.

Лиза (передавая Дмитрию письмо, покрывало, цветы). Смотри, Дмитрий, я знаю, ты у меня расторопный и толковый. Поезжай в Заозерье. Возьми письмо, передашь его Алексею Павловичу в собственные руки. Здесь покрывало, его особенно сохранно вези, никому не отдавай, прямо в руки господину Львицыну. И мед, и цветы. Проси, чтобы тебя допустили к самому барину. Скажи, Елизавета Николаевна Ворожбинина поздравляет соседа с благополучным прибытием и посылает ему в подарок цветы, мед и свое рукоделие. Вези все бережно, цветы чтобы не мялись, мед не пролился бы, покрывало бы не терлось. Довези все в сохранности да письма не потеряй.

Дмитрий. Не беспокойтесь, барышня, все будет цело.

Кланяется и уходит. Лиза бежит к окну, смотрит. Слышен стук по камням тележки и топот копыт; эти звуки удаляются и затихают. Лиза ходит из комнаты в комнату и плачет. Нянька идет за ней, утешает.

Нянька. О чем слезы ронишь, Лизанька? Холост, неженат вернулся, – видно, тебя не забыл.

Лиза (ломаая руки). Ах, забыл! Вон из глаз, вон из памяти.

Действие пятое

Раннее утро. Роца у ручья, отделяющего Ворожбино от Заозерья. Через ручей мост. Близ моста – большой обомшлый камень. Лиза подходит к ручью, в сарафане, с письмом Львицына в руках. За ней идет нянька.

Нянька. Ну, что ты, Лизанька, встала так рано? Оделась легонечко, идешь по траве сырой. Куда мы забрели с тобой? Тут уж твоя земля кончается, – вон та роца за мостиком – это уж земля заозерская.

Лиза. Быть может, здесь встречу я Алексиса и скажу ему, хотя бы в последний раз, про мою любовь. Ах, нянечка, тяжело мне! Утро прохладное, росистое, многоцветное, а я мало что различаю. Словно очертания и цвета предметов скрадываются от моего взора падением великого дождя. Мне кажется, что мир зыблется в моих глазах.

Нянька. Поспала бы еще, Лизанька, – глазки-то у тебя как покраснели!

Лиза. От чего это, няня? От ветра, веющего мне навстречу? От пролитых в изобилии слез? От усталости?

Нянька. Вышивала усердно, Лизанька, ночей недосыпала.

Лиза. Ослепну я, как бедная Марфушка.

Нянька. Что ты, что ты, Лизанька, Бог с тобой! Не надо так говорить, – в какой час скажется. Господь тебя помилует, голубушка, пошлет тебе радость великую.

Лиза. Да я не боюсь, няня. Ослепну я. Ну, что ж! Разве мы не видим лучше глазами души, чем глазами тела? Вот и мостик. Сколько раз таким же ранним и росистым утром мы с Алексисом встречались здесь! Мы опирались на эти тонкие перила и прислушивались к мелодичному журчанию струй. Здесь все попрежнему: так же лепечут струи, перебегая по камешкам, ручей, как прежде, вьется, тесным живописными холмами, и убегает в тень прохладной роцы. А для меня на свете все переменилось, – неужели навсегда? (Быстро перебегает по мостику.)

Нянька. Куда ты, Лизанька?

Лиза. Я на земле моего милого. Незьяснимое волнение объемлет меня. Не смею идти вперед, и жаль к себе вернуться.

Слышен незнакомый мужской голос, выкрикивающий что-то; слов не разобрать. Лиза, испуганная, бежит обратно.

Лиза. Здесь я у себя, – но и там, глупая, чего же мне бояться! (Садится на большой обомшелый камень, лежащий недалеко от входа на мост.) Неужели Алексис не придет в этот ранний час, в который некогда мы с ним на этом месте встречались? Ах, нянечка, ты еще не знаешь, что он мне ответил.

Нянька. Да уж, видно, нехоршее письмо привез тебе Дмитрий.

Лиза. Слушай, няня, я прочту тебе. (Читает): «Милостивая государыня, Елизавета Николаевна! Я глубоко признателен Вам за подарок Ваш, верное свидетельство отменного умения Вашего управлять вещами и людьми. Располагая уехать отсюда вскоре, не знаю, буду ли иметь возможность воспользоваться любезным приглашением Вашим, за которое приношу Вам мою нижайшую благодарность. Впрочем, имею честь быть с истинным почтением, покорнейший слуга Ваш А. Львицын».

Нянька. Все еще сердится, забыть не может. Недобрый он, Лексис твой.

Лиза. Нет, няня, он – добрый, я – злая. Не брани его, няня, не надо.

Нянька. Молчу, молчу, мне-то что!

Лиза (помолчав). Уж, видно, Алексис не придет. (Вздыхнув печально, Лиза окинула окрестность и уже оперлась о камень рукой, чтобы встать, но вдруг слышит шорох в кустах и шаги на дорожке по ту сторону ручья.) Это – он! Няня, он идет! Няня, голубушка, иди, иди домой, я одна здесь останусь.

Нянька торопливо и взволнованно крестит Лизу и уходит, спеша изо всех своих старческих сил. Между кустами за речкой показывается Львицын.

Лиза (тихо). Это – Алексис. Я узнала его, – ах! глазами души больше, чем глазами тела. Разве не различила бы я в глубокой ночи его походку?

Львицын тихо идет мимо моста, погруженный в глубокую задумчивость. Невнимательно взглянув на Лизу, кланяется ей и проходит мимо.

Лиза. Алексис!

Львицын останавливается, всматривается в Лизу. Смотрит на нее с изумлением и невольной нежностью. Лиза встает и поспешно идет к нему. Львицын переходит через мост. Они принужденно стоят друг против друга.

Лиза. Сюда, к ручью, где мы встречались, я поспешила нынче утром. Вы не забыли это место?

Львицын. Елизавета Николаевна, извините. Я принял вас за дочь отца Сергея. Ваше простое одеяние невольно ввело меня в заблуждение. Я не такой вас воображал.

Лиза. Поверьте, я совсем переменялась. Хорошо ли вы доехали, Алексис?

Львицын. Довольно быстро, и не без приятности.

Лиза. Лето нынче такое же очаровательное, как и в тот памятный год.

Львицын. Я вышел из дому рано. Что-то влекло меня в ту сторону, где пережил я столько разнообразных чувствований, радостных и печальных.

Лиза. Вы шли мимо. Вы не захотели посетить меня.

Львицын (печально). Благодарю вас очень за приглашение и за вашу вчерашнюю присылку. Вышивание превосходно, и весьма лестно, но не утешен мне сей ваш, Елизавета Николаевна, насмешливый подарок.

Лиза (с трудом удерживая слезы). Но неужели думаете вы, Алексис, что я в насмешку послала вам эту работу?

Львицын. Вышивали его, бесспорно, отменно искусные мастерицы, лучшие из тех, коими вотчина ваша на всю округу издавна славится.

Лиза (улыбнувшись сквозь слезы, отчего становится вдвое милее). Вышивала одна, изрядно усердная, да уж не знаю, сколь искусная.

Львицын (внезапно вспыхнув). И все так же несчастные девушки слепнут над работой?

Лиза (горестно восклицает). Я сама вышивала! Все покрывало своими руками вышила. (Плачет.)

Львицын (с удивлением). Не может быть! Сколько же лет надобно было над ним сидеть! Лиза, что вы говорите!

Лиза. Я работала над ним три года. Как только умерли мои родители, я нашла в старой Библии, усердно украшенной миниатюрами, мотив тонкого узора. Сплелись розы с розами, шарлаховые, алые, пунцовые и белые. Как раз к вашему приезду я кончила вышивание. (Со слезами.) Взгляните, Алексис, на мои пальцы, они исколоты

Собрание пьес. книга 2. Фёдор Сологуб sologubfyodor.ru
иглой. (Глядя прямо в глаза Львицына, голосом ангельской кротости.) Взгляните на мои глаза, они красны от работы и еще более от многих слез, от бессонных ночей, в труде и в печали проведенных мной.

Львицын (осыпая Лизины руки поцелуями). Ангел Лиза! Ты страдаешь! Ты, мое бесценное сокровище!

Лиза (прижимаясь головой к его груди). Меня тревожила только мысль – быть вами окончательно позабытой.

Львицын. Поверьте, Лиза, во все эти годы, где бы ни был я, в Германии или в России, образ ваш владычествовал над моей душой. Порой доходили кое-какие вести о вас. Я знал, что вы отказываете всем искателям вашей руки. Много раз я порывался поехать в мою деревню, чтобы иметь возможность еще раз взглянуть на милое лицо, но что-то удерживало меня. Вчера, когда я читал письмо ваше, почудилась мне в нем злая насмешка над мной. Казалось мне, вы хотите показать, что словам моим не придаете значения и что по-прежнему ваши крепостные девушки тратят зрение над вышиванием.

Лиза. Я вам писала, что вышила покрывало собственными руками.

Львицын. Я вспомнил, что и сам я иногда заставлял вас за пальцами, причем вышиваемый вами узор мало подвигался к окончанию, и я объяснил ваши слова тем, что вы для рассеяния скуки приходили иногда в девичью и делали несколько небрежных стежков, едва ли к украшению общего способствующих. Я долго предавался грустным размышлениям, и почувствовал в душе моей ожесточение, и голоса души я не услышал, и не целовал милых строк.

Лиза. С трудом, при свечах, прочитала я ваш холодный ответ и долго плакала. Сон не приходил ко мне, и я бы так и не ложилась в постель, если бы Лушка и Степанида, по приказу няньки, не отвели меня в спальню. Почти бесчувственную от жестокой печали, они раздели и уложили меня. Но весь мой ночной отдых состоял лишь в том, что я в тягостном полузабытьи то одной, то другой стороной вверх переворачивала подушку, беспрестанно увлажняемую слезами.

Львицын. О Лиза милая, мой ангел нежный!

Лиза. Я все слова, все речи ваши сложила в моем сердце и жила единственно только для того, чтобы стать достойной вас. Ныне я уж не та, что была прежде; тогда я глядела на вас, как на вещи, созданные для того, чтобы угождать мне. Ныне свет меркнет в моих глазах, и я умереть готова, но глаза души моей открыты для не вечернего света правды, и душа моя радостна, потому что я знаю, – вы простите мне мою детскую злость и все мое бедное неразумие. От радости и от печали моя душа трепещет и растворяется в слезах, и я, как некогда Гризельда, достигла счастья после многих испытаний.

Львицын. Мой милый друг, пленительная Лиза, прости мое неверие. Отныне мы вместе навеки.

Сбегаются девки, любопытные и веселые. Спеша из всех своих старческих сил, идет нянька. Девки запевают славу Львицыну и Лизе.

Конец.

Страж великого царя
Драматическая сказка в четырех действиях
ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Киноджа, царь Табаристана.

Ходжистэ, его дочь.

Камру, страж.

Чундер, его жена.

Халис, их сын.

Див.

Змея, живущая в огне.

Джафар, великий визирь.

Миёмун, мудрец.

Ферух, военачальник.

Гости царя и народ.

Действие первое

Сени перед чертогом царя Табаристанского. Лестница, опускающаяся прямо вперед. Над чертогом – огороженная плоская кровля. В глубине сеней – высокая, широко раскрытая дверь в пиршественную залу. Из залы слышен ликующий шум. Пир кончается. Довольные угощением, выходят гости – царевичи, знать, мудрецы, наставники, ученые, правители. Царь Киноджа провожает мудрейших. Гости хвалят пир, чертог, царя, царевну. Внизу лестницы стоят бедно одетые Камру и Халис.

Гости. Великий царь, пир твой подобен торжеству в райских сенях.

Слышен невнятный, но громкий и грозный голос:

– Я иду.

Все смущены.

Киноджа. Я слышу этот голос уже несколько ночей. И не знаю, чей это голос и что он значит.

Миёмун. Печаль уходит от чертога великого и мудрого царя.

Киноджа. Но отчего же в этом голосе слышна угроза?

Миёмун. Счастье великого царя гонит ее, и она ропщет.

Выходит Ходжистэ.

Халис (отцу). Кто эта прекрасная?

Камру. Дочь великого царя. Но зачем ты глядишь на нее так пристально?

Халис. Лицо ее подобно луне в четырнадцатый день месяца. Ее локоны чернотою напоминают тьму благоуханной ночи. Стройный стан ее подобен кипарису, а царственная походка – поступи фазана. Сладостная речь ее подобна пению соловья, искусного и влюбленного, который знает тысячу трелей и одну. Это и есть та красавица, которую видел я во сне нынче ночью, когда мы в поле перед этим городом остановились на ночлег.

Увлекаясь, выдвигается вперед и поднимается по ступеням лестницы. Камру останавливает его.

Камру. Любовь к царевне погубит тебя. Будь скромн. Дорожные сны и полевые сказки пусть остаются за оградой великого и славного города.

Становится впереди сына. Тогда царь и придворные замечают его.

Киноджа. Кто это? В лохмотьях и покрытый густою пылью.

Джафар. Кто ты? Откуда пришел ты в несправдливой одежде к высокому порогу?

Камру. Я – боец на мечах и ловец львов. Я постиг искусство метания стрел и так умело и сильно пускаю их, что они пробивают даже твердый камень. И еще многие тайны и хитрости доступны мне.

Джафар. Глядя на твои лохмотья, не скажешь, что ты богат. Что же твое искусство?

Гости смеются.

Миёмун. Знающий знает тщету богатства и умножает не золото, а мудрость.

Ферух. Сильный знает бессилие золота и умножает не сокровища, а силу.

Джафар. Но этот человек уж слишком презирает богатство. Он сам в лохмотьях, а сын его полунаг.

Ходжистэ. Самый мудрый – тот, кто знает свой срок.

Киноджа. Пусть он сам о себе скажет.

Камру. Был я на службе у царя Ходженского, но царь не умел оценить моей ловкости. Я оставил его. И вот пришел к великому царю Табаристанскому.

Джафар. И царь Ходженский отпустил тебя ни с чем? Малого же стоила твоя служба!

Камру. У меня есть сокровище, есть богатство, с которым не сравнятся никакие дары, – мой сын. Он силен и прекрасен, и судьба его вся перед ним.

Джафар. За такое сокровище на базаре не только быка, не дадут и теленка.

Миёмун. Чего стоит отрок, знает тот, кто дал ему жизнь.

Киноджа. Если они голодны, пусть их накормят. Джафар, скажи, чтобы мне дали вина, хочу выпить здесь, под этими ясными звездами, последнюю сегодня чашу.

Царь и гости пьют. Ходжистэ подходит к Халису.

Ходжистэ. Прекрасный отрок, ты чей?

Халис. Вот мой отец.

Ходжистэ. Кто же вы? На царском пире только ты один в бедной одежде, ты и твой отец. Но на царском пире я не видела отрока прекраснее тебя и мужа более сильного и величественного, чем твой отец. Вы оба, как царь и царевич, изгнанные из чертога предков ваших буйными рабами, упившимися вином.

Халис. Мой отец – сильный воин, но не царь.

Ходжистэ. Как стройны твои обнаженные ноги!

Халис. Я тебя знаю. Я тебя видел.

Ходжистэ. Где? Когда? Я тебя не помню.

Халис. Я видел тебя нынче ночью во сне.

Ходжистэ. Ты очень глупый или очень мудрый. (Смеется.)

Халис. Ведение мудрого – безумие для неразумного.

Ходжистэ. Но ты-то в этом что понимаешь, милый отрок? Вот приближается ночь. Если никто не пустит вас ночевать к себе в дом, твои ноги будут дрожать от холода. Возьми этот плащ. Покройся им и во сне опять постарайся увидеть меня. (Дает Халису свой плащ. Говорит отцу.) Отец, возьми этого человека на службу. Он будет верен тебе.

Киноджа. Ты – умная. Ты смотришь на человека и видишь его мысли и желания. Душа человека открыта перед тобою, и ты видишь, что он будет верен.

Ходжистэ, застыдившись от похвалы отца и улыбаясь, уходит за чертог.

Киноджа. Пусть этот человек служит мне. Да будет он стражем моего чертога.

Камру (падая ниц перед царем). Благодарю тебя, великий царь. Благоволение царя

Собрание пьес. Книга 2. Фёдор Сологуб sologubfyodor.ru
пламенно и страшно, но ты будешь доволен моею службою.

Киноджа уходит в чертог.

Халис (отцу). Я люблю царевну.

Камру. Что это за безумие! Разве возможно, чтобы нищий породнился с великим царем?

Халис. Не знаю, хорошо ли, что я утаил от нее... Но она дала мне плащ.

Камру. Что ты утаил от нее?

Халис. Я не сказал ей, что добрая женщина дала нам приют на эту ночь.

Камру. Зачем царевне знать об этом? Она только посмотрела на тебя, и ушла, и уже забыла.

Халис (любуюсь подарком царевны, повторяет). Она дала мне свой плащ.

Камру. Иди к той доброй женщине, которая дала нам приют на эту ночь, и скажи матери, что я должен остаться здесь на страже у царского чертога. Спи спокойно и забудь о царевне.

Халис. Лучше мне умереть, чем забыть о ней.

Камру. Друг мой, я слышал, спросили однажды у великого мудреца: «Что такое любовь?» И мудрец ответил: «Любовь, это как бы смерть при жизни».

Халис. Сладостная смерть! Ах, лучше умереть любя, чем жить без любви.

Медленно уходит. Все гости уже ушли. Огни пиршества гаснут. Камру становится на стражу. Киноджа выходит на кровлю. Смотрит вокруг. В чертоге у двери стоит Ходжистэ, притаившись, и слушает.

Киноджа. Страж, скажи мне, отчего я не могу заснуть.

Камру (низко поклонившись царю). Если царь будет спать ночью, у него не останется времени для поклонения Богу.

Киноджа. Но я и днем не спал.

Камру. Если царь будет спать днем, то пострадают его подданные.

Киноджа. Когда я им нужен, они хотели бы, чтобы я судил их и днем, и ночью. И тогда они смотрят на меня и судят меня еще строже, чем я их сужу. Когда они мне нужны, они были бы рады, если бы я спал круглые сутки. Когда я тревожу их, они ропщут и готовы были бы усыпить меня навеки. Они не могут обойтись без людей, которые за них думают, сражаются и молятся. А для поклонения Богу иная минута святее целого дня. Нет, страж, я не сплю по иной причине.

Камру. Великий царь, ты ждешь того, кто приходит внезапно. Но не тревожься, – я на страже, никто не войдет в твой чертог и не похитит твоих сокровищ.

Киноджа. От проходящего внезапно никто не остережется.

Издали доносится угрожающий голос:

– я иду! И кто из людей заставит меня вернуться?

Киноджа. Страж, ты слышишь этот голос?

Камру. Я слышал этот голос, когда с женою и с сыном шел в твой славный город. Жена и сын думали, что я знаю, чей это голос, и спрашивали меня. Кто знает хотя немного, того спрашивают обо всем. Но я ничего не мог сказать им. Я знаю мой долг и не допытывался, что это за шум. Но если ты, царь, повелишь мне, я тотчас узнаю, кто это, и доложу об этом двору, населенному рабами святейшего закона.

Собрание пьес. книга 2. Фёдор Сологуб sologubfyodor.ru
Киноджа. Иди узнай и скажи мне. Только мне, – никому иному не надо знать.

Камру уходит. Киноджа окутывает тело и лицо черным покрывалом, поглощающим всякий свет. Становится незрим. Идет вслед за стражем. Ходжистэ выходит на кровлю. Слышен голос:

– Я иду! Кто меня задержит?

Входят Халис, несет в глиняной посуде пищу для отца, и Чундер, несет в глиняном кувшине воду для мужа.

Халис. Отец, где ты?

Ходжистэ. Твой отец ушел в пустыню прогнать духа, который тревожит великого царя.

Халис (испуганно и радостно). Здесь прекрасная царевна.

Халис и Чундер кланяются царевне.

Ходжистэ. И мой отец ушел в пустыню. Ушли сильные, остались женщины и дети.

Чундер. Царевна, сын мой заменит отца на страже. Он силен и верен, как и его отец, и пока отрок здесь, ты, царевна, ничего не бойся.

Ходжистэ. Я никогда не боюсь. Меня не научили страху. (Халису.) Милый отрок, иди за твоим отцом и помоги ему охранять в пустыне великого царя. Ужасны и неодолимы тайные силы, но страхи бегут от того, кто чист и непорочен.

Халис кланяется царевне до земли и уходит. Чундер садится на ступени. Ходжистэ смотрит вдаль.

Ходжистэ. Кто за себя не боится, тот вдвое боится за другого. Я боюсь за отца и за милого, ты – за мужа и за сына. Одна тоска в наших сердцах.

Чундер. Царевна, а кто же твой милый и где он?

Ходжистэ. Все дальше, все дальше уходит.

Чундер. А кто же он?

Ходжистэ. Женщина, ты слишком любопытна. Скажи мне лучше утешительную сказку.

Чундер. Если хочешь, милая царевна, я расскажу тебе о том, как один...

Луна восходит над чертогом, полная и ясная. Серебристый туман заволакивает все предстоящее, и не слышно слов утешительной сказки. Отходит от чертога действие и влечется в пустыню.

Действие второе

Пустынное поле. Перекресток двух тихих дорог. Полная луна светит ярко и смотрит, любопытная, как беременная женщина. Див с темным, но прекрасным лицом стоит в тени цветущего и благоухающего истомно дерева и кричит страшным голосом:

– Я иду! Кто заставит меня вернуться?

Входит Камру. За ним Киноджа в черном плаще, поглощающем всякий свет.

Камру. Прекрасный и великий Див, почему ты говоришь эти страшные слова?

Див. Я – ангел смерти.

Каиру, мгновенно ужаснувшись, падает на лицо свое, кланяясь Диву. Но мужество воина тотчас же возвращается к нему. Он поднимается и говорит с Дивом, как человек, всегда готовый встретить смерть.

Камру. Путь перед тобою свободен. Отчего же ты медлишь на этом перекрестке и с

кем ты споришь?

Див. От многих душ исходящие незримые нити держат на земле того, к кому я послан, но и эту сеть я разрушу, как легкую паутину.

Камру. Чем же ты умерщвляешь?

Див. Взором моим и голосом я зову душу, которой настал срок расстаться с телом.

Камру. Куда ты идешь?

Див. Я иду в чертог царя Киноджи.

Камру. Чертог великого царя охраняется крепко.

Див. Дни царя истекают, и я иду, чтобы взять его душу и отнести ее к превысокому престолу.

Камру. Я должен вернуть тебя обратно. К господину моему не пущу тебя, страшный.

Див. Никакою силою меня не вернешь и не остановишь.

Камру. Дам тебе многоценный выкуп за душу господина моего.

Див. Ты слишком смело обещаешь. Когда ты узнаешь, чего я требую, ты откажешься.

Камру. Я дам все, чего ты потребуешь.

Входит Халис.

Халис. Отец, что ты делаешь в этом мрачном месте? В первую же ночь ты оставил порог высокого чертога! Ты забыл о царе, и царевна в тревоге и в страхе. Что подумает царь, если узнает, что ты ушел?

Камру. Я спорю с этим духом о душе моего великого господина.

Див. Разве есть еще верность на земле? Везде, куда я приходил, я видел, что люди торопятся пасть к ногам нового господина. Один только ты хочешь сохранить сочные дни и умножить дни обреченного моему мечу.

Камру. Скажи, какой ты возьмешь выкуп.

Див. Чтобы я оставил душу твоего господина в его теле, ты хочешь принести великую жертву. Подумай, – если царь умрет, тебя и другой царь не прогонит. Тот, кто служит, ни о чем ином не думая, нужен каждому властелину, как бы тот ни именовался. Тебе, нищему, не все ли равно, кому ты служишь? У тебя нет дома и нет родины.

Камру. Я верен моему господину, потому что я верен моему слову. Я должен вернуть тебя обратно.

Див. Если ты за душу великого царя отдашь мне душу твоего сына, я вернусь, и царь избегнет смерти.

Киноджа (радостно). Я избегну смерти.

Среди лунного сияния над безлюдными дорогами и над пустынею он один окутан мраком, и слова его поглощены окружающим его молчанием и тьмою.

Камру (радостно). Великий царь избегнет смерти!

Халис. Царевна для меня недоступна. Лучше мне умереть за великого царя, ее отца, чем жить вдали от прекрасной царевны Ходжистэ.

Камру (Диву). Я отдам тебе и мою жизнь, и жизнь моего сына.

Див. Твоей жизни мне не надо. Довольно одной. Избыток жертв уменьшает их цену. Отдай мне только жизнь Халиса.

Камру. На твоих глазах я принесу его в жертву. Халис, милый сын мой, единственное мое сокровище, готов ли ты умереть за господина нашего Киноджу, великого царя?

Халис. Великий и справедливый царь дорог для всех. Он любит своих, он милостив к чужим. Счастье народа истекает от великого царя. Умереть за доброго царя хорошо, добрый царь сохраняет мир среди своего народа. Если умрет справедливый царь, ему может наследовать владыка жестокий, и от его злобы погибнут тысячи людей, ему подвластных, и вся страна превратится в пустыню. А потому будет разумно и справедливо, если ты, отец, убьешь меня.

Киноджа. Отрок рассуждает разумно. И что нищему мальчику долгая жизнь! А за его верность и за его жертву я щедро награжу моего стража. Денег и других сокровищ в казне моей много.

Камру связывает Халису руки и ноги и вонзает нож в его грудь. Халис вскрикивает.

Халис. Ходжистэ! (Стонет. Умирает.)

Киноджа. Умирая, вспомнил он ласковый взор прекрасной госпожи. Счастливый отрок!

Див. Царь останется на земле, пока сам не призовет меня.

Киноджа. Этого ты не дожدهшься. (Поспешно уходит.)

Див. Змея, живущая в огне, вознесет твоего сына. (Скрывается.)

Камру. Я знаю Змею, живущую в огне. Она обовьет тело моего сына и вознесет его высоко над землю, – дымом и пеплом вознесет его милое тело. (Поднимает тело Халиса и уносит его.)

Действие третье

Сени чертога, как в первом действии. Луна светит. Ходжистэ, на полную луну, как родная сестра, прекрасным лицом дивно похожая, и Чундер разговаривают.

Ходжистэ. Прекрасный отрок – твой сын, женщина, и я полюбила его. Но нельзя мне быть его женою. О, лучше бы я была рабыней! Рабынь в доме великого царя хорошо кормят и не обременяют многою работою, и я могла бы стать женою твоего сына, если бы он захотел меня. Но кто из юных, посмотрев на меня однажды, не пожелал бы моей любви!

Чундер. Слушай, госпожа, – у одного царя была дочь необычайной красоты.

Ходжистэ. Красивее меня?

Чундер. Красивее тебя, госпожа, нельзя быть. И никогда не было никого красивее тебя и не будет. Царевна, о которой я говорю, была почти так же прекрасна, как и ты. В нее влюбился дервиш.

Ходжистэ. Безумный! Разве возможно, чтобы нищий породнился с царем?

Чундер. Дервиш пришел к царю и сказал ему: «Царь, отдай мне твою дочь, я люблю ее».

Ходжистэ. А она любила его?

Чундер. Нельзя не полюбить того, кто любит.

Ходжистэ. Что же отвечал дервишу царь?

Чундер. Царь сказал: «Приведи мне слона, нагруженного золотом, тогда я отдам тебе дочь».

Ходжистэ. Царь посмеялся над бедным дервишем.

Чундер. Дервиш пошел к райрайяну, и дал ему райрайян слона и столько золота,
Страница 228

Собрание пьес. Книга 2. Фёдор Сологуб sologubfyodor.ru
сколько может поднять самый сильный слон.

Ходжистэ. И дервиш получил царевну?

Чундер. Царь сказал: «Слон стар, и золото нехорошее. Знаю, райрайян дал тебе слона и золото. Принеси мне голову райрайяна, и отдам тебе мою дочь».

Ходжистэ. Бедный дервиш!

Чундер. Пошел дервиш опять к райрайяну. И сказал ему райрайян: «Обмотай веревку вокруг моей шеи, веди меня к царю и скажи: „Я принес голову вместе с ее телом“. Если царь согласится взять ее, отрежь мою голову и отдай ему».

Ходжистэ (всплеснув руками, как простая девушка, пораженная изумлением). Никто в этом мире не превзойдет великодушием райрайяна!

Чундер. Дервиш привел на веревке райрайяна к царю. И тогда царь послал задочерью и сказал райрайяну: «Это – твоя рабыня, отдай ее, кому хочешь».

Ходжистэ. И райрайян взял ее себе?

Чундер. Райрайян отдал ее дервишу.

Ходжистэ. Счастливый дервиш!

Чундер. Царевна, если ты любишь моего сына и если он любит тебя – а тебя нельзя не любить, – обратитесь к мудрому и благому, и он поможет вам.

Ходжистэ. Кто мудр и кто благ?

Киноджа вернулся. Снимает поглощающий всякий свет плащ и выходит на кровлю. Ходжистэ уходит в чертог, таится за дверью и слушает. Входит Камру. Кланяется царю низко.

Камру. Да умножатся богатства, честь и пышность великого царя! Да продлятся дни царя, великого источника всяких благ!

Киноджа. Скажи мне, что это был за голос?

Камру (почтительно сложив руки на груди). Некая женщина дивной красоты, поссорившись со своим мужем, оставила свой дом. Она сидела там на земле, на перекрестке двух путей, не зная, куда ей идти, и громко причитала. Но я утешил ее тихой речью и восстановил мир и согласие между нею и ее мужем. И теперь эта женщина обещала не оставлять мужа до самой его смерти.

Киноджа. Ты рассказал мне притчу, но я знаю ее смысл, и напрасно хочешь ты его скрыть от меня.

Камру (падая ниц перед царем). Иносказание – прозрачная для мудрого взора одежда истины.

Киноджа. Когда ты по моему повелению ушел отсюда, я облекся черным плащом и пошел вслед за тобою. Я слышал все, что ты говорил с тою женщиною, и видел, что ты сделал с твоим сыном. Не женщина то была, – то был див умерщвляющий, посланный за моею душою. За душу мою он потребовал выкуп, душу твоего сына, и ты согласился дать этот выкуп, чтобы спасти мою жизнь. И когда твой нож прервал дыхание жизни твоего сына...

Ходжистэ вскрикивает.

Киноджа (спокойно продолжает, точно и не слышал этого крика). Я увидел вашу любовь и верность ко мне и вот говорю тебе: мудрый, и верный, и знающий многое, ты все же был нищ и мал. Ты испытывал крайнюю нужду и пренебрежение богатых и сильных, и этим всегда было огорчено твое сердце. Отныне успокоится твой дух, и я сделаю тебя богатым и знатным. Сын же твой, – о нем не печалься, он восстанет, и ты увидишь его в славе и величии.

Ходжистэ выходит и плачет громко.

Ходжистэ. Милый отрок погиб! Горе мне, горе!

Чундер. Сын мой погиб! Горе мне, горе горькое!

Камру. Погиб отрок, но зато жив великий царь.

Киноджа. О сыне вашем чистые воспоминания останутся у вас, и незапятнан ничем будет образ его.

Ходжистэ. За тебя, отец, погиб милый отрок. И если завтра Див явится снова, и потом опять, не погибнет ли за одного весь народ?

Киноджа. Я принял жертву, потому что отрок по доброй воле принес ее мне.

Действие четвертое

Двор перед чертогом царя. Лестница в чертог. Наверху ее на площадке приготовлено высокое царское место. Раннее утро. Солнце только что взошло. Лучи его еще не ярко, но празднично ясно озаряют всю сцену. Немного отступя от середины лестницы, на дворе разложен костер. Огоньки только что начали выбегать из-под перепутанных тонких и сухих стволиков. Слуги время от времени приносят новые охапки хвороста и подбрасывают их в костер. Тело Халиса лежит у костра. Ходжистэ плачет над ним, и рядом с нею плачет Чундер. Собрались правители, князья, ученые. Киноджа на царском месте. Синклит властей внимает его рассказу. Камру стоит на страже у чертога.

Киноджа (продолжая говорить). Так спас мою жизнь верный мой слуга. Для спасения царя он не пожалел и сына своего отдать в жертву темной силе. Камру, мой верный слуга, отныне ты будешь моим великим визирем. Ключи от моей казны доверяю тебе.

Джафар. А я? Великий царь, я служил тебе со всем усердием, не жалея ни трудов, ни сил, ни здоровья. Или ты забыл мою верную службу? Или все мои труды вменяешь ты ни во что?

Киноджа. Тому, кто в силе, все служат верно и с усердием, а кто обманывает сильного владыку, тот теряет вместе с головою жизнь. Я оставляю тебе твою мудрую голову, и от тебя возьмут только облачение визиря. Перед высокою властью не все ли подвластные равны? Ты, как и все, в этой стране живущие, раб мой, и весь ты в воле моей. Ныне, раб среди рабов, войди в толпу слуг моих. Ближе других стань к моему высокому престолу, чтобы я всегда мог слышать твои мудрые советы. А золотую цепь, и ключи золотые, и золотом шитый плащ сними и отдай ему, моему верному Каиру, которого я из стражей моего чертога возвожу в великие визири.

Джафар (ворчит). Из грязи да в князи.

Рабы подходят к Джафару, снимают с него цепь и злато-шитый плащ, а от пояса отвязывают золотые ключи. И делают все это с рабским злорадством и с гнусным смешком. Цепь и плащ надевают на Камру и ключи передают ему. Камру, облеченный знаками своего нового достоинства, склоняется перед царем. Костер разгорается. Халиса рабы кладут на костер. Перед костром возникает Див. Пламя костра стелется по земле, весь костер обволакивается густым дымом.

Див (повелительно). Царь, отдай Халису дочь свою, Ходжистэ, прекраснейшую из дев земных.

Киноджа. Халис мертв. Как мертвому отдам я мою дочь, прекраснейшую из дев земных?

Див. Царь, отдай ему твою дочь.

Киноджа. Тело его сгорит. Как я отдам мою дочь развеянному по ветру пеплу?

Див. Царь, отдай ему твою дочь.

Ходжистэ. Отец, отдай меня в жены милому отроку. С ним вместе взойду на костер, где великая пламенеет любовь, достойная дочери великого царя.

Собрание пьес. книга 2. Фёдор Сологуб sologubfyodor.ru
Из дыма возникает пламенем одетая Змея, живущая в огне.

Змея. Царь, дочь твоя принадлежит мне. Душу свою она отдала этому милому отроку в тот зачарованный миг, когда подарила ему свой плащ.

Киноджа. Ты говорила с отроком? Ты что-то подарила ему?

Ходжистэ. Да, я подарила милому отроку мой плащ, потому что он был полунаг и дрожал от холода, и его стройные ноги были обнажены. Я отдала ему мой плащ и вместе с плащом отдала ему мою душу. Отец, отпусти меня к милому моему.

Киноджа. Пламенной вести кто смеет не верить? Приходящему в огне надо повиноваться. Дочь моя, иди к тому, кому ты отдала свою душу. Узнает мудрая змея, что сильнее, огонь ли погребального костра, роса ли твоих слез. Огонь ли упадет на землю своим же задушенный дымом, тела ли ваши распадутся в бешеной игре стихийных сил.

Ходжистэ подходит к костру. Дым обнимает ее. Она колеблется, дрожит, закрывает глаза рукою и потом, вдруг рванувшись, бросается к костру.

Змея. Ты – моя добыча. Почему же ты пришла ко мне добровольно отдать свою душу? Я больше люблю, когда жертва плачет, и не хочет, и сопротивляется, и ее влекут ко мне силою.

Ходжистэ. Я иду к моему милому.

Дым разрывается на клочья, уносимые ветром. Костер ярко пылает. Из пламени выходит Халис. Лицо его радостно, кудри, как ветром колышимое пламя, и одежда легка и бела, как влажный и туманный дым.

Змея. Испепеленный ли восстанет? Добыча моя!

Ходжистэ наступает ногою на ее голову. Змея шипит и вдруг рассыпается золотыми искрами. Костер быстро вспыхивает необычайно ярко, и вдруг сильным порывом ветра весь пылающий хвост разносится и исчезает в воздухе. Солнце сияет ярко. Халис обнимает свою Ходжистэ.

Киноджа. Восстал отрок. Что же мне делать? В душе моей – великое смятение.

Джафар. Не всякий ли, живущий на этой земле, раб неведомой и темной силы? Он восстал из огня, он, который спас тебе вчера жизнь. Знаешь ли ты пределы его чар и его могущества? Чтобы не было тебе от него или от его покровителей великого зла, поспеши, возведи его на твое высокое царское место, пусть царствует он, а ты, бывший царь, наслаждайся покоем.

Киноджа. Змеиною мудростью внушена тебе твоя речь. Но счастлив тот, кто и змеиный голос в должный срок услышит. Халис, отныне – ты царь в Табаристане.

Среди общего изумления и волнения сопровождаемый разнообразными восклицаниями Киноджа сходит с престола и удаляется в чертог. Халис и Ходжистэ восходят на царское место. Минута затаившегося в тишине внимания сменяется общим ликованием. Народ так радуется перемене власти, как будто сам участвует в этом и к власти причастен.

<Не позднее 1921>

Приложение
Призывающий Зверя
I

Было тихо, спокойно, не радостно и не грустно. Стены казались несокрушимыми. Окно скрывалось за тяжелыми, темно-зелеными в тон обоям на стенах, только гораздо темнее их, занавесами. Обе двери, – и большая, в боковой стене, и маленькая, в глубине кабинета, против окна, – были крепко закрыты. Замкнуты. И там, за ними, – хорошо помнил это Гуров, – было темно и пусто, – и в широком коридоре, и в скучной, просторной и холодной зале, где тосковали разлученные с родиною грустные растения.

Собрание пьес. книга 2. Фёдор Сологуб sologubfyodor.ru
Гуров лежал на низком диване. В руках была книга. Читал. Медленно. Часто отрывался от чтения. Думал, мечтал, – все о том же.

Все о них.

Они были около него. Это он уже давно замечал. Таились. Неотступно стояли близко. Шелестели тихохонько. Но долго не являлись его глазам.

А на днях, когда Гуров проснулся вялый, тоскующий, бледный и лениво повернул выключатель электрической лампы, чтобы прогнать дикий мрак зимнего раннего утра, – он вдруг увидел одного из них.

Маленький, серенький, зыбкий и легкий, мелькнул вдоль изголовья, пролепетал что-то – и скрылся.

И потом, то утром, то к вечеру, пробежали перед Гуровым маленькие, зыбкие, – домашние нежити.

И уже сегодня он ждал их уверенно.

Временами начинала слабо, едва заметно, болеть голова. Временами становилось вдруг холодно или вдруг жарко. И тогда выбегала из угла длинная, тонкая Лихорадка с некрасивым желтым лицом и костлявыми сухими руками, и ложилась рядом, и обнимала, и принималась целовать и смеяться. Но и эти быстрые поцелуи ласковой хитрой Лихорадки, и эти медленные приступы легкой головной боли были приятны.

Слабость разливалась во всем теле. И усталость.

Гуров уже несколько дней никуда не выходил. Замкнулся дома. И к себе никого не пускал. Сидел один. Думал о них. Ждал их.

Усталость разливалась в теле, – но и она была так же приятна. Казалось, что все буйство жизни отошло далече. Люди стали далеки, не любопытны, не нужны совсем. Хотелось быть с ними, с этими тихими, здешними, с нежитями.

II

Странно и неожиданно прервалось томное ожидание. Стукнула далекая дверь, – и в зале за дверью Гуров услышал неторопливые шаги. Кто-то шел там, приближаясь, ступая уверенно и легко.

Гуров повернул голову к двери. Повеял холод. Перед ним стоял мальчик дикого, странного вида. В полотняном плаще. Полуобнаженный. С голыми ногами. Очень смуглый. Загорелый весь. Черные выщипанные волосы. Черные, яркие глаза. Дивно правильное, прекрасное лицо. Столь прекрасное, что было страшно смотреть на его красоту. Не доброе, не злое.

Гуров не удивился явлению мальчика. Какое-то властительное чувство захватило его. И было слышно, как притаились, попрятались маленькие домашние нежити.

И сказал отрок:

– Аристомах! Или забыл ты свое обещание? Так ли поступают доблестные люди? Ты ушел от меня, когда я был в смертной опасности, ты обещал мне то, чего, видно, не захотел исполнить. И я так долго искал тебя, и вот нахожу тебя пребывающим в праздности, в роскоши утопающим.

Гуров смотрел в недоумении на отрока, полуобнаженного и прекрасного, и смутные воспоминания пробуждались в его душе. Что-то давно погребенное восставало неясным очерком и томило память, не находящую разгадки странного явления, разгадки, которая казалась, однако, столь близкою и родною.

И где незыблемость стен? Что-то происходило вокруг, – какая-то свершалась перемена. Но Гуров, поглощенный тщетными усилиями вспомнить что-то, и близкое, и ускользающее из цепких объятий древней памяти, еще не успел осознать уже чувствуемой им перемены. И он спросил дивного отрока:

– Милый мальчик, скажи мне ясно и просто, без лишних упреков, что я тебе обещал

Собрание пьес. книга 2. Фёдор Сологуб sologubfyodor.ru
и когда я оставил тебя в минуту смертной опасности? Я же клянусь тебе всем святым, что моя честь никогда не позволила бы мне такого черного поступка, как тот, в котором ты меня почему-то упрекаешь.

Отрок покачал головой. Звучным голосом, подобным мелодичному рокоту струн, он сказал:

– Аристомах, ты всегда был искусен в словесных упражнениях и столь же искусен в делах, требующих отваги и осторожности. Если я сказал, что ты оставил меня в минуту смертной опасности, то это я сказал не в упрек, и я не понимаю, зачем ты говоришь о твоей чести. Замышленное нами дело трудно и опасно, но кто же нас слышит теперь, перед кем ты мог бы хитросплетенными словами и притворным забвением того, что свершилось сегодня утром, перед солнечным восходом, доказать, что ты не давал никакого мне обещания?

Свет электрической лампы становился тусклым. Потолок казался темным и высоким. Пахло травой, название которой забылось, но было когда-то столь нежно и радостно. Веяло прохладой.

Гуров встал. Спросил:

– Какое же дело мы с тобою замыслили? Милый мальчик, я ничего не отрицаю, – я только не знаю, о чем ты говоришь. Я не помню.

И казалось Гурову, что отрок смотрит на него и не на него. Как будто бы здесь есть кто-то другой, такой же дивный и нездешний, как и этот странный пришлец, – и как будто дивное тело этого другого отчасти совпадает с телом Гурова. Как бы чья-то древняя душа навлекалась на Гурова и облекала его давно утраченную свежестью вешних восприятий.

И темнело вокруг, и становилось свежее и прохладнее в воздухе, – а в душе воздвигалась радость и легкость первоначального существования. И яркие загорались в черном небе звезды.

Говорил отрок:

– Мы должны были убить Зверя. Вот, это я тебе говорю здесь, под многоокими взорами всевидящего неба, если ты сам смутился от страха. И как не быть страху! Воистину, великое и страшное затеяли мы дело, чтобы славою увенчались в далеких поколениях наши имена.

Тихо, однозвучно и робко журчал в ночной тишине ручей. Не видно его было, но отраднo чувствовалась его утешительная близость и свежесть. Под широкою сенью дерева стояли они и продолжали разговор, начатый некогда.

И спросил Гуров:

– Зачем же ты говоришь, что я оставил тебя в минуту смертельной опасности? Кто я такой, чтобы устрашиться и бежать!

Отрок засмеялся. Как музыка звучал его смех, и мелодичны были звуки его ответа, звуки, пронизанные сладким смехом:

– Аристомах, как искусно притворяешься ты забывшим все! Не понимаю, для чего ты это делаешь, и делаешь с таким великим мастерством, что даже сам взводишь на себя упреки, о которых я и не думал. Ты оставил меня в минуту смертной опасности потому, что так же ведь и надо было, и ты не мог помочь мне иначе, как покинув меня в эту минуту. Или ты станешь упорствовать в своем отрицании и тогда, когда я напомню тебе слова оракула?

Гуров сразу вспомнил. Точно яркий свет пролился в темную область забытого. И в диком восторге, громко и радостно воскликнул он:

– Один убьет Зверя!

Отрок смеялся. И спросил Аристомах:

– Ты убил Зверя, Тимарид?

– Чем? – воскликнул Тимарид. – Как ни сильны мои руки, но я не тот, кто мог бы убить Зверя ударом кулака. Мы были неосторожны, Аристомах, и безоружны. Мы играли на прибрежном песке. И Зверь напал на нас внезапно, и на меня наложил свою тяжкую лапу. Мне надлежало принести мою жизнь в сладостную жертву славе и высокому подвигу, а тебе – докончить наше дело. И пока Зверь терзал бы мое тело, беззащитное и незащищающееся, ты мог бы успеть, быстроногий Аристомах, принести свое копьё, умертвить пьяного от крови Зверя. Но Зверь не принял моей жертвы. Я лежал перед ним, спокойный и неподвижный, глядя прямо в его налитые кровью глаза. Он держал на моем плече тяжкую свою лапу, дышал горячо и неровно и тихо ворчал. Потом широким жарким языком лизнул мое лицо и отошел.

– Где же он? – спросил Аристомах.

Странно спокойным и странно, в тихой неподвижности влажного воздуха, звучным голосом ответил Тимарид:

– Он шел за мною. Не знаю, как долго мне надо было пройти, пока я нашел тебя. Он шел за мною. Я приманивал его запахом моей крови. Не знаю, почему он до сих пор не тронул меня. Но вот я приманил его к тебе. Достань же оружие, которое так искусно ты спрятал, и убей Зверя, а я в свою очередь уйду от тебя и оставлю тебя одного в минуту смертельной опасности, с глазу на глаз с разъяренным Зверем. Будь счастлив, Аристомах.

И, сказав это, Тимарид бросился бежать. В темноте недолго мелькал его белый плащ. И вот уже он скрылся.

И в тот же миг раздалось страшное рыкание Зверя и послышалась его тяжкая поступь. Раздвигая кусты, показалась в темноте громадная уродливая голова Зверя, сверкнули багровым огнем два огромные пламенные глаза. И на темном молчании ночных деревьев, темный и свирепый, приблизился Зверь к Аристомаху.

Ужас наполнил сердце Аристомаха.

«Где же копьё?» – краткая мелькнула в голове его мысль.

И в ту же минуту, быстрое почувствовав на лице своем веяние ночного свежего воздуха, догадался Аристомах, что он бежит от Зверя. Тяжелые прыжки Зверя и его прерывистое рыкание раздавались все ближе и ближе за Аристомахом.

И уже когда Зверь настигал его, громкий вопль рассек ночную тишину. И возопил Аристомах. И, вспоминая древние и страшные слова, громко произнес заклятие стен.

И, заклятые, воздвиглись вокруг него стены...

III

Заклятые, незыблемо и светло стояли стены. И неживой отражался на них свет мертвой электрической лампы. И все обставшее Гурова было обычно и просто.

И опять легкая приходила Лихорадка, и целовала желтыми сухими губами, и ласкала сухими костлявыми руками, рассыпающими жар и холод. И опять слегка болела голова. И та же была книга, маленькая и скудная, с белыми страницами, на столике около дивана, на котором по-прежнему спокойно лежал Гуров, нежась в объятиях ласковой Лихорадки, осыпaeмый ее быстрыми поцелуями. И опять около него, маленькие, смеялись и шелестели домашние нежити.

Гуров сказал громко и равнодушно:

– Заклятие стен.

И остановился. Но в чем же это заклятие? Забыл слова. Или их и не было?

Маленькие нежити, зыбкие, серенькие, плясали вокруг маленькой книги с мертвенно белыми страницами и шелестинными голосочками повторяли:

– Наши стены крепки. Мы в стенах. Не придет к нам цепкий внешний страх.

Но посреди их стоял один, такой же маленький, но непохожий на них. Он был весь

Собрание пьес. книга 2. Фёдор Сологуб sologubfyodor.ru
черный. Одежда его струилась дымно-пламенными складками. Глаза его исторгали яркие молнии. И от этих молний острый озноб потрясал тело Гурова. И становилось вдруг страшно и потом опять радостно.

И спросил Гуров:

– Кто ты?

Черный гость ответил:

– Я – Призывающий Зверя. На берегу лесного ручья оставил ты, в давно минувшем переживании твоём, растерзанное тело Тимарида. Зверь насытился прекрасным телом твоего друга, – он сожрал плоть, которая должна была в себе вместить полноту земного счастья; дивное совершенство человеческого, – и более чем человеческого, – образа погибло, чтобы на миг насытить голодного и всегда ненасытного Зверя. И кровь, дивная кровь, божественное вино счастья и веселости, вино блаженств более чем человеческих, – где эта дивная кровь? Увы! – жаждущий, вечно жаждущий Зверь мгновенно упился ею и снова жаждет. Растерзанное Зверем тело Тимарида оставил ты на берегу лесного ручья, – ты забыл обещание, данное тобою твоему доблестному другу, и слова древнего оракула не отогнали страха от твоего сердца. И ты думаешь, что ты спасся, что Зверь не найдет тебя?

Жестко звучали его слова. И пока он говорил, прекратилась понемногу пляска домашних нежитей, – остановились маленькие, серенькие нежити и слушали Призывающего Зверя. И сказал Гуров:

– Что мне до Зверя! Я заклил навеки мои стены, – и Зверь не проникнет ко мне, в мою ограду.

Серенькие обрадовались и зазвенели, засмеялись, и уже готовились начать снова свою веселую пляску, и уже взялись за руки, и опять стали в кружок, – но Призывающей Зверя заговорил снова, и резки и суровы были звуки его голоса. И он сказал:

– Но вот я здесь. Я здесь, потому что я нашел тебя. Я здесь, потому что умерло заклятие стен. Я здесь, потому что Тимарид ждет и неустанно вопрошает. Слышишь нежный смех доблестного и доверчивого отрока? Слышишь грозное рыкание Зверя?

За стеною раздавалось, приближаясь, грозное рыкание Зверя.

– За стеною рычит Зверь, за незыблемою стеною, – в ужасе восклицал Гуров, – стены мои заклеты навеки, и ограда их нерушима.

И сказал Черный, – и повелительно было выражение его слов:

– Говорю тебе, человек, умерло заклятие стен. И если хочешь спасти себя заклятием стен, – ну что же, скажи это заклятие!

Острый озноб вдруг пронизал все тело Гурова. Заклятие! Но забыты слова древнего заклятия. Да и не все ли равно! Умерло, умерло древнее заклятие!

И все предстоящее говорило с неотразимою убедительностью, что умерло древнее заклятие стен, – потому что и стены, и свет, и тени, – все стало мертвым и зыблемым.

Призывающий Зверя говорил страшные слова. И кружилась и болела голова у Гурова, и томила своими жаркими поцелуями неотступно ласкающая Лихорадка. Страшные слова звучали, почти не доходя до сознания, – а Призывающий Зверя становился все больше и больше, – и зноем веяло от него, и страхом. Глаза его метали огонь, – и когда он стал уже такой высокий, что заслонил свет лампы, – вдруг черный плащ упал с его плеч. И узнал его Гуров, – это был отрок Тимарид.

– Ты убьешь Зверя? – спросил Тимарид нежным голосом. – Вот, я призвал его, я привел его к тебе, я разрушил заклятие стен. Древнее заклятие стен, коварный дар враждебного божества, – это обращало в ничто мою жертву, это оно заслоняло от тебя твой подвиг. Но вот умерло древнее заклятие стен, – возьми же скорее свой меч, убей Зверя. Я был только отроком, – я стал ныне Призывающим Зверя, – моею кровью я напоил Зверя, и он жаждет снова, и моею плотью я напитал Зверя, и он

Собрание пьес. книга 2. Фёдор Сологуб sologubfyodor.ru
опять голоден, ненасытный, жестокий Зверь. И вот, к тебе я призвал его, и ты, во
исполнение своего обещания, убей Зверя. Или умри.

Исчез. Страшное рыкание потрясло стены. Холодную повеяло сыростью.

И стена, прямо против того места, где лежал Гуров, разверзлась, и вышел свирепый
громадный уродливый Зверь. Со свирепым рычанием подошел он к Гурову, тяжелую на
его грудь положил лапу. И прямо в сердце вонзились беспощадные когти. Страшная
боль пронизала тело. Сверкая кровавыми глазами, Зверь наклонился к Гурову и, с
треском дробя зубами его кости, стал пожирать его трепещущее сердце.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://sologubfyodor.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы,
недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет
магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных
сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!